

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

КИР БУЛЫЧЕВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

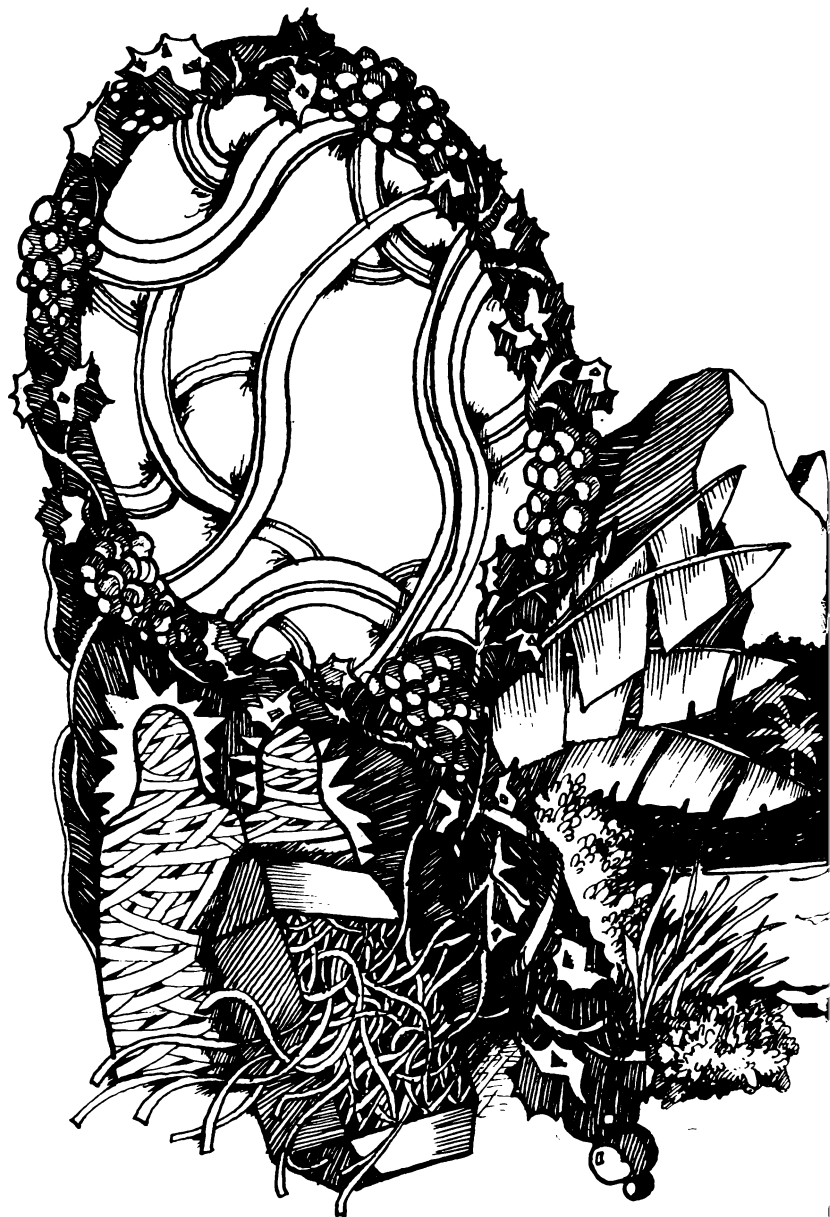

4

ЛОКИД

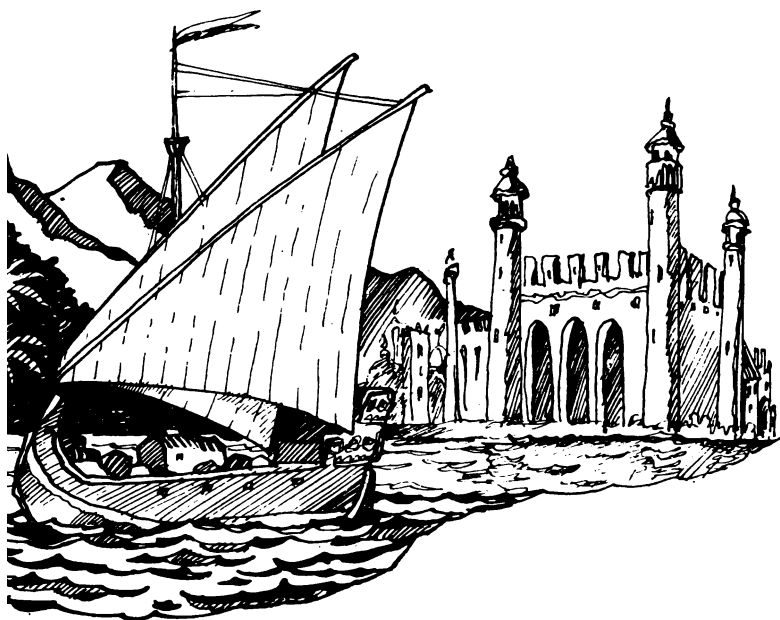

К И Р Б У Л Ы Ч Е В

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗЕРКАЛО ЗЛА

ЛОКИД МОСКВА 1997

ББК 84Р7-4
Б907

Серия основана в 1995 году
Составитель серии *Георгий Хубларов*

Серийное оформление *Анатолия Гусева*
Обложка *Александра Яцкевича*
Иллюстрации *Алексея Таранина*

Булычев К.

Б907 Галактическая полиция: В 4 кн. Кн. 4. Зеркало
Зла: Роман /Сер. оформл. А. Гусева; обл. А. Яцке-
вича; ил. А. Таранина. — М.: Локид, 1997. —
442 с.; ил. — («Современная российская фантас-
тика»).

ISBN 5-320-00162-2

Злодеи прошлого, настоящего и будущего — трепещите! Со-
трудник ИнтерГлола Кора Орват снова в строю. Четвертая
книга эпопеи «Галактическая полиция» популярнейшего рос-
сийского фантаста — продолжение приключений отважной
Коры. Интересы некой звездной империи пересекаются с ди-
настийными тайнами небольшого королевства, таинственная
реликвия оказывается в центре хитро закрученной интриги.
Коре предстоит ее распутать...

ББК 84Р7-4

ISBN 5-320-00162-2

© Издательство «Локид», 1997

ГЛАВА 1

Талисманы империи

Так как визит Второго министра империи Эпидавра и сопровождающего его Лица был совершен втайне, средства массовой информации о прибытии на Землю высоких гостей не сообщали, встреча с ними для Кору была полной неожиданностью.

В тот момент Кора как раз свалилась с доски, на которой неслась, балансируя на сверкающем под утренним солнцем откосе океанского вала, накатывающегося на австралийский пляж неподалеку от города Дарвина. Чуть-чуть качнувшись, Кора потеряла равновесие, доска ушла вбок, волна догнала ее пенистым гребнем, подмяла, закрутила, понесла в смеси соленой воды и мелкого песка, и в этот момент в ухе прозвучал голос ее шефа, комиссара Милодара:

— Третий, немедленно на связь!

Будучи агентом дисциплинированным и исполнительным, Кора тут же ответила:

— Слушаюсь, шеф!

Но вместо ответа комиссар услышал лишь бульканье, шум воды, вливающейся в легкие Кору, и страшно смутился, потому что в тот момент Второй министр и сопровождающее его Инкогнито, именуемое Лицом, внимательно слушали, как комиссар вышел на связь с агентом, и могли подумать то, что

подумал Милодар: Кора Орват проводит время в веселой, легкомысленной компании и вместо ответа вливает в себя кружку пива или даже бутылку вина.

А Кора, естественно, захлебнулась и даже чуть было не потеряла сознания.

Волна продолжала крутить безвольное тело, а вода вливалась в горло девушки. Ошеломленные посланцы Эпидавра замерли с приоткрытыми ртами, потому что не подозревали, что могут существовать гуманоиды, способные столько выпить за один раз.

— Уволю! — закричал Милодар, забыв, что должен оберегать честь своей фирмы. Но и его терпению мог наступить предел. — Этим все они кончают!

— Простите? — спросило Лицо.

— Все они спиваются, скуриваются, снарккоманиваются — нервы, нервишки! Всех заменю роботами!

И как бы в ответ на эту вспышку гнева звуки поглощения влаги прервались.

— Ну вот и слава Богу, — сказал тогда Милодар с отвращением, — напилась.

— Вы нам отыщете другого агента? — спросил деловой Второй министр.

— Разумеется. И куда лучше, чем эта Кора Орват!

Милодар был расстроен. Всегда наступает момент разочарования. Он давно ждал этого момента — разочарования в агенте Коре Орват, лучшем полевом сотруднике ИнтерГпола. Не может так быть — несколько лет сплошных достижений! Тут кто угодно с катушек слетит... Но, может быть, я суров к ней?

С этой мыслью Милодар включил картотеку. Веселые, холодные, грустные, мягкие, жестокие лица агентов мелькали на экране, и комиссар одними губами повторял:

— Не пойдет, не пойдет... не пойдет. — Это были славные разведчики, проходимцы, игроки, убийцы, идеалисты, грабители приютов — кто только не попадает в Галактическую полицию, призванную негласно поддерживать порядок на протяжении сотен парсеков! Но второй Кору среди них не было.

Комиссар заметно загрустил.

Его можно было понять. Он и сам переживал не-
легкий период в жизни, потому что разво-
дился с Джульеттой. Зачем она так сделала... Зачем?

Милодар незаметно для себя углубился в печаль-
ные семейные проблемы и, глядя на экран, на лица
своих сотрудников, вместо них видел лицо Джуль-
етты.

Посланцы Эпидавра хранили гордое и обиженное
молчание. Прием, оказанный столь высоким лицам,
оказался ниже всяческих ожиданий, и, если бы не
крайняя нужда, они бы в прямом смысле хлопнули
дверью.

Разумеется, никто в том кабинете уже не думал о
судьбе Кору, чуть не погибшей из-за несвоевремен-
ного вызова.

Слово «чуть» употреблено здесь не случайно, по-
тому что и на самом деле Кора чудом оказалась жива,
потому что у самой кромки воды, там, куда достига-
ли изможденные от борьбы с берегом языки волн,
сидел кот Колокольчик, верный друг и любимое жи-
вотное Кору Орват. От прочих котов Колокольчик
отличался не только верностью хозяйке и чрезвычай-
ным умом, но и несвойственной котам безрассудной
храбростью.

Колокольчик не выносил, когда Кора каталась на
волнах, поминутно рискуя жизнью, но еще более не
выносил ситуаций, когда не мог ей толком помочь.
Даже кот ростом с ньюфаундленда не может плавать
так, как ему бы хотелось — лапы кота приспособле-
ны для сухопутной жизни.

И тем не менее, судорожно зевнув, что выдавало
крайнее волнение, Колокольчик издал боевой вопль,
который заставил встрепнуться всех купальщиков и
катальщиков на досках и даже разбудил спасателя
Джека Макдональда. Издав вопль, котик кинулся к
воде и в мгновение ока был ею поглощен.

Тут надо отдать должное спасателю Джеку Макдо-
нальду, который, отбросив сон, как фантик от кон-
фетки, в два прыжка оказался у океана. Увидев же
движение спасателя и сообразив, что утонула самая

популярная среди мужского населения этого пляжа девушка Кора, еще сорок мужчин кинулись в громадные волны...

Через три минуты громадный вал вынес на песок бездыханную Кору, бездыханного котика, оглушенного спасателя и большинство молодых людей. Начался громкий спор, откачивать ли Кору здесь или отвезти в больницу в Дарвин, но, к счастью, поблизости оказалась медсестра Таня Найтингейл — далекая родственница и наследница той самой Найтингейл. Таня умело сделала искусственное дыхание сначала Коре, потом котика и, наконец, Джеку Макдональду.

Пока она занималась этим, уговаривая остальных спасателей не толпиться и не перекрывать воздух, она услышала, как вживленный в ухо Кору динамик размером в маковую росинку попискивает человеческим голосом:

— Ты уволена за моральное разложение! Ты слышишь или даже слышать не желаешь?

Таня Найтингейл убедилась, что ее пациентка будет жить, наклонилась к ее уху и прошептала:

— Какой идиот мешает мне работать?

Эти слова прозвучали в кабинете Милодара как гром.

— Что? — спросил Милодар.

Ответа не последовало, потому что Таня уже откачивала котика. Но голос Найтингейл помог Милодару сделать вывод:

— Это не она. Это другая.

— А что это означает? — спросило Лицо.

— А это означает, что ей откусили ухо, — ответил Милодар, не вдаваясь в подробности. — Так перепились, что откусили ухо. Теперь ждите.

— Чего ждать? — спросил Второй министр Империи.

— Все, кому не лень, будут в это ухо говорить, — пояснил Милодар и стал ждать.

Хотя в глубине души он надеялся, что вся эта история найдет разумное объяснение. И уши Кору — на месте.

К счастью, в ту минуту Милодару и гостям принесли поднос с чайником и бутербродами с красной и черной икрой. А так как нигде во Вселенной красной и черной икры почти нет, то гости на время забыли о скандале, которому были свидетелями.

Гости ели по третьему бутерброду, Милодар печалился, что они уничтожили всю месячную норму гостевых, когда раздался звонок из Австралии.

На экране появилось лицо Кора.

— Я вас слушаю, комиссар, — произнесла она слабым голосом, стараясь не смотреть на обеденный стол, потому что ее мутило от вида пищи.

Кора была бледна, щеки ввалились, волосы еще не успели высохнуть.

— Песок со щеки стряхни, — сказал комиссар.

— Вы меня вызывали? — спросила Кора и, качнувшись, ушла из кадра.

Гости из Эпидавра согласно кивнули, усмотрев в этом алкогольную интоксикацию организма молодой женщины, но опытный взгляд Милодара увидел совсем иное: с Корой что-то случилось.

Об этом и спросил.

Вернувшись на экран, Кора почему-то покраснела, но так как существует правило — агент обязан говорить начальнику правду и только правду, Кора ответила:

— Я утонула.

— Этого еще не хватало! — с облегчением рассердился Милодар. — Почему тебя потянуло тонуть?

— Я на ваш вызов ответила, но в тот момент была...

— Под водой, — догадался Милодар. — Но тебя спасли.

— Спасли.

— А Колокольчик не утонул?

Колокольчика Милодар недолюбливал и все надеялся, что тот попадет под машину или погибнет в драке с большим псом. Но Колокольчик себя берег.

— Его тоже откачали, — сказала Кора.

— Отлично, — сказал Милодар, — Теперь слушай меня внимательно. Ты в Австралии?

— Так точно.

— А я на центральном посту, под ледяным щитом Антарктиды. На хорошем флаере до меня минут двадцать лету. Так что одна нога там, другая — тут.

* * *

Когда Кора, приведя себя в пути в порядок, вошла в подледный кабинет шефа Земной службы ИнтерГ-пола, она увидела, что Милодар в кабинете не один.

Вместе с ним находились инопланетяне из Эпидавра, которых Кора узнала по изображениям, хотя не подозревала, что Землю посетили столь высокие гости.

Второй министр Эпидавра был седовласым джентльменом семи с половиной футов ростом, узкоплечим и сутулым. Широкий плащ сиреневого цвета был призван защищать министра от любого вредного действия земных организмов и излучений, с той же целью он, разумеется, никогда не снимал защитного полупрозрачного шлема, который делал его похожим на космонавта двадцатого века, который только что спустился на Луну и теперь, совершая первые шаги по лунной пыли, позирует для потомства.

Несколько отличалось от Второго министра Лицо, которое прибыло на Землю инкогнито, так как всегда и всюду прибывало в таком качестве. Секретность, которой было окружено Лицо на своей планете и во время исполнения особых заданий Совета империи, была столь велика, что Лицо не снимало маски даже дома, перед женой и, рассказывают, что когда позапрошрое Лицо скончалось, то на похоронах его дети отказывались оплакивать отца, а вдова громко сказала: «Если бы я раньше знала».

За исключением лица, скрытого не только шлемом, но и замотанного черной материей, Инкогнито был во всем схож со Вторым министром, правда, уступая ему несколько ростом, но превосходил шириной плеч. Как сотрудник тайной полиции, Кора знала также и тщательно оберегаемый секрет Эпидавра: Второй министр империи был на самом деле ее

первым министром, премьером, пожизненным и сменяемым только путем кровавых заговоров. Инкогнито не ведал безопасностью империи, а отвечал за раскрытие и разоблачение заговоров. То есть Кора сразу поняла, что причина, приведшая руководителей империи под ледяной щит Антарктиды, была столь серьезной, что они впервые за последние шестнадцать лет оставили империю без присмотра, поручив управление императору и старенькой регентше.

— Это она? — спросило Лицо после формальных приветствий.

— Это она, — подтвердил Милодар.

Инопланетные гости разглядывали Кору так, словно в жизни им не приходилось встречать обыкновенную земную девушку двадцати с небольшим (двадцать семь, но это не так важно) лет от роду, красивую, ладно скроенную, хоть и узковатую в бедрах (с точки зрения европейского вкуса), ростом всего в сто восемьдесят пять сантиметров, что не позволило ей в свое время сделать карьеру в баскетболе. У этой молодой женщины были светло-русые, почти пшеничные волосы, коротко остриженные, ибо еще не успели отрасти после сложного задания, в ходе которого ей пришлось изображать лысого мужчину, серые, в голубизну, пожалуй, излишне светлые глаза и пухлые губы, мешавшие лицу сохранять постоянную строгость и непреклонность.

— Вы любите пить, находясь под водой? — спросил Второй министр Эпидавра.

— Да, но только соленую воду, — подтвердила Кора.

Посланцы Эпидавра подумали, Милодар не вмешивался. Наконец Лицо сообщило:

— Смешно.

— Я бы не сказал, что очень смешно, — возразил Второй министр. — Однако налицо попытка развеселить нас, пользуясь тем, что мы с вами туповаты и не знаем, что соленая морская вода отличается отвратительным вкусом.

— Видишь, Кора, — сказал Милодар, — а ты старалась.

— Я больше не буду, — дала обещание Кора.

— Тогда садись и выслушай нашу проблему, — сказал Милодар.

Он так и не представил гостей Коре, потому что они были столь важными персонами, что не могли при всем желании снизойти до знакомства с простым агентом, а Кора, разумеется, этого знакомства не навязывала.

Она понимала, что проблема достаточно серьезна, если Милодар из-за нее чуть не утопил своего лучшего агента, к тому же он знал, насколько Коре противно, если ее вызывают на задание в выходной день. Служба есть служба... Но с недавних пор Милодар женщин побаивался.

— Наши друзья прибыли к нам издалека, — сообщил Милодар. Гости согласно наклонили головы. У министра сквозь темную муть шлема угадывались пышные бакенбарды, у Лица не угадывалось ничего. — Наши друзья ищут потерянную на Земле вель... так сказать, предмет государственного значения. Мы с тобой им обязаны помочь. Это личная просьба Ксении Михайловны. Она просила задействовать именно тебя.

Ксения Михайловна Романова, безвредная на вид бабушка, была шефом Службы безопасности Земли. Коре она давно симпатизировала.

По тону Милодара Кора поняла, что ее шеф лжет. Ксения Михайловна, если и говорила о визите с Эпидавра, никогда не стала бы давать комиссару советы. Она была разведчицей старой школы. Но комиссару сейчас было выгодно изобразить себя передаточной инстанцией и притом набить цену Коре. Вернее всего, других агентов он берег для своих дел. А Корой всегда можно пожертвовать. И если он сейчас будет меня излишне расхваливать, подумала Кора, считай, что я влипла.

— Несмотря на молодость, — произнес Милодар, постаравшись без успеха пригладить копну завитых,

тугих, как проволока, волос. — Несмотря на видимость...

«Какая у меня видимость? — подумала Кора. — Это что, у меня есть видимость?»

— Кора Орват — один из лучших полевых агентов.

Гости с Эпидавра согласились, дружно кивнули, а затем Второй министр вежливо спросил:

— Не все ли равно в настоящей ситуации, хороший она агент или посредственный?

— Нет! — отрезал Милодар. — Посредственный агент загубит операцию.

Кора молчала. Она понимала, что, независимо от ее желаний и слов, ей все равно придется работать. Разумеется, она предпочла бы узнать обо всем как можно скорее и предпочла бы работать в Швейцарии или на Кипре, но, в конце концов, и в Эпидавр можно слетать.

— Продолжайте, комиссар, — сказал Второй министр. — Объясните вашему хорошему агенту, который неумеренно пьет соленую воду, в чем суть нашей проблемы.

«Я ему совсем не понравилась, — подумала Кора. — В сущности, он мне тоже не нравится, но любой женщине неприятно это сознавать».

— Империя Эпидавр, — начал Милодар, — расположенная на Южном полушарии планеты Цукех...

— Это означает Прекрасная на нашем языке, — добавил Лицо. Странно было слышать голос, исходивший из абсолютно черного сверкающего шара размером с крупный арбуз.

— Империя Эпидавр существует уже несколько столетий, — сказал Милодар.

— Девятьсот сорок восемь лет назад, — добавил Второй министр, — князь Совпарий Шестой сокрушил могущество четырех племен и вышел к Тростниковому морю.

— Спасибо, — сказал Милодар. — Но я хотел бы, не обижая вас, заметить, что со спецификой

жизни на Эпидавре агент Орват может ознакомиться на досуге...

— Досуга у нее, надеюсь, не будет, — все же обиделся Второй министр.

Лицо махнуло длиннющей рукой, повелевая продолжать.

— Триста лет назад в пределах империи произошла революция, — подчинился комиссар.

— Точнее — мятеж! — не выдержал министр. — Обыкновенный мятеж, не более того.

— И мятежники взяли верх.

— Временно! — сказал Второй министр.

— Простите, может быть, вы сами расскажете? — спросил Милодар.

И тогда Лицо обрушилось на своего спутника на непонятном языке. Хоть и непонятно, но явно обрушилось. Широкая лингвистическая подготовка Кору, которая уже в приюте выучила восемь языков и еще сорок освоила за годы работы в ИнтерГполе, позволила ей определить, что примерно половина слов Лица имеет бранный характер. Милодар это тоже понял и получал удовольствие, слушая, как собачатся эти надутые вельможи.

Наконец выговор завершился, Второй министр уставился в пол между своих коленок, высунувшихся из-под плаща, а удовлетворенное Лицо замерло, очевидно, обратив взор к Милодару.

Сделав многозначительную паузу, Милодар продолжал:

— Мятежники захватили дворец императора и держались там несколько дней, пока к императорским войскам не подошло подкрепление. Но за это время они успели нанести ощутимый вред. Во-первых, они зарезали императора и его ближайших родственников...

Второй министр заерзал в кресле, намереваясь ринуться в бой, но Лицо шумно втянуло воздух сквозь широкие ноздри, и Второй министр осекся. Кора запомнила, что втягивание воздуха в Эпидавре считается угрозой. Может, когда-нибудь пригодится.

— Во-вторых, — продолжал Милодар, будто ничего вокруг не происходило, — они ограбили дворец и похитили три сокровища. Три символа императорской власти, без которых император — не император, а так, пфью... ничто!

— Ну, уж тут позвольте! — не выдержало само Второе лицо. — Пожалуй, вы перегибаете палку. Я позволил вам пересказать ситуацию исполнителю не для того, чтобы вы оскорбляли священную особу.

— Но ведь нет теперь особы!

— Временно.

— Триста лет, как их империей правят регентши. — Милодар обращался только к Коре. — Потому что они даже не могут провести коронации.

— Три сокровища... — произнесла Кора. — Где-то я об этом читала.

— Ты читала об этом в истории Японии, — ответил Милодар. — Но я могу привести тебе еще несколько исторических примеров из истории Земли. По преданию, эти предметы были вручены первому правителю Эпидавра богиней... простите, как звали богиню?

— Богиней Света и Страха Юог, — ответило Лицо. Второй министр все еще хранил обиженное молчание.

— Вот именно, — сказал Милодар, будто всю жизнь помнил о богине, а только сейчас запечатовал. — Богиня Юог при драматических обстоятельствах вручила первому императору Зеркало, Алмаз и Венец.

— Неточно, — поморщилось Лицо. — Необходимо уточнение.

— Пожалуйста.

— Она передала императору, который был всего-навсего пастухом единорогов, Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти.

— Чудесно, — сказал Милодар. — Какой оптимистический набор.

— И необходимый, — не уловил сарказма Второй министр.

— И с тех пор вы их не нашли? — спросила Кора, потому что ей показалось, что от нее ждут умного вопроса.

— Разумеется. Иначе бы трагедия не застигала бы столь долго небо нашей империи.

— И заменить нельзя?

— Не говорите глупостей! — воскликнул Второй министр, а Лицо, снова втянув воздух через ноздри, поправило спутника:

— Заменить святыни, к сожалению, нельзя. Иначе они бы не были божественными святынями.

Все замолчали. Кора поняла, что подошла пора Милодару закончить рассказ.

— Недавно на мертвом астероиде, лежащем в стороне от коммерческих трасс, были найдены следы последнего лагеря мятежников.

— Они улетели от вас? Разве тогда уже были космические путешествия?

— У нас очень древняя цивилизация, — пояснило Лицо. — Вам не понять.

— Нам не понять, — покорным эхом отозвался Милодар. И Кора перехватила его невысказанную мысль: «Но за помощью вы прибежали к нам».

— Говорите, — предложило Лицо.

— В лагере или на базе этих самых мятежников были найдены документы, которые свидетельствовали о долгих путешествиях мятежников по Галактике, о расколе в их рядах, о их постепенной гибели. Там в ходе раскопок удалось узнать о приблизительном местонахождении имперских сокровищ. И стало ясно, что Зеркало Зла утеряно на Земле во время раздоров между мятежниками. Судьба остальных сокровищ неизвестна.

Опять наступила пауза, и Кора не нашла ничего лучше, как спросить:

— А что, зеркало большое?

Лицо подало знак Второму министру, и тот поспешил раскрыть плоский чемоданчик, который, как оказалось, был прикреплен к его кисти длинной зо-

лотой цепочкой. Краем глаза Кора заглянула в чемодан, который был приоткрыт и тут же захлопнут. В чемодане лежали бумаги, фотографии, а также две зубные щетки в прозрачных футлярах, расчески, паста и полотенце. Гости не надеялись на своих земных хозяев.

Второй министр положил перед Милодаром на стол цветную фотографию — на ней было изображено зеркало. С такими зеркалами в сказках изображаются девицы. Изобретены они были, видно, в древнем Китае или в не менее древней Греции и более всего, с точки зрения Кору, были схожи с пинг-понговой ракеткой, лишь уступали ей размером. Овальное зеркало было вставлено в позолоченную рамку, судя по потертостям, достаточно старую, а обод зеркала и ручка были богато, хоть и грубовато украшены объемными изображениями танцующих девушек среди виноградных роз.

— Это вид с лицевой стороны, натуральный размер, — произнес Второй министр. — Вот оно же, вид сзади. А это приблизительное положение его в руке владельца.

• На этот раз на стол легла старинная раскрашенная гравюра, изображавшая молодого человека в тонком темном венце, в который были вставлены крупные разноцветные камни. Держа в руке зеркало, молодой человек смотрел в него, и на его лице отражался ужас. По крайней мере так получилось у художника.

— Теперь вам ясно, что искать? — спросило Лицо.

Министр собрал фотографии и рисунок, приоткрыл чемодан и спрятал все среди бумаг под полотенце.

— Вы нам это не оставите? — спросил Милодар.

— Нет, — ответил Второй министр. — Изображения государственных талисманов являются объектами повышенной секретности.

— Вы усложняете нам задачу, — сказал Милодар, но настаивать не стал, потому что, как Коре было известно, на потолке над столом находилась видеока-

мера, которая давно уже сделала копии фотографий и гравюры.

Эпидавряне не возражали. Они не знали, оскорбительно ли сравнение с пинг-понговой ракеткой, и потому предпочли помолчать.

— И вы за ним прилетели? — спросила Кора.

— Вот именно.

— А зачем я вам понадобилась?

— Чтобы это зеркало найти, — сказал Милодар, — наши гости лишь приблизительно представляют себе, где оно могло потеряться...

— Пошлите туда группу, пускай отыщет с приборами, — сказала Кора.

— Прошло триста лет! Место известно лишь условно... — Милодар подошел к большому глобусу. Глобус был старинный, прошлого века и, говорят, принадлежал кому-то из латиноамериканских диктаторов. Шар доставал Милодару до носа, и потому, чтобы разглядеть Северный полюс, комиссару приходилось запрокидывать голову. Вертелся глобус со скрипом.

Милодар чуть шевельнул глобус, чтобы Коре было удобнее смотреть, и шлепнул ладонью по северной части Индийского океана.

— Оно на дне? — спросила Кора.

— Нет, на суше, в горах. В северной Бирме.

— И найти нельзя?

— Надо обыскать площадь в шесть тысяч квадратных километров гор и лесов и найти кончик иглки в стогу сена.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю тебе поехать в Бирму и найти зеркало.

— Ну что ж, — легкомысленно ответила Кора. — Я в Бирме не была. Когда лететь?

— Ты не совсем правильно поняла, — сказал Милодар. — Ты должна отправиться в Бирму не сегодня, а триста лет назад, в тот момент, когда там воевали мятежники. Ты их отыщешь по шуму боя и крикам населения.

— Чепуха, — сказала Кора. — Такой машины времени еще не изобрели. Можно отправить человека на десяток лет в прошлое, но не дальше.

— На двенадцать лет, это пока рекорд, — согласился Милодар. — Но у меня есть другая идея. Она еще не испытывалась на людях, но когда-то надо начинать.

— Опасная? — спросила Кора.

— Еще какая опасная, — сказал Милодар. — Как раз по тебе.

— Нет, спасибо, — сказала Кора.

— У тебя нет семьи.

— У меня есть кот Колокольчик и бабушка Настя. Я их не оставлю.

— Но есть шанс, что ты вернешься.

— Лучше я и слушать не буду. Вы же меня обязательно загубите!

— Девушка, послушайте нас, — сказала Лицо из Эпидавра. — Уже три столетия наше государство живет не в полную мощность. У нас нет коронованных императоров, и страной правят регентши, одна другой глупее. Сейчас же подросток интеллигентный, умный, добросовестный наследник престола. Если мы доставим хотя бы Зеркало, мы попытаемся короновать, и миллионы людей вздохнут свободно.

Кора сочувствовала горю вельмож, хотя не понимала, будучи демократкой, почему появление на троне императора должно облегчить жизнь миллионов людей.

— Нет, — сказала она.

— Вы обязаны нам помочь, — сказала Лицо.

— Поможет, — сказал Милодар. — Обязательно поможет. У меня дисциплинированные агенты. Я разрешаю им побунтовать и поворчать в разумных пределах, а потом приказываю замолчать. Кора, молчать!

— Слушаюсь, — вздохнула Кора.

* * *

Разговор продолжался в Институте Номер Шесть, крайне засекреченном учреждении, которое занимает-

ся генетическими опытами и достигло таких сенсационных результатов, что, по слухам, всем его сотрудникам отрезали языки и приковали их цепями к рабочим местам в лабораториях. Все это, разумеется, чепуха и сплетни, а институт охраняется столь тщательно только от чайников, сумасшедших и авантюристов, а также людей с манией величия, которые могут проникнуть в Институт Номер Шесть и воспользоваться его установками, и особенно установкой Дельта.

Так как, несмотря на глубокую секретность, установка Дельта многократно описывалась, только не совсем верно, в популярных изданиях, то лучше довериться рассказу о ней, прозвучавшему в Институте Номер Шесть.

Вот что рассказала, пользуясь притом иллюстрациями, стремительная худенькая девица с таким острым носом, что Коре страшновато было приблизиться к ней — а вдруг уколется. По сторонам носа размещались маленькие черные глазки, а волосы девицы были покрашены в красный цвет и покрыты блестками.

— Я сегодня собралась на дискотеку, — сообщила девица. — Так что давайте сократим лекцию до минимума.

Возмущенный Милодар потребовал было сменить лектора, но более ответственные лица находились в то время на заключительном заседании международного симпозиума, и пришлось удовлетвориться девицей.

Девица взяла светящуюся указку, велела гостям садиться на неудобные табуретки, а сама поднялась на небольшую эстраду, фоном которой служила зеленая доска, исписанная формулами и разными словами, оставшимися от вчерашних научных споров.

— Помимо памяти индивидуальной, — сообщила девица, — существует память вида. Вы знаете, что такое вид?

— Вопросы задавать будем мы, — резко ответил Милодар, все еще недовольный тем, что ему приходится выслушивать лекцию лаборантки.

Заявление Милодара лаборантку не смутило.

— Вы мало читаете, — сообщила она Милодару. — Иначе бы вы знали, что в любом фантастическом романе приходит великий ученый или его ассистент и рассказывает дуракам, которые собрались в лаборатории, в чем суть изобретения. Дураки хлопают глазами, а читатель умирает от скуки на десятой странице.

Кора даже ахнула от такой наглости лаборантки, но Милодар ничего не ответил, он лишь приоткрыл рот и смотрел на лаборантку, словно только сейчас сообразил, что под этим камуфляжем скрывается юное существо с отличной фигурой. Зато посланцы Эпидавра были повергнуты оземь таким хамством, потому что положение женщины в той империи своеобразно и ограничено таким числом запретов и правил, что большинство женщин кончают с собой, не достигнув зрелости. Зато те, кто выживает, превращаются в существа высшего типа, в частности, именно из них формируется корпус регентш.

— Продолжайте, — произнес Милодар, скользя взглядом от пяток до затылка лаборантки. — И сообщите нам свое имя.

— Зовут меня Пегги, — сообщила девица. — Мне двадцать два года, но я отлично сохранилась, и мне редко дают больше семнадцати, я давно уже не девушка, учусь в аспирантуре, любимая ученица профессора Гродно.

— Спасибо, — сказал Милодар. — Умоляю, продолжайте.

«Когда-нибудь я тоже начну тебе хамить, старый бабник, — подумала Кора. — Тогда ты у меня запляшешь».

— Существует память вида, — продолжала Пегги. — Обычно поддерживается она прямым обучением от родителей к детям. Приходилось ли вам видеть, как кошка учит котят ловить мышку?

В голосе девушки прозвучал металл. Кто-то из учеников должен был поднять руку и ответить на вопрос.

Никто не решился.

— Это поучительное зрелище, — сообщила Пегги. — Точно так же кошку учила ее мать.

Лаборантка тронула себя за ухо, и по красным космам пробежали золотые огоньки. Зрелище было внушительное. Хотелось убежать.

— Кошка, как примитивное существо, учит детей жить в меняющемся мире, передавая им свой опыт. Причем не только генетический, но и приобретенный. Ведь червяк не учит — ему достаточно того, что заложено в генах. А кошка учит. Поняли?

«Она будет профессором, — подумала Кора: — Перебесится и профессором станет».

— Котенок, — строго продолжала лаборантка, ритмично помахивая светящейся указкой, — получает от матери часть памяти данного семейства кошек, а так как сама мама-кошка была обучена ее собственной матерью, то мы при возможности можем проследить, что знали и умели кошки этого семейства, а то и популяции нашей страны и как эти знания накапливались... или терялись. Да! — Вдруг девицу охватил пафос. — Кое-что теряется! И безвозвратно. Например, с приходом медицины люди забыли о травах. Что касается и кошек!

— Ну уж и кошек! — недоверчиво воскликнул Милодар.

— Пустите современного котенка, а то и взрослого кота в лес. Он сожрет какую-нибудь гадость и отравится. Ведь он жил в городе, и даже если его мама-кошка знала, какую траву можно есть, а какую нет, она не может найти в комнате образца нужной травы и показать ребенку.

Слушатели замолчали, переваривая информацию.

Кора была согласна — кошке неоткуда взять травку, чтобы предупредить детей об опасности отравиться.

— То же самое происходит и с человеком. На то есть учителя и родители, на то изобрели книги, видео и компьютеры, чтобы не утерять информацию, до-

бытую предками. Но информация — это еще не память!

Пегги подняла к потолку указку и вытянула луч на максимальную длину. Луч коснулся потолка и образовал на нем темную точку, настолько ему переданся накал души преподавательницы. Из ее красных волос сыпались редкие искры. Падая на ковер, они тихонько шипели.

— Вам не казалось обидным, — спросила она. — что вот ваш дедушка, генерал, завоевавший четыре страны, погиб в бою на безымянной высоте, названной впоследствии его именем, но не успел ничего вам рассказать? — Этот вопрос Пегги обратила к Лицу.

— Вы откуда знаете? — глухо и подозрительно спросило Лицо.

Пегги только пожала плечами, а Милодар, может, и незаслуженно воспользовался обстановкой и заметил:

— Мы многое знаем.

Пегги подождала, пока он замолчит, и продолжала:

— А как интересно было бы заглянуть в его память, в его душу...

Пегги вздохнула. Лицо не удержалось и тоже вздохнуло.

— А ваш прадедушка? — спросила Пегги у Лица. — Ведь его только называли разбойником с большой дороги. На самом же деле он был куда сложнее, чем тот простой злодей, которого рисовали ваши недруги.

— И поплатились, — заметило Лицо.

— Это уже другой разговор, — сказала Пегги.

Кора смотрела на лаборантку совсем другими глазами. Та, оказывается, успела подготовиться к визиту и неплохо выучила урок. А все разговоры о дискотеке и красные космы — это на публику.

Пегги сделала паузу. Теперь уже никто не смел ее прервать.

— Наш Институт во главе с профессором Ахметом Гродно решил эту задачу. Но мы пока держим наше

открытие в тайне. Нельзя же нарушать естественный ход событий.

— Что вы открыли? — спросило Лицо.

— Мы нашли способ проникать в прошлое. Но не грубым физическим способом, не с помощью машины времени, что не дает достойных результатов. Ну, прыгнете вы на двадцать лет в прошлое. Ну, посмотрите еще раз на собственную маму в молодости. А дальше что? Менять течение событий на Земле? Загонять себя и собственную планету в параллельный мир? Нет, дайте нам пожить у себя дома!

— Так что же вы открыли?

— Мы открыли возможность... мы нашли ключик к тому, что заключено в каждом человеке, — ключик к его наследственной памяти. Другими словами, мы дали возможность маме-кошке вспомнить, какие травмы можно предлагать котенку, а какие нельзя. Но помнила об этом прабабушка нашей кошки, а не мама-кошка. Мы нашли способ отыскать в вас, уважаемый Долиал, глава безопасности империи Эпидавра, прибывшем к нам инкогнито, те следы генетического прошлого, которые несут в себе и берегут память вашего дедушки-генерала и даже вашего прадедушки, так называемого разбойника с большой дороги.

— Об этом не будем, — предупредил Второй министр, оберегая честь Лица. Но Лицо лишь вяло отмахнулось, признавая превосходство нахальной девицы.

— Мы полагаем, — сказал тогда Милодар, — что это — величайшее открытие двадцать первого века, но вопрос о присуждении Нобелевской премии профессору Ахмету Гродно временно отложен, так как не решена степень секретности открытия.

— Но при чем секретность? — не сообразил Второй министр.

— Неужели, — ответил Милодар, — любой человек в Галактике не пожелает заглянуть в память своего деда, своего далекого предка, прочесть его мысли и овладеть его знаниями, которые, как все полагают, сгнили в могиле вместе с ним?

— Да, — согласилось Лицо, — соблазн очень велик, и можно страшно разбогатеть на этом.

— Ах, что нам в богатстве! Но вы не поняли еще, какую власть мы сможем обрести над миром! — воскликнула Пегги, спрыгнув с эстрады и чуть не проткнув министра острым, словно деревянным носом. — Разве вы забыли, сколько гениев умерли, не успев поделиться с человечеством своими мыслями, сколько великих изобретений погибло при катастрофах, в концлагерях или войнах! Вы должны знать, что на каждое изобретение, на каждое открытие, на каждую гениальную идею в мире была тысяча идей, открытий, мыслей, которые по той или иной причине не были высказаны. Неужели вы не понимаете, что, собрав и осуществив эти мысли, мы совершим такой скачок вперед...

Пегги закашлялась, а Милодар закончил за нее:

— И это может плохо кончиться для человечества. Кто знает, сколько нужно нам гениальных изобретений и мыслей, а сколько окажутся лишними? А что, если Природа бережет нас от перегрева? А что, если цивилизация лопнет от излишнего знания?

И Милодар произнес эти слова с такой искренней горечью, что все остальные не посмели ничего сказать — все молчали.

— К тому же, — нарушила наконец молчание Пегги, — операция эта длительная, сложная, и опасная, о которых говорит комиссар Милодар, находятся в отдаленном будущем. А Нобелевскую премию нам не дают из-за жалких интриг, которым не чужд и ИнтерГпол.

Все посмотрели на Милодара. Он отмахнулся от обвинения, как от мухи, и миролюбиво попросил Пегги:

— Расскажите нашим гостям, как происходит активизация памяти предков. И какая от этого может быть польза в их поисках.

— Вот именно, — сказала Лицо. — Именно этот вопрос я хотел задать.

— Наш профессионализм заключается в том, — подытожил Милодар, — что мы знаем, какой вопрос, когда и кому задать.

— Тогда и объясните нам, — попросил Второй министр, — зачем нас сюда пригласили.

— И, в частности, зачем было нужно меня топить, — добавила Кора.

Пегги поглядела на Милодара, комиссар кивнул, и девушка повела их в соседнее помещение.

* * *

Соседнее помещение оказалось громадным, но низким залом, в котором располагалась аппаратура, в основном, скрытая под кожухами и за экранами. Так что снаружи оставались ящики, дисплеи и некоторое число кнопок, не считая солидного прозрачного гроба для Спящей Красавицы, к которому Пегги и подвела гостей.

— Все происходит просто, — сообщила она. — Гененавт всего-навсего ложится в саркофаг.

— Разве нельзя было подобрать нейтральное слово? — спросила Кора, которая заподозрила, что в саркофаг будут класть именно ее, а она не терпела, если ее клали в саркофаг, даже если при этом обзывали гененавтом.

— Не бойтесь, — съязвила Пегги, — принцы не будут приставать к вам с поцелуями.

— Слава богу!

— Девочки, девочки! — остановил их Милодар. — Мы присутствуем при эпохальном эксперименте.

— Это вы присутствуете, а я лежу в саркофаге! — втуне огрызнулась Кора.

— Продолжайте, — произнес Второй министр голосом и тоном Милодара.

— Саркофаг наполняется особым газом...

— Еще чего не хватало! — вырвалось у Кору.

— Если ты будешь шуметь, мы подберем другого агента, — сказал Милодар. — Ты отказываешься от самого счастливого шанса в жизни. Через час ты можешь встретиться со своей бабушкой.

— Больше того! — поддержала Милодара краснокудрая лаборантка. — Вы станете своей бабушкой — ваш мозг сольется с ее мозгом. В этом и есть смысл нашей установки! Следуя в прошлое, вы будете становиться как бы паразитом мозга ваших предков. Ведь они в самом деле живы в вас! Каждый бит информации, который находился в мозгу вашего дедушки, живет и в вашем мозгу. Мы научились будить эту информацию.

— Но почему я тогда не могу без приборов помнить о том, что знал мой дед?

— Да потому, что ваш мозг мгновенно лопнет, не в силах вместить всю ожившую информацию! Неужели вы не понимаете?! — Пегги была возмущена.

— Теперь поняла.

— Ваш мозг защищен от безумия именно забывчивостью. То есть ничто в природе не пропадает, но все забывается, чтобы живые не сходили с ума от памяти и страданий мертвецов.

Оба эпидаврийца захлопали в ладоши — так им понравилась краткая речь Пегги. Девушка зарделась, и щеки ее стали одного цвета с волосами.

— Зайдите после эксперимента ко мне, — сказал Милодар. — Мы подыщем вам место в ИнтерГполе.

— Я не хочу работать в ИнтерГполе и стать полицейской ищейкой, — мягко возразила девица, чем повергла Милодара в шок. — Лучше я получу скромный процент от Нобелевской премии.

Милодар молчал и этим дал возможность Пегги закончить объяснение:

— Мы погружаем вас в физиологический раствор, чтобы полностью отрезать от мира, чтобы ни одно постороннее возмущение к вам не проникло. Это слишком опасно. В полной тишине, в полной оторванности от мира вы сначала войдете в мозг своей матери...

— Или отца?

— Это сложнее, — призналась Пегги. — Как правило, генетическая память женщин передается по женской линии, мужчин — по мужской.

— А если линия обрывается?

— Пока мы не можем помочь... но в будущем добьемся восстановления через боковые линии родственников.

— Не отвлекайтесь, — попросило Лицо.

— Пока вы будете пребывать в саркофаге, — продолжала Пегги, — и частицы памяти вашей матери будут пробуждаться в вас, мы сможем контролировать этот процесс приборами.

— Вы тоже увидите мою маму?

— Нет, но мы будем знать, когда вы с ней находитесь в контакте.

Кора подняла ладонь, как бы испрашивая слова.

— Кажется, я вас поймала на ошибке.

— Нас нельзя поймать. Эта система испробована и абсолютно безопасна для испытуемого. Для спящей красавицы, как мы называем... вас.

— Но я же не могу пролежать в саркофаге восемьдесят лет, если столько лет было моей прабабушке, когда она умерла.

Пегги снисходительно улыбнулась.

— Мы уже слышали это возражение, — сказала она. — И вот что я вам отвечу: представьте себе самый обычный древний магнитофон.

— Представили, — ответил за Кору Второй министр.

— Вы можете воспроизводить на нем музыку. А можете быстро перематывать пленку.

— Все понятно, — сказала Кора. — Вы начинаете воспроизведение в нужный вам момент.

— Не совсем понятен механизм действия, — сказала Лицо, — но приходится согласиться с тем, что нам сообщено.

Они стояли полукругом вокруг саркофага. И молчали. Теперь, когда Пегги все объяснила, а остальные почти все поняли, оставался пустяк. Поверить в слова Пегги.

Молчание прервало Лицо:

— Можно ли наблюдать за жизнью и действиями предка кого-то из нас?

— За ним наблюдает гененавт. А мы — за гененавтом. — Пегги показала на саркофаг.

— Я не верю, — сказала Лицо.

— Мы не верим! — поддержал его Второй министр.

— Есть выход, — ответил Милодар, и глаза у него сделались хитрыми, как у кота, который играет с мышонком.

— Какой именно? —

— Вы можете занять место в саркофаге, а мы запишем то, что вы увидите и почувствуете, — предложил комиссар. — И вместе подведем итоги.

— Хорошая идея, — сказала Лицо. — Славная идея. Прошу!

Последнее слово относилось ко Второму министру.

— Почему я? — удивился министр.

— Потому что, если они будут подсовывать мне воспоминания дедушки комиссара Милодара, я никогда не смогу проверить, это правда или инсценировка. А вот кем был ваш дедушка, я знаю. И кем были ваши предки, тоже известно.

— Мой отец — генерал, а мой дедушка — полковник и герой! — воскликнул министр, словно не был в том уверен.

— Вот мы и посмотрим.

— О нет! Это опасно для жизни! — возразил Второй министр. — Мы не можем мною рисковать. Народ этого не поймет.

— У нас даже младшие научные, даже аспиранты уже испробовали, — сказала Пегги.

— У вас другие организмы. Грубые и выносливые, как у кошек.

— У кого как, — ответил Милодар. Он любил наблюдать конфликты со стороны, когда ему это ничем не угрожало.

— Нет! — крикнул министр.

— Да! — ответило Лицо. — Или вы останетесь здесь. Но не живым.

И тогда Второй министр сдался.

— Раздеваться надо? — спросил он.

— Желательно побрить голову, — ответила Пегги. — Но, так как путешествие будет небольшим, помехи нам не так страшны.

— Не страшны, — согласилось Лицо.

— Только ботинки пускай снимет, — предупредила Пегги, — а то за каждым не настираешься.

* * *

Второй министр покорно улегся в саркофаг. Ему велели закрыть глаза. Лежа, он как-то уменьшился ростом, но согласился снять шлем, только когда крышка саркофага под нажимом тонких пальцев Пегги въехала на место, отрезав сановника от внешнего мира. Именно тогда он снял шлем, положил темный блестящий шар рядом с собой, и Кора увидела, какие у него загнанные, перепуганные глаза. Она испытала нечто вроде злорадства: не мне одной предстоит такое унижение... Впрочем, полезно посмотреть со стороны на испытание, которому тебя намерены подвергнуть, хотя, честно признаться, Кора так и не понимала, как она, полежав в этом саркофаге, сможет отыскать и вернуть в Эпидавр Зеркало Зла.

— Эй-хо-хо! Кто здесь проводит опасные эксперименты в мое отсутствие? — послышался громовой голос. Все замерли, как застигнутые за воровством яблоч сорванцы.

— Это я, — пискнула Пегги, — но ведь это только демонстрация.

— Я взял на себя ответственность, — сказал Милодар маленькому, даже ему лишь по пояс профессору в белом халате, из-под которого выглядывали сапожки на высоких каблуках. Профессор был к тому же почти лыс и зачесал последние волосинки поперек головы. Нос у него был круглым, как картошка, и в нескольких местах продырявлен.

— Профессор Ахмет Гродно, — представился он, а Кора догадалась, что раны в носу — следы любовного общения с лаборанткой Пегги. — Тебе мож-

но, крошка, тебе можно! — Профессор подбежал к аспирантке и, встав на цыпочки, поцеловал ее в высококую грудь. Остальные смутились и сделали вид, что не заметили откровенного жеста профессора. — Так что мы демонстрируем? — спросил профессор.

В лаборатории уже появились несколько его коллег. Они громко обсуждали проблемы только что закончившегося симпозиума.

— Не мешайте! — прикрикнул на них профессор. Он встал на цыпочки, чтобы получше заглянуть в саркофаг, и спросил: — Из Эпидавра? Типичное вырождение!

— Из Эпидавра, — сказал Милодар. — После окончания я с вами уединюсь и все объясню.

— Я предпочитаю, чтобы мне все объяснила Пегги, — возразил профессор. — Я её больше люблю, чем тебя, старый козел Милодар.

Профессор засмеялся и постучал пальчиком по стеклу саркофага.

— Как ты там, сорванец? — спросил он.

Второй министр не услышал, но робко улыбнулся.

— Пускай газ! — приказал профессор Пегги, и саркофаг стал заполняться серым непрозрачным газом.

— А как же наблюдать? — спросила Кора.

— А мониторы на что? — удивился профессор. И приказал: — Включить Большой дисплей!

Тут же загорелась вся стена лаборатории, представлявшая дисплей.

— Вот здесь, — сказала Пегги, направляя на стенку светящуюся указку, — мы увидим то, что делал, видел или совершал предок Второго министра в тот или иной момент...

— В какой момент? — спросил профессор Гродно у Лица.

— Ровно сто лет назад, — ответил тот, словно уже заготовил ответ заранее.

— Даем сто лет назад! — Профессор Гродно провел ладонью поперек головы, прижимая волосы.

— Мой ласковый, — любовно прошептала ему Пегги.

На экране началось мелькание цветных линий и неясных образов.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Гродно Лицу и Милодару. — Идет ускоренная перемотка воспоминаний его папы и дедушки.

Профессор погладил бедро Пегги, и та прижалась им к уху гения.

Профессор притом не спускал глаз с приборов пульта.

— Что там? — спросил он у одного из ассистентов.

— Есть сто лет.

И на экране загремел бой!

Звук, правда, проходил через сто лет неровно, с перебоями, да и само изображение иногда двоилось или шло косыми полосами. На мгновение свет отключался и начинал таинственно мерцать.

— Сложная штука — человеческий мозг! — воскликнул профессор, видно, объясняя неполадки в изображении.

Так как экран был велик и несколько нависал над залом, то эффект присутствия был ощутим всеми присутствующими. И когда небольшой полосатый броневик, преследуя группу всадников, вооруженных карабинами и мечами, попытался выехать с экрана в зал, послышалось общее «Ах!», перепуганное зрение оказалось сильнее разума.

Всадники умчались и скрылись в дыму, который, как показалось Коре, горько пахнул порохом. Тут она увидела прихрамывающего воина в блестящей кирасе, разрисованной драконами, в плоском, как сковорода, шлеме, с пистолетом в руке. Сапоги и штаны воина были измараны грязью и кровью.

— Это он, — сказала Лицо, увидев воина в профиль, — у того был такой же, как у Второго министра, горбатый и крючковатый нос.

— В битве при Варынге. Конечно же... с восьмого по десятое фецуария сто лет назад... Как славно!

Что было славного в битве при Варынге, Кора так и не узнала. Но тут дедушка Второго министра направился в сторону, а так как камеры следили за тем, что отпечаталось в генетической памяти вельможи, то вскоре воин оказался в низине, где его ждали два человека в сапогах и в серых плащах с капюшонами, нависавшими над лицами.

— Мы уже хотели уезжать, предводитель, — произнес один из ожидавших.

— Я не мог. Я задержался в штабе. Надо было все проверить.

— И что же?

— Как и договаривались, я перенес крестик на схеме в болото Больших червяков.

— Славно, ах, славно, полковник! — откликнулся человек в плаще.

Кора кинула взгляд на Лицо. Глава Эпидавра смотрел на экран, будто перед ним разворачивалось действие приключенческого фильма, построенного на сказочной выдумке.

— Не может быть... не может быть, — шептали его тонкие губы. Конечно же Кора еще не знала языка Эпидавра, но, что шепчут мужские губы, умела понимать без знания соответствующего языка.

Отойдя в сторону, люди в капюшонах обнаружили стоявшую за ними и запряженную карликовым дромадером крытую повозку. Один из них щелкнул языком, и верблюд легко потянул повозку по низине.

— Фактически два шага... — сказал дедушка Второго министра.

— Может быть, мы кончим демонстрацию? — спросил профессор Гродно. — Надеюсь, вам достаточно ясно, как мы работаем?

— Нет! — вдруг закричало Лицо. — Ни в коем случае. Еще пять минут!

Повозка тащилась по тропинке, сильный дождь со снегом молотил по плечам путников, где-то близко гремел бой, слышались выстрелы и крики, из серой мглы вдруг показались корзина и часть обшивки воз-

душного шара, который бесшумным видением промчался над повозкой и с треском рухнул в кусты.

— А нельзя перемотать? — спросил Милодар.

— Нет, — ответила умненькая Пегги.

Кора кинула взгляд на нее и, к своему изумлению, обнаружила, что красные космы были всего лишь париком — теперь они исчезли, и под ними оказались прямые каштановые волосы, ничего особенного, волосы как волосы. И лицо сразу обрело миловидность и душевную скромность.

— Нельзя, — подтвердил ее слова профессор. — Перемотка идет только назад — мы перематываем генетическую память в прошлое. А если нам нужно двинуться в будущее, то мы попросту выключаем систему, пробуждаем клиента и затем погружаем его вновь в момент, который нам нужен. И это не так просто, как кажется. Вы меня поняли?

— То есть, — произнес Милодар, — вы можете прекратить сеанс, разбудить министра, а затем, повторив всю процедуру вновь, перенести его на девяносто лет до нас...

— Вот именно, умница! — обрадовался профессор. Он протянул Милодару маленькую ручку и пожал твердую кисть разведчика. Милодар смущенно улыбнулся. Кора знала, что он сейчас ощущает глубокую приязнь к профессору, потому что тот сильно уступает ростом невысокому комиссару.

— Тогда подождем... что-то очень заинтересовало гостя из Эпидавра.

Ждать пришлось недолго. Как только завершился обмен репликами, низина, по которой двигалась повозка, превратилась в овраг, густо заросший кустарником, отчего стоявший впереди фургон казался скалой и угадывался скорее по белой простыне снега на крыше.

Путники оставили повозку в низине, а сами осторожно приблизились к двум солдатам, которые переминались возле фургонов.

Уже знакомый нам дедушка Второго министра смело вышел к фурусонам и сказал:

— Пароль: кукушка на яйцах.

Солдат, съездившийся под снегом, выпрямился и откликнулся.

— Отзыв: кукушки на яйцах не сидят, ваше превосходительство!

— Вызови начальника караула! — приказал дедушка. — Небошь в фургоне прячется.

— Так точно, прячется!

Еще через полминуты рядом с дедушкой оказался невысокий толстяк в мундире — не успел одеться. Видно, дедушка был большим человеком в армии.

— Почему вы здесь оказались? — грозно спросил дедушка. — Что за прятки такие? Вас здесь могут пристрелить, и никто об этом не узнает.

— Такой приказ мы получили в штабе! — Офицер полез за пазуху и протянул дедушке лист бумаги.

— Я разберусь, — сказал тот, — я разберусь.

— Но я не могу приказ передать в чужие руки! — обиделся офицер.

— Ах, не можешь! — Почему-то эти слова рассердили дедушку министра, и тот выхватил из-за пояса пистолет. Вспышка выстрела озарила овраг и искорками блеснула на мокрых листьях.

Тут же вперед выбежали оба спутника дедушки и подняли стрельбу по солдатам, погибшим, так и не сообразив, что случилось.

А господин дедушка аккуратно сложил отнятый у офицера приказ с неправильно поставленным на нем, как поняла Кора, крестиком, и пробурчал себе под нос:

— Не могу передать в чужие руки... не могу передать! Вот и передал!

— Теперь, я думаю, мы можем выключить экран, — сказал профессор Ахмет Гродно.

На экране спутники дедушки вынимали из фургона и перетаскивали в повозку плоские деревянные ящики. Ящики были тяжелыми, люди в плащах скользили по грязи и чертыхались.

— Потише, вы! — прикрикнул на них дедушка.

— Выключайте, — сказала Лицо из Эпидавра. Выражения его глаз увидеть было нельзя, так как шар

его шлема был снаружи непрозрачным, но, судя по голосу, настроение его было сложным...

Пока техники и лаборанты выпускали из саркофага газ и приводили Второго министра в чувство, профессор Гродно спросил:

— Ну, как, вы удовлетворены экспериментом?

— Это был эксперимент?

— Разумеется, демонстрация секретного изображения.

— Могу ли я утверждать, что виденное мною имело место в действительности?

— Разумеется. Вы видели на экране то, что хранится в генетической памяти вашего друга.

— Может ли эта... это изображение быть доказательством на суде?

— Ни в коем случае! — воскликнул Милодар. — До тех пор, пока не будет снята секретность...

— Отлично, — сказала Лицо.

Он обернулся к своему спутнику, который уже вылез из саркофага и с помощью ассистентов уселся в кресло.

Между ними последовал разговор на эпидаврском языке. Поначалу напряженный, но мирный, затем поднявшийся до высоких нот.

Лицо нападало. Министр защищался. И, видно, защищался неубедительно, потому что был потрясен теми переживаниями, которые на него обрушились.

— Так открываются вековые тайны, — произнес Милодар.

— А он чувствовал себя в шкуре своего дедушки? — спросила Кора у Пегги.

— В этом вся драма! — вздохнула та.

— Итак, — Лицо из Эпидавра обернулось к Милодару. — Мы хотели бы обсудить с вами детали будущих действий.

— А в чем дело?

— Ситуация резко осложнилась, — сообщило Лицо. — Из соображений престижа, охраняя честь моей державы, я вынужден просить вас казнить без суда и следствия всех, кто видел эту... пленку!

— То есть меня? — удивился профессор Гродно.

— В первую очередь.

— Да уймите его! — закричал профессор, обернувшись к Милодару.

— Почему же? — спросил Милодар. — Пускай высказывается. Это даже забавно.

— Потому что иначе может просочиться информация, на основе которой мы будем вынуждены переписать историю нашей державы, чем воспользуется гнусная оппозиция! — закончило монолог Лицо с Эпидавра.

— Почему же? Почему же? — невинно спросил Милодар.

— Да потому, что якобы пробывший все сражение в штабе один из героев битвы полковник Вали-Валинта на самом деле организовал ограбление войсковой кассы... Так вот какое наследство он получил от тети в Калене де Даерти?

Лицо с трудом смогло удержаться от того, чтобы не растерзать тут же Второго министра, который был глубоко опечален и даже обратился к Милодару и профессору Гродно:

— Ну, разве внук за дедушку ответчик?

— А генетическая память? — надвинулось на него Лицо с черным шаром вместо головы. — Она разве моя?

И тут Второй министр, собравшись с духом, нашел единственно возможный выход из положения:

— Может быть, мы проверим вашу генетическую память, мой милорд?

— Что? Что! Да я тебя... Мои предки всегда отличались... и вообще почему я должен оправдываться?

Он рухнул на стул и закрыл лицо руками.

В лаборатории вновь воцарилось молчание.

* * *

— Как же вы намерены использовать этот гроб, — спросила Кора у Милодара, — для поисков зеркала, потерянного триста лет назад?

— Очень просто, — ответил Милодар, — потому что все гениальное — просто. В саркофаге будет находиться твое сегодняшнее тело — именно в нем закована субстанция памяти твоей бабушки. Но в то же время ты будешь находиться внутри бабушки. Ведь вы же — одно и то же. В мире, в котором существовала твоя бабушка, ты будешь двигаться, жить, любить, разговаривать, действовать.

— Но ведь Второй министр только наблюдал и показывал нам эпизод из жизни своего дедушки.

— Мы с тобой сделаем следующий шаг, — вмешался профессор Гродно. — Мы будем не только наблюдать, но и участвовать. Конечно, твое участие будет условным, кажущимся. Кажущимся для нас. Но настоящим — там. Поняла?

— Нет.

— И не надо. Потому что если тебя там укусит пчела, то тебе будет больно.

— Но даже если я буду в образе моей прабабушки действовать в прошлом и найду там зеркало, как же я принесу его? Ведь я неподвижно лежу в гробу?

— Ты не принесешь, — ответил Милодар. — Ты лишь найдешь. И укажешь, где искать.

Заговорил профессор Гродно:

— Мир, в котором будет существовать Кора, то есть ее прабабка, это мир виртуальной реальности, мир, смоделированный не только мозгом Кору, но и компьютером, который обладает всей возможной информацией о нашей планете и о людях, которые жили на ней. Введите в компьютер задачу, а мы приложим ее к реальной субстанции линии предков Кору Орват.

— Значит, мне придется провести какое-то время в этом гробике?

— Да, спящая принцесса, — сказала Пегги.

— Не говорите так, словно намерены унаследовать моего жениха, — заявила Кора. — У меня его нет.

— ИнтерГпол всегда набирал женщин без связей и привязанностей, — не удержалась Пегги.

Они с Корой друг дружке не нравились.

— Вам придется приготовиться к длительному пребыванию в состоянии генетического сна, — сообщил маленький доктор.

— Длительное... Это день, два?

— Это месяц, два, три... Многое зависит от того, где мы отыщем вашего предка, вашу прапрабабушку. Если она обитает в Лапландии или в центре Сибири, то перебросить ее в бирманские джунгли... на это потребуется время.

— Я этим займусь лично, — пообещал Милодар.

Он кинул взгляд на продолжавшего сидеть в позе глубокого отчаяния представителя империи Эпидавр и второго, стоявшего в дальнем углу, лицом к стене.

— А я... где я буду?

— Ты будешь находиться здесь. В газе столь плотном, что твое тело будет подвешено в нем, как в жидкости, не касаясь стенок саркофага.

— Послушайте, комиссар! — с отчаянием воскликнула Кора. — Я уверена, что ваша идея подходит кому-то из бравых молодцов, которые умеют владеть шпагой и пистолетом. Я же — слабая женщина!

Милодар поглядел на слабую женщину, запрокинув голову. Его примеру последовал профессор Гродно.

— Нет, — сказал профессор, — не настолько слаба, как хочет казаться.

— А мне нужна женщина, — сказал Милодар. — Как ни парадоксально, но я рассчитываю больше на твой женский ум, на твою хитрость, твое женское умение выходить из воды если не сухой, то лишь с подмоченной репутацией.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Вы всегда были со мной любезны.

— Дай Бог, — сказала Пегги, которая нагло присутствовала при всех этих событиях. — Чтобы в 1799 году вашей милой прабабушке было меньше восьмидесяти. Хотя клюка вам, конечно, к лицу.

— Если ей будет больше восьмидесяти, — мягко возразил Милодар, — мы обратимся к ее внучке. У нас большой выбор предков.

Пегги разочарованно замолчала. И тогда Кора решилась на небольшую месть.

— Если можно, — сказала она, — я попросила бы профессора Гродно не подпускать к саркофагу аспирантку Пегги.

— Это еще почему?! — вскинулась Пегги. — Кто ставит под сомнение мою профессиональную подготовку?

— Вопрос не в подготовке, а в натуре, — откликнулась Кора. — Бывали случаи, что некоторые женщины срывали важные эксперименты из ревности.

— Я? Из ревности? К кому же, простите?

— К вашему шефу, — ответила Кора и с дьявольской улыбкой убрала руку профессора Гродно со своего бедра.

Профессор отпрыгнул на несколько метров, разбил что-то ценное и поклялся, что несет личную ответственность за безопасность первой жертвы гененавтики — так отныне будет называться научная дисциплина, первой жертвой которой станет Кора Орват.

Пегги пошла рыдать в соседнюю комнату. А Лицо из империи Эпидавр сообщило, что оно будет готовиться к отлету, ибо неотложные дела ждут его в империи.

С этими словами он церемонно поклонился и пошел прочь из зала, а Второй министр бежал за ним, лавируя среди приборов и крича:

— Вы только посмейте меня здесь оставить! Я вас сожру с потрохами!

— Вы и без этого достаточно скомпрометированы, коллега, — заметило Лицо, не оборачиваясь. — Даже на генетическом уровне.

Они скрылись в дверях, а Милодар с профессором Гродно отпустили Кору до завтрашнего утра в деревню к бабушке Насте, перевезти туда Колокольчика, провести ночь на свежем воздухе и переночевать на сеновале. За это время архивы и компьютеры нашей планеты должны подготовить виртуальную реальность Бирмы, а также по возможности проследить предков Кору по женской линии до конца XVIII века, благо

такая работа, правда, без генетического обеспечения, проводилась уже десять лет назад, когда комиссар Милодар в благодарность за помощь шестнадцатилетней Кору, воспитанницы приюта для галактических найденшей, обещал отыскать ее родителей. В чем почти преуспел.

Впрочем, все будет проверено и перепроверено завтра, во время путешествия Кору по подвалам ее генетической памяти.

Затем аппаратура профессора Гродно возродит к воображаемой жизни отдаленную прабабушку Кору и сознание нынешней Кору дотронется до давно угасшего сознания предка. То есть отыщет память о ней в себе самой.

И Кора отправилась домой, закрывать квартиру, объясняться с Колокольчиком, эвакуировать его в деревню и молить бога, чтобы в 1799 году ее прямые предки жили не в Хивинском ханстве или Лапландии, а как можно ближе к Индийскому океану.

ГЛАВА 2

Происшествие на Пикадилли

Миссис Мэри-Энн Форест жила в бедности. Муж ее, некогда боцман на корабле Его Величества «Энтерпрайз», потерял ногу во время боя с французами возле Кале, но так наострился ходить на деревяшке, что последние три года жизни был лесником в королевском лесу графства Кент. Там и встретил смерть от руки браконьера.

Родина не была щедра к нему, но нельзя сказать, что забыла верного служаку. Небольшую пенсию вдове платило Адмиралтейство, а шесть шиллингов в месяц Энн получала от Управления королевских лесов. К тому же миссис Форест принадлежал маленький дом, стоявший в террасе домов на Грингроуз-стрит, выходившей к Темзе, недалеко от улицы Вок-

схолл, то есть смыкавшийся стенами с соседними, точно такими же, двухэтажными, в два окна по фасаду, домиками. Обе комнаты на первом этаже занимала семья Форестов, то есть сама Мэри-Энн и двое ее детей — семнадцатилетняя Дороти и одиннадцатилетний Майкл. А две комнаты на втором этаже миссис Форест сдавала мистеру Гордону Смиту, бывшему служащему Ост-Индской компании, тихому пьянице, который хоть и нерегулярно, но платил вдвое и к тому же бесплатно — а где найдешь в наши дни такое? — учил ее детей грамоте и арифметике. Дети были в мать, сметливые, быстрые умом, и умели читать и писать не хуже иного джентльмена. Гордон даже говорил, что Дороти могла бы поступить в Оксфордский университет, а потом когда-нибудь надеть судейскую мантию. Это была его обычная шутка, и все дома весело смеялись над ней. И в пабе «Золотой лев», то есть пивной на углу, он рассказывал о способных детях миссис Форест, и, конечно, никто не принимал его всерьез, хотя надо сказать, что в большинстве своем улица неплохо относилась ко вдове и ее детям, хотя могло бы случиться и обратное. Грингроуз-стрит полагала, что вдова с достоинством и скромностью несет свое горькое положение, дети и дом ее всегда в порядке, а бедность чиста и неназойлива. К тому же миссис Форест работала не покладая рук и приспособила к работе детей — она делала шляпы для госпожи Блюмквист, веселой разбитной шведки, которая держала шляпную мастерскую возле миссис Форест на Кинг-стрит возле Ковент-Гардена.

Был у миссис Форест один явный недостаток, и, наверное, он осложнил бы ее жизнь в квартале классом повыше. Но на такой бедной улице, как Грингроуз, цвет лица или разрез глаз не играли решающей роли.

Британская империя была необъятна, и к концу XVIII века над ней уже никогда не заходило солнце, так что жен, сожительниц, детей нижние чины привозили нередко, офицеры — куда реже. Вот и боцман Форест привез свою Энн из далеких земель, название

которых помнила лишь сама миссис Форест, и, наверное, в ее памяти оно осталось иным, чем на картах Адмиралтейства. К счастью для ее детей, Мэри-Энн была светлокожей, хоть и черноволосой и черноглазой женщиной. Дети унаследовали от нее четко очерченные полные губы, упрямые круглые подбородки, высокие широкие скулы, черные ресницы, но волосы и глаза они взяли от отца — светлые, что придавало детям особую прелесть и необычность. Если к тому же добавить, что и Майкл, и Дороти пошли в мать открытым, веселым, даже порой легкомысленным характером, общительностью, ловкостью и склонностью к незлым шалостям, то, к счастью, получилось так, что и среди сверстников они пользовались популярностью и на бедной улице были как дома...

Обе комнаты первого этажа, которые занимало осиротевшее шесть лет назад семейство Форестов, были чистыми, аккуратными, но отличались от комнат соседских домов, впрочем, и комнат мистера Гордона Смита, заваленных книгами, барахлом и бумагами, ибо этот господин уже раз тридцать начинал писать воспоминания, но далее пяти страниц не продвигался, а потом через год, намереваясь продолжить их, не мог найти первых страниц и все начинал снова. Комнаты миссис Форест были пустыми. Так ей нравилось. Одна картинка: раскрашенная гравюра в рамке, изображающая «Энтерпрайз», огибающий с грузом чая мыс Доброй Надежды, в буфете под стеклом трубка мистера Фореста и его медаль за защиту Гибралтара против французов и испанцев, врученная боцману лично генералом Элиотом, именно так, оловянная кружка, из которой мистер Форест пил пиво, а также шесть стеклянных бокалов, купленных Форестом уже здесь, по приезде на родину.

Английскому духу претит жизнь в пустом помещении, с голыми стенами и без небольших и, желательно, тесно стоящих предметов. Но у Мэри-Энн лишних предметов не было, а стены были голыми. Дети к этому привыкли, а соседи заходили редко и

полагали отсутствие предметов следствием бедности вдовы.

Вот, пожалуй, и все, что можно сейчас рассказать о семье миссис Форест, ее детях и ее доме.

Тот апрельский день 1799 года выдался солнечным и теплым. Хотя в ветре, скользившем по Темзе и быстро подгонявшем по ее широкой глади небольшие парусники, сопровождаемые крикливыми чайками, еще таилась весенняя прохлада. Близкое лето давало о себе знать более всего в жаре солнечных лучей.

Шляпа, заказанная для одной знатной дамы, была готова, уложена Мэри-Энн в круглую коробку и перевязана бечевкой.

— Все! — сказала Мэри-Энн. — Только не спеши, не бегай, ты взрослая девушка.

— Разумеется, мама, — ответила Дороти, которая одной ногой уже была на улице, на солнце, на свободе.

— Когда миссис Блюмквист заплатит тебе, рассчитаешься с мистером Стоуном (это был бакалейщик) и сразу домой!

— Да, мама!

Обе знали, что согласие, полученное матерью от Дороти, ~~в~~орвано под пыткой и не будет выполнено. Всем было очевидно, что, отдав шляпу, Дороти помчится на Оксфорд-стрит фланировать по тротуару, как настоящая леди, глаза на витрины и рассматривая экипажи и всадников, разъезжающих по улице.

— Ну, беги!

Мэри-Энн подошла к окну, перед которым росли два пышных розовых куста, на которых уже начали наливаться бутоны. Она смотрела вслед Дороти и любовалась ею. Конечно, девочка могла бы быть и поменьше ростом, а то уж очень кажется худой, но Дороти грациозна, легка, взор ее привлекает доверчивостью и добротой, хотя может стать холодным, и тогда жди взрыва — это у нее от восточной маминой крови. А от отца она унаследовала аккуратность и упрямство британского моряка.

Почувствовав взгляд матери, Дороти обернулась и помахала ей. Они были так близки с матерью, что Дороти угадала ее мысли: «Если все будет хорошо, Дороти сможет устроиться в хороший дом горничной и там встретит достойного человека...»

Ах, мама, какая ты наивная! Не нужен Дороти достойный человек, садовник или дворецкий. Мечта Дороти — попасть в море, оказаться на палубе такого корабля, что летит по стене передней комнаты их дома. Какое горе, что она не родилась мальчиком! Вот Майклу все это открыто, а он любит шить шляпы. Вы не поверите — он шьет лучше всех в их доме!

Мастерская миссис Блюмквист под красивой вывеской с изображением дамы в легком, облегающем тело платье, какие, говорят, завели сначала в мятежной Франции, и в широкополой шляпе, располагалась на узкой Кинг-стрит неподалеку от Ковент-Гардена.

Дороти добралась до мастерской без особых приключений — путь от Воксхолл-стрит, от Темзы, узкими тихими улицами, где жила публика солидная, но небогатая, занял не более получаса. Так что вскоре Дороти уже крикнула снизу, увидев в открытом окне второго этажа мастерской наполовину скрытую вывеской веселую, но не очень щедрую госпожу Блюмквист:

— Вам не холодно, миссис Блюмквист?

— У нас в Швеции все лето такое, — ответила белокурая госпожа Блюмквист. Она говорила с некоторым выдуманном ею акцентом, чтобы скрыть настоящий, эдинбургский, откуда она была на самом деле родом.

Весна пришла дружная, многие кусты и деревья уже распустились, а на зеленых склонах к Темзе, там, где не было грязных причалов и складов, зазеленела такая свежая трава, что можно было позавидовать щипавшим ее козам.

— Ты сама не замерзни, а то несешься в одном платье, вспотеешь! — откликнулась миссис Блюмквист.

Тук-тук-тук — взлетела Дороти на второй этаж по скрипучей лестнице. Аккуратная госпожа Блюмквист уже сложила в длинный бумажный конверт предназначенные миссис Форест деньги. Дороти быстро поздоровалась с тремя мастерицами, что сидели вместе с госпожой Блюмквист, и помчалась на улицу. Столько еще надо было сделать до возвращения домой, а ведь мама уже поглядывает на ходики, которые отбивают не часы, а склянки — память о корабле «Энтерпрайз». То есть они бьют раз в полчаса. В половине первого — раз, в три часа — шесть ударов, в четыре — восемь склянок. И все начинается снова — так три раза в сутки. Отцу было приятно думать, что какой-то кусочек корабельной жизни сохраняется в его доме. А Майкл с Дороти долгое время были уверены, что в жизни нет часов, а есть склянки, что приводило некогда к смешным и печальным недоразумениям.

От Ковент-Гардена до Оксфорд-стрит не так уж далеко — девичьи башмаки простучали эти кварталы за несколько минут...

* * *

В тот день молодой человек по имени Алекс Фредро, служивший штурманом на компанейском корабле «Глория», названном так в честь покойной супруги сэра Уиттли, вице-президента совета директоров и бывшего министра, проснулся поздно. И причиной тому была не дуэль и даже не романтическое приключение, а встреча с епископом Яблонским, отыскавшим его во время негласного визита в Англию и взявшего у него некоторые важные бумаги. Епископ знал о скором отплытии Алекса в Британскую Индию, из-за чего тот не мог быть более «почтовым ящиком». Епископ был старым другом господина Николаса Фредро, отца Алекса, и именно его негласному, но немаловажному влиянию Алекс был обязан своим образованием и тем, что ему не пришлось начинать службу на кораблях компании юнгой, а он сразу стал мидшменом, или мичманом, то есть бу-

душим офицером, а к двадцати восьми годам дорос до достаточно опытного штурмана, иначе бы ему не служить на «Глории».

Алекс не любил Лондона, он всегда чувствовал себя в нем чужим и потерянным. Лондон был для него слишком шумным, тесным и неуютным местом. Здесь даже стволы деревьев, если найдешь одно на заднем дворе, обрастали лишайниками и какой-то мокрой зеленью.

На этот раз Алексу не пришлось долго околачиваться в порту — его «Кент» отправился в сухой док, а сэр Уиттли, который всегда внимательно следил за судьбой подчиненных ему людей, сам предложил Алексу перейти штурманом на «Глорию», корабль новый, один из лучших в Компании, который спешно снаряжался в Мадрас и Рангун для исполнения секретных планов, из-за чего и груз на «Глории» был иным, нежели обычно на кораблях компании, которые должны были поставлять ткани, посуду, оружие, товары британского производства, нужные в обмен на пряности, тик и иные произведения тропических стран, с большей или меньшей мерой охоты склонявшихся к признанию власти короля Великобритании.

Алекса разбудили громкие крики грузчиков, которые утопили в грязи сундук какого-то джентльмена, стаскивая его с экипажа. Он еще лежал некоторое время, не открывая глаз и слушая, как разгорается под окнами скандал, как в него вплетаются все новые голоса — возницы, пострадавшего джентльмена и тех зевак, которых хлебом не корми, но дай подсказать что-нибудь бесполезное.

Наконец, когда не осталось сил притворяться, что ты все еще спишь, Алекс вспомнил, что обещал быть днем у своего старого приятеля по штурманской школе, недавно выйдшего в брак и решившего оставить ненадежное и опасное морское поприще. Но визит, до которого надо было наведаться на «Глорию», где будут устанавливать новый компас, требовал посещения парикмахерской и покупки новых башмаков: гардероб Алекса был скромн, но не от его

жадности или крайней бедности, хоть и приходилось посылать деньги оставшимся дома племянникам и сестре, но раз уж пока у Алекса не было своего угла в Англии, то большой гардероб был не нужен, а основное добро молодого моряка умещалось в сундуке, стоявшем сейчас в углу номера.

Тут Алекс открыл глаза, и пришлось вставать.

Гостиница была чистой, для джентльменов, служащих и офицеров Ост-Индской компании, потому в ней не было ни клопов, ни крыс, несмотря на то, что она лежала неподалеку от реки, куда вошла перед отплытием «Глория», а ночную посуду слуги мыли каждый вечер, в тазу была налита прозрачная вода, и полотенце было выстиранным, как в лучших домах.

Умываясь, молодой человек поглядел в овальное зеркало, прикрепленное к стене, и остался собой недоволен. Хоть он, следуя моде, отрезал косичку и стригся коротко, что было удобно в морской жизни, но так и не решился завиться, и потому его волосы, прямые, каштановые и не очень густые, никак не украшали его обыкновенного, ничем — ни горбатым носом, ни высоким лбом, ни орлиным взором — не примечательного лица. Скорее, лицо было излишне мягким в чертах, и даже подбородок недостаточно крут, что выдавало мягкость характера, хотя на самом деле внешность Алекса Фредро была обманчивой — он был чрезвычайно упорен, настойчив и терпелив и, главное, умел, хоть и не любил, отчаянно драться, что спасало его в мичманском кубрике.

Вспомнив на мгновение те годы, Алекс замер, но зеркало тут же выдало его — у отражения остекленел взгляд и опустились уголки губ... Впрочем, своим сложением Алекс также не был доволен, потому что его широкие плечи и развитые, сильные руки выдавали в нем простолюдина, каковым он на самом деле не был — фамилия Фредро прослеживала свои дворянские корни по крайней мере лет на двести в прошлое... О, как мечтал он раньше быть таким же изящным, узкоплечим, гладкобедрым и изысканным, как настоящие кавалеры!.. Даже понимая, что по-

добные качества на корабле не приносят пользы, а к элите компании в Мадрасе или в Калькутте он не относился, изжить в себе зависть не мог. А так как компания не поощряла дуэлей между своими служащими, то это занятие его и не привлекало. Алекс Фредро был карьеристом. Он хотел стать капитаном настоящего корабля. Надеяться на это у него были все основания, если учесть, что его козырями были упорство и морское ремесло. Правда, не более того.

Приведя себя в порядок и позавтракав внизу, где хозяйка гостиницы, благоволившая к скромному штурману, оставила ему горячий кофейник и яичницу с беконом, Алекс вышел на улицу, где грузчики все еще возились с сундуком, который чуть ли не наполовину ушел в грязь. Он обошел драматическую сцену, прижимаясь к стене дома, где было посуше, и направился к центру Лондона, в известную ему парикмахерскую. Он все же решился немного завить волосы и, не исключено, посоветоваться с цирюльником, не отпустить ли ему бакенбарды, небольшие, как у капитана Фицпатрика, командира «Глории».

Дойдя до угла, Алекс достал из жилетного кармана часы-луковицу, щелкнул, открывая крышку, часы сыграли простую мелодию, вряд ли кому известную в Лондоне, и сообщили, что времени оставалось немного, ведь визит к парикмахеру наверняка отнимет более часа. Так, может, сначала все-таки заглянуть на «Глорию» и потом с легким сердцем?..

Решить эту проблему следовало немедленно, но так как она была не столь уж важна, то Алекс решил отдаться в руки судьбы. Он достал медную монету в полпенни и сказал вслух:

— Голова, — имея в виду голову короля Георга III, изображенную на лицевой стороне монеты.

— И тогда пойдете в парикмахерскую? — спросил невысокого роста пожилой, курчавый, с проседью человек, одетый в черное, но без шляпы.

Настроение у Алекса было достаточно миролюбивым, чтобы не обижаться на столь необычное вмешательство в чужие дела.

— Тогда в парикмахерскую. — Он улыбнулся и подумал, что образовавшаяся у него от вахтенного одиночества привычка беседовать с самим собой может сослужить в Лондоне дурную службу.

Он подкинул монету. Случайный прохожий внимательно и напряженно смотрел на него. Поймав монету, Алекс раскрыл ладонь. Кверху лежала Британия, держащая в одной руке копьё, в другой — овальный щит.

— Значит, на корабль, — сообщил Алекс курчавому джентльмену.

— Почему же так? — удивился тот, утыкая палец в тыльную сторону кисти. Монета вылетела и упала на мостовую. — Я же собственными глазами видел, что была голова монарха.

Джентльмен громко засмеялся, но тут же нагнулся, поднял монету, протянул ее Алексу, и тот убедился, что смотрит на голову Георга.

— Я не слепой, — сказал Алекс. — Была Британия.

— А кто настаивает на этом?

— Но я видел...

— Вы видели короля, мой милый, — сказал курчавый джентльмен и буквально потащил Алекса к углу, к Оксфорд-стрит, к парикмахерской, и притом почему-то приговаривал: — Да скорее же! Разве вы не понимаете?

— Что вы делаете, черт побери! — воскликнул штурман.

Вырвав рукав из цепких пальцев джентльмена, он хотел было объяснить тому по-мужски, что так цивилизованные люди себя не ведут, но джентльмена и след простыл — днем на шумной Оксфорд-стрит нетрудно затеряться в толпе...

* * *

Сэр Джордж Уиттли, вице-президент Британской Ост-Индской компании, в отличие от штурмана Фредро, побывал на «Глории» уже с раннего утра и проверил, должным ли образом идет погрузка корабля. С

кораблем у господина Уиттли были связаны настолько важные и далеко идущие планы, что даже не все директора Компании были в них посвящены, а всей правды не знал никто, кроме сэра Джорджа.

Пока все шло, как предполагалось. Но ясно было, что успех зависел от множества причин и случайностей — Атлантический океан, Индийский океан, Индия... Куда больше шансов потерять, чем найти. Но если найдем, то вся жизнь обретает особый смысл.

Сэр Джордж ехал домой по Оксфорд-стрит в открытом экипаже, наслаждаясь солнечным апрельским днем и не опасаясь простуды — этот краснолицый, рано поседевший, крепкий мужчина, казавшийся толстым, вовсе не был толстым, а скорее, туго-мясистым здоровяком. И если ему и грозила смерть, то только от излишнего накопления жизни — от этого порой происходят апоплексические удары.

Протянув вперед трость, сэр Джордж дотронулся до спины Мэттью и произнес, перекрывая шум улицы:

— Поторопись, Мэтт, у нас сегодня гости к ленчу.

— Вы же видите, какое здесь движение, сэр! — откликнулся кучер. — Я не удивлюсь, что через несколько лет Лондон погибнет.

— Отчего? — искренне удивился сэр Джордж.

— От конского навоза. Он наполнит улицы до вторых этажей!

— Это необычное, но не лишенное здравого смысла соображение, — сказал сэр Джордж, который привык всерьез рассматривать любую теорию или гипотезу, если видел в ней гран здравого смысла.

И в этот момент на подножку экипажа вспрыгнул небольшого роста курчавый джентльмен без шляпы. У него было лицо цыгана либо индийского жулика — подобные лица неоднократно встречались сэру Джорджу в Ост-Индии, которой он не выносил вместе с ее сладкими красотоми, претенциозными руинами, подбострастными раджами и посредниками, коварством отравленного воздуха и тухлыми, но острыми запахами тесных городов.

Рука сэра Уиттли потянулась к внутренней, обшитой кожей стенке экипажа, где был глубокий карман для пистолета, но тут же он вспомнил, что собственноручно вытащил пистолет оттуда, ибо пэру империи неловко разъезжать по столице с заряженными пистолетами. Могут узнать газетчики, и тогда поднимется смех на всю страну: «Перед кем трепещет этот милорд?»

— Я не зарезу вас, — негромко сказал курчавый человек, и, к удивлению своему, сэр Уиттли обнаружил, что он не молод и не похож на индийца, а скорее, принадлежит к какому-нибудь балканскому народу, что не исключало его цыганского происхождения. — Не бойтесь.

И, раскрыв в ухмылке рот, курчавый разбойник показал настолько ровные и белые зубы, каковые могли быть сделаны из фарфора, но не из костей, как то положено.

— Что вам надо? — спросил сэр Уиттли, избегая обращения к этому бродяге, который явно бродягой не был, но, возможно, состоял в греческих заговорщиках.

Мэттью обернулся, но коней не придержал, потому что в этой толчее они и без того шли шагом.

— Для вашего блага, — произнес курчавый мужчина, глядя в глаза сэру Уиттли с настойчивостью гипнотизера, — прошу вас свернуть на Пикадилли, ибо на ближайшем углу вас могут ждать неприятности.

— Что такое? Что за бред, в конце концов! — возмутился сэр Джордж.

Но курчавый поднял палец, как бы подчеркивая этим серьезность своего предупреждения.

— Помните ли вы о том, как по вашему приказу для проведения дороги к форту был снесен храм сикхов? Говорит ли вам что-либо имя Раджагатан Сингх? Сверните на Пикадилли! Сейчас же!

И с этими словами курчавый прыгнул с подножки и пропал. Мгновение — и его голова мелькнула среди прочих... Нет, наверное, в нем есть негритянская

кровь! Да, именно такая странная, чепуховая мысль промелькнула в голове сэра Джорджа. И он услышал:

— Я поверну, чем черт не шутит!

Он не ответил, хоть голос Мэттью и проник сквозь грохот улицы. Он вспомнил шоколадные, ненавидящие глаза старого сикха, изрыгающего проклятия на исполнительного, холодного и уверенного в своей правоте британского чиновника. Этот старый, фактически пустующий сикхский храм перекрывал низину между двумя холмами, создавая стратегическую ловушку для любого отряда, следующего из форта св. Георгия на север. Это была точка зрения майора Куинси. И ее, разумеется, разделял старший фактор Уиттли, который нес перед Компанией и короной ответственность за безопасность британских подданных и британского имущества в этой стране, которую так и не полюбил и жизнь в которой лишь терпел — почти двадцать лет терпения... Он увидел, что экипаж поворачивает на Пикадилли, и понял, что Мэттью принял угрозу курчавого пророка, видно, из соперничающей компании бандитов, всерьез и решил не рисковать жизнью патрона. Теперь придется объезжать целый квартал, прежде чем вернешься на основную дорогу. Впрочем, с этими сикхами надо быть осторожным — они истинные убийцы, и, что самое опасное, у них долгая память. Ведь добрались же они до Горди Ричардсона! В его имении, в Сассексе! По крайней мере на том настаивает молва.

Экипаж чуть накренился, поворачивая, Мэттью стегнул коня, тот дернул вперед, и надо же так случиться...

— Стой! Куда ты! Назад!

* * *

— Стой! Куда ты! Назад! — Дороти услышала этот крик, но не поняла, что он относится именно к ней.

Перед тем она долго рассматривала витрину часового магазина, в которой за стеклом возвышались мраморные и позолоченные каминные часы, изобра-

жающие двух обнаженных богинь, опершихся о мраморный грот, вместо хода в котором находился золотой циферблат. Но не позолота и не фигурки богинь столь зачаровали Дороти, а живой, в прожилках, зеленый нефрит, из которого была сделана горка. И в этом нефрите жила какая-то ценная и близкая для Дороти тайна, некое воспоминание, которого и быть не могло. Но порой это просыпалось в ней — и именно с камнями, дикими, порой некрасивыми, в которых Дороти видела то, что было неподвластно взору других людей. Дороти могла идти по улице и вдруг присесть возле булыжника на мостовой, потому что, пронзая мысленным взором грязь и потертость камня, она понимала, какая красота откроется в нем при разломе или распиле... Порой, еще девочкой, она притаскивала домой камни и хранила их в мешочке в своем углу. Отец смеялся, велел выкинуть, но, конечно же, не выкидывал, а мать сама имела к камням собственное тайное отношение, хотя не столь выраженное, как у Дороти. Но и она могла долго вертеть в руках непрозрачный осколок гранита, как бы впитывая пальцами его тепло и скрытую красоту.

Нефритовые каминные часы произвели такое впечатление на девушку, что она с трудом оторвалась от витрины, все еще мысленно трогая камень... И не замечая ничего вокруг, вышла на мостовую — точно под поворачивавший на Пикадилли экипаж сэра Джорджа. И ни остановить его, ни удержать коней, которые при неожиданном повороте также потеряли на секунду способность ориентироваться, было невозможно.

Сэр Джордж успел лишь приподняться над сиденьем и зажать рот рукой, ибо предчувствие страшного конца этой сцены больно сжало его сердце.

Но в этот момент случилось совершенно непредвиденное.

Молодой человек в скромном синем сюртуке, серых, в обтяжку, штанах ниже колен и белых чулках, волей судьбы увидавший неминуемую беду за секунду до того, как кони растоптали девушку, проявив нече-

ловческую ловкость, прыгнул к девушке так, как кидаются на бордаж через трехъярдовую пропасть, разделяющую в море два корабля, и рванул Дороти к себе, падая на край мостовой, к счастью для всех, на невысокую тележку, увенчанную грудой темно-зеленых арбузов. Арбузы посыпались из опрокинувшейся повозки и спасли молодых людей, ибо удар коней, старавшихся остановиться и вставших на дыбы, пришелся в груды арбузов и тележку. Через несколько секунд прекратились треск, грохот и многоголосый крик, ибо сотни людей, увидев, что происходит, успели испугаться. Но не успели, разумеется, что-либо предпринять, так как экипаж врезался облучком и передним колесом в фонарный столб, отчего Мэттью свалился на землю, и над всем этим крошевом людей, арбузов, поломанного дерева, как статуя, возвышался неподвижный от растерянности и страха сэр Джордж. Он высоко поднял трость, словно намеревался от кого-то защищаться.

Первым поднялся молодой человек в синем камзоле и обернулся в поисках своей шляпы — он принадлежал к тем воспитанным джентльменам, которые чувствовали себя без шляпы неприлично обнаженными. Но притом он помог подняться спасенной им девушке, которая также забыла о боли и разорванном платье, потому что испугалась, не потеряла ли она пустую шляпную коробку, за что будет наказана.

И лишь поднявшись, девушка вскрикнула от боли, и все увидели (а толпа окружила сцену быстро и тесно), что разорванная юбка не может скрыть разрезанного бедра, из которого течет кровь, и разбитую в кровь щеку. Молодой человек также был в крови, хотя, как потом оказалось, это была кровь Дороти. К тому же одежда обоих участников происшествия пришла в ужасное состояние — Алексу было достаточно одного взгляда на свой сюртук, чтобы понять: с мыслью об обеде у приятеля придется проститься. Но, правда, смотрел он больше не на себя, а на девушку. Девушка была совсем молоденькой, почти девочкой, хотя длинноногой и стройной, и

ростом она почти не уступала штурману Фредро. Лицо ее, возможно, не лишенное очарования, сейчас вряд ли можно было бы назвать таковым — кровоподтек и синяк захватывали правую сторону лица, волосы растрепались, косынка или шляпка были утеряны. К тому же девушка была бледна и вот-вот готова лишиться сознания.

Штурман помог девушке подняться на ноги, и она стояла, пошатываясь, опираясь своей тяжестью на руку штурмана, и не соображала, где находится и что с ней случилось.

И в этот момент, перекрывая уличный шум, гул толпы и вопли пришедшего в себя владельца тележки с арбузами, послышался низкий голос человека, привыкшего управлять людьми:

— Мистер Фредро, вы ли это?

— Вот именно, милорд, — ответил штурман, только теперь сообразивший, что весь инцидент произошел с экипажем, в котором находился сам сэр Джордж Уиттли, вице-президент Ост-Индской компании, более того, фактически владелец «Глории» и организатор ее плавания в южные моря, то есть живой бог для молодого штурмана.

— Это я, — повторил штурман виновато, словно сам толкнул или подсунул девушку сэру Джорджу.

Сэр Джордж не успел ответить, как из глубины толпы, где обычно собираются борцы за правду, предпочитающие вести борьбу анонимно, раздался громкий голос:

— Для таких господ жизнь человека и пенса не стоит!

Ответом возгласу были глухой ропот и иные возгласы, также нелицеприятные для сэра Джорджа, который почувствовал себя обнаженным и беззащитным, словно король Франции Людовик на эшафоте на Гревской площади.

И надо сказать, что, хотя уже прошло шесть лет со дня казни монарха, а затем и завершения страшного террора, сэр Уиттли относился к тем вельможам, которые на всю жизнь после этого сохранили в себе

недоверие к толпе, к ее темным инстинктам, ее грубости и внутренней ненависти к тем, кто дает работу, хлеб, кров, кто правит страной по возможности мудро и справедливо. Возможно, к этому примешивалась и память предков сэра Уиттли, которым пришлось бежать и скрываться от круглоголовых Кромвеля или от бедняков Уота Тайлера... В любом случае страх перед чернью глубоко сидел в сэре Джордже. Он медленно опустил трость и сжался на сиденье, готовый закричать Мэттью: «Гони», но понимая, что именно это сделать невозможно и, пока толпа не выпустит его, никуда он не денется.

Девушка закрыла глаза и потеряла сознание, это было видно сэру Джорджу, и тогда он, ничуть, правда, не тронутый видом пострадавшей дурочки, которая со свойственной простолюдинам беззаботной тушостью сама сунулась ему под колеса, понял, что пора действовать.

В любом случае сэр Уиттли, будучи человеком, в принципе, бессердечным, если дело не касалось его близких, приказал бы Мэттью ехать дальше, кинув побирушке шиллинг, но в окружении такого числа свидетелей он был вынужден вести себя иначе. Тем более что, пока он рассуждал, сжимаясь под растущим зловещим ворчанием толпы, в первые ряды пролез вездесущий репортер-газетчик, ловкая бестия, готовый за сребреник разрушить карьеру и дело большого человека, а сегодня сэру Уиттли менее всего хотелось оказаться на виду у газет вигов.

— Чего вы стоите, Фредро! — крикнул он штурману. — Алекс, Мэттью, кладите девушку сюда. — Он посторонился на широком сиденье, освобождая место для пострадавшей, словно иной мысли ему и в голову не могло прийти.

Несколько рук поднялось вслед за девушкой — всем хотелось помочь, и уже утихала злость черни, потому что господин вел себя иначе, чем от него ожидали.

Алекс встал на подножку и поддерживал все еще бесчувственную девушку, чтобы она не коснулась сэ-

ра Уиттли и, не дай Бог, не измарала его кровью. Сэр Джордж прозорливо осознал это желание штурмана и отдал ему должное, а сам отодвинулся как можно дальше от пострадавшей, потому что его плащ и сюртук были сшиты у такого дорогого портного, что этой девице за век не заработать на такую одежду.

— Трогай! — приказал сэр Джордж, полагая, что толпа теперь пропустит его экипаж, тем более что сзади дудели рожки карет, раздавались крики возчиков и кучеров, задержанных в своем движении.

Проверяя, убрался ли газетчик, сэр Джордж увидел у стены, на некотором отдалении от начавшей рассасываться толпы, немолодого уже человека с курчавыми, в седину, волосами, остроносым крепким лицом. Конечно же, это не грек и не цыган — это типичный сатир! Мраморную голову такого он видел в доме графа Мальборо — тот купил ее в каком-то из портов во время Средиземноморской кампании.

Курчавый человек, столь неожиданно появившийся на его пути с предупреждением о сикхах и в результате заставивший его влипнуть в неприятную историю, поднял руку, как родственник, остающийся на берегу и посылающий последний привет кораблю.

Сэр Джордж резко отвернулся от него.

Экипаж медленно поехал боковыми улицами, избегая толкотни, чтобы спокойнее и незаметнее добраться до дома. На этих улицах и улочках немислимо трясло, молодой штурман достал свой платок и попытался закрыть им рану. Разрез на ноге был неглубок, но в длину достигал фута и потому обильно кровоточил.

В помощь штурману сэр Джордж пожертвовал своим платком — платки пропитывались кровью и создавали в экипаже ощущение полевого госпиталя. Ноздри сэра Джорджа давно не впитывали запаха свежей человеческой крови — у нее особый, дикий, тревожный запах... Сэр Джордж пытался угадать, какова собой жертва столкновения, но не мог — к нему были обращены распухшая синеющая грязная щека и спутанные волосы...

Экипаж свернул с улицы к металлической ограде, ворота в которой, выкованные более ста лет назад и бывшие произведением железного кружевного мастерства, медленно раскрылись, как бы примеряясь к скорости, с которой хозяин дома въезжал в свою резиденцию.

Открыв створки ворот, слуги в голубых ливреях замерли, вытянувшись и ничем не показывая своего удивления, но необычный вид экипажа встревожил дворецкого и двух лакеев, которые вышли к дверям наверху широкой лестницы, чтобы встретить сэра Уиттли. Они побежали навстречу ему, не дожидаясь, пока экипаж остановится у лестницы, и сильные руки лакеев сразу подхватили девушку, помогая штурману вытащить ее из экипажа.

Дворецкий, остановившись в двух шагах поодаль, спросил сэра Джорджа:

— Куда прикажете?

В этом вопросе было все. И понимание того, что девушка не принадлежит к кругу персон, равных лорду, а то и самому дворецкому, и попытка осознать степень ответственности, какую сэр Джордж вознамерился взять на себя в связи с каким-то непонятным событием. Что это — благотворительность, доброта, столь не свойственная лорду, либо стечение обстоятельств, из которых сэру Джорджу придется выпутываться?

А сэр Джордж, которому дворецкий служил еще со времен Мадраса, более двадцати лет, одной фразой все поставил на место:

— В комнату для гостей... на первом этаже. И вызвать мистера Симкина.

Комнаты на первом этаже предназначались не для гостей лорда, а для слуг гостей. Штурману этого знать не следовало, а Мартин все понял.

Уиттли кинул взгляд на штурмана. Тот стоял, прикрывая измаранную кровью кружевную сорочку под распахнутым сюртуком. Шляпу он потерял во время происшествия.

— Это чудо, мистер Фредерик, — произнес сэр Джордж, к сожалению, перепутав непривычно звучащую фамилию своего штурмана. И, почувствовав себя неуверенно, сразу нашелся: — Вы позволите называть вас просто...

— Александр... Алекс.

— Чудесно, чудесно. Сам бог послал тебя, Алекс, чтобы спасти эту несчастную дурочку. Нет, вы только подумайте! Во всем Лондоне на помощь бросается именно мой человек! — И сэр Джордж облегченно и искренне рассмеялся. — Я вам обязан, да, да, не отнекивайтесь. И не подумайте покидать мой дом в таком виде! Сейчас Мартин... — Сэр Джордж обернулся в поисках дворецкого — тот был рядом, но уже успел отдать нужные указания, и лакеи унесли девушку, а одна из служанок побежала за доктором Симкиным.

— Ах, вот ты где, Мартин. Мартин, голубчик, отведи Алекса в комнату Джулиана. Открой его гардероб и помоги штурману моего корабля, славному морскому волку и будущему капитану, отыскать себе одежду по вкусу. Надеюсь, размером она ему подойдет.

— Разумеется, сэр, — слегка поклонился дворецкий, — однако я должен напомнить, что, так как сэр Джулиан уже шесть лет не был дома, его костюмы несколько вышли из моды.

— Алекс не модник, нет, Алекс не модник. — И тут же, будто усомнившись в комплименте, сэр Джордж обернулся к штурману. — Ты не модник, мой друг?

Алекс улыбнулся. Ответа не требовалось. Сэр Джордж тоже улыбнулся, и так было достигнуто взаимопонимание.

— Когда же вы приведете себя в порядок и покажетесь доктору Симкину на случай царапин и ссадин... не спорьте, мой друг, надеюсь, вы присоединитесь ко мне в библиотеке, и мы выкурим по трубке. Мне давно хотелось поговорить с вами о будущем плавании «Глории», но все не было времени, а теперь судьба распорядилась за нас, разве это не чудесно?

Алексу ничего не оставалось, как согласиться, что такая перспектива чудесна.

— А затем вы останетесь на ленч, и я представлю вас моей невестке. Вам не приходилось еще встречать жену моего Джулиана?

— Не имел чести.

— Вот и отлично, вам же вместе плыть в Рангун!

И тут, словно вновь увидев, какой жалкий вид у штурмана, да и вообще сообразив, что парадная лестница — не лучшее место для разговоров, сэр Джордж передал молодого человека в руки усатого Мартина, а сам проследовал к себе, недовольный тем, что вдруг обнаружил на рукаве плаща пятнышко крови.

* * *

Миссис Джулиан Уиттли, она же младшая хозяйка дома, Регина, супруга единственного сына и наследника сэра Джорджа, пребывала с утра в отвратительном настроении. Она осталась без горничной.

Все уже было давно решено. Регина прибавила Салли жалованье, обещала, что сама позаботится в Ост-Индии о достойном женихе, и выбросила эту заботу из головы. У Регины была особенность — она привязывалась к людям и вещам. То есть для нее и люди и вещи были понятиями одной категории — ее окружением. Она до сих пор повсюду таскала с собой куклу, которую тетя Джейн подарила ей в пятилетнем возрасте, она не позволяла выкидывать старые платья и даже туфли, для них за гардеробной была особая комната, которую в доме все открыто звали «старьевщицей». Она долго сопротивлялась замужеству, потому что мысль о том, чтобы покинуть родной дом, была невыносима. Для нее была трагедией поездка в Индию через год после свадьбы. Она прожила с мужем в Мадрасе три года, привыкла постепенно к новой жизни, но, когда муж был переведен фактором на новое место — в Рангун, — взбунтовалась и под предлогом лечения дизентерии и малокровия возвратилась в Лондон и осталась тут надолго. Некоторые досужие языки даже утверждали, что она намерена

расстаться с Джулианом, а отец ее, лорд Грейди, добьется развода для дочери, чтобы не губить ее в джунглях этой проклятой Индии. Потом, когда прошло три года и старший сэр Уиттли стал настаивать на ее возвращении к Джулиану, который уже обосновался на собственной фактории в Рангуне, соблазняя молодую женщину возможностями, открывавшимися перед ее сыном и ею самой, Регина, проснувшись как-то утром, вдруг поняла, что муж — это нечто привычное, подобно старой кукле, и к нему пора возвращаться.

Разумеется, такая мысль не пришла бы в голову Регине, если бы в Лондоне не было так скучно, если бы муж ее не присылал деньги так скупно, вкладывая, как утверждал, в индийские фрахты, если бы не прижимистость старого сэра Джорджа, если бы не ощущение того, что жизнь проходит в скучной роли соломенной вдовушки, хотя ей куда более подходит роль владычицы далекой империи. Когда же обнаружилось, что в Рангун пойдет не пропахший гнилью и рыбой торговый тихход, а удобная, вместительная, комфортабельная «Глория», путешествие на которой может обернуться приятными разнообразными приключениями, Регина неожиданно для старого лорда легко согласилась возвратиться к мужу, забыв, что покинула его из-за плохого тропического климата. Правда, сэр Уиттли был вынужден хорошо заплатить за столь легкое согласие. Но и он не остался внакладе, потому что платил невестке не золотом, а акциями компании.

И вот, когда все было решено, когда «Глория» уже грузилась чуть ниже Тауэра по течению Темзы, вдруг без объяснения, без предупреждения эта недостойная Салли потребовала расчет. И даже не удосужилась объяснить почему. «Боюсь, и все тут. Не хочу в Индию, а хочу в Лондон!»

Регина готова была бросить ее в подвал и заковать в колодки, но в доме сэра Уиттли подвал был полон капустой, копчеными окороками и прочими продуктами, да и колодок не нашлось. Регина хотела было

пойти на крайнюю меру: глядя на наглое, круглое, мучнистое лицо желтоволосой горничной, она чуть было не позвала лакеев, чтобы Салли арестовали за попытку украсть... нет, разбить... нет, избить... Пока она искала предлог, время было потеряно. Вошел дворецкий Мартин, и при нем ничего не оставалось, как красивым и широким жестом указать Салли на дверь, даже не спросив ее, а что же случилось на самом деле.

Конечно, дело было не в климате. Дело заключалось в письме, которое пришло из Брайтона, где у нее жила тетка. Вроде бы и жила, но о ней Салли не помнила. А теперь эта тетка вознамерилась оставить Салли в наследство небольшой домик у моря и триста фунтов. Именно это говорилось в письме, которое принес и даже прочитал вслух странный джентльмен, весь в черном, курчавый, с проседью, похожий не то на грека, не то на цыгана и оказавшийся стряпчим. Отцу Салли он вручил подарок от сестры его покойной супруги — табакерку из чистого серебра, а Салли аванс — сорок фунтов чеком на Лондонский банк. Вот такая невероятная история случилась утром.

Конечно, пока курчавый джентльмен не передал письма, подарка и чека, в доме Салли его приняли с подозрением. Потом же он стал лучшим другом и советчиком. А совет его заключался в том, чтобы без нужды не рассказывать соседям и знакомым о свалившемся с неба счастье. Отец согласился, и Салли согласилась. Потому и мямлила хозяйке, робяя и краснея, о плохом климате в Индии и страхе перед морским путешествием.

Рассвирепевшая Регина потеряла контроль над собой, которым так гордилась. Салли была старой, привычной вещью, которая вдруг проявила склонность к предательству. Все равно как если бы кукла ушла в лес.

А откуда возьмешь горничную за неделю до отплытия? Конечно, можно отыскать воровку или шлюху... Порядочная девушка не отправится так вот, с бухты-барахты через половину мира, в страшную Индию.

Регина отвернулась, чтобы не прощаться с Салли и не видеть больше этой круглой тупой рожи, но слышала, как шаги Салли и Мартина удаляются по коридору. Сама же она уставилась в зеркало, потому что ее взор был обращен вовнутрь.

Все еще преисполненная холодного бешенства и жалеющая о том, что она живет в этой проклятой Англии, а не в Индии, где она быстро бы отправила непокорную служанку к палачу или хотя бы выпороть на конюшню... Говорят, что в России до сих пор у дворян сохранилось такое благородное право и плебеи там знают свое место. Ах, почему она не родилась в могучей и справедливой России!

Услышав за приоткрытым окном взволнованные голоса, Регина подошла к окну и увидела экипаж ее свекра, въехавший в ворота дома. С первого взгляда Регине показалось, что под влиянием разговора с горничной она сошла с ума — сэр Уиттли сидел рядом с молодой девушкой, а на подножке экипажа стоял молодой человек без шляпы, в разорванном синем сюртуке и поддерживал ту женщину, чтобы она не привалилась к сэру Джорджу.

Это кошмарное явление приближалось к дому, и, взглянув вниз, Регина увидела, как Мартин, сопровождаемый лакеями, кинулся вниз по лестнице, чтобы освободить экипаж от бесчувственного женского тела.

Что это? Какой-то несчастный случай? Но представить себе, что Уиттли остановится и подберет на улице пострадавшую, если она не герцогиня Кентская, было невозможно. А что, если это в самом деле знатная дама? Но, задавая себе этот риторический вопрос, Регина уже знала, что это не так — ее острому взгляду и на таком расстоянии было видно, что женщина с окровавленным, распухшим лицом относится к низшим слоям общества.

Регина не спешила спуститься вниз, но, пока ее свекор беседовал на ступеньках лестницы с молодым человеком, помогавшим доставить в дом женщину, она его внимательно разглядывала. На первый взгляд

молодой человек не был ничем примечателен, хотя высок и ладно сложен. Регине понравилось его открытое простодушное лицо и даже веснушки на переносице, столь легкомысленно выглядевшие на лице джентльмена, который, правда, и не пытался от них избавиться пудрой или белилами, как сделал бы щеголь из окружения Регины Уиттли. Да и вообще лицо молодого человека было обветренным и загорелым, что выдавало в нем военного или моряка либо по крайней мере человека, проводящего свою жизнь на открытом воздухе. Таких людей в доме Уиттли принимали лишь по делу — они прибывали на кораблях из Ост-Индии или Вест-Индии. Такие люди служили Компании и дому. Мало кто из них поднимался высоко и становился гостем. Еще не наступила пора, когда крупные состояния делались в колониях. Пока что деньги ковались на бирже и на складах метрополии — служащие факторий и фортов чаще гибли от лихорадки и дизентерии, не успев разбогатеть, либо теряли все добро, когда очередной пират или корсар нападал на компанейский корабль, не спеша плывущий в Англию по Индийскому океану. Жизнь была игрой, и игроки на поле боя не выигрывали.

Наконец сэр Уиттли и молодой человек в сорочке, измазанной кровью, словно после дуэли на шпагах, проследовали в дом, что Регину удивило. Движимая любопытством, она вышла на лестничную площадку второго этажа и услышала, как Мартин с молодым человеком поднимаются по лестнице. После секундного раздумья Регина отправилась по лестнице вниз, рассчитывая встретиться с молодым человеком на половине лестницы, которая закруглялась, прижимаясь к белой стене, на которой были развешаны головы охотничьих трофеев времен буйной молодости сэра Уиттли: со стен скалились медведь, вепрь, бенгальский тигр и белый носорог — чудовище невероятно редкое и почти неуловимое.

— Ах! — воскликнула Регина, которая якобы ничего не знала. — Что случилось? Кто вы? Что с вами?

— Простите, мэм, — ответил за молодого человека, скромно склонившего голову, дворецкий Мартин. — Но молодой господин по приглашению сэра Джорджа переоденется в комнате вашего супруга. В таком виде он не может появиться на улице.

— В комнате... моего мужа? — Размеренность возмущенных слов была рассчитана на молодого человека и Мартина. Они должны были понять, что лишь она, жена Джулиана Уиттли, может разрешить или не разрешить войти кому-то в гардеробную молодого господина.

Но сцены не получилось, потому что снизу, из холла, послышался голос сэра Уиттли, который обладал дьявольской способностью слышать чужие разговоры, даже если они велись тихим шепотом, и вмешиваться в них к собственной выгоде.

— Дорогая, — прогудел голос с верхней ступени лестницы. — Я позволил себе запустить Алекса к Джулиану в спальню — я не могу выпустить моего спасителя на улицу в растерзанном виде. Надеюсь, ты не возражаешь?

Регина молчала, переваривая слова свекра. Он назвал молодого человека Алексом, это означает, что тот либо достаточно близок к лорду, либо стоит на очень низкой ступеньке общественной лестницы — рядом с Мартином или кучером Мэттью. Но одежда... одежда молодого человека скромна...

— Я рада быть вам полезной, — сказала Регина горловым голосом, воркующим, словно он доносился из голубиноного клюва.

Алекс так и назвал ее про себя голубкой. И в последующие недели она для него голубкой и останется.

Алекс не знал, что муж Регины Джулиан, впервые увидев Регину на лужайке для крикета в Райтлейне — имении эссекских Ланкастеров, представил ее именно голубкой, быстро, но притом сохраняя голубиную неспешность, выклеивающей невидимые зернышки в ярко-зеленой траве.

Регина всегда, с детства, была не толста, но по-голубиному округла, головка ее была мала по отношению к плотному, хоть и не лишенному талии телу, и Регина имела птичью манеру часто и быстро поворачивать клюв — острый небольшой носик, который легко краснел на холоде или на ветру. Лицо ее было миловидно, но в нем всегда присутствовала настороженность птички. Даже передвигалась она по-птичь — мелко перебирая маленькими, но широкими в бедрах ножками, словно собираясь взлететь, но так никогда и не взлетев.

Но не птичья, а человеческая внешность Регины пленила молодого Уиттли и заставляла кружить возле нее поклонников, ибо у Регины были пышные и упругие груди и соответствующие им размерами и пышностью иные соблазнительные части тела. Ее грудям всегда было тесно — и под лифом, и под широким халатом. Даже если их удавалось надежно спрятать от алчущих взглядов, стоило Регине глубоко вздохнуть, а она умела и любила глубоко вздыхать, груди ее вздымались, как крылья, требуя узды — желательного в виде мужской решительной руки. И в какую бы одежду она ни облачалась, окружающим виделось, что она обнажена.

Но это вовсе не означает, что Регина была рабыней своих бедер и своего бюста. Природа не наградила ее страстной натурой, и она долгое время не умела и не хотела пользоваться своей властью над мужчинами. В результате в шестнадцать лет она стала жертвой насилия дворецкого в доме ее отца, сэра Грейди. Нельзя сказать, что ласки этого грубого пожилого человека не доставляли ей удовольствия. Но она отлично могла без них обойтись, как обходилась, например, зимой без клубники. И когда, рассердившись на дворецкого, она призналась матери о том, что он с ней сделал, и дворецкого немедленно и тайно выгнали из дома, она не испытывала большой печали от этой разлуки с ним и возвращения в девственное состояние.

Позже, когда Регина начала выезжать, у нее появились поклонники, большей частью движимые похотью, но не имевшие серьезных намерений, потому что семейство Грейди было давно и основательно разорено, а Регина и три ее младшие сестры оставались последней ставкой в жизненной борьбе. Джулиан же, увидев Регину, сразу понял, что именно эта голубка станет его супругой, и, несмотря на отчаянное сопротивление сэра Джорджа, который понимал, что женитьба на девице Грейди — удар по его финансовым планам, добился своего. Он ведь умел все делать тихой сапой — такой вот послушный мальчик, отличник, а всегда добивается своего.

Но сейчас он далеко, в Рангуне, это где-то на краю Ост-Индии, в Авском королевстве, а голубка Регина смотрит на окровавленного штурмана Алекса, и вид его и даже не выветрившийся еще запах крови вдруг заставляют ее ноздри раздуться, она глубоко вздыхает, и шнуровка корсета лопается, позволив нежно-розовым грудям молодой госпожи показаться штурману...

Разумеется, громко ахнув, Регина бежит к себе, дворецкий Мартин, который знает о жизни дома Уиттли куда больше, чем полагают его хозяева, позволяет себе улыбнуться и, легко подтолкнув в плечо штурмана и как бы низводя до своего уровня, ведет его к гардеробной Джулиана Уиттли.

ГЛАВА 3

Как опасно быть горничной

Доктор Симкин давно собирался на покой и для того сокращал число своих пациентов. Чем более он их сокращал, тем большим спросом пользовались его услуги. Доктор, который отказывается лечить, ограничиваясь лишь узким кругом избранных, сразу становится нужен тем, кто в этот круг не попал.

Но сам-то доктор знал, что последним пациентом, от которого он откажется, будет сэр Уиттли. Доктор появился в этом доме безусым выпускником медицинской школы в качестве ассистента покойного Филиппа Нокса и с тех пор уже скоро сорок лет врачевал растущих, взрослеющих, стареющих и умирающих совершенно независимо от усилий медицины обитателей дома. Примирившись с тем, что природа сильнее врачебных потуг, доктор принял девиз: «Не навреди!», в чем преуспел. И потому наиболее удачно лечил отдыхом, постельным режимом и прогулками по парку.

Милая девчушка, попавшая под колеса экипажа сэра Уиттли, была для Симкина, за счет свисающих седых усов похожего на старого викинга, лишь еще одним примером того, насколько вреден сэр Джордж для окружающего человечества. Он был как бы антиподом Мидаса — все, до чего он касался, превращалось в прах и гниль... За исключением собственности сэра Уиттли, которая этому закону не подчинялась и росла, как сказочная гора сокровищ. Этим, кстати, объяснялось упорство, с которым сэр Уиттли выпихивал в Ост-Индию свою невестку. Ему требовалось, чтобы она как можно скорее понесла от его сына, и тогда накопление сокровищ и власти семейства Уиттли найдет достойное оправдание. В том же, что Регина не родила за первые два года жизни в Мадрасе, он видел ее злонамеренную лень и нежелание помочь сэру Джорджу.

Зная семейство, так же как знал его дворецкий Мартин, Симкин испытывал к нему привязанность, но не любовь, подобно тому, как не знала любви Регина. В этом они были схожи. Но Симкин при своем равнодушии к окружающим был человеком добрым и даже отзывчивым. Скорее по привычке, чем от душевных движений, он покорно поднимался среди ночи и мог провести сутки у постели больного, стараясь притом облегчить его страдания. Этого нельзя было сказать о Регине. Она все еще была ребенком, для

которого не обозначилась разница между людьми и игрушками.

Осмотрев пострадавшую девушку и приказав служанкам осторожно промыть раны, царапины и ссадины Дороти, потому что в них попала уличная грязь, он затем ее перевязал. Девушка пришла в себя и из слов доктора поняла, что она не дома и не в больнице, а в доме доброго милорда, который привез ее к себе из чувства сострадания. Это так напугало Дороти, что она попыталась подняться и уйти домой, но рана в ноге была настолько серьезной и болезненной, что даже дойти до ночной посуды без помощи сиделки она не могла.

Седой, с проплешиной доктор, у которого была смешная манера доить свои длинные седые усы, спокойно наблюдал за попытками девушки, а затем сказал, что в любом случае ей следует три дня пролежать в кровати, именно в этой кровати, питаться бульоном и вареной курицей, а он, доктор Фредерик Симкин, будет навещать ее каждый день.

Он был добр, но строг, и тогда Дороти спросила, нельзя ли как-то сообщить о случившемся ее матери. Доктор взял на себя эту обязанность и, дав перед уходом снотворное, покинул девушку.

Сэр Джорджа и штурмана, переодетого в дорогой, но скромный сюртук и брюки Джулиана, доктор застал в библиотеке за аперитивом. Они оживленно беседовали о возможностях «Глории» и сути муссонов, ибо оба были людьми профессиональными и знали, что мореплавание и торговля в Ост-Индии — дело сложное и опасное, а легкомысленные щеголи или ленивые тупицы там, в лучшем случае, не уживаются. В Индии полезнее было быть мерзавцем, чем порядочным человеком, но выгоднее умником, чем дураком. Впрочем, эти правила куда в меньшей степени относились к морякам и офицерам Компании, если они не были одержимы жадой обогащения.

Сэр Джордж предложил доктору рюмку портвейна и спросил, как себя чувствует девушка.

— Ей требуется покой, — сообщил доктор, зная, что вызывает этими словами неудовольствие лорда, но ему порой нравилось говорить лорду неприятные вещи, хотя бы потому, что сам лорд обожал говорить гадости окружающим.

— Пускай отдохнет до завтра, — усмехнулся Уиттли.

— Я полагаю, что ей следует три или четыре дня пробыть в постели. Рана на ноге, нанесенная вашей каретой, милорд, значительна и может опасно загноиться.

— Разве у нее нет своего дома?

— А у вас не хватает комнат? Или жалко миску куриного бульона?

— Доктор, доктор... — вздохнул Уиттли. — Я хотел только одного — вернуть эту крошку родителям, успокоить их...

— Ничего себе — спокойствие: получить искалеченного ребенка!

— Ну уж искалеченного! — Сэру Уиттли совсем не нравилось вести этот спор в присутствии молодого штурмана, но отступать было поздно.

— Рискните, — предложил доктор. — Пускай сюда явится ее отец с полицейским, а за ним пятьдесят репортеров.

Доктор отлично знал о нелюбви Уиттли к этой категории человечества и был уверен, что таким простым и тихим ходом он выиграл шахматную партию.

— Но через три дня вы гарантируете...

— Я не гарантирую, но обещаю постараться. Сейчас несчастная крошка заснула.

— Несчастливая крошка... — Уиттли с подозрением взглянул на доктора — не издевается ли тот. Доктор был совершенно серьезен.

— Я возьму на себя труд предупредить ее мать и успокоить ее, — смирившись Симкин. — Но вы должны распорядиться, чтобы маму Дороти пустили сюда беспрепятственно.

Уиттли, уже сдавшийся и смирившийся с тремя днями возможных неудобств, обратил взор к камину,

возле которого мог бы стоять Мартин, но тот ответил от двери в буфетную:

— Я все слышал, сэр.

Если бы супруга сэра Уиттли, столь безвременно почившая, была жива, она бы нашла, как всех поставить на место. Но, увы, Уиттли был одинок.

Вокруг были одни предатели, филантропы и пацифисты, но в окружении врагов Уиттли всегда предпочитал почетный плен благородной гибели. Поэтому, ничем не выразив недовольства, он повернулся к штурману и продолжил разговор.

— Мы посылаем два корабля, — сказал он. — Наибольшие надежды я возлагаю на «Глорию». Так как я сторонник прогресса, то убежден, что любое тяжелое орудие важнее роты солдат. И вообще машины... Еще рюмку кларета?.. Машины со временем заменят человека. Я еще доживу до того времени, когда машины Уатта поставят на фрегаты и те независимо от погоды или противных ветров и штилей будут добираться до Индии менее чем за месяц.

— Но и вонь от них будет, — позволил себе улыбнуться штурман — горячий патриот парусного флота.

Сэр Уиттли не согласился с молодым собеседником.

— Сегодня, — сказал он, — мой кучер Мэттью попытался заглянуть в будущее и предположил, что через несколько лет Лондон погибнет, потому что по третьи этажи будет завален конским навозом. Он представляет себе прогресс как накопление того, что имеется. Для меня же прогресс — это появление нового. И я боюсь, да, боюсь гибели Лондона! Но не от конского навоза, а от угольной сажи, так как не только печки города, но и все экипажи, все машины в нем будут работать силой пара и, соответственно, будут нещадно дымить.

Штурман поежился от такой страшной перспективы. Он не любил заглядывать в будущее и потому не претендовал ни на звание политика, ни на поприще великого человека.

Но последнюю фразу свекра услышала вошедшая в библиотеку Регина, появление которой должно было считаться совершенно случайным...

— Ой, простите, я не знала, что вы заняты, сэр!

Уиттли предпочел бы, чтобы его называли отцом или еще как-либо нежно, только не сэром, словно чужого. Но невестка его не любила. И ничего не могла с собой поделать. Она была вежлива, ласкова, улыбчива, а сэр Уиттли порой просыпался ночью от кошмара — будто голубушка, голубица, горлица выклевывает ему глаза. И так странно это делает: раздвигает веки пальчиками, унизированными кольцами, а потом прицеливается аккуратненьким, твердым, как сталь, носиком. И — удар!

— Заходи, Реджи. — Лорд назвал ее нелюбимым именем. — Познакомься — твой спутник в многодневном пути Александр...

— Фредро.

— Алекс Фредро. Штурман «Глории». И не смотри, что он так молод.

Иностранец, поняла Регина. Слишком много иностранцев развелось в Англии в последнее время. Скоро не останется чистокровных англичан и страна превратится в индийскую помойку. Она сказала это вслух, конечно же, не в отношении к штурману; а как бы отвечая на последнее рассуждение свекра о золе и дыме, которые погубят Лондон.

— Мы скорее помрем от тех болезней и миазмов, которые сами ввозим в Англию, — сказала она. — Кому нужны доходы, если они влекут за собой вырождение и заразу?

Штурману показалось, что он видит перед собой птицу, покрытую перьями, округлую, которую хочется взять в обе ладони и почувствовать, как под перьями в тугом теле бьется быстрое сердце. Фарфоровые глаза голубки остановились на лице штурмана, но избегали его зрачков. Он не мог оторвать взора, хотя не должен был смотреть на нее — при виде этой птицы в мужчине сразу просыпался охотник, но не с луком —

такую добычу надо было ловить руками, только руками...

— Присаживайся с нами, Реджи, — сказал сэр Джордж. — У нас от тебя нет секретов.

— И на том спасибо, — откликнулась звонко Регина, и тут штурман почувствовал напряжение в отношениях родственников.

Беседа о предстоящем путешествии оборвалась, хоть Регина и была в курсе его целей и задач.

В ожидании, пока Мартин пригласит господ к ленчу, заговорили об утреннем происшествии.

— Кстати, — вспомнил сэр Джордж, — я бы миновал то место без приключений, если бы ко мне в экипаж не забрался неизвестный проходимец и не уговорил меня повернуть на Пикадилли, ибо меня якобы подстерегают сикхи, чтобы совершить покушение.

— Но кто он был? — удивился штурман.

— Какой-то грек. А может, и тамиль — мало ли их... Маленький, курчавый. — Штурман тоже вспомнил о том, как пожилой джентльмен как бы направил его в ту точку, где оказался экипаж сэра Джорджа, но, конечно же, им не могло прийти в голову, что это мог быть один и тот же человек.

— Интересно, кто она, эта девица? — спросила Регина, наконец-то встретив взгляд штурмана и смутив его еще более.

За ленчем разговор продолжался и сэр Джордж заявил, что, по его сведениям, в столице есть профессиональные проходимцы, которые нарочно кидаются под кареты, чтобы получить компенсацию. По завершении этой филиппики Мартин, бывший в столовой, позволил себе сообщить обществу, что только что прибежала мать девушки, которая еще находится у нее. Мартин счел своим долгом вкратце поговорить с ней и узнал, что она — вдова, воспитывающая двоих детей, потому что ее муж, бывший боцман флота Его Величества и бывший лесник королевских лесов, был убит браконьерами. Миссис Форест живет тем, что изготавливает шляпы, и считается отменной

мастерицей, в чем ей помогает и Дороти. В этих нескольких фразах Мартин, как и многие простые люди, очарованный скромной гордостью миссис Форест, попытался вызвать в господах сочувствие к судьбе несчастного семейства, однако ему и не надо было этого делать. Штурман Фредро провел молодость в лишениях и сиротстве и сразу почувствовал симпатию к пострадавшей девушке, а сэр Уиттли, узнав, что ее покойный отец был боцманом на флоте, сразу вычеркнул девушку из числа проходимок и попрошаек, а услышав, что тот был убит браконьерами, проникся к Дороти отцовскими чувствами хотя бы потому, что недавно браконьеры совершили нападение на лес, принадлежавший сэру Джорджу (как раз перед охотой, на которую он пригласил знатных знакомых), и истребили всех косуль, которые были предназначены в жертву...

— Где он был лесником?

— В графстве Кент, — ответил Мартин, который этого не знал, но полагал, что лучше ответить сразу, чем задуматься и вызвать недовольство хозяина.

— Так я и думал! — воскликнул Уиттли.

Разумеется, лес Уиттли располагался именно в графстве Кент.

— Я попрошу, — сказал Уиттли Мартину, — чтобы перед ее отбытием домой девушку привели ко мне. Я намерен сделать ей подарок. А также подготовьте десять фунтов для передачи ее матери. Вы говорите, что она женщина примерного поведения?

— Безусловно, милорд.

— Двадцать фунтов. Мы должны делиться с теми, кто страдает ради нас и из-за нас.

Ничего невероятного в этом не было, так как сэр Джордж при всех своих отрицательных качествах до пожилых лет сохранил сентиментальность и в сегодняшнем событии усмотрел перст судьбы, указующий ему на необходимость более думать о Боге, нежели о суете земной.

Довольный Мартин склонил голову, а голубка спросила:

- Сколько ей лет?
- Если не ошибаюсь, семнадцать, мэм.
- Значит... она из приличной семьи?
- Вот именно.
- Умеет ли она шить?
- Без сомнения.

— Я навещу ее, — сказала Регина. — Как только ей станет лучше. Я полагаю, что смогу дать ей подработать — мне перед отъездом надо привести в порядок гардероб.

Как разумная и не склонная к расточительности женщина, Регина не намеревалась удивлять Рангун или Калькутту модными лондонскими туалетами. И, если нужно, она сможет заказать себе новое платье и в Индии, где к этому есть все возможности. Но привести в порядок то, что намерена везти из Лондона, не мешало. Возможно скромная и не избалованная заказчиками девушка окажется полезной.

Более за ленчем о девушке не вспоминали, потому что разговор перешел к предстоящему путешествию. Алекс был напряжен — он робел перед лордом и притом боялся, что миссис Уиттли — джуниор глубоко вздохнет, и тогда корсет разлетится в клочья и розовые шары ее бюста покажутся на свет, как головы вынырывающих из морской глубины лысых пловцов.

Он боялся этого и надеялся на это...

Ему предстояло провести с этой женщиной на борту «Глории» несколько недель. И, как известно, каюты офицеров корабля расположены на корме, под каютами капитана, и мадам Уиттли может отказаться от плавания, сославшись на болезнь?

И тут же штурман отогнал эту мысль и попытался посмеяться над таким мальчишеством. И случилось чудо: как только Регина покинула их и оставила докуривать трубки, он сразу вырвался из-под ее влияния. Осталось лишь чувство тревоги.

Еще через полчаса штурман с некоторым облегчением откланялся, но получил приглашение на обед в будущий четверг, на котором будут капитан Фицпат-

рик и несколько посвященных в планы Уиттли членов совета директоров. Это означало высокую степень доверия к Алексу, и тот был польщен.

* * *

Утром следующего дня Дороти навестила молодая хозяйка дома. Она была любезна с девушкой, хотя сначала испугалась, увидев, как вспухла и посинела правая сторона ее лица, а глаз заплыл. Правда, Мэри-Энн, которая приходила рано, чтобы самой покормить дочку, причесала Дороти, умыла ее, и после первого отвращения, которое Регина испытывала к старости, уродству, боли, крови, она смогла пересилить себя, а когда Дороти заговорила, стараясь обращаться к госпоже левую, здоровую половину лица, Регина отметила для себя, что речь девушки была вполне приличной для ее круга, без этого дикого простонародного умения сжевать половину букв, к тому же в ней Регина угадала не только миловидность, но и умение держать себя, что происходит обычно от строгого воспитания. Госпожа Уиттли присела на стул у кровати Дороти, благо у нее не было настроения с утра заниматься хозяйственными делами, и устроила Дороти мягкий, конечно, как будто вольный допрос и разузнала о ней все — от романа боцмана с «Энтерпрайза» и азиатской девицы, которую он, можно сказать, обольстил, правда, с ее согласия, когда болел лихорадкой в городе Амарапуре, куда был направлен сопровождать посольство майора Саймса. В этой истории было много неясного даже для самой Дороти, потому что получилось, что Мэри-Энн была как бы сиделкой при отце, а потом благородный майор Саймс, проводивший со своим посольством много месяцев при дворе в Амарапуре, благословил брак боцмана с местной девицей, а король Авы дал на то согласие, также проявляя этим добрую волю.

Возможно, дама с иным воспитанием и жизненным опытом, нежели госпожа Уиттли, восприняла бы рассказ девушки как чистой воды вымысел и с гневом

разоблачила бы рассказчицу. Но ничего подобного не произошло — Регина поверила всему, потому что прожила достаточно в Ост-Индии, чтобы понять, что наиболее маловероятным в этой истории было то, что боцман Форест обвенчался с ост-индской девицей, а не то, что привез ее на военном корабле домой. Корабль принадлежал Ост-Индской компании, дальнейшее зависело от благорасположения капитана или иного руководящего лица. Регину судьба сталкивала в Калькутте с майором Саймсом, и она знала, насколько этот образованный и бесстрашный джентльмен добр, внимателен и даже деликатен, когда дело касается окружающих. Любой большой корабль нес на своем борту не только команду, но и пассажиров, а также зачастую семьи офицеров, не говоря уж о всевозможной живности — от кур до коров, дабы обеспечить свежим мясом команду, слуг и челядь джентльменов и даже оркестр, если капитан был меломаном. Так что ясно: от одной лишней женщины мир не перевернется.

Разумеется, Регину несколько огорчило, что такая воспитанная девушка оказалась полукровкой, как бы беспородной собачкой, но под Божьим небом все имеют право на жизнь. Значительно большее впечатление на молодую госпожу произвело то, что Дороти умела читать и писать — сама она делала это с трудом, хотя восемь лет провела в школе для благородных девиц, но так получилось, что для собственного удовольствия госпожа Уиттли не прочла ни одной книжки.

Вечером, когда с кратким визитом в комнату к Дороти прибыл сам сэр Джордж, который, оказывается, не только был близко знаком с сэром Майклом Саймсом, но и посещал его в доме на Уелбек-стрит, где он как раз завершает большой иллюстрированный труд «Посольство в Аву», выхода которого с нетерпением ждут все любители путешествий и дальних стран, а также специалисты, размышляющие о дальнейших судьбах Британской империи.

При этих словах сэр Джордж снисходительно и устало усмехнулся, и Дороти поняла, что именно он относится к таким персонам и посещал Саймса с политическими, может быть, тайными целями.

На следующее утро прачка принесла одежду Дороти, и та, отказавшись от услуг матери, да и соскучившись уже лежать в постели, попросила иголку и ниток и принялась сама зашивать и приводить в порядок свое порванное платье и белье, а когда Регина пришла со следующим визитом, она смогла оценить быстроту и ловкость пальчиков Дороти. Та же, плененная голубыми глазами и глубиной воркующего голоса миледи, уже старалась произвести на Регину хорошее впечатление. В результате разговор кончился тем, что, еще не поднявшись с кровати, Дороти получила от госпожи ее любимую широкополую шляпу, поврежденную сильным порывом ветра в прошлое воскресенье. Вскоре пришла с гостинцами мать и привела Майкла, робевшего в громадном доме. Она хотела отнять у дочери шляпу, чтобы самой кончить работу, опасаясь, как бы та не испортила такое высокое произведение шляпного искусства.

В момент спора дочери с матерью вновь заглянула Регина, планы которой относительно Дороти все ширились, и быстро утихомирила спор, принеся еще две свои шляпы, так что теперь все семейство Форестов было при деле. И когда сэр Уиттли вновь посетил свой госпиталь, то он обнаружил комнату, полной народу; оттуда доносились женский смех, щебет, и, остановившись в дверях, сэр Уиттли не мог не залюбоваться этой мирной, будто сошедшей с полотна голландского художника, сценой: три красивые женщины — Регина, Дороти и Мэри-Энн — столь естественно и непринужденно занимались своими делами, что Уиттли вдруг загрустил оттого, что он уже не так молод, что может лишь купить, но не получить в подарок любовь какой-то из таких женщин, и, впрочем, за двадцатилетнюю жизнь со скончавшейся от дизентерии в Мадрасе леди Уиттли он ни разу не

услышал, чтобы она позволила себе беззаботно рас- смеяться. А оказывается — невестка может!

— Я не буду мешать, не буду, — отступая из комнаты, произнес Уиттли, ибо в комнате воцарилась тишина.

Он столкнулся глазами со взором Мэри-Энн и вдруг, словно потеряв на минуту сознание, окунулся в такую давнюю, пряную и влажную ночь, что звезды раскачивались на небе, Ма Лин глядела на него именно так, а свет свечей вспыхивал искорками авантюрина в ее шоколадных глазах. Почему она всегда молчала? Она же любила его, но всегда молчала...

— Простите. — Уиттли пришел в себя и вышел, закрыв за собой дверь так резко, словно женщины, бывшие в комнате, были в чем-то виноваты.

Через два дня доктор Симкин разрешил перевезти Дороти домой. Мартин, за отсутствием дома хозяина, распорядился отослать девушку домой на разъездной карете, полагая, что никто его за это не укорит.

Когда Дороти собиралась в дорогу и доктор Симкин осторожно перебинтовывал ей бедро, Регина без стука вошла в комнату, остановилась, опершись о косяк двери, и внимательно глядела, как трудится доктор. Она впервые увидела свою нечаянную жиличку обнаженной, худенькой, почти костлявой, но обещающей расцвести в ближайшие годы.

— Так бы и уехала, не попрощавшись, — сказала она укоризненно.

— Я бы обязательно зашла к вам, — без робости ответила Дороти.

— Надеюсь. — Фарфоровые глаза смотрели холодно и обиженно. — Но сомневаюсь.

— Поднимайтесь, поднимайтесь, — приказал доктор. — Не давит? Можете ходить?

— Конечно, доктор! Большое спасибо, доктор.

— И не больно?

— Нет, доктор.

Чуть прихрамывая, Дороти сделала три шага и подошла поближе к Регине. Щека ее почти зажала,

остались лишь струпья от ссадины. Регина любовалась девочкой.

— Ты уверяла меня, что мечтаешь о путешествиях, — сказала она.

— Вы же знаете, миледи, что это именно так, — ответила Дороти.

Со стороны разговор не нес в себе особого смысла, но для собеседниц он был подведением итогов тех нескольких дней, что они провели в одном доме.

— Значит, ты согласна?

— Спасибо, мэм, — ответила Дороти.

— Не испугаешься и не сбежишь?

— Вы же знаете, мэм.

— «Глория» отплывает через восемь дней.

— Я знаю.

— Я надеюсь, что ты будешь мне хорошо служить.

— Да, мэм.

— Тогда собирайся, я скажу об этом сэру Джорджу и надеюсь, что он одобрит мой выбор. А детали... Жалованье, подарки...

— Не надо говорить об этом сейчас.

— Ты права, Дороти.

Когда вечером, перед обедом с директорами Компании, Регина сказала свекру, что Дороти согласилась отплыть с ней в Рангун в качестве ее горничной, старый Уиттли пригладил офицерские пышные усы и сказал:

— Мы не можем заглянуть в будущее, Реджи. Но я надеюсь, что ты сделала хороший выбор.

Конечно, не дело столь высоких персон обсуждать кандидатуру горничной для невестки, но здесь был особый случай.

— Вот штурман Алекс удивится, — сказала Регина и засмеялась — словно зазвенела серебряным надтреснутым колокольчиком.

И сэр Уиттли тоже засмеялся.

* * *

На обеде, приглашения на который удостоился и молодой штурман Фредро, к которому расположился

сэр Уиттли, присутствовали капитан «Глории» Алан Фицпатрик, старший офицер корабля Хирам Крокс, сухой и невыразительный служака, однако накопивший за многолетнюю службу в Компании средства, позволявшие ему быть заметным ее вкладчиком, и рассчитывавший, выйдя в отставку, претендовать на место в совете директоров. Остальных Алекс не знал, хотя когда-то встречал, например, он видел издали, но не был представлен капитану «Дредноута», линейного корабля, списанного из королевского флота, еще крепкого и, главное, вместительного семидесятипушечного гиганта. К сожалению, Адмиралтейство в тот момент не могло помочь Компании, потому что каждое судно было на счету — разгром французского флота у мыса Сан-Вицент и Нильская победа Нельсона еще не означали конца войны. Испанцы и французы собирали силы для новых ударов, а мираж завоевания Наполеоном всей Османской империи, от Каира до Стамбула, оставался страшным жупелом для Великобритании.

— «Дредноут» вместителен, — говорил похожий на рождественского Санта-Клауса лорд Вудкастл, генерал, воевавший еще с Клайдом против французского адмирала Дюпле. И нужен нам скорее как транспортное судно. В Портсмуте мы грузим на него роту шотландских стрелков, а полк сипаев заберем в Мадрасе. Пушки сгружаем в Рангуне. Вместе с той артиллерией и запасом пороха, который будет на «Глории», операция должна пройти просто и быстро.

— Но он будет ползти по океану года три, — возразил капитан Фицпатрик.

— Не думаю, что мы отстанем от «Глории», — обиделся капитан «Дредноута».

— Чем обладает ваш сын? — спросил Чарльз Дункан, вице-президент компании, обращаясь к Уиттли.

Все присутствующие отдавали должное сэру Джорджу, понимая, что идея неожиданного захвата Рангуна и, возможно, самой Амарapura была именно им пробита в Компании и при дворе. Конечно, очень не вовремя началась война с Францией, но сейчас, ког-

да стоял вопрос о защите своих факторий и индийских владений от осмелевших французов и голландцев, Уиттли все же убедил короля Георга в проведении секретной операции в Бенгальском заливе.

— Король Авы Баджидо выжил из ума, — говорил он у короля и повторил сейчас. — Не сегодня-завтра его царство развалится, потому что моны из южных городов, присоединенные к Авскому королевству столь недавно, кипят мстостью и мечтают восстать. Они готовы на союз с дьяволом, то есть с нами. Баджидо собрался в идиотский, обреченный на провал поход против Сиама. Мы не имеем права не подобрать яблоко, которое падает к нам в руки. И если мы не сделаем этого...

— Это сделают французы, — с доброй улыбкой произнес рождественский дедушка Вудкастл. Говорят, даже через сто лет после его смерти индийские матери рисовали на земле похожие на сабли усы, если дети их не слушались, — такова была мрачная память, оставленная дедушкой в Бенгалии и Хайдарабаде.

— Поэтому, несмотря на сложность международной обстановки...

— Не надо нас учить, Джордж, — сказал Чарльз Дункан. — Лучше обсудим детали путешествия со специалистами.

И он обернулся к приглашенным на разговор морякам.

Молодой штурман пошел на нарушение собственных принципов и завился перед визитом к сэру Уиттли, надеясь, что к ужину выйдет и сама знатная пассажирка «Глории». Так и случилось.

Она вежливо поздоровалась со штурманом, ни голубым взглядом, ни прикосновением не выделив его из числа прочих гостей. И сразу после ужина извинилась и ушла, сославшись на усталость.

За столом она, правда, уставшей не казалась и оживленно вспоминала со старым дамским угодником Фицпатриком какие-то калькуттские истории, потом по просьбе Вудкастла велела принести письмо

от Джулиана, которое прочел вслух ее отец. Разумеется, в письме жене фактор в Рангуне не мог делиться компанейскими секретами, но некоторые детали тамошней жизни и соперничества с укорежившимися в Рангуне армянскими купцами присутствующих позабавили.

Вернувшись домой, расстроенный штурман тщательно вымыл голову, и искусственные завитки исчезли. Так-то лучше. Кесарю — кесарево...

* * *

Мэри-Энн не хотела отпускать дочь, хоть в этом нежелании была обреченность.

— Мама, ты знаешь, что я уеду, — сказала Дороти тихо в первый же вечер по возвращении домой.

— Я бы тоже поехал, — сказал Майкл.

— Помолчи! — Мать сорвала на нем раздражение. Она была бессильна хотя бы потому, что сама мечтала забрать детей и вернуться домой, за океан. Кто возьмет ее? Откуда у нее могут быть такие деньги? А помнят ли ее там? Кому нужна презируемая беглянка, изменившая вере отцов и языку матери? Пока был жив муж, он мог заполнить собой ее жизнь настолько, что и вера отцов, и память о солнце, о повозке, запряженной буйволом, о доме на невысоких сваях, о голубых горах, откуда ночью доносится рык тигра, — все это было не главным. Она была женщиной английского боцмана и английского лесника, она родила ему лучших в мире детей, она хотела прожить с ним долгую-долгую, бесконечную жизнь.

А теперь? Теперь она жила ради детей, а то бы добровольно ушла в мир бесконечных перерождений, чтобы возникнуть вновь на этом свете жалким червяком, недостойным того, чтобы видеть солнце... У нее оставалась вера в сказку: вот придет какой-то человек — она даже не представляла, кто он, даже не знала, на каком языке заговорит он с ней, — и скажет: волей добрых натов я возвращаю тебя на землю отцов...

Она мечтала о том, чтобы хотя бы Дороти, в которой она видела продолжение себя самой, вырвется из этой чужой и холодной страны и увидит свою бабушку... Жива ли она еще?

Так почему же она сейчас так набросилась на дочь?

Ни Дороти, ни Майкл не понимали, конечно, что это — черная зависть к той, кому досталось высшее счастье, а она не способна его оценить. За последние дни Мэри-Энн не раз была на грани того, чтобы кинуться в ноги госпоже Уиттли и вымолить у нее согласие, чтобы она взяла горничной не Дороти, а ее саму. И понимала она, насколько жестоко и бессмысленно бросить детей в Лондоне, если никого из родных у них не осталось. И знала она, что Регина не возьмет с собой женщину, с ее точки зрения, немолдую, но как она завидовала Дороти.

Потом Мэри-Энн стала плакать и, выплакавшись, просила у дочки прощения, а рассудительный Майкл, который хотел их помирить, сказал:

— Ты должна понимать, Дора, каково нам с мамой без тебя. А если ты утонешь или попадешь в плен к пиратам?

— Я вернусь, — сказала Дороти, садясь рядом с мамой на продавленный диван и обнимая ее. — Вы же знаете, что я обязательно к вам вернусь, потому что вы самые дорогие для меня люди на свете. Но я же не могу отказаться от шанса, который дает мне Господь. Я вижу в этом указание свыше.

Мэри-Энн согласилась с дочерью — разумеется, стечение обстоятельств было странным и навевало мысль об управляющей событиями судьбе.

Между тем госпожа Уиттли не оставляла Дороти в покое — приближалось время отплытия. А так как при ревизии гардероба, при покупке и пригонке новой одежды Регине постоянно требовалась помощница, Дороти целыми днями пропадала в доме Уиттли, и уже на третий-четвертый день Регина поняла, что привыкнет к Дороти, все хорошевшей по мере, того как заживали ее раны и ссадины. Первые дни она

ходила в дом Уиттли с палочкой, а потом оставила ее дома. Разок она встретила сэра Джорджа в охотничьем костюме и тирольской шляпе, и тот ей обрадовался, словно она была его Галатеей — словно он ее создал и спас от увечий. Ведь если беда кончается хорошо, то ты уже не сердишься на того, кого так обидел. Разумеется, с точки зрения сэра Джорджа, девушка далеко уступала привлекательностью матери. Уиттли всегда влекло к особам экзотическим, страстным, в движениях которых ощущалась грация пантеры, — такой ему и казалась мирная и погруженная в заботы Мэри-Энн. Уиттли догадывался, что ее скромность и застенчивость — лишь внешний слой натуры, под ним кипят страсти. И если бы ему повезло оказаться в доме Форестов в тот момент, когда мать закатывала дочери сцены ревности из-за отплытия той на «Глории», Уиттли потер бы широкие ладони и сказал: «А о чем я предупреждал вас, господа?»

— Как себя чувствуешь, птичка? — спросил сэр Джордж, любясь чуть прихрамывающей ланью.

— Спасибо, сэр, хорошо.

— Как здоровье твоей матери?

— Она здорова, сэр.

— Разумеется, здорова, — недовольно проворчал сэр Джордж, как будто хотел спросить нечто совсем иное и получить иной ответ. — Ну иди, иди, — произнес сэр Уиттли.

Самого же хозяина дома ожидал в библиотеке неприятный ему, но нужный отставной полковник Блекберри, человек столь незаметного вида и незначительных умственных способностей, что все остальное в нем было загадкой: как он стал полковником, не имея ни протекции, ни талантов? Но, рассуждая так, Уиттли понимал, что полковник Блекберри силен именно своей незаметностью. Говорили, что его умение перевоплощаться было невероятным и основывалось только на одном — этот маленький человек с узким серьезным лицом, светлыми глазами в белых ресницах и серой кожей мог потеряться в любой толпе, мог, чуть подкрасив брови и ресницы и не

трогая даже темно-серых волос, сойти за кого угодно — от китайца до эскимоса, и именно в такой роли был особенно полезен Его Величеству. Сейчас же он был приглашен правлением Компании для того, чтобы сопровождать секретные грузы на «Глории», и главное, как он сам сказал, вежливо сидя на краешке кресла:

— Главное — что никто в Рангуне не должен знать о содержимом трюмов «Глории» и «Дредноута». Даже служащие Компании.

— Почему вы говорите это мне, полковник? — удивился сэр Джордж.

— Мы проверяем всех, даже слуг.

— Так и проверяйте. В вашем распоряжении двести матросов и более сотни солдат.

— Ни один из них не был связан с Ост-Индией.

— Ах, не говорите мне о том, какие бывают связи, — отмахнулся Уиттли.

— Мне приходилось встречать предателей в самой что ни на есть респектабельной оболочке.

Директор службы безопасности Компании вздохнул устало и понимающе: если бы не он и не подобные ему тихие незаметные люди, сколько битв было бы проиграно, сколько лишних жертв было бы принесено на алтарь Отечества?

— Ни один солдат, ни один матрос не знает, куда и зачем отправляется эскадра. И если они не знают, то не могут проговориться — их нельзя подкупить или запугать.

— Тогда подозревайте меня, полковник.

— Скорее, я заподозрю вас, — осторожно заметил полковник.

— Действительно?

— Разумеется, вы знаете о наших планах, вас можно купить.

— Вы серьезно?

— Если бы я думал серьезно, я бы не согласился сотрудничать с вами. Но вы инициатор плавания и экспедиции. Думаю, вам нет смысла ставить ее под угрозу.

— Кто бы мне заплатил такие деньги? — криво усмехнулся Уиттли, который не любил сомнительных шуток.

— Вы знаете, какая вас может ждать добыча. Но пока она в чужих руках. А значит, что владелец копей богаче вас и может кого-то купить.

— Но кого? И как он сюда доберется?

— Уважаемый милорд, — устало и тихо, голосом сотрудников безопасности всех времен и народов, произнес полковник Блекберри, — современный нам мир, в отличие от того наивного и первобытного мира двухсотлетней давности, связан воедино узами мировой цивилизации. По моим сведениям, сейчас завершается строительство собора святого Фомы на острове Тернате, завтра будет бал в форте святого Георгия в Мадрасе по случаю дня рождения генерала Бриттена, а чуть позже из Макао отходит каррак в Панаму, который будут поджидать на пути по крайней мере шесть пиратов и корсаров, Соединенные Штаты северной Америки объединяют свои силы с французами в Квебеке, а русский адмирал Ушаков, обогнав Нельсона, который никак не вылезет из кровати леди Гамильтон, послал отряд для взятия Рима...

— Прекратите! — рявкнул покрасневший Уиттли.

Он сам не знал, что его разозлило более всего — нетактичное упоминание в устах полковника имени леди Гамильтон либо его тихий поучительный тон.

Полковник склонил голову и молча разглядывал свои обгрызанные ногти.

— Почему вы пришли именно ко мне? — спросил сэр Джордж.

— Ваша невестка...

— Надеюсь, вы ее не подозреваете?

— Господин Уиттли, я имею цель охранять интересы Компании и ваши лично. Когда я говорил о том, что события в нашем мире связаны войной и торговлей, я имел в виду, что подданные Его Величества несут нелегкую службу по всему земному шару. Но это не значит, что наши враги не имеют таких же возможностей.

— Я не держу дома французских или индийских шпионов.

— Я могу назвать по крайней мере две кандидатуры, которые вызывают во мне подозрение.

— Давайте, полковник. Послушаем вас.

— Во-первых, я попросил бы снять с рейса штурмана Александра Фредро.

— Не говорите глупостей. Я полностью доверяю ему.

— Доверяете, потому что не проверяли. А мы проверяли.

— И что же выкопали ваши ищейки?

— Александр Фредро — поляк.

— Всемогущий Господь! Он же никогда не скрывал этого! Но его мать была шотландкой.

— Мало того, что его отец участвовал во всех войнах Польши против нашего союзника — России, начиная с семьдесят третьего года, но он погиб во время последней из войн — пять лет назад. А ваш Фредро в тот момент...

— В тот момент Александр командовал небольшой британской шхуной, на которой удалось вывезти из Данцига несколько десятков повстанцев, и этот поступок мы ставим ему в заслугу. Детство же и молодость он провел в Британии и служил на британском флоте.

— Как ни перекрашивай волка, ягненка не получится, — возразил полковник, разочарованный тем, что не смог даже удивить Уиттли.

— И учтите, — продолжал сэр Джордж, — лучше штурмана, чем Алекс, у меня нет. Он штурман милостью Божьей. В двадцать восемь лет я доверил ему «Глорию», и ни один из старых капитанов не вспомнил, что Алекс — паршивый иностранец.

Полковник Блекберри скромно и настойчиво посмотрел на сэра Джорджа, и тот в его взгляде прочитал ответ.

Конечно, полковник не учитывал глубокого внутреннего презрения, которое питают сильные мира се-

го к собственным же слугам, которые выполняют грязную работу, но делают это с энтузиазмом, выпячивая свою роль и показывая всем своим видом, что и могильщики, и палачи на нашем свете необходимы. И чем более говорил полковник, тем больше в глазах сэра Джорджа библиотека наполнялась серой тоскливой пылью, сквозь которую он все хуже видел своего собеседника, и каждое его слово вызывало у Уиттли унылое раздражение.

— Мой долг — предупредить вас, — продолжал полковник. — Поляки сейчас ищут союза с Францией, заигрывают с их тираном Бонапартом, надеясь, что это — единственная держава, желающая вернуть им независимость и способная на это. Есть ли у вас гарантия, что штурман Фредро не посадит ваш корабль на камни возле острова Бурбон?

— Реюньон, — поправил разведчика Уиттли, — он переименован Французской республикой.

— Вот видите! — Полковник произнес это так, словно наконец-то уличил Алекса в измене.

— О штурмане мы разговор закончили.

— Но я буду следить за ним!

— Ваша воля.

— И я бы на вашем месте оставил его дома. Для менее важного плавания.

— Сколько раз вам повторять, что мне нужны хорошие капитаны и штурманы, а не угодные вам болванчики!

— Хорошо, — сдался полковник. Но сдача носила чисто формальный характер. Уиттли подумал: он похож на сдавшего шпагу противника, который тут же побежит в каземат, чтобы вытащить из-под соломы новую шпагу. — Но штурман Алекс — не единственный подозреваемый, — сказал полковник.

Уиттли только собрался попрощаться с визитером, но был вынужден выслушивать новые подозрения и доносы.

— Ваша невестка взяла на работу новую горничную и собирается тащить ее в Ост-Индию.

— Ну и слава Богу. Эта несносная женщина пропилила мне всю лысину, пока не смогла отыскать хорошую горничную. Вы не представляете, насколько эта проблема важна для женщины. Я и сам, когда служил в Индии, порой шагу не мог ступить без Мартина, он у меня теперь дворецкий.

— Эта девица родом из Ост-Индии.

— Ничего подобного, — уверенно возразил Уиттли. — Ее мать была привезена боцманом Форестом много лет назад и всю жизнь провела в Лондоне. Будучи несчастной вдовой, она не вышла больше замуж, а посвятила всю жизнь воспитанию детей. Как только у вас поворачивается язык облить грязью такую достойную женщину! Не говоря уж о ее дочери — дочери слуги короля, отдавшего за него свою жизнь!

Тут сэр Джордж вскочил и замер над креслом, в котором сидел полковник, как бы предлагая тому приподняться, чтобы удобнее схватить его за лацканы сюртука и выбросить из дома.

— Так называемая Мэри-Энн Форест, — тихо произнес полковник, — была захвачена Форестом в Аве, когда он входил в экспедицию майора Саймса в Рангуне. Понимаете — в Рангуне!

— Плохо работают ваши люди, полковник, — вдруг рассмеялся Уиттли. — Даже я, не копаясь в прошлом, знаю, что боцман Форест был в составе миссии майора Саймса, а Мэри-Энн ухаживала за ним, относясь к одному из лучших семейств и будучи подготовленной к восточной медицине сестрой милосердия. Так что позвольте оставить ваши вымыслы без внимания.

На этом ему удалось вытолкать из дому полковника Блекберри. Уиттли налил себе полный бокал портвейна, хотя доктор запретил ему перегружать себя тяжелыми винами, и выпил его. Он был выведен из себя этим полковником. И не потому, что сам был противником осторожности, а потому, что в этом допросе сквозило недоверие к нему самому, сэру Уиттли!

Когда полковник докладывал о неутешительных результатах переговоров с сэром Уиттли сэру Чарльзу Дункану, первому вице-президенту Компании, тот сказал:

— Я полностью доверяюсь мнению сэра Уиттли. В конце концов, это его идея, его деньги и его сын.

Полковник поклонился, но не сдался.

Он был похож на тонкую березку, выросшую у подножия круглой массивной скалы, каковой и казался сэр Дункан.

— Меня не оставляет беспокойство, сэр, — произнес он упрямым шепотом — потому что сэр Уиттли — лишь часть Компании, такая же часть, как я и вы. Интересы ее каждый из нас должен ставить выше интересов семейных.

— Пожалуй, вы неправы, полковник, — возразил Дункан. Он был так грузен, что каждое слово давалось ему лишь после дополнительного вздоха. — Каждый из нас обязан знать свое место. Ваше место ниже, нежели место сэра Уиттли.

— Разумеется, — согласился полковник.

— Однако именно вы отплываете на «Глории», и у вас будут все возможности наблюдать за персонами, вызывающими у вас подозрения.

— Может быть поздно, — упрямылся полковник.

— Что же делать? Я не намерен спорить с Уиттли по пустякам.

— Я все понял, — сказал полковник.

И Чарльз Дункан догадался, что с самого начала полковник пришел к нему со своим планом, который готов был изложить, найдя в Дункане союзника. Не найдя, он отказался от желания делиться планами, но не от самих планов.

* * *

Вернувшись к себе в номер в пятницу после целого дня работы на «Глории» и намереваясь сообщить хозяйке, что завтра переедет в свою каюту на корабле, чтобы не платить более за номер, Алекс был удивлен, когда хозяйка сказала ему, что днем к нему приходи-

ли каких-то два джентльмена строгого вида, которые сказали, что принесли штурману письмо от капитана корабля и должны передать письмо ему в руки. Поэтому она проводила их наверх, в комнату, и они там просидели часа полтора, но, не дождавшись, ушли очень сердитые.

— Как же можно! А если это были жулики? — удивился штурман.

— Нет, — твердо заявила мадам Брунулески, почесывая усики, — это не могли быть жулики, потому что это были солидные люди. Я узнаю жуликов с первого взгляда.

Штурман махнул рукой и взбежал по лестнице в свой номер.

Даже если бы хозяйка гостиницы не сказала ему, что у него были посетители, он бы быстро определил это сам. Ожидая его, джентльмены строгого вида не теряли времени даром, они тщательно обыскали комнату, раскрыли сундук штурмана, проверили всю его одежду, в некоторых местах даже подпороли подкладку, а в сундуке искали двойное дно — фанерная обшивка была отодрана и кое-где лопнула. Обыскивая комнату, джентльмены не очень старались замести следы, но сделали в этом направлении некие условные потуги. На дне сундука лежал плоский кожаный портфель штурмана, в котором хранились некоторые нужные, а то и дорогие сердцу бумаги — нет, не деньги, а завешание отца, письма матери, диплом штурманской школы с висячей свинцовой печатью и записки от одной особы, имя которой не имеет отношения к нашей повести. Были там и еще кое-какие бумаги, но штурман сам не помнил — то ли счета, то ли деловые записки, впрочем, ничего крайне важного. Так вот, портфель исчез. Некоторое время, стоя посреди комнаты, Алекс тупо пытался вспомнить, были ли в портфеле деньги. Нет, их не было и быть не могло, потому что сбережения штурмана хранились в банке Ост-Индской компании, да и деньги это были малые. Большую часть отсылал домой, в Польшу, сестрам.

Что же искали эти джентльмены?

После некоторых размышлений Алекс пришел к выводу, что в его номере побывали русские агенты, которые искали, нет ли в сундуке или где-то в номере документов, связанных с деятельностью епископа Яблонского или переписки с людьми Костюшки — Алексу было известно, что агенты русского царя, как и агенты австрийского императора, вольготно чувствовали себя в Англии, которая была их союзником в войнах с Наполеоном, и могли позволить большее, чем в стране нейтральной. В любом случае грабителями те джентльмены не были — хозяйка гостиницы не могла бы этого не почуять.

Грустно было потерять портфель с такими ценными сердцу бумагами, и потому Алекс, мрачный, как туча, спустился вниз и заявил, что намерен идти в городскую полицию и заявить о краже.

— Не может быть! — Хозяйка была в ужасе, она почти забыла английский язык. — В моей гостинице... вас ограбили, и я их допустила сама! Нет, не ходите, я возмещу вам любой ущерб! Сколько у вас украли?

— К сожалению, украли важные и дорогие для меня документы. Ценность их не меряется деньгами.

Впрочем, стоит ли объяснять этой трясущейся женщине, она и так от страха потеряла способность соображать.

— Как они приехали?

— В карете, в черной карете, без герба.

— Разумеется. И карета ждала их?

— Они на ней уехали.

— И вы не разговаривали с кучером?

— Зачем мне это, сеньор? Я сразу поняла, что это плохие люди.

Может, она ничего не поняла и спокойно провела время на кухне, а может быть, и на самом деле чутьем эмигрантки ощутила, что пришла опасность и лучше не высовывать своего массивного носа на лестницу и не слушать, как там идет обыск в комнате постояльца.

— И никто их не видел?

— Нет.

Какого черта им портфель? Совершенно ничего для них там нет.

Забегая вперед, можно сказать, что портфель найдется, но только через несколько дней после отплытия «Глории». Его подкинут в правление Компании, и вскоре он ляжет на стол Уиттли. К тому времени сэр Джордж уже будет знать об обыске в комнате штурмана и сделает нужные для себя выводы. И ничего не станет предпринимать.

* * *

История с Дороти закончилась куда драматичнее и неприятнее, чем простой обыск.

Вечером того дня, когда штурман Фредро узнал об обыске, она поздно возвращалась домой. До отплытия «Глории» оставалось всего два дня, и Регина находилась в состоянии постоянного возбуждения и даже обиды на окружающих, которые не могли понять, насколько ей плохо и трудно в такие минуты, как она не может собрать все, что нужно, а окружающие только мешают. Регина Уиттли не кричала на служаков и плотников, которые сколачивали ящики, на грузчиков и сапожников — она не позволяла себе опуститься до крика, но ненависть ее была столь велика, что при взгляде на нее очередной жертве становилось понятно: ее вот-вот заклюют. Фарфоровые глаза лишь отражали холодный свет смутного дня, клюв, нацеленный на сердце, хищно приоткрывался, а пальцы с длинными ухоженными ноготками казались смертельными когтями.

— Долой! — шипела она. — Долой с моих глаз!

Жертва неслась прочь, но через некоторое время Мартин, который отвечал перед господином, чтобы Регина все же успела погрузиться на «Глорию» и не натворила глупостей, возвращал раскаявшуюся, уничтоженную жертву и снова кидал ее в водоворот сборов.

Конечно, Дороти приходилось хуже многих, потому что она была неплохой шляпницей, но имела мало опыта в прочих портняжных делах и потому, чтобы не попасть впросак, была вынуждена обращаться за помощью и советом к другим служанкам, которые далеко не всегда ее жаловали — некоторые из них хотели бы занять ее место на корабле, хотя и не имели к тому никаких оснований и способностей. Так что Мартину несколько раз приходилось спасать девушку как от гнева хозяйки, так и от зависти товарищей.

Домой Дороти возвращалась уже в темноте, хотя в апреле темнеет поздно, а надо понимать, что путь от Вест-Энда до Воксхолла, а оттуда к Темзе не короток. Дороти брела с трудом, тем более что от долгой ходьбы разболелась еще не зажившая толком нога. И Дороти находилась в том, свойственном любому уставшему до смерти человеку настроении, когда ты глубоко раскаиваешься в том, что ввязался в какую-то историю, не несущую ничего, кроме подобных же бед в будущем.

Народу на больших улицах было еще немало, фонарики лишь зажигали фонари, но когда Дороти свернула в узкий переулок, ведущий вниз к реке, то сразу стало темно от тесно сошедшихся старых домов, и свет в окнах, тусклый и лишь обозначенный на фасадах, не освещал улицы, а лишь подчеркивал ее темноту.

Идти приходилось осторожно, чтобы не угодить в грязную воду или помой, которые выливали в окно, не опасаясь штрафа.

Ближе к реке, когда уже можно было ощутить запах медленно текущей и нечистой воды, ведь Темза была сточной канавой гигантского города, Дороти пошла быстрее — здесь ей был знаком каждый камень.

Улица была совсем пуста, и поэтому когда она услышала шаги сзади, то сначала даже обрадовалась — по крайней мере она не одна в этом ущелье между рядами домов.

Но через несколько шагов ее радость испарилась, и трудно было бы сказать, что насторожило девушку — то ли старание человека сзади ступать тихо, то ли спешка и шумное дыхание, слышное в промежутках между ударами подошв о камни, то ли угроза, повисшая в воздухе.

Прихрамывая, Дороти поспешила вперед — только бы добежать до узкого поворота в ее переулок, до поворота, уже видного отсюда, потому что там за тремя вязами, уже распустившими маленькие длинные листочки, стоит пивная, паб, который сейчас открыт и многолюден, а каждый второй в нем знает Дороти и не даст ее в обиду.

Но добежать до угла она не успела, потому что неожиданно увидела, что у ствола вяза стоит человек — силуэт его был четко виден на фоне Темзы, к которой отсюда шел крутой склон. Вода отражала свет звезд и, главное, еще не погасший свет заката. Так что неподвижный человек в цилиндре и длинном сюртуке, с тростью в руке был виден, как фигурка в кукольном театре теней. Четко и словно вырезано из картона.

Но Дороти отлично понимала, что это не кукла, что человек сзади гонит ее к человеку в цилиндре так же, как загонщики гонят лису на цепь стрелков, — об этом рассказывал отец.

И все же Дороти ничего не оставалось, как идти вперед, вернее, бежать в руки охотнику, потому что тот, кто сзади, был невидим, он был лишь тяжелым дыханием и тяжелыми шагами, он был страшнее. Ей показалось, что она сможет ускользнуть от человека в цилиндре или как-то закричать оттуда, от угла, в надежде на то, что ее крик донесется до паба или до маминых ушей, таинственным образом слышавшей порой голос дочери за несколько миль.

А когда отец умер, видно, вскрикнув перед смертью, она зарыдала, забилась и потеряла сознание, хотя, конечно, не могла услышать его предсмертного крика — он погиб в кентском лесу, а Мэри-Энн уже

тогда жила в этом доме. Между ними было миль пятьдесят, не меньше.

Дороти бежала к человеку в цилиндре и не могла закричать, как во сне — ты тонешь, надо позвать на помощь, мама рядом, только открой рот, но слова не получаются, звуки не рождаются в глотке...

— Стой! — прохрипел преследователь. — Стой, куда ты?

Человек в цилиндре, вглядывавшийся в темноту переулка, сделал шаг вперед и раскинул руки, чтобы не упустить Дороти.

И тогда Дороти — все равно уже не было времени думать и соображать — помчалась, набирая скорость, на человека в цилиндре, словно намереваясь сбить его с ног, и шаги сзади сразу отстали. Она была вся насторожена, как дикое животное. Вся — слух и зрение...

Она врезалась в человека с тростью — цилиндр в сторону. Он не ожидал, что жертва сама нападет на него, это было нарушением правил! Девушке положено с тихим визгом нестись обратно, прямо в лапы преследователя.

Растерянность была мгновенной, но она позволила Дороти, движения которой были безнадежно скованы длинными, до земли, юбками, рвануться за ствол вяза, словно она играла с преследователем в пятнашки. Он направо — она направо, он налево... а где же второй?

И его волосатая толстая рука вылетела из темноты — навстречу. Дороти кинулась назад, оттолкнувшись обеими руками от ствола. У нее было лишь два преимущества — молодость и гибкость. Они, были сильнее — и могли догнать ее в чистом поле... Но, как мышонок, ускользающий между рук на дне сундука, Дороти металась у поворота и даже умудрилась вырваться — на несколько секунд. Тогда она кинулась к огням паба, фонарю, освещающему медные буквы «Золотой лев».

Но преследователь догнал, вцепился в рукав платья, рванул на себя, к счастью, материя затрещала по

шву, рукав остался в пальцах преследователя, но от рывка Дороти развернуло, и она увидела на мгновение второго врага, того, кто тяжело топал за ней по переулку... И ей показалось, что к ним присоединился и третий, маленького роста, скрытый раньше в тени домов...

Больше Дороти не глядела назад. Она бежала к фонарю, но, как назло, никто не выходил из паба и не входил в него. И Дороти знала, какой густой шум и табачный дым царят там, внутри, за толстыми стенами — на улице может произойти сражение, но никто внутри его не услышит.

Снова сзади вцепилась в нее рука.

— Да стой ты! — проскрипел задыхающийся голос... И Дороти попыталась упасть, чтобы таким образом вырваться, впрочем, делала она это неосознанно — не думала ни о чем, только бы убежать! — Ах! — вскрикнул человек сзади.

Хватка ослабла, будто он споткнулся и вынужден был ради того, чтобы удержать равновесие, выпустить добычу.

И это дало возможность Дороти домчаться, подбрав юбки выше пояса, до паба, но не до двери — некогда было. Она замолотила в маленькое, забранное косой решеткой окно так, что чуть не разбила его.

Она не слышала, что происходит сзади и не смела обернуться. Ударив несколько раз кулаком в окно, она кинулась к двери.

А тут дверь как раз открылась, но сначала вышел совсем пьяный зеленщик Робертс, а за ним плелся его хромой сын Пол. А вот за ними, почуяв неладное, услышав стук, вылетел известный всей улице и всей набережной Сэмми Грант, мулат из Вест-Индии, отставной сержант с черной повязкой через черное лицо, знаменитый канонир времен войны с янки. Делать Гранту было нечего, он весь день проводил в пабе или других подобных местах, и у него был сказочный нюх на драки, потасовки и всевозможные приключения.

А человек, посвятивший себя дракам и так не ставший взрослым к пятидесяти годам, умеет мгновенно разобраться в ситуации и понять, на чьей стороне драться выгодно или почетно.

— Дороти! — взревел он. — Кто тебя обижает?

И в этот момент Дороти умудрилась спрятаться за зеленщика и захлебывающимся голосом прохрипеть:

— Там! Вон там!

В этот момент один из преследователей ворвался в круг света, нарисованный фонарем на мостовой у входа в паб. Он был в черном сюртуке, цилиндр потерялся, а прямые черные волосы прижались к голове, смазанные душистым маслом. Он увидел Дороти и закричал:

— Держите ее! Это преступница!

И тогда наступил светлый момент для Сэмми.

— Дороти? — вежливо спросил он. — Преступница?

— С дороги, черномазый! — зарычал преследователь.

А вот этого говорить совсем не следовало. Сэмми сказал друзьям, уже высыпавшим на шум из паба:

— Только не вмешиваться. Я вас умоляю всем святым!

— Понимаем, Сэмми, — сказал зеленщик. — Как не понять. Считай, что он твой!

И тогда Сэмми врезал преследователю в подбородок кулаком размером с арбуз.

Противник оказался крепче, чем многие подозревали, и вытащил из-за пояса пистолет.

Это взбесило законопослушного Сэмми. Он не выносил, если кто-то вытаскивал пистолет.

В следующее мгновение пистолет улетел куда-то далеко, к Темзе, звякнув о камень, а затем плеснув водой. И еще один удар послал этого человека в нокаут, как говорят боксеры.

— Дороти, пошли отсюда, — попросил горбатый фокусник Фан. Насколько Дороти видела, он из паба не выходил, а прибежал откуда-то со стороны. — Я тебя провожу домой, — сказал он.

— Фан прав, — сказал кто-то из толпы соседей. — Нечего тебе здесь делать.

Фан потянул Дороти за руку прочь от драки, он говорил что-то, но у Дороти звенело в ушах, и она не разбирала слов.

— А где второй? — спросила Дороти.

— Кто они? — Рука у Фана жесткая и большая, вообще руки словно достались ему от другого, куда более крупного человека. Когда горбун шел, пальцы почти касались земли. — Они больше тебя не тронут, — сказал фокусник. — Я точно знаю. Они ненавидят, когда их раскрывают.

— Ну хоть объясни что-нибудь, Фан!

— Вот дойдем до дому, и расскажу.

Фокусника хорошо знали на набережной. Он выступал на перекрестках, и ребятам не надоедало спрашивать у матерей пенсы, чтобы кидать их ловкому горбуну. И он нравился именно ребятам, потому что был так мал ростом, словно не вырос из мальчиков. И даже узкая, жидкая, из нескольких волосков, но длинная черная борода не переубеждала — она была маскарадом. Каждый понимал, что Фан притворяется, и только когда ты подрастешь, а Фан останется таким же, как был, ты начинаешь сомневаться, зачем он здесь, почему он такой и почему не хочет стареть. В общем, он был глуп — никто в том не сомневался — и к тому же азиат, чуть ли ни индус вонючий. Но когда привыкнешь к человеку, то не так воняет.

Фан потащил Дороти за руку по улице прочь от толпы, окружившей человека в черном, и тут их неожиданно догнал далекий крик:

— Эй, сюда, здесь еще один лежит!

— Человека убили! — откликнулся второй голос.

— Ты слышал? — спросила, задыхаясь, Дороти.

— Не останавливайся, тебе надо скорее домой.

— Что там за человек?

— Ты его убила?

— Я никого не убивала. Они на меня напали, а я убегала. Почему они на меня напали?

— Наверное, насильники, — сказал Фан. — Или воры.

Он поднялся на две ступеньки, ведущие к узкому дому миссис Форест, и начал колотить молотком по медному щитку. Издалека сзади доносились голоса. Фан нервничал, торопился, и, когда миссис Форест открыла дверь, он, так и не отпустив цепкой руки Дороти, втащил девушку в прихожую. Мэри-Энн встретила их с керосиновой лампой в руке — вечером прихожую не освещали.

— Фан? Что с тобой? — Она, конечно же, знала Фана, он нередко приходил к Форестам.

И тут Мэри-Энн увидела дочь. По ее растерзанному виду она поняла, что с дочкой опять приключилась беда, и потащила ее в гостиную, где Майкл, который готовил уроки, радостно приветствовал старшую сестру:

— Опять подралась, да?

И Дороти стало смешно. Она прижала к себе черноволосую голову брата и сказала:

— Я дралась с двумя драконами сразу, но спас меня Фан.

— Да скажите мне, в конце концов, — закричала Мэри-Энн, — что произошло? Почему?

— Теперь слушай меня внимательно, — сказал Фан. Он говорил по-английски смешно, с акцентом, и Дороти знала, что он мог бы говорить с матерью по-бирмански или по-лигонски, но предпочитал английский, полагая почему-то, что в Англии никто не должен знать, откуда он родом. Это было наивно, потому что в Англии наверняка были люди, знавшие, что Фана привез много лет назад один из компанейских дельцов именно как удивительного фокусника, полагая, что сможет неплохо зарабатывать, показывая уродца фокусника по ярмаркам. Но из этого ничего не вышло, и Фан то ли сбежал, то ли откупился от своего хозяина. Вернуться домой Фан не смог и остался в Лондоне. Жил он бедно, не очень утруждая себя работой, доставал откуда-то и курил опиум, все думали, что он китаец, а он был из Лигона, вассаль-

ного княжества Авы. По крайней мере так говорила Дороти мать.

— Слушай меня, — сказал он Мэри-Энн, — я у тебя давно сижу, чай пьем.

— Ты только что пришел.

— Глупая женщина, я давно сижу, целый час сижу! Дороти поняла.

— Когда я сейчас пришла, мне дверь Фан открыл.

— Как же так! — Мэри-Энн не сдавалась. — Полицейские спросят у паба, и там скажут, что Фан тебя встречал, что я его посылала тебя встретить.

— Когда полицейские сюда придут, — ответил Фан, — то они ни одного свидетеля не найдут. В этом я уверен. Все уже по домам пошли, сегодня паб раньше закрылся, а его хозяин Артур вообще носа на улицу не высовывал. Очень простуженный.

— Простуженный? — удивилась Мэри-Энн. — Ты откуда знаешь?

— Потому что у него с утра зуб болит.

— Какой еще зуб?

— В коленке, — сказал сообразительный Майкл. — Ты что, не знаешь разве, как у нас здесь полицию любят. — Сообразительный мальчик закрыл тетрадь. — А что на самом деле было?

— На самом деле ничего не было. Так что собирай, Мэри-Энн, на стол.

Они сидели за столом, пили чай, когда пришли два полицейских. Одного из них Дороти знала, он всегда ходил в этих местах, знал всех, и его все знали.

Этот полицейский по фамилии Браун, медленный, низколобый, одетый похоже на тех, кто преследовал Дороти, но все же не так — у полицейских была единая одежда и особого рода высокие шляпы, спросил от двери, отклоняя голову от лампы, которую держала Мэри-Энн.

— Это на вашу дочку, миссис Форест, напали?

— Да, а вы откуда об этом знаете?

— В таких случаях послушный горожанин должен обращаться в полицию, а не прятаться дома и не пить чай.

— Хотите чаю, сержант Браун?

— Не говори глупостей, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— Так, может, ваш спутник разделит с нами трапезу?

— Где твоя Дороти?

— В комнате.

— Мне надо поговорить с ней.

Браун вошел в комнату, там сразу стало тесно. Садиться он не стал. Его спутник выглядывал через плечо.

— Значит, на вашу девочку напали? — спросил Браун.

— Да, — сказала Дороти, опередив остальных. — На меня напали. Хорошо, что я успела до паба добежать. Там меня мужчины встретили.

— Какие мужчины? — спросил полицейский из-за спины Брауна. Браун наморщил низкий лоб — он был недоволен, он-то знал, что ответа на этот вопрос быть не может. Мало ли кто были джентльмены, которые встретили Дороти.

— А кто на тебя напал? — спросил Браун.

— Там было темно, — сказала девушка, — а я так перепугалась. Поставьте себя на мое место, сэр.

— Мне трудно это сделать, — сказал второй полицейский. — Но, наверное, ты кого-то узнала у дверей паба.

— Не узнала она никого, — отмахнулся Браун. — Откуда ей. А ты, Фан, давно пришел?

— Моя давно пришла. Давным-давно, — быстро ответил горбун. — Сижу, чай пью, тут Дороти прибежала, вся рваная, какая бедная девочка, все ее бьют! Ах, как нехорошо. — Акцент у него был вдесятеро сильнее, чем обычно.

— Давно он пришел? — спросил Браун у Мэри-Энн.

— Наверное, час назад. Или больше.

— Больше, мама, — с невинной рожицей вмешался в разговор юный Майкл. — Еще светло было, как мистер Фан к нам пришел.

— Правильно, — сказал Фан. — Еще совсем светло было. Фонари не зажигали.

— А кто эти люди были? — спросила Дороти. — Вы их поймали?

— А там был не один? — искренне удивился Браун. Но, оказывается, ему в пабе совсем мало рассказали. О том, кто бежал вторым, забыли сказать.

— Их было двое по крайней мере, — сказала Дороти. — Один за мной бежал и гнал на второго. А тот, в цилиндре, стоял у большого вяза и ждал меня.

— И что же было дальше?

— Я так быстро бежала, что успела добежать до паба.

— Не лги! Он бы придушил тебя на пороге.

— Когда я добежала до паба, оттуда вышли несколько человек. Они были пьяные, они пели песни.

— И ты позвала на помощь?

— Я позвала на помощь, — с готовностью согласилась на подсказку Дороти.

— А тот, который бежал за тобой, испугался.

— Не знаю, — сказала Дороти. — Он исчез. Больше я его не видела.

Браун и его напарник потоптались еще в дверях, потом ушли. Так и не сказав, кто был тот человек или люди и что с ними случилось. На прощание Браун велел Форестам, всему семейству, быть осторожными и, если можно, вообще уехать из Лондона. Он не шутил. А Фану сказал, что подозрение с него не снимается. Фан стал спрашивать: подозрение в чем? Но Браун не ответил и сказал, что, если фокусник понадобится полиции, его вызовут в участок.

Обо всем остальном они узнали вскоре после того, как ушла полиция. Через несколько минут постучал зеленщик, сын зеленщика, и рассказал, что тот, которого уложил на землю Сэмми, сам поднялся и смотался еще до появления полиции.

Своего напарника он не звал и не искал, и никто не сказал ему, что напарник лежит зарезанный ярдах в пятидесяти от него, в нише между двумя домами. Его-то и нашла полиция — ее вызвали, как только

нашли тело. Никто не знает, кто зарезал того, тяжелого, с одышкой. Никто из тех, кто был в пабе, этого не сделал. И не мог сделать — все были на виду друг у друга.

Дороти трясло. Так бывает — перепугаешься, а страх приходит позже.

Мать велела ей идти спать, но Фан сказал, что ему нужно с Дороти поговорить. Ведь она послезавтра отплывает.

Мэри-Энн сказала, что после этого приключения, вернее всего, Дороти не возьмут в Ост-Индию. А заберут в полицию.

— Нет, — уверенно ответил Фан, — никто не подумает, что Дороти могла зарезать здорового и вооруженного мужчину. И кому нужна ваша Дороти?

— Вот это меня и пугает. — Мэри-Энн посмотрела на горбуна со значением, Дороти перехватила взгляд, но не поняла. — Будем надеяться на лучшее. Нам ведь очень нужно, чтобы Дороти все же отплыла на «Глории».

Тут Мэри-Энн стала отправлять Майкла спать, а тот сопротивлялся, ему было интересно, о чем будут разговаривать взрослые. К тому же рядом с их домом произошло убийство... Мать дала слово Майклу, что его возьмут на проводы Дороти и даже сама Мэри-Энн попросит взять его на борт и посмотреть, в какой каюте будет плыть Дороти.

Наконец Майкл подчинился.

— Осталось еще одно дело. Из-за него я к вам сегодня и пришел, — сказал Фан.

— Вы шли к нам по делу? — В голосе Дороти прозвучало разочарование.

— Ты хотела бы, чтобы все было иначе?

— Разумеется. Я хотела бы, чтобы вы меня защищали, дядя Фан, — сказала Дороти. — А оказывается, что все произошло случайно.

— Давай тогда встретимся на полдороге, — ответил горбатый фокусник. — Считаю, что я шел по делу, но заодно решил встретить тебя и проводить незаметно, потому что боялся опасности для тебя.

— Вы подозревали?

— Да.

— Значит, вы могли знать, кто они такие?

— Я мог подозревать, — сказал Фан.

— А мне можно знать?

— Нет. Потому что...

— Никаких потому что! — вмешалась Мэри-Энн. — Фан боится, что некто в Ост-Индской компании не хочет, чтобы ты была на «Глории».

— Я? Я кому-то могу помешать?

— Если им есть что скрывать на борту «Глории», то они замышляют недоброе против Рангуна, против королевства Ава.

— Но я-то при чем?

— В твоих жилах течет кровь благородных лигонцев, подданных королевства Авского. И, как говорится, чем черт не шутит...

— Конечно, это маловероятно, — вмешался Фан. — Это только мое подозрение. Я хотел передать с тобой письмо одному человеку в Рангуне. Просто передать. Моему родственнику. Но теперь я боюсь.

— Нет, вы не бойтесь, дядя Фан, — сказала Дороти. — Вы мне не доверяете?

— У меня нет выхода, — спокойно ответил Фан. Он не стал спорить с девушкой. — И, если чужой прочтет письмо, он ничего не поймет.

— Где письмо? — спросила Дороти.

— Тебе его не надо видеть, — ответил горбун. — Чем ты меньше знаешь, тем меньше сможешь рассказать. Мать зашьет письмо в твою ночную юбку.

— В полосатую, — добавила Мэри-Энн.

— Мать сказала это, чтобы ты пореже надевала ее и не вздумала ее стирать, — сказал горбун.

Все засмеялись.

Дороти спросила:

— А на чем будет написано письмо?

— На тряпочке, конечно же, на тряпочке — что же еще можно вшить в край ночной рубашки? И если будешь тонуть...

— Не смей! — Мэри-Энн кинулась на Фана с кулаками. — Ты что, сглазить хочешь?

Горбун отскочил в угол.

Мэри-Энн принесла рубашку, нитку, иголку и принялась вшивать в край тонкую тряпочку с несколькими короткими словами.

— А кому я ее отдам? — спросила Дороти.

— Это тебе придется запомнить. Сейчас мы с тобой выучим, а перед отплытием мать повторит. Хорошо?

— Говорите.

— Запомни: пагода Шведагон. Шве-да-гон. В Рангуне. На восточном склоне холма, на котором выстроена пагода, есть монастырь Священного зуба Будды. В монастыре найдешь настоятеля, его зовут У Дхаммапада. Ему ты передашь письмо и ответишь на все его вопросы.

— Я должна это сделать, мама? — спросила Дороти.

Мэри-Энн кивнула не сразу. Она поняла Дороти. Та росла англичанкой в английской семье. Хоть мать и выучила ее лигонскому и бирманскому языкам. Передать письмо какому-то монаху в каком-то иноземном монастыре? Она же английская девушка...

— Прости, так надо, — ответила наконец Мэри-Энн. — Это важное письмо и полезное для хороших людей.

Перед тем как уйти, горбун некоторое время стоял возле окна, выходявшего на улицу.

Потом все же не решился выйти через переднюю дверь, и мать проводила его через кухню. Дороти догнала его и спросила:

— А может так быть, что за мной гнались из-за этого письма?

— О письме они, к счастью, не знают, — ответил Фан. — Иначе бы...

— Значит, это твои враги, дядя Фан?

— Они враги твои и мои, и всех добрых людей, — ответил старый фокусник и исчез за дверью.

Дороти хотела узнать больше у матери, но та отмалчивалась, а потом принялась плакать. И Дороти начала плакать, они обнялись и, наплакавшись, заснули на диване в передней комнате.

* * *

У сэра Джорджа Уиттли были свои источники информации.

Утро следующего дня, когда он был в конторе Компании в порту, принесло ему ряд неожиданных новостей.

Сначала штурман Алекс Фредро нанес сэру Джорджу деловой визит и рассказал о том, что его номер был обыскан и ограблен. Это могло быть случайностью, но в свете вчерашнего разговора с полковником Блекберри, скорее всего, случайностью не было. Сэр Уиттли приказал штурману немедленно переходить на корабль и оставлять его как можно реже. Затем он вызвал к себе старого друга капитана Фицпатрика и в обсуждении различных проблем завтрашнего отплытия, в частности, напомнил ему, что на борту будет находиться полковник Блекберри, который, являясь кандидатурой Чарльза Дункана, ненавидящего сэра Уиттли шотландской холодной ненавистью, склонен быть более старательным и исполнительным, чем того требуют интересы дела. В лице капитана он встретил полное понимание, и тот согласился, чтобы к штурману в качестве вестового слуги был приставлен Эрик Боу, хитрый, быстрый и коварный кокни, обязанный капитану жизнью и потому готовый охранять штурмана от случайностей.

Куда более расстроило сэра Уиттли появление в конторе могучего одноглазого негра по имени Сэмми, ветерана американских войн, который, оказывается, был вчера свидетелем нападения на Дороти и принес письмо от ее матери, в котором Мэри-Энн опасалась за судьбу дочери и просила помощи у Уиттли. Не успел Уиттли должным образом выругаться после того, как расспросил немногословного негра и ничего не понял из его разъяснений, как ему сообщили, что

вчера вечером один из сотрудников службы охраны Компании убит в районе Воксхолла, второй избит, но еще смог вернуться домой. Достаточно было сложить два и два, чтобы понять: полковник Блекберри в случае со штурманом ограничился обыском с целью отыскать компрометирующие бумаги и заставить Уиттли снять Фредро с борта. Видно, не удалось. Но с девушкой, с горничной, к тому же полукровкой, можно было без особых опасений разделаться иначе и этим застраховаться от риска. И потому Дороти решили убрать. Ей чудом удалось уцелеть, а ее друзья — любители пива даже прирезали одного из агентов Блекберри, в чем, конечно, никогда не признаются.

Уиттли отправил с Сэмми записку Мэри-Энн — чьи грамотность и изящный почерк его растрогали, — в которой велел не выходить из дома, пока он не распорядится. Сам же, предупредив о событиях невестку, с которой привык обсуждать те дела, которые обсуждать с ней было выгодно, и спокойно переждав вспышку ее гнева, послал карету к дому Мэри-Энн, чтобы на ней переправить на «Глорию» горничную своей невестки.

Мэри-Энн и Майкл поехали провожать Дороти в настоящей карете.

Вахтенный офицер, предупрежденный об их приезде, проводил их в кормовую каюту миледи, которая располагалась прямо под каютой капитана и не уступала ей размером и удобствами. Майклу каюта, в которой будет жить его сестра, показалась дворцом. Впрочем, каюта эта была тридцати футов шириной — от борта до борта, и не меньше в длину — от двери до ряда окон, глядящих назад. Каюта была покрыта коврами, там были все удобства для дамы, включая широкую, под балдахином кровать с бортиком вокруг, чтобы не свалиться в штурм. С другой стороны каюты за занавеской стояла койка горничной — его сестры.

Пока Майкл носился по палубе, изображая из себя морского волка, Мэри-Энн сказала:

— Конечно, я приду завтра тебя провожать, но может так случиться, что мы не сможем уединиться...

— Я помню, — сказала Дороти, — У Дхаммапада, пагода Шведагон, монастырь Священного зуба.

— Я не о том.

Мэри-Энн сняла с пальца тонкое серебряное колечко с круглым, стертým от старости, размером с рисовое зерно красным камешком. Она никогда не снимала его, а Дороти привыкла не замечать этого дешевого колечка.

— Не расставайся с ним, — попросила Мэри-Энн, — оно тебе пригодится.

— Как?

— Я никогда не говорила тебе, но у этого камешка есть странное свойство. Он меняет цвет, если тебе угрожает опасность. Он чернеет. Это колечко досталось мне от бабушки, а той — от ее бабушки.

ГЛАВА 4

Пираты Индийского океана

В шестой день после того, как корабли Ост-Индской компании «Дредноут» и «Глория» вышли из устья Темзы и, пользуясь добрым попутным ветром, взяли курс к югу, к берегам Африки, шеф земной службы Интер-Галактической полиции комиссар Милодар, невысокого роста, немолодой, жилистый человек с копной седеющих курчавых волос, приехал к профессору Гродно в состоянии бешенства. Профессор Гродно, который руководит лабораторией генетической памяти, и его хорошенькая ассистентка Пегги не смогли скрыть своего удивления, на что Милодар ответил:

— А чего удивляться? Эти бюрократы доведут до клинической смерти даже железного робота, вот так!

— Что же случилось? — спросил малюсенький и потому честолюбивый профессор Гродно.

— А то, что за два полета в Лондон 1799 года я получил выговор! А то, что нам запретили без особой

надобности включать мониторинг Коры, то есть Дороти Форест!

— Как так! — воскликнул профессор. — Это же опасно.

— И рискованно для эксперимента в целом, — добавил комиссар.

Пегги ничего не сказала. Она лишь улыбнулась уголками губ. Она недолюбливала самоуверенную Кору, потому что сама была самоуверенной и надеялась связать свою судьбу и ложе с профессором Гродно. В Коре же она чувствовала соперницу. Как, пожалуй, и в каждой молодой женщине.

— Но почему? — спросил профессор.

Он с тревогой поглядел на прекрасное обнаженное тело Коры Орват, неподвижно зависшее в плотном, почти прозрачном, крайне инертном газе саргоне. Тело было опутано проводами и обклеено датчиками, что не могло скрыть его соблазнительности. Это и выводило Пегги из себя.

— А потому что Центр-энерго выставил ИнтерГ-полу такие счета за наши экскурсии и мониторинги, словно мы поглотили половину энергии всей планеты! — заявил Милодар. — Всего два моих визита в восемнадцатый век для внедрения агента и элементарный мониторинг они оценили в два годовых бюджета моей конторы!

— Я ждал этого, — вздохнул профессор Гродно. — Я тихо молил небо, чтобы эта кара обрушилась на нас попозже, но она была неизбежна.

— Что вы хотите этим сказать?

— В Центр-энерго имеют все основания сердиться на нас. Мы и вправду ограбили Землю.

— Всего один человек...

— Вы забываете, что путешествие во времени на таком расстоянии невозможно! Значит, мы отправляли только вашу голограмму. Так вот, стабилизация голограммы на расстоянии в триста лет вообще непредсказуема по расходу энергии. Вам, полицейским, все равно. Отдал приказ — выполняйте. На меня же работали математический институт и три физические

лаборатории — все в один голос утверждали, что голограмма до восемнадцатого века не доберется. Я же сделал так, чтобы вы добрались, причем в одном куске.

— Спасибо, — сказал комиссар. — Вы выполнили свой долг, я выполнил свой долг. Значит, энергетики должны выполнить свой долг. Почему они этого не делают?

— Потому что тогда погаснет свет в школах, закроются космические порты, а в подводные города хлынет вода!

— Не драматизируйте, профессор.

— Это от меня не зависит. А вы, оказывается, не любите правды.

— Кто ее любит, — отмахнулся комиссар. — Особенно не хочется выслушивать ее от союзников. Ничего, кроме неприятностей, такая манера не приносит. Ну, ладно, мы обойдемся без командировок моей голограммы в Индийский океан. Хотя этим мы лишаемся возможности контролировать случайности. А что, если на наших друзей нападут какие-нибудь пираты?

— Надеюсь, они отобьются, — сказал профессор Гродно. — Два корабля линейного класса превосходят мощью целую эскадру пиратов.

— Дай бог, — ответил Милодар. — Но лучше было бы пугнуть приближающегося пирата, переодевшись в скелет...

— С фосфорным черепом, — хихикнула Пегги.

— Не важно, с каким черепом! Но мы должны хоть иногда заглядывать туда, где плывет наша девочка...

Милодар обратил взор к Коре. Лицо ее сквозь дымку было спокойным. Тонкие, но сильные кисти рук были сложены на груди, так что пальцы уместились в нежном углублении между персей агента № 3.

— Какие перси! — прошептал Милодар.

— Персы? — не понял профессор Гродно, который, как и любой средний по образованности человек двадцать первого века, не знал, что означает слово

«перси». Милодар и сам не мог бы похвастаться широкой эрудицией, но он встречался со многими людьми и обладал цепкой памятью. А всего месяц назад он вел дело о краже археологических ценностей из нетронутого скифского кургана. Организатором банды был столетний профессор, археолог, поп-расстрига, который изъяснялся длинно и красиво. От него Милодар и узнал слово «перси», а также слова «ошуюю», «одесную» и «акриды».

Милодар не ответил профессору. Он думал о том, что у него опять нелады в семейной жизни, последний брак развалился, а душа требовала ласки и нежности. А почему бы и нет, подумал комиссар. Уже десять лет мы работаем вместе. Может, и больше. А что, если удастся уговорить Кору уменьшиться раза в два? Говорят, такие косметические операции уже делают в Бразилии. Они станут с Корой одного размера...

— Да, — вздохнула над его ухом Пегги, — долгое пребывание в гробу Коре не к лицу. Она подурнела, ох, как подурнела!

— Вы так думаете? — Милодар все еще находился в царстве мечты.

— Я с вами не согласен. Женщина как женщина, — возразил профессор. — Чего вы хотите от сотрудника, который уже две недели лежит в газовой камере, и сколько еще пролежит, одному Богу известно.

— Вот именно! — Милодар выкинул мысли о новой женитьбе. Возможный объект был отделен от него непрошибаемой стенкой. И сколько бы ты ни целовал этот гроб, спящая красавица не проснется.

— Какие нам оставлены возможности контроля? — спросил профессор Гродно.

— Только в случае явной и серьезной угрозы жизни агента и появления красного сигнала, — Милодар показал на черный кружок над пультом, — мы можем прекратить работу и тащить Кору обратно. Возможно, я смогу вымолить, пробить еще один или два

сеанса мониторинга, чтобы хотя бы знать, добралась она до Индии или утонула у берегов Австралии...

— Нет, — сказал профессор, — Дороти Форест не могла утонуть у берегов Австралии, потому что она должна родить ребенка.

— Зачем? — не сразу сообразил Милодар.

— Иначе кому она передала генетическую память?

— Ну да, конечно, — согласился Милодар.

Он прошел к рабочему столу профессора и включил экран записей мониторинга. На экране, хоть неявно, с перебоями, мелькали уже известные нам сцены из жизни Дороти...

— Что-то заказчик не появляется, — заметил профессор.

— Вы имеете в виду министра из Эпидавра?

— Его же оставили, чтобы нам помочь.

— Он вернется через неделю. Неотложные дела дома... — Милодар усмехнулся. Заказчики его уже не интересовали. Это было его дело, его задача, которую решал только он, и лишние помощники ему не требовались. — Когда он вернется, покажите ему те пленки, которые считаете нужными.

— Я подумаю, — сказал профессор. Они с Милодаром, оба маленькие и честолюбивые, симпатизировали друг другу.

Затем Милодар попрощался с Пегги. Он поцеловал ей руку, а потом, когда Пегги склонилась, и щеку.

— Если бы я не улетал сегодня в командировку, — сказал он, — то пригласил бы вас в китайский ресторан.

— В четвертый раз приглашаете, — ответила девушка без обиды.

— Много командировок, — ответил, не смущаясь, Милодар.

Он остановился на минуту у саркофага, вглядываясь в спокойные черты бледного лица Кору Орват. Душа ее была сейчас так далеко...

— И все же она подурнела. И в этом нет ничего удивительного, — сказала вслед уходившему Милодару ассистентка Пегги.

* * *

«Глория» и «Дредноут» следовали в пределах видимости. Старый «Дредноут» и под стать ему немолодой капитан берегли себя, и, пожалуй, ни разу до самого Кейптауна «Дредноут» не поставил все паруса, ссылаясь на ветхость корпуса, что было, по мнению капитана Фицпатрика, явным преувеличением.

На стоянке в Кейптауне неспешно заправлялись водой и грузили на борт продовольствие, отчего оружейные палубы превратились в помесь хлева с сеновалом — живые консервы мычали, топтались, а коровы умудрялись даже давать молоко. Среди команды нашлись фермерские сыновья, которые могли этих коров доить, так что офицеры и в первую очередь миссис Уиттли пользовались свежим молоком, что помогало сохранить здоровье. Еще со времен капитана Кука и китобоев, уверявших, что от цинги есть одно средство — свежие продукты, корабли Ост-Индской компании брали в дальние плавания яблоки, лук, чеснок, да и свежее мясо скрашивало диету моряков.

В Кейптауне простояли дольше, чем полагалось, потому что осень Южного полушария принесла затяжную холодную непогоду и Фицпатрик не стал рисковать, прорываясь в зону пассата через опасные воды сороковой широты. Тем более что Фицпатрик, разумеется, рассчитывал воспользоваться экваториальным противотечением, подхватив его у Мадагаскара, чтобы с началом муссона выйти ближе к Суматре, пользуясь на этот раз восточным муссонным течением, которое наберет силу к концу мая.

Там же, в Кейптауне, капитаны кораблей договорились о точках randevu и о том, что в случае, если эти громадные корабли, на самом же деле лишь маковые росинки в просторах Индийского океана, не смогут отыскать друг друга, разлученные ветром и

волнами, ждять в Калькутте, где «Дредноуту» следовало взять на борт сипаев и изготовиться к последнему броску через Бенгальский залив...

От Лондона до Кейптауна миновали недели пути, вовсе не тоскливого, как опасалась Дороти. Каждый день приносил столько разнообразных наслаждений, столько маленьких и больших приключений, столько переживаний, что они пролетели мгновенно и жалко было укладываться спать, а впрочем, порой они с Региной шептались чуть ли не до утра, потому что Дороти уже через неделю стала старой и любимой вещью миссис Уиттли, куда лучше всех предшествовавших горничных и служанок.

— Я тебя буду называть компаньонкой, — заявила она как-то, радуясь новой прическе, придуманной ими совместно с Дороти.

— А какая в том разница для меня? — спросила Дороти.

— Как горничная, ты можешь выйти замуж за матроса, в лучшем случае — за боцмана, как твоя мать. А компаньонка леди Уиттли может претендовать на лейтенанта королевского флота, не меньше! К тому же в Ост-Индии так не хватает хорошеньких женщин хотя бы приличного британского происхождения!

Конечно, следовало из этого, твое происхождение оставляет желать лучшего, но мы тебя в беде не оставим.

Дороти не обижалась. Ей в жизни не приходилось жить в такой роскоши, в такой громадной комнате, видеть такое ослепительное солнце, бьющее в решетчатые окна, или видеть, как по ним колотит ливень. Здесь все звучало иначе — масштаб событий и стихий был иным, чем в Лондоне. Регина утверждала, что на фактории жизнь будет куда шикарнее хотя бы потому, что миссис Уиттли сможет взять себе в услужение сколько угодно туземок, а в обязанности Дороти будут входить лишь руководство этими женщинами и самые интимные обязанности подруги и наперсницы.

Ночью большая дамская каюта становилась куда теснее, чем днем, — Регина опускала альков над своей кроватью, а Дороти протягивала занавеску перед своей. Но утром, разбуженная шумом ветра, солнцем, покачиванием судна, Дороти пробуждалась сразу, весело и бодро, на свежайшем воздухе, который вливал здоровье и силу в лишенное изъязов и болезней семнадцатилетнее тело Дороти Форест.

Завтракали дамы вместе за одним столом в своей каюте, а вот обедать капитан Фицпатрик приглашал миссис Уиттли наверх, в свою каюту, ибо обед — священнодействие, традиция, ритуал. Он имеет место на корабле давно, куда раньше, чем на суше, впрочем, на корабле иной распорядок, диктуемый склянками, а не часами. И для Дороти было удивительно приятным открытием то, что с момента, как она взошла на «Глорию» и услышала склянки, она понимала их, даже не задумываясь и не отгибая пальцев, как это приходилось делать ее хозяйке.

На обед у капитана собирались офицеры корабля, а также полковник Блекберри и два важных коммерсанта, которых Дороти не замечала, потому что и они сами никого не замечали, прячась куда-нибудь за плюпку, чтобы бесконечно обсуждать курсы акций и стоимость гвоздики в прошлом году на Амстердамской бирже.

Полковник Блекберри не считал нужным скрывать, что Дороти он не доверяет и вообще предпочел бы, чтобы она находилась на морском дне. Однако, как джентльмен, он ничем не выказывал своих чувств, зато с его поведением был связан один эпизод, который произошел в один из сумрачных, но для Дороти прекрасных дней, когда «Глория», обогнув западную оконечность Африканского материка, взяла курс на юго-восток, к Кейптауну, уже не опасаясь, что встретит здесь французские корабли.

Ветер был северным, прохладным и влажным, он гнал перед собой рваные сизые облака, сквозь которые порой выглядывало на несколько минут солнце, освещая белоснежные барашки и отражаясь в темных

скатах гигантских валов. Дороти стояла у борта, в том месте, где из тела корабля выросал рог единорога — бушприт, несший косые паруса. Тупой нос «Глории» разрезал волны, вздымая пену и рождая мощный звук водопада, который перекрывался ударами волн о борт корабля и неожиданным выстрелом — хлопком гигантского паруса где-то в невероятной высоте. За день до того в хорошую погоду Дороти под смех матросов и птичий лепет хозяйки взобралась следом за одним из ее поклонников, марсовым Чарли, по туго натянутым вантам на марс — небольшую и даже уютную бочку, прикрепленную высоко к мачте. Ей не было страшно, болельщики гоготали с палубы, госпожа Уиттли потом занудно корила ее за то, что девушка надела матросские штаны и этим якобы опозорила не только свою честь, но и честь всего рода Уиттли. На самом деле Регина страшно завидовала Дороти, что той не страшно подняться по вантам на мачту, когда корабль несется вперед и раскачивается на ходу так, что лишь отчаянные уговоры Дороти заставляют Регину сползти с широкой постели и чего-нибудь откусать. Регина сердилась на горничную и за то, что та не страдает вовсе морской болезнью, это также унижало ее как благородную даму. Впрочем, здесь ей на помощь пришел полковник, еще более посеревший от качки, который за обедом в капитанской каюте убедительно рассуждал о том, что невосприимчивость к морской болезни есть следствие низкого происхождения. Недаром матросы и черномазая служанка бегают по кораблю, как посуху, тогда как благородные джентльмены вынуждены страдать. Капитан Фицпатрик, не испытывавший от качки неудобства, был вынужден согласно кивать, а штурман Фредро задумался, насколько предки полковника Блекберри знатнее его польских прашуров. Ведь он также не испытывал проблем с морской стихией. Более того, столь рассердившая Регину сцена восхождения ее горничной по вантам на марс вызвала в нем острое желание и самому последовать наверх — учась управлять кораб-

лем, он не один месяц поднимался, бегал по стенам, гудевшим от ударов ветра, и спускался по вантам на палубу, словно обезьяна в лесу. Он любил тот таинственный, даже в самый солнечный день погруженный в прозрачную тень мир парусов, несущийся между морем и небом.

А когда Дороти спустилась с мачты и ловко, как будто привыкла за несколько минут к матросской жизни, натягивая ступнями выбленки — веревочные ступеньки, соединявшие ванты, — стала уверенно на фальшборт и прыгнула на мокрые от брызг доски палубы, штурман протянул ей руку, чтобы помочь, но девушка руку отвела, как бы утверждая этим самостоятельность, и сообщила штурману:

— Этот Чарли там, наверху, хотел меня поцеловать, и если у него будет синяк под глазом, то виноватых не ищите.

Группа моряков, ожидавшая возвращения путешественницы на палубе, не успела сообразить, что все это означает, как следом за Дороти на палубу прыгнул злой Чарли с растущим на глазах синяком под глазом. Тогда все стали смеяться. Смеялся и штурман. И Дороти, которая, как призналась потом, боялась, что ей влетит за избиение господина матроса, тоже стала смеяться. Но тут ее смеющийся взор встретился с глазами штурмана, и она сразу стала серьезной, смутилась и убежала, оставив зрителей осыпать невежливыми шутками пострадавшего Чарли.

Регина привыкла делиться с горничной своими неглубокими мыслями, и Дороти уже к середине путешествия знала, что Джулиан Уиттли как мужчина ровным счетом ничего из себя не представляет, что, впрочем, устраивает его жену, потому что она найдет себе куда более интересного возлюбленного. Джулиан же ей нужен как человек, который обязательно сделает большую карьеру в Компании, тем более что все члены президентского совета, как правило, пожилые джентльмены, имели счастье некогда качать его на коленях. Джулиан уже давно был как бы наследным

принцем и потому, хоть и проходил, как положено принцу, все ступеньки служебной лестницы, делал это быстрее прочих и легче их. Теперь, в тридцать лет, он получил пост директора фактории в Рангуне — это был немалый порт на пути из Индии в Китай, к тому же, как нам известно, отец Уиттли планировал именно там расширить владения Компании. И потому, несмотря на нелюбовь к мужу, разумная птица Регина ехала к нему через полмира, чтобы жить в жаре и в окружении дикарей и родить ребеночка, будущего лорда Уиттли.

Нельзя отпускать мужа полностью на вольные хлеба, объясняла она Дороти, потому что он может взбрыкнуть, как застоявшийся жеребец, — уже были случаи, что застрявшие в Лондоне соломенные вдовушки теряли своих мужей. Конечно, рассуждала Регина, на этом тоскливом корабле можно завести от скуки интригу, но слишком опасно — перегородки здесь тонкие, а корабль прослушивается, как фанерный. Да еще этот паршивый полковник Ягода — так она сокращала фамилию Блекберри — вынюхивает измену и, возможно, готов сообщить любую гадость, только чтобы насолить старому Уиттли и самой Регине за то, что они отстояли Дороти, которую он намеревался убить. Так что ты тоже, моя душечка, гляди в оба. Такие, как полковник, подобны удавчикам — пока не задушат мышку, никогда не успокоятся.

— А еще он не любит штурмана Фредро, — заметила Дороти.

— Знаю. Единственный приятный джентльмен на борту, — ответила Регина и так вздохнула при этом, что Дороти вдруг почувствовала раздражение. Вот именно — раздражение. Хотя какое ей дело до какого-то там штурмана? — Если бы мы были не на «Глории», а жили в Лондоне, я нашла бы возможность... дать ему понять, что равнодушна к такому типу мужчин. Нет, ты меня знаешь, я никогда бы ничего себе не позволила...

Затем последовала пауза, как будто Регина вспомнила о тех несчастных случаях, когда она все же себе что-то позволила.

— Ты спишь?

Дороти не ответила. Пускай думает, что сплю.

— Ну, ладно, ты еще совсем ребенок и многого не понимаешь, — сказала тогда Регина и принялась скрипеть кроватью, устраиваясь поудобнее.

И Дороти вспомнила, как сегодня штурман протянул ей руку и они стояли лицом к лицу, а больше она ничего не помнит. Вроде бы несла какие-то глупости. Вот не думала, что будет так стесняться!.. Какая между ними пропасть! Офицер, штурман и горничная. Ей суждено отыскать себе матроса Чарли, и тогда уж Чарли будет ставить ей синяки под глазами, а не наоборот...

* * *

Как зарождается любовь?

С первого взгляда ее не бывает, потому что первый взгляд всегда ложный. Любовь возникает после нескольких взглядов, но потом, когда ты вспоминаешь об этой истории, то кажется, будто взгляды сливаются в один, долгий, которым все было сказано. А так как начался он во время первой встречи, то она и перетягивает на себя одеяло твоих сладких воспоминаний. Во время первой встречи Дороти показалась штурману Фредро уродливой из-за ран и синяков, впрочем, и он сам, хоть и спас ее героически из-под копыт, был измазан, исцарапан и никак не отвечал представлению Дороти о герое. В Лондоне они встречались редко, мельком, и как бы не было оснований и возможности разглядеть друг друга внимательнее.

Но потом, на малом пространстве корабля, где встречаться приходилось неизбежно, даже не перекидываясь словами, штурман незаметно для себя стал замечать мелочи, не придавая им значения: поворот шеи, локон, выбившийся из-под будничного платка, которым были покрыты буйные волнистые волосы горничной, щиколотки и икры, когда налетевший

бриз всколыхнул юбку, — все вместе и являло собой грацию прелестного существа, которая открывалась для штурмана постепенно, день за днем... Пока не случился этот эпизод с мачтой. Ей-Богу, подумал штурман, ни одна горничная — да при чем тут горничная! — ни одна девица в Лондоне не решилась бы залезть по вантам на марс.

Растущего же внимания к себе со стороны Регины Уиттли Алекс пытался не замечать, хотя не замечать не мог, потому что леди Уиттли была куда более опытной соблазнительницей, чем наивная Дороти, и от вынужденного безделья желание свести с ума штурмана тем более овладевало Региной, чем упорнее он сопротивлялся искушению. Хотя Регина не была особой охотницей до мужчин, все же здоровой молодой женщине так трудно остаться совершенно равнодушной к мужчинам, находясь с полутора сотнями молодых людей в деревянной скорлупке плывущего по морю ореха под названием «Глория».

В ту ночь, после эпизода с мачтой, об этом догадалась и Дороти. Догадалась потому, что раньше ей и дела не было до мыслей и чувств Регины, а оказалось, что она ошибалась — штурман уже сумел тихой сапой забраться в сердце Дороти и свить там незаметное пока, но реальное гнездышко.

Следующий эпизод, как бы повысивший температуру отношений на борту «Глории», произошел уже в Кейптауне, во время долгой стоянки в ожидании погоды. Как-то в теплый осенний апрельский день Регина по договоренности с женой тамошнего представителя Компании, в дом которого Регина переместилась вместе с Дороти, чтобы не болтаться на корабле, стоящем на якоре на рейде Кейптауна, взяла открытый экипаж, куда помимо леди миссис Уиттли поместились Дороти и младшая сестра хозяйки дома, легко краснеющая веснушчатая и донельзя наивная мисс Вулвортс. На козлах сидели кучер и слуга с ружьем — хоть места возле Кейптауна были безопасны, но ходили слухи, что какая-то негритянская банда с севера нападает на путников.

Ехали вдоль моря, берег был песчаным, светлым, океанские воды, пришедшие, наверное, с Южного полюса, из неведомых краев, откуда, как говорила мисс Вулвортс, иногда приплывали ледяные горы, величаво разбивались о землю ярдах в ста от песка и неслись потом, рассыпаясь в пенную муть, по песчаному мелководью. На горизонте остались Столовая гора и строения богатого города, воздух был влажным, теплым и душистым.

— Словно нюхательные соли, — заметила Регина, которая также ощутила особый запах здешнего моря.

— Водоросли гниют, — сообщила мисс Вулвортс и испортила остальным романтическое настроение.

Потом они приехали в место, где стояла небольшая пляжная хижина, возле нее стол и скамейки, врытые в песок. Охранял этот домик для пикников слишком вежливый негр, который все желал поговорить, но понять его оказалось невозможно. Он лепетал на языке местных голландцев — буров.

Старый негр поставил на каменный очаг чайник, а Дороти пошла гулять по берегу. Ноги проваливались в песок, скоро она отыскала красивую раковину. Ей захотелось искупаться. Тем более что ярдах в ста от пикниковой хижины росла куща невысоких и изогнутых ветрами деревьев и за ними можно было раздеться. Дамы сидели на лавочке, ждали, пока приготовят чай, беседовали, а кучер и охранник осматривали ногу одной из лошадей.

Дороти быстро разделась донага — купальщицы в длинных нижних рубашках обречены были стоять по пояс в воде, прикрыв грудь руками крест-накрест, и дрожать от ветра. А если ступишь глубже, тебя тут же стреножит и утопит собственная одежда.

Кинув последний взгляд на остальных, Дороти быстро сбежала к воде и на несколько секунд остановилась, лишь ступив в пену, пробуя ногой, не холодная ли вода.

Именно в этот момент ее увидел и сердцем понял, что стоящая вдали женская фигурка — Дороти, штурман Алекс.

Это зрелище его встревожило.

В те годы очень мало кто умел плавать. Даже на английском флоте матросы не были обучены плаванию и, попав в воду, быстро тонули. Умеющая плавать женщина была сенсацией и даже чем-то неестественным.

— Смотрите, туземка! — крикнул Алексу его спутник, судовой лекарь с удивительно неудачной фамилией Стренгл, что означает «душитель». Стренгл говорил, что пошел в плавание именно потому, что не смог за двадцать лет организовать достойной практики, так как имя его отпугивало пациентов.

— Нет, — сказал Алекс. — Это Дороти.

Они с доктором взяли в городе напрокат верховых лошадей и отправились на прогулку, чтобы поразмяться. По воле случая они избрали именно ту дорогу, по которой поехали на пикник дамы.

— Какая Дороти? Наша Дороти?

Доктор относился к поклонникам Дороти, как, впрочем, и большая часть команды, правда, поклонялся он ей платонически, ведь Дороти вела себя так, что матросы и офицеры видели в ней скорее младшую сестренку, нежели женщину.

И тут они увидели, как девушка, уверенная, что никто за ней не наблюдает, спокойно пошла вглубь. Зашла по пояс и потом как бы прыгнула вперед, вылетев из воды и погрузившись в нее через полдюжины ярдов — таков был прыжок! Мужчины искренне любовались ее грацией и силой, неожиданно увидев в Дороти новую, необычную и манящую черту.

Они придержали коней и медленным шагом приближались к месту купания Дороти.

Тут они заметили дам у домика и приветствовали их.

К тому времени Дороти отплыла далеко от берега, дамы ее не видели, и для них было неожиданностью, когда доктор Стренгл вдруг спросил у негра:

— А тут нет акул?

— Акула? — спросил негр, явно не имея представления, что значит это слово. — Много акула.

— Очѣнь большіе акулы, масса, — подтвердил охранник.

— Я этого и боялся.

Доктор сложил руки трубкой и принялся отчаянно кричать:

— Дороти, назад! Дороти! Здесь опасно!

Дамы никак не могли понять, куда и почему он кричит. Надо было присмотрѣться к волнам, угадать среди них черную горошинку — голову Дороти.

— Ёй угрожает опасность — заявил штурман, передавая повод от лошади охраннику и устремляясь к берегу.

И только тут Регина и мисс Вулвортс закудахтали, от волнения у Регины лопнула шнуровка корсета, и все окружающіе смогли впервые лицезрѣть замечательные розовые дыни ее бюста.

Регина разрывалась между страхом потерять такую замечательную и нужную горничную и еще большим страхом, что из-за нее утонет штурман Алекс. И она не придумала ничего лучше, как побежать к берегу, увлекая всех за собой и крича охраннику:

— Так чего же вы! Акулы, акулы... Возьмите какую-нибудь лодку и плывите!

— Боюсь, что на десять миль вокруг вы не найдете ни одной лодки, Регина, — сказал доктор Стренгл. — Правда, я видел одну на горизонте, но докричаться до нее можно только с помощью пушки.

— Тогда найдите какое-нибудь бревно! — вконец рассердилась миссис Уиттли. — Скажите этим людям!

Охранник, в рукав которого она вцепилась, видно, намереваясь оторвать его вместе с рукой, попытался вырваться, охваченный страхом, и пролепетал:

— Но я же не плаваю, мэм!

— Где здесь мужчина? — закричала Регина, видя, как голова Дороти пропадает среди волн. — Немедленно дайте мне мужчину!

Молодой штурман уже подбегал к воде. Пловцом он был посредственным, хоть и не беспомощным, но

воды не боялся, потому что имение дяди стояло на берегу Вислы и детство он провел у реки.

Все остальные последовали за ним, но на некотором расстоянии, треугольником, словно стая перелетных птиц. Первым бежал Алекс, за ним, на некотором отдалении бежали, проваливаясь в песок, Регина и мисс Вулвортс, затем доктор, охранник, кучер и негр.

У воды Алекс начал раздеваться. Сбросил камзол, но в тот момент, когда принялся отстегивать гульфик у панталон, он замер, потому что как раз тогда его настигли остальные спасатели.

— Простите, мэм, — произнес, покраснев, штурман.

И тут до Регины, а уж тем более до мисс Вулвортс дошел весь ужас их положения. Штурман начал раздеваться так, словно находился с ними в спальне, но вокруг сияло солнце, дул ветер, шумел океан и было много свидетелей.

Закрыв глаза руками, женщины резко отвернулись от штурмана и отбежали вверх по склону.

— Что вы делаете! Как вы смеете! — кричала на бегу Регина. — Сейчас же оденьтесь!

— Но тогда я не смогу плыть по океану, — возразил штурман, поддерживая панталоны.

— Это меня не касается. Спасайте ее, как желаете, и если вы при этом утонете, это ваше личное дело!

Но тут же, увидев, что штурман продолжает раздеваться, она замолчала, отвернувшись, но искоса поглядывая на него. Убедившись в том, что он в безопасности, штурман, обнажившись до пояса и оставив на себе лишь нижние панталоны, вошел в океан.

Им овладела робость, но он понимал, что несколько пар глаз смотрят на него и уже поздно возвращаться обратно, сославшись на то, что вода холодна или слишком соленая для подвига. Поэтому, подождав, пока очередной вал достиг берега и закрыл его по пояс, потянув обратно к берегу, штурман упал животом вперед и, бешено заработав руками и ногами,

помог отбегающей от берега волне подхватить себя и вынести в открытое море.

Алекс и не заметил, как оказался за пределами той ступени, от которой начиналось мелководье и о которую ударялись, разбивались волны, — вокруг было неровное, покрытое пологими волнами пространство. Вдруг штурман сообразил, что он потерял ориентацию и не знает, куда ему плыть дальше. Так как вода надежно держала его, куда лучше, чем в речке, штурман стал крутить головой, удерживая себя на плаву круговыми широкими движениями рук, и сразу увидел берег, голубые горы вдаль и даже различил ставшие маленькими фигурки на берегу, которые собрались в кучку и пытались разглядеть, что же происходит в океане.

Значит, девушка находится в другой стороне. Но как отыщешь ее в волнах?

Не давая страху овладеть собой и воображению представить, как его уносит беспощадными валами в океан, в открытое море, штурман попытался представить себе, где же может быть Дороти, и сообразил, что Дороти находится напротив Регины и ее свиты.

Туда он и поплыл. А судьба благоприятствовала ему потому, что, утомившись купаться, Дороти не спеша поплыла к берегу.

Она первой увидела штурмана, очень этому удивилась и даже испугалась, потому что не ожидала увидеть купальщика-мужчину, особенно если учесть, что она была совершенно обнажена.

Тогда ее увидел и штурман и закричал:

— Что вы делаете! Здесь опасно! Здесь акулы!

— Что? — откликнулась Дороти. — Какие акулы?

Только тут она узнала штурмана. Ее страх и смущение усилились, потому что иной человек, допустим, доктор Стренгл, был бы просто мужчиной, а штурман был мужчиной особенным.

— Здесь опасно. Разрешите плыть с вами?

Они уже сблизились настолько, что можно было разговаривать, почти не повышая голоса.

— Я не разрешаю, — заявила Дороти. — Плывите один.

— Почему?

— Потому что вам отлично известно, что мужчины и женщины в приличном обществе вместе не купаются.

И тогда штурман понял, что девушка совершенно раздета. Совершенно!

— Но если приплывет акула?

— У вас с собой пистолет? — спросила Дороти. — Или сабля?

— Нет, зачем же?

— Ясно, вы разорвете ей пасть, как разорвал пасть льву Геракл, — сообщила девушка.

Штурман впервые увидел ее руки обнаженными... и плечи, и то место, где плечи переходят в грудь...

— Да плывите вы вперед! А то потом в жизнь от сплетен не избавлюсь!

Штурман понял, что девушка права, но горе было в том, что он уже устал и с каждой секундой его тело, непривычное к плаванию среди волн, все более требовало покоя. Он подавил в себе волну страха и сказал:

— Вы правы, я поплыву чуть впереди, но дайте мне слово, что будете плыть следом.

— А я уже плыву следом, — сказала Дороти.

Она вовсе не сердилась на штурмана. Ведь ради простой горничной он кинулся в океан, понимая, если он не последний идиот, что убить акулу он не сможет, но все же был готов рисковать собой.

Ею овладело непонятное веселье, даже озорство, и мысль о том, что молодой человек знает, что она обнажена, и взволнован этим, ей была сладка и щекотна.

Дороти широко разводила руками и, заводя их за спину, совершала как бы прыжок вперед, почти по пояс выходя из воды, и ей хотелось бы, чтобы штурман обернулся, но он не оборачивался.

Зато, сложив вместе руки впереди, Дороти увидела, как сверкнул камешек в ее колечке. И она поняла,

что он значительно потемнел. Сначала она даже решила, что изменение цвета связано с тем, что камешек мокрый, но камень все темнел и темнел, из розового превратившись в черный.

Где-то близко была опасность! И она приближается.

Дороти оглянулась. Океан был пуст. Лишь далеко, у горизонта виднелись косые паруса рыбацких лодок.

Дороти хотела окликнуть штурмана, но не решилась — ей казалось, что он плывет из последних сил и лучше его не сбивать.

А штурман и на самом деле боялся сбиться с дыхания, а сердце билось слишком часто, вот-вот выскочит из груди. Он уговаривал себя, что береговая линия приближается, хотя вовсе не был в том уверен.

Как Алекс думал потом, скорее всего, он бы утонул в тот день, если бы не польский гонор, гордыня, не позволившая ему пойти ко дну у берега Южной Африки.

Он плыл по-мальчишески, далеко выбрасывая вперед руки и поднимая больше брызг, чем следовало, отчего все более уставал. Дороти же держалась чуть сзади, она плыла, разводя руки в стороны, подобно лягушке, и могла так проплыть много миль, почти не утомившись. А так как воду и море она любила, то вода была ее другом, и если в самом деле усталость вдруг овладевала ею, то Дороти переворачивалась на спину и отдавалась воле волн.

Она видела, что Алекс плывет энергично, резко машет руками, так что вначале она за него не беспокоилась, даже позавидовала мощи и резкости мужских движений. Но чем ближе они подплывали к берегу, тем резче, неровней и как-то судорожней становились гребки Алекса, и вдруг Дороти с ужасом поняла, что он плывет уже из последних сил. И испугалась, что не сможет вытащить его на берег, если что-то случится.

И в тот момент, когда Дороти испугалась за штурмана, сердце ее перевернулось, и в нем поселилось чувство к молодому человеку.

...Впереди, уже в ста ярдах, волны разбивались о стену берега и дальше крутыми белыми валами неслись, уменьшаясь, по песку мелководья. Именно там и было труднее всего плыть.

Неизвестно, чем бы завершилось это купание, если бы в дело не вмешалась третья сила — совсем недалеко Дороти вдруг увидела черный треугольник, словно вырезанный из чугуна. Треугольник поравнялся с пловцами, обогнал их и начал делать круг, как бы отрезая их от полосы прибоя.

Дороти не сразу догадалась, что это такое.

— Смотри! — крикнула она Алексу.

Тот понял, что их все же настигла акула — безжалостное чудовище океана, и надежд добраться до столь близкого уже берега почти не осталось.

— Скорее! — крикнул он. — Скорее, я тебя закрою. Это акула!

Треугольник высотой в два фута неся по кругу, разрезая воду и не оставляя за собой белой полосы, настолько он был приспособлен природой к этой цели. Теперь он уже мчался обратно, навстречу им, будто намеревался разрезать их так же, как разрезал волны.

Перепугавшись, Дороти поплыла быстрее и стала настигать штурмана, что тому и требовалось, потому что ему хотелось только одного — чтобы девушка успела добраться до белых бурунов, суливших спасение.

Акула на этот раз прошла совсем рядом с людьми, но треугольник был виден, и это успокоило Алекса, который знал, что акуле, чтобы схватить добычу, приходится переворачиваться на спину, ибо ее пасть расположена в нижней части головы. И до тех пор, пока плавник виден, остаются надежды.

Откуда только силы берутся у человека!

Когда акула наконец решилась на нападение и начала настигать их сзади, когда плавник вдруг исчез, что означало, что акула уже перевернулась и готова схватить жертвы, штурман настиг перепугавшуюся Дороти, которая изменила своему стилю пла-

вания и отчаянно лупила руками по воде, почти не продвигаясь вперед. Штурман обхватил одной рукой плечи Дороти и потянул ее за собой, сам пригребая только одной рукой — силы не только вернулись к нему, но и удесятирились.

И в тот момент, когда акула уже готова была схватить Дороти (хотя не исключено, что акула просто развлекалась и кушать ей не хотелось), вал, несший молодых людей, ударился о склон берега, закрутил их и потащил вперед, словно муравьишек.

Акула развернулась, и ее плавник, вновь показавшийся над волнами, стал медленно удаляться в сторону открытого моря, тогда как героев нашей повести волны выкинули на берег, захлебнувшихся, избитых и почти потерявших сознание.

Мужчинам, которые вбежали в воду, чтобы вытащить Дороти и Алекса, пришлось под руководством доктора делать пловцам искусственное дыхание, в чем, правда, не было нужды, ибо через минуту-две оба пришли в себя и принялись кашлять, корчиться на песке, выплевывая соленую воду. Прошло еще минут пять, прежде чем Дороти услышала, а главное, осознала, что ее хозяйка страшно сердится на нее за то, что она полезла в море, чуть не утонула и не попала на зуб акуле, а главное, что она чуть не утопила такого славного джентльмена и дворянина, как мистер Фредро, и сделала это, чтобы насолить хозяйке!

Регина была настолько сердита, что даже не сообразила, что ее горничная лежит на песке обнаженная, словно русалка или наяда, но доктор Стренгл снял с себя сюртук и прикрыл наготу девицы, прежде чем она очухается настолько, чтобы одеться и привести себя в приличный вид.

Что и случилось, как только Дороти пришла в себя.

А вот штурман Алекс, который уже сидел на песке, смог увидеть Дороти в виде наяды, насладиться этим прелестным зрелищем и был благодарен судьбе не

только за то, что она спасла их, но и за зрелище, которое предстало его глазам.

Когда вечером они возвратились в Кейптаун — доктор и штурман на борт «Глории», а женщины в Компанейский дом, Дороти была слаба и попросила у Регины разрешения лечь. Та разрешила. Гнев ее уже миновал, да и происходил он не от нелюбви к Дороти, а, наоборот, от страха ее потерять. К тому же миссис Уиттли гордилась своим проявленным хладнокровием и предусмотрительностью и была уверена в том, что, ни прикажи она мужчинам спасти ее горничную, никто бы не успел ей на помощь.

Дороти заснула еще засветло, спала она долго, просыпалась в поту, вставала, пила воду и ложилась вновь. Госпоже пришлось самой раздеться и лечь спать, впрочем, та не сердилась.

Когда Регина заснула, ей снился полуобнаженный штурман Алекс, лежащий на песке.

Штурману снилась Дороти в образе наяды, и он вновь обнимал ее за плечи, спасая от опасности.

А Дороти снился треугольник акульего плавника.

Если бы под рукой оказался настоящий психоаналитик, он бы сделал вывод, что в образе плавника выступают опасности, которые окружили Дороти и ее подстерегают.

* * *

На следующий день госпожа разговаривала с Дороти сквозь зубы и велела отдыхать.

Дороти не обижалась — она была сама во всем виновата и понимала, что, ни поплыви к ней штурман, вряд ли она лежала бы на войлочном матрасе в этой уютной голландской комнатке. Ее постелью было бы дно океана.

Воспользовавшись свободой, Дороти занялась штопкой и переделкой своих вещей, а после сытного обеда на кухне со слугами, половина из которых были черными, она решила все же спросить у Регины разрешения сходить в город, благо торговая улица была недалеко, и купить кое-что из необходимых для пу-

тешества вещей — на судне из-за того, что стирать приходилось соленой водой, вещи быстро приходили в негодность.

Дороти понимала, что после вчерашнего Регина могла запретить ей выход в город, поэтому шла по коридору осторожно, стараясь не шлепать домашними туфлями, а перед гостиной, выделенной для Регины хозяевами, остановилась, не решаясь постучать в дверь, — как бы не побеспокоить хозяйку, если та не одна.

Так и оказалось.

Регина разговаривала с каким-то мужчиной, и голоса неясно проникали сквозь закрытую дверь. Все же Дороти могла разобрать, о чем шла речь, и любопытство заставило ее прислушаться.

— Но не лучше ли им было ехать по берегу? — спросила Регина.

— Вы не совсем понимаете, — ответил хриловатый мужской голос. — Бухта Бичхэд отстоит от Кейптауна на сто миль. Добираться туда по узкой и плохой дороге... Да вы же сами испытали на себе одну из местных дорог.

— У нас есть и похуже, — ответила Регина.

— Скакать четыре часа по такой дороге, да какие четыре — все шесть! — и обратно. Это нелегко и порой опасно. Там встречаются шайки беглых негритянских рабов.

— Но почему они не выбрали место поближе к городу?

— Потому что это слишком опасно. Места ближе к Кейптауну населены, и посланца могли заметить. У них все продумано, мэм. Это дьявольски хитрые паписты и революционеры!

Дороти подумала, что собеседник ее госпожи имеет в виду французов, потому что к революционерам можно было отнести американцев, но к тому же в папизме обвинить можно было лишь французов, и это было забавно, потому что даже Дороти знала, что во Франции отрубили голову королю, а монахов и священников казнят почем зря. Но раз французы

наши враги, понимала Дороти, то в глазах патриота они должны быть и папистами, и антипапистами.

— Говорите, — произнесла Регина. И Дороти, уже знавшая госпожу, поняла, что человек, с которым она беседует, ей неприятен.

— Когда корсар или французский фрегат проходит мимо Капеской земли, он не может зайти в Кейптаун, ибо мы его контролируем! Но в ста милях к востоку они подходят к берегу в бухте Бичхэд, высаживают людей, те берут послание о том, какие английские корабли и когда прошли мимо мыса Доброй Надежды. Разбойники получают возможность настичь беспомощное судно и предательски потопить его.

— Значит, они посылают лодку из Кейптауна...

— Да, у них свои лодки! И лишь вчера двое из них были арестованы у выхода из порта, и на борту их бота было найдено сообщение. Теперь вы понимаете, насколько важен мой визит?

— Я не совсем понимаю связь между событиями, — ответила Регина.

— Что может быть проще! — Слышно было, как мужчина отодвинул стул, поднялся и, стуча каблуками по каменному полу, прошел к двери.

Дороти чутьем поняла, что он сейчас откроет дверь, и кинулась прочь.

Но она не успела спрятаться за угол, как в спину ей прозвучал сухой властный голос полковника Блекберри:

— Остановитесь, бесстыжая! Я подозревал вас в том, что вы подслушиваете секретные разговоры, но теперь в этом убедился. А ну, идите сюда!

Дороти, как загипнотизированный мышонок, пошла к полковнику.

Из открытой двери на шум выглянула Регина.

— Дороти? — искренне удивилась она. — Ты что здесь делаешь? Ты подслушивала?

— Клянусь, нет, мэм, — искренне ответила Дороти. — Я хотела только попросить вашего разрешения выйти в город, но когда подошла к двери, то

услышала, что вы не одни. И пошла прочь. И тут дверь открылась, и господин Блекберри закричал на меня.

— Лжет! — закричал полковник, и его серое лицо внезапно побледнело от непонятной ненависти к Дороти. — Всегда врет!

Ненависть заставила вздрогнуть Регину, но, когда дело касалось ценных для нее вещей, в Регине просыпалась рачительная хозяйка, а полковник об этом не знал, потому что не умел заглядывать в души, и в этом была его слабость, которая его в конце концов погубит.

— Я верю тебе, Дороти, — царственным голосом произнесла миссис Уиттли и жестом приказала Дороти войти в гостиную. — Очень хорошо, что ты к нам присоединилась. Господин полковник рассказывает очень интересные истории, которые касаются и тебя. И лучше, чтобы ты присутствовала при этом.

— Я не намерен говорить в присутствии прислуги! — взъярился полковник.

— Тогда вы не будете говорить совсем, — ответила Регина. — И весь ваш пыл пропадет даром. И не советую бежать жаловаться к капитану Фицпатрику. Уверяю вас, что он получил указания моего свекра и Компании в целом подчиняться моим приказаниям как последней инстанции. Вы можете это проверить.

— Вы не являетесь...

— Являюсь, мой дорогой, являюсь. И не тратьте времени даром. Ваш покровитель, сэр Чарльз, далеко, и вряд ли на борту найдется больше, чем два-три ваших человека. Я смогу вас всех здесь оставить!

Полковник проглотил слюну. Он был все также бел и гневен, но заставил себя смириться, чем вызвал у Дороти еще больший страх. Потому что стал подобен змее, которая отползает от занесенного над ней каблука, чтобы завтра ужалить босую ногу.

После длительной паузы, за время которой, подчиняясь жесту Регины, Дороти отошла к камину и стояла теперь лицом к полковнику и хозяйке, Регина произнесла:

— Говорите, полковник. С самого начала. Чтобы Дороти поняла, о чем речь.

— Она и без этого понимает.

— Не уверена. Так что потратьте несколько лишних фраз.

— Хорошо. Я повторяю. Но повторяю для вас, миссис Уиттли. Чтобы вы осознали всю серьезность положения.

Полковник говорил, не спуская глаз с Дороти, будто ожидая, что она не выдержит, падет на колени и закричит: «Виновата я!»

Но этого не случилось, потому что Дороти, наконец-то поняв, о чем шла речь, пока она подслушивала под дверь, сознаться не могла, будучи ни в чем не повинной.

— Сегодня в порту задержаны два французских шпиона, — сообщил полковник. — Под видом рыбаков они выходили в море в бухте под названием Бичхэд. Туда они еженедельно отправлялись на скоростном боте, в условленном месте оставляли сведения для французских корсаров, какие английские корабли следуют мимо мыса Доброй Надежды. Эти сведения помогали корсарам и приватирам отслеживать наши корабли, грабить их и топить.

Регина кивала, словно повторяла выученный урок, а Дороти старалась не встречаться глазами с инквизиторским взглядом полковника.

— Что же мы видим в свете этой опасной обстановки, когда наш рейс должен проходить в полной тайне, а Индийский океан буквально кишит французами? — спросил полковник.

— Что? — невольно спросила Дороти.

— Мы видим одну девушку, горничную миссис Уиттли, которая, в отличие от всех нормальных девушек Великобритании, обучена бесстыже обнажаться...

— Полковник, полковник... — подняла узкую ладонь Регина. — Успокойтесь, вы не на суде.

— Простите, но я возмущен и с трудом владею своими чувствами! Факты — упрямая вещь! Эта пре-

дательница кидается в океан, чего не сделала бы на ее месте ни одна порядочная девушка... Причина заключается в том, что в море ей надо встретиться с ботом французских шпионов, чтобы сообщить им о плавании «Глории».

— Куда я плыву? — не поняла Дороти.

— Там были видны паруса?

— Где?

— В океане были видны паруса. Я снял на этот счет показания охранника и кучера. Были паруса! И, уплывая в океан, ваша горничная спешила сообщить шпионам, что «Глория» и «Дредноут» уже в порту. К счастью, акуле удалось остановить ее продвижение.

— Простите, — вдруг перебила полковника Регина, которой нельзя было отказать в своеобразном чувстве юмора. — Это вы послали акулу навстречу Дороти?

Около минуты полковник переваривал смысл вопроса, а когда понял, то неожиданно густо покраснел и отрезал:

— Здесь не место для шуток!

— Простите, сэр, — не выдержала Дороти. — Но что я могла сообщить, плывя по океану и даже, честно говоря, не видя никаких парусов...

— Я тоже не помню парусов, — согласилась с ней Регина.

— Вы могли сообщить им, что наши корабли стоят в порту.

— Так же, как любой житель Кейптауна, — заметила Регина.

— Но ваша горничная могла сообщить о грузе корабля, о числе матросов, о морской пехоте, о том, что... Шпионы всегда найдут, о чем сообщить.

Наступила тишина. Дороти понимала, что любые ее попытки оправдаться будут ложно истолкованы. Она молчала, и молчание прервала Регина:

— Простите, но мы с Дороти сегодня ездили к западу от города, тогда как упоминаемая вами бухта находится к востоку.

— Значит, есть другая бухта.

— Но этих самых французских шпионов поймали в порту! Когда же они успели совершить такое путешествие?

— А почему вы решили, что речь идет о тех же самых шпионах? Может, их здесь сто.

Регина пожала плечами, сдаваясь.

— Дороти, — спросила она. — Ты действительно бросилась в океан и поплыла к какой-то лодке, чтобы сообщить им, сколько пушек у «Глории»?

Тон и подбор слов выказывал сторону, на которой стоит в этом споре госпожа Уиттли.

— Нет, госпожа, — ответила ей в тон Дороти. — К сожалению, я никогда бы не сообразила подсчитать, сколько пушек у «Глории».

— В чем-то мы с тобой похожи, — вздохнула Регина. — Но теперь ты видишь, к чему может привести легкомыслие. Не полезла бы ты в воду, не пришлось бы штурману спасать тебя...

— Кстати, а почему там же оказался штурман Фредро и почему он тоже поплыл по направлению к шпионской лодке? — спросил полковник.

— А я надеялась, что он спасал меня от акулы, — сказала Дороти.

— Знаешь, порой я жалею, что акула тебя не сожрала, — сказала всерьез Регина. — Хотя мне и трудно пришлось бы без хорошей горничной, зато не было бы этих допросов.

— Вы бы нашли здесь другую. Здесь есть очень хорошие горничные, — обиженно ответила Дороти.

— Ну ладно, ладно...

— И единственным приятным воспоминанием, — упрямо продолжала Дороти, — был сам миг спасения. Господин Фредро был настоящим рыцарем.

— Прочь! — закричала Регина. — Ты мне надоела со своими вечными намеками!

Склонив голову, Дороти пошла прочь из комнаты, забыв спросить разрешения выйти в город, и уж решила, что ей это никогда не удастся.

Закрыв за собой дверь, она все же задержалась у нее еще на несколько секунд.

— В последний раз я официально предупреждаю вас, — был слышен голос полковника. — Вы должны оставить свою горничную в Кейптауне. Слишком рискованно брать ее с собой далее.

— Как только она снова бросится в море, я вам сообщу, полковник. Вы что-то еще хотели сказать?

— Я хотел сказать, что доложил обо всем капитану Фицпатрику как старшему офицеру эскадры, а также направляю письмо в Компанию с подробным докладом о случившемся.

— Вернее, о ваших фантазиях, полковник.

— Называйте их как хотите.

— Мне также помнится, — сказала Регина, — что мой отец уже просил вас в Лондоне несколько умерить полицейский пыл.

— Я защищаю интересы Компании.

— Мы все их защищаем.

— Разрешите идти?

— До свидания, полковник. Я была счастлива провести с вами эти полчаса... — Голос Регины стал сладким.

Дороти поспешила прочь.

А через пять минут Регина сама пришла к ней в комнату.

— Я знаю, что он нес чепуху, — сказала она, входя и садясь на единственный стул у кровати. Дороти вскочила и стояла рядом. — Если бы ты хотела шпионить, ты бы нашла в десять раз больше возможностей поговорить с французами в городе, чем прыгать для этого в океан. Тем более что время и место прогулки выбирали без твоего участия. Но я не стала говорить об этом знаменитому сыщику. Пускай резвится — а вдруг найдет что-нибудь полезное? Цепные псы неприятны, но нужны каждому суверену. Кстати, зачем я к тебе пришла?

— Вы пришли спросить, почему я подслушивала у вашей двери.

— Но ведь такого раньше за тобой не замечалось?

— Я шла к вам спросить, нельзя ли мне выйти в город. Мне надо купить сукно и немного ситца — я хочу сшить...

— Великолепная идея! Я составлю тебе компанию. Мы с тобой славно пробежимся по магазинам, может быть, в последний раз за много-много месяцев. Беги, вели заложить экипаж, а я пока оденусь.

— Как хорошо! — Дороти не могла сдержать радости — и не только потому, что сбылось ее желание, но и потому, что хозяйка более не сердилась на нее.

Улыбаясь, Регина направилась к двери, но в дверях остановилась и направила на Дороти похолодевший взгляд.

— Тебе понравилось, что он обнимал тебя в воде? Совершенно голую?

— Он не обнимал, госпожа, он только спасал меня, тянул к берегу.

— Он прижал тебя... Впрочем, это меня не касается. Но, если ты позволишь штурману что-нибудь подобное на корабле или на суше, я тебя сдам в руки полковнику с личной запиской, что видела, как ты продаешь секреты нашей «Глории» французским шпионам. Тебе все ясно, моя милая?

— Мне ясно, — согласилась Дороти. Гнев Регины был столь велик, что грудь ее судорожно поднялась и шнуровка корсета с треском разлетелась. — Мне ясно, — покорно повторила Дороти, стараясь не улыбнуться.

— И не смейся! — приказала миссис Уиттли. — У меня самая красивая грудь в Лондоне! Ты об этом, может, и не слышала...

— В нашем квартале об этом не рассказывали, мэм, — робко ответила Дороти.

— Да я тебе... — Тут чувство юмора возобладало над спесью миссис Уиттли, и она расхохоталась. — Представляю... представляю, как у вас в квартале обсуждают мой бюст!

И, продолжая смеяться, она покинула комнату Дороти.

Небольшие французские порты Дюнкерк и Сен-Мало были родиной многих французских пиратов, но самым знаменитым из них стал Робер Сюркуф, который пиратом не был, а считался благородным корсаром. Для читателя, который незнаком с пиратской вольницей, надо объяснить, что пиратом назывался вольный хищник морей — все, что он хватал, отнимал или крал, принадлежало только ему и его команде. И относились к пирату как к обыкновенному разбойнику. Если попадался, чаще всего его отправляли на виселицу. Корсары появились позже, это были государственные служащие, постольку поскольку они служили государству. Правда, служба эта была довольно условной — корсар сам снаряжал корабль, затем подписывал договор с властями о том, что он будет преследовать, грабить, топить и захватывать торговые корабли, принадлежащие враждебным государствам, а за это будет получать долю в награбленном, а также пользоваться всеми правами гражданина своей страны, ее портами, а если нужно, и военной помощью фрегатов. Больше всего корсаров развелось в Атлантическом океане, где они подстерегали испанские и португальские корабли, что везли из колоний серебро, золото и всяческое добро в Европу. Порой из корсаров получались знаменитые путешественники и открыватели новых земель. Таким был, например, английский национальный герой Франсис Дрейк, обошедший на «Золотой лани» вокруг света, но по пути потопивший и ограбивший немалое число испанских кораблей.

После революции 1789 года Франция принялась воевать со всей остальной Европой. Можно точнее сказать, что вся Европа набросилась на революционную Францию. Шла эта война и в колониях, шла она в Индии, где были английские и французские порты и фактории. К тому же в войну вмешалась и Голландия, оккупированная французами, а голландцы владели крепостями в нынешней Индонезии и на Островах Пряностей. Все воевали со всеми, и Индийский

океан стал опаснейшим местом для мореплавания. Даже невероятные размеры этой чаши, наполненной водой, не спасали мореходов, ведь пути по океану, как дороги через лес, были сравнительно узкими — их диктовали ветры и течения, а также время. В любом случае надо было на пути из Европы обогнуть южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды, затем взять курс к северо-востоку, миновать остров Мадагаскар и держать путь к Калькутте или Мадрасу, если ты англичанин, к острову Реюньон или Пондишери, если ты француз, к Батавии, если ты голландец. А по пути тебя подстерегали хищники, будь ты беспомощным жирным барашком или даже могучим, снабженным рогами и копытами, но травоядным животным...

Родители Сюркуфа были состоятельными буржуа, но богатство было нажито не в лавке, а в военных походах, плаваниях и путешествиях — это была морская семья. А дедушка его даже корсарил у берегов Перу.

Мальчику хотели дать солидное образование, чтобы он стал адвокатом или судьей, но он был непоседлив и в пятнадцать лет упросил отца отпустить его юнгой на «Авроре», торговом корабле, который занимался, как оказалось, самым грязным из торговых дел — перевозил из Африки на остров Бурбон в Индийском океане черных рабов.

Погрузив на борт шестьсот рабов, купленных у одного их нигерийских царьков, «Аврора» обогнула Африку и попала в шторм неподалеку от острова Мадагаскар. После двух дней борьбы со штормом корабль сел на камни. Шлюпки были только для команды. Чтобы рабы не суетились и не прыгали с тонущего корабля в воду, их заперли понадежнее в трюме и отплыли к берегу. Когда шторм кончился, капитан и несколько матросов вернулись к кораблю, который, оказывается, так и не затонул. Взобравшись на борт, они открыли люки, и в лицо ударило страшным смрадом — все рабы задохнулись. Так началась морская школа Робера Сюркуфа.

Еще два года он проплавал на невольничьих судах, постиг все тонкости перевозки негров и понял, что ему пришла пора выходить в самостоятельное плавание. В семнадцать лет Сюркуф вернулся домой и уговорил родственников помочь ему купить небольшой бриг «Креол», снабдить его командой и провиантом и отправить к берегу Африки. И семнадцатилетний капитан тут же закупил столько рабов, сколько могли вместить трюмы «Креола».

Все было бы хорошо, но шел уже 1792 год, и Конвент Франции в борьбе за свободу и равенство запретил рабство и работорговлю на французских территориях. Запретить-то запретил, но не рассказал французским плантаторам на Бурбоне, который вскоре станет Реюньоном, ибо первое название отдавало монархизмом, как им обойтись без рабов. В результате работорговля продолжала процветать, только цены на рабов поднялись. Но тут в дело вмешались англичане. Не потому, что они были сторонниками равенства и братства больше, чем французские революционеры, а потому, что они воевали с Францией и показаться борцами за свободу было весьма выгодно. Так что английские фрегаты начали охоту на французских работорговцев возле Африки и в Индийском океане. Несколько французских кораблей было остановлено, и рабы были отвезены к берегам Африки и отпущены там на волю. Правда, никто не стал спрашивать у рабов, в какой части Африки они жили раньше. И складывалась дикая ситуация, как если бы невольника, захваченного в Крыму, высаживали в Италии. А дальше что? А дальше незнакомые жители незнакомой страны, в лучшем случае, получали новых рабов и начинали ими торговать, а в худшем, может, и съедали.

Положение на Реюньоне изменилось в 1794 году. Новый губернатор, вернее, комиссар, присланный туда из Парижа, был идеалистом и противником работорговли. Он вызвал к себе капитанов всех стоявших в порту судов и приказал им менять профессию. Некоторые подчинились и занялись перевозкой пряно-

стей. Другие решили уйти в корсары или сменить место своих походов, а Сюркуф спокойно приказал своим головорезам поднимать паруса и совершил еще один рейд к тропической Африке.

Правда, он не был дураком и, когда возвращался к Реюньону, лег на дрейф в условленном месте, не доходя до порта, и по договоренности с благодарными плантаторами, у которых на плантациях негры мерли, как мухи, ссадил живой товар в шлюпки. Потом спокойно направился в порт.

Было раннее утро, капитан лег спать, но тут на корабль нагрянул сам губернатор с преданными ему соратниками. Они тут же полезли в трюмы, и не надо было быть о двух головах, чтобы догадаться, что корабль только что освобожден от рабов — на нарах остались кандалы, которыми крепился товар, а в проходе стояли котлы для риса — единственной пищи рабов. Комиссар революционной Франции торжествовал — наконец-то он поймал самого упорного из работорговцев.

Сюркуф предложил комиссару и его спутникам позавтракать вместе, но комиссар был непреклонен. Он был намерен составить акт о конфискации корабля.

Сюркуф пожал плечами.

Он провел их к себе в каюту, туда принесли бумагу и чернила, и началась долгая процедура, в которой капитан отстаивал каждый пункт так, словно ему важнее было протянуть время, чем добиться победы в споре. Наконец через час акт был готов, и Сюркуф покорно подписал его.

— Теперь вы сядете в мою шлюпку, — сообщил комиссар, — и проследуете в тюрьму.

Без единого слова Сюркуф поднялся на палубу.

Корабль был в открытом море...

За время, пока составлялся акт, матросы успели поставить паруса и вывести корабль за пределы действия береговых батарей.

Когда комиссар потребовал объяснений, двадцатилетний работорговец ответил, что «Креол» держит

курс к Африке, где он намерен высадить комиссара, чтобы он пожил среди черномазых, которых столь рьяно защищает. Но если комиссар не хочет такой судьбы для себя, то он должен взять обратно все обвинения против Сюркуфа да еще собственноручно разорвать акт, обвиняющий Сюркуфа в работорговле.

Комиссар сопротивлялся несколько часов, надеясь, что его хватятся и Сюркуфа догонит военный фрегат. Но надежды были пустыми и таяли с каждой секундой — отыщи корабль в просторе океана, если неизвестно, куда на самом деле держит путь «Креол». Наконец комиссар капитулировал, Сюркуф возвратил его на Реюньон, и дело было закрыто.

Но Сюркуф понимал, что его выгодная карьера работорговца завершается. Ему может еще раз повезти, и он привезет еще триста рабов. Но комиссар уже будет ждать его на фрегате и сделает все, чтоб Сюркуф не вышел живым из тюрьмы.

Но что делать?

Становиться корсаром. Пиратом на службе республики.

Сюркуф понимал, что если он обратится к комиссару за патентом, разрешающим от имени республики охоту за английскими торговцами, тот никогда ему такого патента не даст. Как лицу, доверия не достойному.

Сюркуф сделал иначе.

Он продал вместительный тихоходный «Креол» и вместо него купил небольшую стремительную «Скромницу», вооруженную четырьмя шестифунтовыми пушками. Команда «Скромницы» едва насчитывала тридцать человек, но молодцов Сюркуф отобрал из проверенных и преданных ему матросов. Сюркуф объявил, что идет на Сейшельские острова за грузом черепашьих панцирей, а сам пошел к северо-востоку, надеясь перехватить какого-нибудь богатого англичанина.

Только через месяц удалось настичь и захватить небольшое английское судно «Пингвин», которое везло груз ценного тикового дерева из Бирмы в Ин-

дию. Сюркуф захватил «Пингвина», загнал команду в трюм, а на борт перевел призовую команду, чтобы она доставила трофей на Реюньон. После этого ему попался голландец, груженный рисом, а у Калькутты Сюркуф захватил лоцманский бриг, крепкое быстроходное судно, на который он и перешел со своей командой, переименовав его в «Картье» — в честь французского мореплавателя.

В порт Реюньона Сюркуф пришел следом за высланными вперед трофеями, сопровождая еще два захваченных корабля. Но в тот же день ему был объявлен приказ комиссара — так как он действовал без патента, все его призы конфискуются, включая и корабль, на котором он прибыл. В случае выражения недовольства гражданином Сюркуфом он будет арестован и казнен как простой пират.

Сюркуф не жаловался. Он тихо дождался первого же попутного корабля, на котором отплыл во Францию, пока комиссар и чиновники делили выручку от продажи добычи Сюркуфа.

К счастью для Сюркуфа, правившая Францией Директория нуждалась в отважных корсарах, сведения о подвигах Сюркуфа обогнали его, а комиссара было пора менять — время революционеров и идеалистов кончилось. Так что Сюркуф получил во Франции колоссальную сумму — 27 тысяч ливров как его долю за стоимость товара на захваченных им кораблях. А пока шло разбирательство, Сюркуф жил дома, влюбился в местную красавицу Мари Блэз, обручился с ней и, рассчитавшись полностью с казной, снарядил замечательную «Клариссу». «Кларисса» была специально построена для Сюркуфа, она была невелика, но могла обогнать любой иной корабль в Индийском океане, вооружена четырнадцатью двенадцатифунтовыми пушками, то есть могла сразиться и с военным фрегатом, а в кубриках — в тесноте, да не в обиде — разместились сто сорок опытных моряков из Сен-Мало.

В 1799 году, когда «Кларисса» взяла курс в Индийский океан, Сюркуф уже не был самым юным рабо-

торговцем морей, ему исполнилось двадцать пять лет, из которых десять он провел в море. Он казался старше своего возраста. Это был плотный, ниже среднего роста человек, говорят, немного похожий на генерала Бонапарта, волосы подстрижены короткой челкой, лицо тяжелое, круглое, нос короткий, а веки глаз всегда чуть опущены, отчего казалось, что Робер — человек, равнодушный ко всему и даже сонный. Но это была лишь маска. С одинаковым выражением лица он мог отправить на рею непокорного раба или прийти на свидание к Мари. Говорят, что он никогда не улыбался, хотя любил танцевать на вечеринках и был неплохим наездником, для чего держал в Сен-Мало лошадей.

Вот таким был капитан «Клариссы», которая обошла мыс Доброй Надежды за две или три недели до появления там «Глории» и «Дредноута». У бухты Бичхэд Сюркуф спустил шлюпку, чтобы взять в условном месте письмо от шпионов в Кейптауне, но в письме ничего интересного не сообщалось. Тогда он взял курс на остров Реюньон, что лежит в самом центре Индийского океана, но не спешил. Ему не хотелось появляться на Реюньоне на новом корабле без добычи. Поэтому он задержался у Мадагаскара в надежде, что узнает о прохождении английских кораблей. Если ничего не попадется, он возьмет восточнее, чтобы подежурить на самой оживленной дороге между Кейптауном и Индией. Он не спешил. Он был терпеливым рыболовом.

Так что вышедшие на две недели позже из Кейптауна «Глория» и «Дредноут», продвигаясь к северо-востоку, с каждым днем все более сближались с корсаром. Точнее, сближалась «Глория», так как долгий шторм со снегом и дождем южнее Мадагаскара разогнал корабли, и когда погода установилась, никаких следов «Дредноута» и «Глории» найти не смогли. Капитан Фицпатрик был готов к такому повороту событий, randevу было согласовано, так что никто не придавал значения этой разлуке. Тем более что «Гло-

рия» была достаточно хорошо вооружена и имела достаточно сильную команду, чтобы отогнать любого пирата.

* * *

— Я не думаю, что полковник Блекберри намерен тебя убить, — сказала как-то Регина, когда они с Дороти, словно две подружки, пили чай в каюте. — И все же я бы не подходила к фальшборту, не оглянувшись, кто стоит у тебя за кормой.

Регина выучила несколько морских слов и теперь шеголяла ими перед горничной. Той было неприятно слышать этот самый «фальшборт», потому что Дороти была уверена, что научил хозяйку морским словам именно Алекс, который стремился к миссис Уиттли. По крайней мере Регина этого не скрывала.

Дороти была несправедлива к штурману, он, как мог, сопротивлялся встречам с миссис Уиттли и обучению ее морской навигации. И не потому, что старался сохранить верность Дороти — честно говоря, это еще не приходило в голову штурману, — но потому, что боялся, что не сможет устоять перед абордажем, на который его брала миссис Уиттли. Он старался не поддаваться, но не мог не поддаться холодной страсти ее светло-серых глаз и, главное, движениям двух вулканов, расположенных у нее над талией. И, наверное, устремления Регины давно бы увенчались успехом, если бы не кажущееся Алексу ее сходство с птицей и подозрение, что во время любви Регина больно клюется носиком.

Впрочем, и это не было главной сдерживающей причиной. Главное заключалось в том, что штурман Фредро по натуре своей был разумным человеком, желавшим стать капитаном компанийского корабля, а любой роман на корабле, находившемся в открытом море, неизбежно становился известен всем на борту, а значит, как только «Глория» бросит якорь в Калькутте или Рангуне, этот секрет Полишинеля станет очевиден всем, включая мистера Уиттли-младшего и прочих влиятельных лиц. А с сомнительной нацио-

нальностью Алекса этого довольно, чтобы закрыть все надежды на карьеру на английском торговом или военном флоте.

Дороти об этих мыслях штурмана не догадывалась, а потому преувеличивала близость штурмана и миссис Уиттли, а следовательно, ею все больше овладевала ревность, которая, в свою очередь, подталкивала чувство любви. Пока мы ревнуем, любим. Уход ревности — верный признак того, что любовь собирает вещи.

После отплытия из Кейптауна полковник Блекбери ни разу не подошел к Дороти, но порой она ловила холодный глаз кобры, изготовившейся к прыжку, а ее колечко поспешно темнело, даже чернело, если полковник оказывался случайно поблизости. Тогда Дороти прикрывала ладонью правой руки колечко, словно боялась, что полковник увидит, как камень меняет цвет, тревожно предупреждая девушку.

Поэтому, приближаясь к фальшборту, Дороти оглядывалась, но прежде она глядела на камешек — тот никогда не уставал подсказывать ей, есть ли рядом кто-то из врагов. А их было трое: сам полковник и два его подручных, которые были включены в состав команды. Один — помощником плотника, второй числился канониром. Но это было лишь видимостью, любой на «Глории» знал, что на самом деле это службы безопасности Компании, шакалы полковника, но трогать их не смели, да и сами службы на корабле вели себя тише воды.

— Он пришел ко мне вчера, представляешь, какая наглость! — продолжала Регина, отхлебывая чай, точно как это делают голубки, погружая в него вытянутые губки и замирая, чай поднимался из чашки по каналцу в глотку, потом, наглотавшись, Регина резко закидывала голову вверх, помогая чаю перетечь в желудок. — Он не может изжить ненависти к тебе. Он сказал, что если он увидит на горизонте вражеский парус, то первым делом выкинет тебя за борт.

— Но почему? Почему?

— Он все еще думает или хочет думать, что ты передала сведения о «Глории» французам. Ты знаешь, что Сюркуфа видели возле Мадагаскара?

— А почему он такой знаменитый? — спросила Дороти.

— Во-первых, он молод и красавец, настоящий джентльмен, — ответила Регина. — Во-вторых, он захватил столько наших кораблей, что даже большие суда с сотнями матросов на борту боятся пересекать океан в одиночку.

— А мы?

— Мы не должны бояться, — ответила Регина. — По вооружению мы равны фрегату, а матросов и солдат у нас на борту больше, чем у трех Сюркуфов.

Последние слова миссис Уиттли произнесла громче, чем требовалось, будто рассчитывала, что они донесутся до ушей Сюркуфа и испугают его. Это был вид первобытного колдовства, борьба со злым наваждением. Так этот крик Дороти и восприняла.

Корабль шел к северу, с каждым днем становилось все теплее, ливни чередовались с днями ясной погоды, летучие рыбы залетали на сухую палубу и прыгали по ней, оставляя мокрые, быстро сохнувшие лужицы. Чайки, охотясь за рыбками, смело подхватывали их с палубы, а другие неслись беспорядочной стаей за «Глорией», потому что в волнах, поднятых кораблем, крутилась рыбешка да порой кок выкидывал за борт съестное.

В вереницу окон, протянувшихся во всю ширину кормы и поделенных на мелкие квадраты, попадало солнце, и в лучах играли, медленно опускаясь, пылинки.

— Завтра, — сказала Регина, — я решила устроить небольшой чай для узкого круга. Мы пригласим капитана, первого помощника и двух штурманов. Ты возьмешься приготовить чай? — Вопрос был чистой формальностью, но Регина избегала приказывать, если в том не было необходимости. Люди и без того знали, что она — хозяйка на корабле.

— Полковник будет?

— Мне не хотелось его приглашать, но положение таково, что обойти неприлично. Зато будет твой любимый Алекс.

Регина смотрела на Дороти, не отрываясь, будто ждала, что горничная чем-то выдаст себя.

* * *

На следующий день в пять часов пополудни гости собрались к миссис Уиттли. Некоторая манерность жизни на корабле при желании сохранить отношения приличных людей помогала всем видеть в «Глории» естественную часть Лондона, Компании, общества, где наносят визиты и приглашают на чай, несмотря на то, что день выдался жарким, большей частью безветренным. Неожиданными порывами бриз подталкивал «Глорию», но затем покидал паруса и прятался где-то у темных облаков, которые поднимались горной цепью на западе, поджидая опускающееся к ним солнце. Барометр упал, но шторма пока не предвиделось, зато в воздухе от безветрия господствовала влажная жара, пока еще непривычная для Дороти и тех матросов, которые впервые попали в тропики.

В каюте Регины, несмотря на ее размеры, было душно, и даже открытые окна мало помогали — ветер не хотел заглядывать внутрь. Впрочем, Регина не раз признавалась Дороти, что не выносит лондонского холода и ветров, а будь ее воля — прожила бы всю жизнь в Индии. Тут госпожа Уиттли несколько лицемерила, потому что для того, чтобы она осталась в Индии, ей потребовался бы соответствующий дворец и, главное, иной супруг — она не была уверена, что сделает Джулиана Уиттли генерал-губернатором.

Гости вместе с хозяйкой сидели вокруг тяжелого обеденного стола, Дороти и вестовой капитана Фицпатрика подавали на стол. Чай на «Глории» был куда обильнее, чем принято в Лондоне, потому что скука морского путешествия вызывает аппетит и стремление разнообразить меню. И если матросы довольствовались пищей простой и грубой, для обитателей верхних кают в Кейптауне были загружены овощи, птица,

экзотические фрукты — до Индии оставалось еще несколько дней пути, и как-то следовало их скрасить.

Несмотря на жару, господам были поданы крепкие напитки, причем, раз уж тут некого было стесняться, Регина пила джин, лишь чуть разбавляя его охлажденной водой, мужчины же довольствовались портвейном, но не ограничивали себя, и потому их речи становились все громче.

С разрешения Регины верхние пуговицы мундиров были расстегнуты, и взгляды, которые кидал на Дороти штурман, были столь откровенно восторженными, что Регина, перехватившая один из них, сухо произнесла:

— Ты можешь погулять, Дороти, пойди на палубу. Мы позовем тебя, когда ты понадобишься.

Дороти рада была выйти на палубу, где было куда прохладнее. Ей было странно, что восторженные взгляды Алекса совсем не оскорбили ее, впрочем, она нашла бы оправдание любому его промаху или небрежности — она была уже влюблена в него, просто не могла себе дать в том отчета. Она же не задумывалась о том, что, постирав свое и хозяйкино белье, она выносит развешивать его на корму, где были протянуты для этой цели леера, именно в те часы, когда стоял вахту Фредро. Порой она невинно, но умело подстраивала случайные встречи с ним. Она сама искренне удивлялась этим встречам, краснела и, потупив взор, спешила проскользнуть мимо.

Солнце уже клонилось к западу, воздух был почти неподвижен, и паруса порой хлопали так громко, словно раздавался выстрел из пушки, это ветер набирал силу, как бы пробовал, что можно сделать с парусами. От этих порывов «Глория» двигалась медленно и неравномерно, то почти замирая и лишь медленно покачиваясь на пологих ленивых валах океана, то вдруг начинала набирать скорость.

И тут Дороти увидела чужой корабль.

Он дрейфовал далеко, почти у горизонта, и в это жаркое предвечернее время его никто не замечал,

потому что он медленно сближался с «Глорией» со стороны солнца и был плохо виден.

Но Дороти вглядывалась именно в солнце, размышляя о том, что если на солнце живут маленькие люди, то их можно разглядеть, если закоптить стекло...

Дороти оглянулась в поисках кого-то, кому можно сообщить такую интересную новость, но увидела лишь одного из служек полковника, который словно дремал, опершись спиной о грот-мачту.

— Эй! — сказала она ему. — Поглядите! Настоящий корабль! Может, это «Дредноут»?

Служка, помощник плотника, чуть прихрамывающий худой человек с нежными руками, которым никогда не приходилось сжимать плотницкого инструмента, оторвался от мачты и быстро подошел к фальшборту, вглядываясь вдаль.

— Нет, — сказал он. — Это не «Дредноут». Знать надо — у «Дредноута» три мачты, а у этого две.

— Надо дать ему сигнал, — сказала Дороти, — а то они могут нас не заметить.

Дороти подняла руку, чтобы помахать далекому кораблю, не задумываясь, что сигнал не дойдет на таком расстоянии. И в этот момент из каюты миссис Уиттли вышел, желая подышать свежим воздухом, а может, и увидеть Дороти, штурман Фредро. Дороти почувствовала, что он появился на палубе, хотела было сообщить и ему интересную новость, но в этот момент служка с неожиданной для Дороти злобой приказал ей:

— Опустит руку! Опустит руку, я тебе говорю, шпионка проклятая!

И в следующий момент он схватил ее за шею и с такой силой стал нагибать ее голову за борт, что Дороти ничего не успела сообразить, как центр тяжести оказался по ту сторону фальшборта, и она, неловко ударившись о борт, полетела в море с высоты в двадцать футов. И только ее умение плавать спасло Дороти от гибели, потому что она хлебнула воды, прежде чем смогла выбраться на поверхность.

К счастью, «Глория» двигалась так медленно, что, когда Дороти оказалась на поверхности в нескольких футах от борта и тут же поплыла к нависшей над ней громадой, корабль медленно проплывал мимо, намеренный оставить ее погибать одну посреди пустого океана.

Плывя, она увидела собственную руку с почерневшим камешком и поняла, что опасность еще не миновала.

Она подняла голову и заметила, что служба полковника целится в нее из пистолета.

И если ему удалось сбросить ее с борта, пользуясь полной неподготовленностью девушки к такому нападению, то на этот раз она была готова к опасности, хотя, конечно, не могла понять, чем вызвано это желание погубить ее.

Дороти нырнула, продолжая под водой плыть к кораблю — все же оставаться в море было страшнее, чем погибнуть от выстрела.

Находясь в те секунды под водой, Дороти не могла увидеть того, что происходило на борту...

Служка, который рассчитывал, что в такой жаркий предвечерний час никого на палубе не будет и его действия останутся незамеченными, не успел остановиться, когда понял, что свидетель все же есть — это младший штурман Фредро, который вышел из каюты. И хоть штурман стоял далеко от службы и не успел на помощь Дороти, он закричал:

— Стой! Что ты делаешь! Я убью тебя!

Служка кинул взгляд на Фредро и, видно, сообразил, что у него еще осталось в запасе несколько секунд. Он направил пистолет вниз, намереваясь застрелить Дороти, как только она вынырнет у борта.

Штурман был безоружен, и двигался он медленнее, чем следовало. Хоть он и был человеком решительным и верным, но не отличался быстротой и живостью ума. Он побежал к службе, но вдруг прямо над его ухом раздался выстрел, оглушивший штурмана. Он увидел, как служба выронил пистолет и схватился

за руку. Между пальцев показалась кровь. Служка завыл от боли и страха.

Фредро обернулся.

В дверях каюты, держа в руке пистолет, стояла прекрасная голубка миссис Уиттли. Полные щеки ее пылали, глаза светились светлым холодным огнем Артемиды-охотницы.

— Что вы наделали? — Полковник, выбежавший следом из каюты, пытался вырвать из ее руки уже не опасный пистолет.

Регина неожиданно резко развернулась, перехватив пистолет за ствол, ударила полковника по щеке рукоятью тяжелого оружия. Тот охнул и отшатнулся к стене.

— Ловко вы его! — воскликнул капитан Фицпатрик. И без перерыва, словно продолжая фразу, громовым голосом, поднявшим всех членов команды, произнес: — Шлюпку на воду! Спустить паруса! Отдать плавучий якорь! Доктора Стренгла на палубу!

Помощник капитана побежал на мостик, чтобы проследить, как выполняются приказания, и все поспешили к борту посмотреть, не утонула ли Дороти. Но Дороти уже держалась за конец, сброшенный с борта прибежавшим раньше всех штурманом, и, судя по всему, была невредима.

Служка стонал, доктор Стренгл промыл и перевязал ему рану. Следя за тем, как шлюпка подходит к Дороти, миссис Уиттли спросила его голосом богини возмездия:

— Кто тебе приказал убить ее?

— Только если она начнет подавать сигналы вражескому кораблю.

— И кому же она подавала сигналы?

— Она подавала сигналы пирату.

— Где же он?

— Там... на горизонте.

Чужой корабль вырисовывался на горизонте черным силуэтом, размером с ладонь.

— Так чем же она подавала сигналы? — спросила Регина.

— Она подняла руку, — сказал штурман, — Я видел. Она сначала позвала этого мерзавца, а потом помахала рукой.

— Сам господь Бог не увидел бы этого на таком расстоянии, — сказала Регина. — Но теперь я понимаю. Вы, полковник Блекберри, отдали ему приказ: воспользоваться любым оправданием для убийства. Так ли? Признавайтесь!

— Мне не в чем признаваться. Кроме того, что мой человек и служащий компании выполнял свой долг и на него было совершено покушение.

— Я защищала жизнь моей горничной! — вспыхнула Регина. — И я предупреждала вас, чтобы вы остерегались прибегать к убийствам или иным преступлениям.

— Я доложу правлению Компании.

— Ваша воля, полковник, — ответила Регина.

Тем временем матросы помогали Дороти взобраться на борт. Она была оглушена, испугана, но невредима. Умение плавать вторично спасло ей жизнь.

Регина провела ее в каюту, чтобы уложить, доктор Стренгл осмотрел девушку и сказал, что опасности для жизни — никакой. Впрочем, служба тоже будет жить.

— Слава Богу, — ответила Регина. — Я не хотела бы брать на душу такой грех. Хотя он этого заслужил.

— Пожалуй, да, — рассудительно согласился доктор. — Нельзя бросать девушек за борт, а затем расстреливать их. Это жестоко.

Регина сама принесла Дороти рюмку джина и заставила выпить, чтобы укрепить силы. Потом велела спать.

— Спасибо, миссис Уиттли, — сказала Дороти.

— Я не уверена, что поступила правильно, — ответила миссис Уиттли. — Но ты умная девушка и знаешь, что в моем пистолете есть еще пули. Для той дуры, которая попытается соблазнить штурмана Фредро. И я не промахнусь, потому что училась стрелять в Ост-Индии в настоящих боях. Поняла?

— Поняла, — ответила Дороти. Глаза ее слипались. Ей еще в жизни не приходилось выпить столько джина сразу.

Заглянул штурман, он сказал, что хотел справиться о здоровье Дороти, но Регина, взяв его под локоть, повела к двери, утверждая, что Дороти надо отдохнуть. Дороти подумала, что Регина совсем не шутила. Она вообще-то шутит только тогда, когда смеется над кем-то другим. Интересно, чей это корабль?.. С этой мыслью Дороти заснула.

А это был бриг «Кларисса» корсара Робера Сюркуфа.

ГЛАВА 5

В плену у Сюркуфа

Морской бой начался только рано утром. Но, правда, ночью мало кто спал. Многие молились, чтобы Господь послал ветер или призвал на подмогу «Дредноут». Солдаты и матросы чистили ружья, проверяли, сух ли порох, хорошо ли сложены ядра и пакеты с картечью. На палубе в большом корыте матросы стирали рубахи — они верили в то, что в рай следует идти чисто одетыми. Устанавливали бочки с водой, чтобы заливать ею, если начнется пожар, и убирали все, что могло ему способствовать. Парусные суда такого рода, как «Глория», вспыхивали быстро — все, из чего они были сделаны, могло гореть и горело, а как известно, самый жуткий пожар — это пожар на воде, потому что от него нельзя убежать.

Капитан Фицпатрик пришел к миссис Уиттли посреди ночи, чтобы убедить ее спрятаться с Дороти на время боя внизу, в трюме, утверждая, что там безопаснее, чем в столь высоко расположенной каюте, но Регина вдруг взбеленилась, накричала на капитана, убежденная, что, когда «Глория» будет тонуть, о

ней все забудут и она утонет вместе с кораблем. Фицпатрик пытался воззвать к ее разуму, утверждая, что пиратам вовсе не хочется топить «Глорию», она им нужна целой и невредимой, так что опасаться приходится не столь обстрела, как абордажа. Но так как в рукопашном бою один англичанин стоит трех французов, а стрелки у нас на борту лучше французских, то опасаться нечего — скорее, мы их захватим и привезем в Калькутту как приз.

Капитан задрезал джентльменским смехом, но смех получился неубедительным.

— Так кто же тогда будет в нас стрелять? — пропела птичка Регина.

— Ну, сначала для порядка будет морской бой, — ответил Фицпатрик. — Они же должны попытаться нас захватить. И только после провала этой попытки начнется неудачная попытка абордажа.

— Когда я слушаю вас, то понимаю, насколько глупой я выгляжу в ваших глазах, — ответила Регина. — Мы останемся в каюте до тех пор, пока ваши развлечения не закончатся.

Более того, заложив с помощью Дороти задние окна подушками и корзинами с постельным бельем — у Регины был опыт обороны форта против французов в Мадрасе, — миссис Уиттли спокойно разделась, улеглась и заявила горничной:

— Девочка, я тебе советую не переживать, а поспать до рассвета. Никто не начнет морского боя до тех пор, пока не разглядит как следует противника.

— Что-то мне не хочется спать.

— Заставь себя. Потому что завтра нам предстоит трудный день, и я не удивлюсь, если к концу его мы окажемся французскими пленниками.

— Вы серьезно так думаете?

— Совершенно серьезно, Дороти. Потому что французские корсары — как волки, они могут быть размером втрое меньше оленя, которого преследуют, и рогов у них, разумеется, нет, но они быстры, они умеют хватать за горло — это их профессия. А я с

уважением относиться к людям, которые занимаются своим делом.

— Даже к пиратам?

— Все нужны в Божьем мире. Волки и ягнята.

— А может быть, мы убежим от них? Ведь «Глория» — новый корабль!

— Нет, потому что лапы волка приспособлены к тому, чтобы мчаться тысячу ярдов с невероятной скоростью... А впрочем, черт с ними, со сравнениями. Спи!

Окна, заложенные до половины тюками, давали мало света, а Дороти привыкла, что в них широко льется лунный свет. Было душно.

Хозяйка скоро засопела и в самом деле заснула.

Дороти ворочалась, томила и наконец поняла, что, если она не выйдет на палубу, на открытое пространство, под чистое небо, она задохнется.

Хозяйка не проснулась. Дороти беззвучно ступила босыми ногами на ковер, натянула домашнее платье и выскользнула из каюты.

Дороти знала, что сейчас вахта Смитсона, а Алекс должен спать. Но в ту ночь все изменилось на судне. И «Глория» лишь делала вид, что спит. Тишина ночи с бегущими по звездам серыми облаками могла обмануть лишь в первую минуту, но стоило Дороти отойти от своей каюты к центру палубы, откуда удобнее было посмотреть наверх, где располагался штурвал, как Дороти услышала знакомое:

— Простите, девица!

Мимо спешил доктор Стренгл, неся зловещий для ее глаз груз — стопку салфеток для промокания крови и моток шпагата для перетягивания кровоточащих конечностей. За Стренглом шагал его помощник, здоровенный матрос с пилой и большим ножом мясника. Дороти сначала решила, что они собрались резать корову, но потом сообразила, что и это предназначается людям.

Медики застучали каблуками по трапу, скрывшись на оружейной палубе, оттуда в ответ послышался тупой удар — что-то нужное делали с пушками. Два матроса грузили в шлюпку анкерки с водой...

Дороти поглядела назад.

Там, у штурвала, она угадала коренастую фигуру штурмана Смитсона, рядом торчал Фицпатрик, что-то объяснявший штурману. Дороти быстро отошла к борту, чтобы не попасться капитану на глаза. Ей было неловко болтаться без дела, когда люди готовились к завтрашнему страшному бою.

Вон там, на горизонте, скрылось солнце — значит, там должен быть виден пиратский корабль... Море не было бурным, но по нему бежали волны, поднятые ветром где-то далеко отсюда, а горизонт был закрыт поднимающимися облаками, и поэтому было бесполезно вглядываться в темную даль.

Корабль казался осажденной крепостью — всюду по нему бегали муравьишки, укрепляя его, надеясь отбиться от врага; заранее слабые, потому что они защищались. А тот, кто защищается, всегда слабее.

— Дороти? — прошептал рядом штурман Фредро.

— Вы так незаметно подошли ко мне! — обрадовалась девушка.

— Хорошо, что вы вышли.

— Мне совсем не хочется спасть.

— А миссис Уиттли? Она спит?

— Я удивляюсь ее хладнокровию.

Штурман молчал, глядя в темноту. Дороти не выдержала и спросила:

— А вы ее искали?

Она увидела, что штурман улыбнулся. Глаза уже привыкли к темноте, разреженной несколькими фонарями, что покачивались над палубой. Но фонари были тусклыми, с прикрытыми шторками, может быть, капитан не отказался от мысли оторваться за ночь от врага. Надежда на это была, если бы поднялся ветер, и тогда в распоряжении капитана появилась возможность маневра, сейчас же, в безветрие, оба корабля были игрушками стихии — она держала их в плену штиля.

— Я искал вас, Дороти, — сказал штурман. — Вам страшно?

— Пока я не знаю. Наш корабль такой большой, и здесь столько солдат и матросов. Вы защитите нас?

— Я надеюсь на это. И на милость Господа.

— А почему мы бежим от него? Разве мы слабее?

— Он — боевой корабль. Мы — торговое грузовое судно, хоть и сильно вооруженное. Если нам удастся удержать его на расстоянии, то все обойдется. Но если мы сблизимся, я ничего не знаю...

Его ладонь накрыла руку девушки. Дороти не убрала ее. Ее вдруг охватило такое горячее чувство счастья, словно ее опалило жаром из печки. Она хотела, чтобы его руки обхватили ее и прижали. Она даже лопатками чувствовала воображаемое объятие. Она замерла, как птичка под ладонью.

— Я боюсь не за себя, — сказал Алекс. — Я рожден и воспитан для того, чтобы жить в опасности. И не собирался жить долго. Но вы все изменили, Дороти, и мне теперь стала дороже моя жизнь.

И Дороти поняла, что он скажет дальше, потому что была готова ответить молодому человеку подобными словами.

— Я признаюсь, что, если бы не смертельная опасность для вас, я бы не осмелился... и, может быть, долго бы не осмелился до вас дотронуться... Но завтра может случиться всякое...

— Спасибо, — сказала Дороти, потому что совершенно не представляла, что надо отвечать в таких случаях.

За их спиной остановился старший помощник. Он молчал, но они чувствовали его присутствие и обернулись, спрятав руки за спину.

— Простите, Алекс, — сказал старший офицер. — Капитан просит вас заступить сейчас на вахту вместо Смитсона. Он должен дать вам некоторые советы...

— Слушаюсь, — ответил Алекс.

Он обернулся к Дороти и протянул ей небольшой листок бумаги.

— Здесь написан, — сказал он, — адрес моей тети в Польше. На случай, если судьба разбросает

нас. Я буду писать тете — она единственный родной мне человек.

— Моя мама живет на Вудгарден-роуд, шесть, — быстро сказала Дороти. — Миссис Форест. А я — мисс Дороти Форест.

Штурман протянул девушке руку.

Дороти встретила пальцами с кончиками пальцев молодого человека.

Штурман наклонился, видно, желая поцеловать ей руку, как это делают поляки, но Дороти никто никогда не целовал руку, и она, почувствовав намерение Алекса, убрала руку за спину. Но смотрела на него в упор, открыто. Подвижны были лишь пальцы, сминавшие за спиной бумажку с адресом Алекса.

Штурман сказал:

— Спокойной ночи, Дороти, поспите немного.

— А когда это начнется?

— Как встанет солнце, — сказал штурман.

— Или еще раньше, — сказал старший помощник, — все зависит от того, насколько им удалось сблизиться с нами.

— Тогда нападайте первыми! — сказала Дороти.

Мужчины улыбнулись — из уст такой молоденькой девушки вызов звучал курьезно. Они вместе ушли на ют. Их фигуры растворились во тьме. Потом Дороти услышала, как стучат по трапу их башмаки. Моряки негромко говорили, и Дороти стало обидно: неужели штурман уже не думает о ней?

Еще некоторое время Дороти оставалась у борта, иногда оборачиваясь к штурвалу, у которого смутно виднелись люди и слышался негромкий разговор, потом она смотрела в море в надежде увидеть огни неприятеля, чтобы скорее выстрелили наши пушки и убили всех врагов.

Потом ей стало зябко и захотелось спать.

Дороти вернулась в каюту.

Регина не спала.

— Ты где была? — строго спросила она.

— На палубе.

— С кем?

— Ой, ни с кем! Там были разные люди. Доктор Стренгл, старший помощник капитана Фицпатрика.

— И Алекс?

— Он сейчас на вахте, — ушла от ответа Дороти.

— Ты бегала на свидание! — решительно заявила хозяйка. — В тот момент, когда решается вопрос о жизни и смерти, ты думаешь только о свиданиях.

— Нет, — ответила Дороти, — я думаю о том, как немного поспать. Мистер старший помощник сказал, что они могут напасть на рассвете.

— Так и сказал?

— Да.

— А сейчас сколько?

— Не знаю. Сейчас еще ночь. Будут бить склянки, и мы узнаем.

Они лежали молча и ждали, когда ударят склянки. Но не дождались и заснули.

А проснулись от грохота, который предшествует близкому сражению в море.

* * *

По трапам стучали каблуки матросов, нижняя палуба стонала оттого, что по ней подкатывали орудия, отовсюду неслись крики, даже над головой, в капитанской каюте стоял топот.

Открыв глаза, Дороти увидела, что миссис Уиттли уже наклонилась и трясет ее за плечо.

— Скорее, лежебока! Помоги мне одеться!

Она умела так больно щипаться!

— Сейчас, сейчас... Уже началось?

— В жизни я еще не слышала более глупого вопроса!

Регина стащила сонную Дороти с постели, и та, пошатываясь, протирала глаза. И тут увидела, как мешки, закрывавшие окна на корме, медленно падают внутрь. Они шлепнулись на пол, и в каюте запахло паленым.

— Что это?

— Он еще далеко, — сказала Регина, проявлявшая незаурядное присутствие духа. — Достань из сундука мой костюм для верховой езды.

Переступая через осколки стекла, усыпавшие пол каюты, Дороти пошла к нужному сундуку и отыскивала в нем пришедший с Востока, модный в Лондоне, но не одобряемый светом костюм, состоящий из широких шальвар и короткой куртки, расшитой серебром. Он позволял сидеть на лошади верхом. Как только Регина догадалась вспомнить о нем!

В дверь каюты заглянул доктор Стренгл. Он был бледен и встрепан более, чем обычно.

— Что вы тянете? Спускайтесь в лазарет! Здесь опасно.

— Доктор, закройте дверь! — крикнула Регина, потому что ей пришлось перекрыть голосом грохот, донесшийся с палубы. — Даже в такую минуту неприлично наблюдать, как переодеваются дамы.

Отважная птичка, подумала Дороти, натягивая обыденное синее платье, отороченное по вырезу кружевами.

Регина надела шляпку с узкими полями. Дороти повязала на буйные волосы серый платок.

— Я должна все видеть! — повторяла Регина, готовясь к выходу в свет. — Я не могу сидеть, как крыса, нору которой заливают мышьяком! Ты пойдешь в трюм или на верхнюю палубу?

— Я с вами, — ответила Дороти.

— Тогда пошли.

Регина достала из шкатулки, стоявшей на столике у ее ложа, небольшой каретный пистолет. Пока Дороти заканчивала свой туалет, со сноровкой бывшего солдата Регина успела натрусить в ствол пороха, забить пулю, насыпать затравку на полку — она была готова к бою.

— Пусть только он ко мне подойдет, — сказала она спокойно.

Наверное, она имела в виду самого генерала Бонапарта.

Дороти оружия не полагалось, и она последовала за хозяйкой на палубу, надеясь, что там еще нет пиратов.

Пиратов там не было, но именно в тот момент, когда женщины появились на палубе, в десяти ярдах перед ними от удара ядра рухнула, обломившись, рея с грот-мачты, увлекая за собой нижний грот-марсель. Они отпрянули назад, в каюту, но в тот момент Смитсон, сбежавший сверху, кинулся к ним и повлек за собой Регину к открытому трапу, откуда поднимался дым и пахло серой, как из преддверия ада. Время от времени оттуда вырывался тугой звук — стреляли пушки «Глории». Смитсон помог госпоже Уиттли спуститься на оружейную палубу, на Дороти он не обращал внимания, полагая, что служанка следует за воинственно выглядевшей госпожой.

На оружейной палубе Дороти зажмурилась от обрушившихся на нее грохота, криков раненых, едкого дыма и выстрелов. Она остановилась, опершись на основание мачты, и старалась понять, что происходит вокруг. Спутники Дороти исчезли из виду.

В этот момент случилось нечто ужасное, пришедшее из кошмара, чего в жизни не бывает. Оглянувшись на треск, удар и крик, Дороти увидела, как сквозь мощные доски борта внутрь корабля врывается, как бык, ломающий рогами перегородку, красное, чернеющее на глазах ядро... Поражая канониров, во все стороны, словно стрелы, полетели щепы. Кто-то заорал, а Дороти глядела в неровный круг голубого неба, потом перевела взгляд туда, где, оставив за собой дорожку разрушения и гари, успокоилось ядро. Оно было на самом деле невелико — только в полете показалось Дороти громадным, но натворило немало бед на оружейной палубе...

Грязный, словно обугленный офицер, который стоял слева от Дороти, закричал, как будто приказывая пушкам, откатившимся назад после выстрелов:

— Товсь!

Навалившись на лафет, канониры покатили пушки к раскрытому борту. Офицер словно не замечал, что не все соседние пушки одинаково двинулись к бортам, так как людей уже не хватало — один лежал, вытянувшись во весь рост, еще один скорчился от боли, третьего пронзило деревянное копьё, оторвавшееся от борта.

Этот канонир смотрел на Дороти, будто просил помочь, даже губы его беззвучно шевелились — да разве разберешь в таком грохоте и треске?! Дороти шагнула к нему, но остановилась, оробев, потому что не знала, что ей делать, когда приблизится.

— Иди...

Еще два шага.

Рядом грохнула пушка, и краем глаза Дороти уловила ее стремление ударить и раздавить. Дороти отпрыгнула, но пушка ударила углом лафета раненого матроса и прекратила его страдания... Его оттащили и бросили рядом с мертвыми. Дым рассеялся, Регины не видно.

Дороти подумала, что, наверное, она уже внизу, где должен быть лазарет. Она колебалась, спускаться или вернуться в каюту, и эта секунда спасла ей жизнь, потому что еще одно вражеское ядро влетело и своротило пушку, убив двух канониров. Это произошло как раз перед Дороти — в трех шагах. Откашлявшись от дыма, почти на ощупь Дороти отыскала люк, ведущий вниз, в глубоком полумраке, который царил на нижней палубе. Его не могли рассеять два фонаря в плетеных металлических сетках, подвешенных к потолку. Дороти пошла на звуки голосов, туда, где в обычные дни находился общий кубрик мичманов и младших офицеров, и тут же увидела, как на длинном обеденном столе, покрытом клеенкой, лежал человек, которого держали двое санитаров, тогда как доктор Стренгл отпиливал ему ногу выше колена обыкновенной ножовкой с мелкими зубьями.

Дороти поняла, что оставаться здесь не может — даже не от вида этой операции, как от визга матроса,

который прервался, лишь когда Дороти отступила к самому трапу...

— Перетягивайте и бинтуйте! — крикнул Стренгл помощнику, а сам поспешил к Дороти. Его клеенчатый фартук был измаран кровью, и в крови был даже лоб, потому что он все время вытирал пот. Яркие лампы горели только над операционным столом, в остальной части кокпита было темно. И неудивительно, так как эта палуба была ниже ватерлинии и было слышно, как волны ударяют о борт...

— Дороти, что вы здесь делаете? — спросил доктор. — Вам лучше спрятаться...

И тут она сказала то, о чем еще секунду назад не думала:

— Я пришла помогать вам.

— Как? Таскать трупы? — рассердился доктор Стренгл. — Для этого у меня есть полдюжины бездельников.

— Я умею перевязывать... или дать воды, — сказала Дороти. — Я полгода помогала тете, которая служит сестрой милосердия в госпитале Святого Павла.

— Не знаю... это не женская работа... — Доктор Стренгл колебался. Потом вдруг принял решение: — Но все же это лучше, чем торчать на верхней палубе. Иди помогай Дейвису.

Он показал в сторону, в полумрак. Широкоплечий санитар шагнул в сторону...

Там лежал штурман Алекс!

— Алекс!

— Не кричите, мэ, он не в себе, — ответил широкоплечий санитар со старомодной серьгой в ухе.

— Я не кричу... доктор Стренгл велел мне...

Она закусил губу. Ей было страшно, как в темном лесу. И никто не придет на помощь.

— Да, — сказал над ее плечом доктор Стренгл. — Это наш молодой друг. Однако должен вам сказать, что раны его не внушают мне опасения. Его руку я положил в шину, она срастется, и быстро — перелом несложный. То же могу сказать и о ране в боку, которая не нарушила жизнедеятельности ни едино-

го из важных органов, а задела лишь мягкие части тела.

— Я хотела бы...

— Дейвис, дайте мисс Дороти бинт, корпию и салфетки... Ты в самом деле имеешь опыт врачевания?

— Я бы не стала вас обманывать, доктор Стренгл!

— Скорее, доктор, он кончается! — закричали от стола.

Стренгл кинулся туда, но еле устоял на ногах, так содрогнулся, будто человек, получивший сильную пощечину, их корабль.

И все сразу замерли. Даже стонущие раненные замолчали прислушиваясь.

— Они здесь... — сказал кто-то в тишине.

И тут же тишина пропала, сметенная шумом, который доносился сверху — в нем можно было различить человеческие крики, звон сабель, команды, запоздалые выстрелы пушек, треск рвущихся парусов и сломанных при столкновении рей.

— Что это? — спросила Дороти шепотом, не надеясь услышать ответ, как лежащий у ее ног штурман открыл глаза и тихо произнес:

— Они берут нас на абордаж. Да, на абордаж! Где моя сабля? — закричал он. — Мое место там.

— Не надо, мой дорогой, — шептала Дороти, не зная, слышит он ее или нет. — Тебе нельзя подниматься... Я сейчас сменю тебе повязку.

Штурман вновь закрыл глаза. Видно, усилие оказалось для него слишком трудным.

Дороти стала осторожно накладывать на кровотокающий бок корпию и придерживать ее салфеткой, и вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — бой кончился.

По крайней мере это случилось куда скорее, чем Дороти ожидала.

Голоса и громкие, поспешные шаги раздавались на оружейной палубе. Но ни выстрелов, ни звона металла... Означает ли это, что мы победили или это победили нас? У кого можно спросить? Где доктор

Стренгл? Почему он склонился над операционным столом, словно его не касается судьба корабля и всех его жителей?

Затем, когда Дороти уже смогла сменить повязку штурману, который так и не приходил в себя, в широком луче серого света, проникающего с оружейной палубы, показалась фигура человека с короткой саблей в руке. Голова его была завязана красным платком, а на шее висела золотая цепь.

— Надеюсь, — сказал он на плохом английском языке, — сопротивления не будет. Иначе мы никого не жалеем.

Никто ему не ответил.

— Здесь госпиталь? — спросил он. Вернее, догадался.

— Да, сэр, — сказал санитар Дейвис.

— Выражаю сочувствие, — произнес француз и исчез на верхней палубе.

Теперь Дороти знала, что ее опасения о судьбе тех, кто не хочет нападать, а лишь защищается, оправдались самым страшным образом. Потому что они касались не только ее, но и штурмана, беспомощного и несчастного. И она решила остаться возле него, что бы ни говорила госпожа.

А тем временем даже те, кому было очень больно, старались сдерживать крики, а доктор Стренгл тоже занялся перевязками, благо пока более некого было оперировать.

* * *

В первые десять минут сведения о том, что происходит сверху, поступали через раненых или контуженных матросов, которые в пылу битвы не успели или не смогли спуститься в лазарет, а теперь спешили скрыться подальше от пиратов. Один из матросов видел, как капитан Фицпатрик отдал корсару свой кортик и тот принял его, как от сдавшегося в бою капитана. Второй матрос все повторял:

— А они как муравьи, мы их давим, а они лезут, как муравьи! Наверное, их тысяча человек было...

— Как называется корабль? — спросил кто-то из темноты.

— Не знаю.

Третий матрос, что как раз спускался в трюм, ответил:

— «Кларисса». Француз.

Как будто это последнее не было ясно раньше.

— Как же они вас? — спросил тот же голос.

В голосе звучал упрек.

— Тебе что, ты здесь отлеживался, — огрызнулся матрос. — А они картечью верхнюю палубу вымели — человек двадцать на тот свет...

Тут на верхней ступеньке снова показался француз и крикнул:

— Доктора и санитаров! Быстро!

Стренгл откликнулся:

— Не могу, у меня операция. Пускай сюда несут. Наверх пошли санитары с носилками.

Потом доктор, перевязав раненого, поспешил наверх, понимая, что требуется его помощь.

Уже добежав до трапа, он обернулся и крикнул Дороти:

. — Возьми мой медицинский ящик!.. И вон те салфетки!

Дороти послушно подхватила ящичек с железной ручкой, но потом замерла, будто не была уверена, что сможет возвратиться к штурману.

— Скорее! — крикнул доктор. — Нас ждут!

Дороти выбежала на верхнюю палубу следом за доктором. Она сразу увидела санитаров, которые укладывали на носилки Смитсона. У него была оторвана рука.

— Не трогайте его! — приказал Стренгл. Санитары опустили носилки, и доктор склонился над раненым.

Поднявшись на верхнюю палубу, Дороти поставила сундук у носилок и оглянулась. Перед лестницей на капитанский мостик стояли две небольшие группы людей — одна состояла из Фицпатрика, полковника

Блекберри и еще двух корабельных офицеров. Напротив них, на голову уступая капитану ростом, стоял французский предводитель. Они пираты, значит, он у них предводитель? Или все же капитан? Предводитель был округлым человеком с большим круглым лицом. Он казался очень мирным и домашним, ему вообще нечего было делать на палубе морского судна. За ним стояли два его сообщника, один в сюртуке и полосатых брюках, второй, усатый, в мундире французского морского офицера, только вместо шляпы у него на голове красовалась странная высокая красная шапка, похожая на гребень петуха, загнутый вперед. За спиной Фицпатрика в дверях своей каюты стояла миссис Уиттли, совершенно спокойная, только без пистолета.

Дороти обернулась. Она увидела спины нескольких французов, которые стояли, опустив ружья и пистолеты, но готовые направить их на толпу английских матросов и солдат, стоявших тупо и покорно — они уже были пленными и знали, что они пленные.

Палуба между этими двумя скоплениями людей была обожжена, залита потемневшей вишневой кровью, в некоторых местах расщепленной ядрами, над головой полоскались рваные, с полосами обгоревшие паруса...

— Где салфетки? — раздраженно выкрикнул доктор, и Дороти склонилась к нему. Для французов появление девушки было неожиданным, и кто-то из них присвистнул, второй громко сказал что-то скабрезное, потому что французы закатились хохотом, а их круглый начальник сначала сам хохотнул, а потом рассердился и стал отчитывать своих матросов.

Дороти старалась не слушать то, что происходило вокруг.

Докторский сундучок был из темного полированного дерева, но не новый и кое-где исцарапанный. Она откинула замок, и ящик открылся, обнаружив внутри хирургические инструменты. Рукоятки некоторых ножей и игл были измараны кровью — ими сегодня уже пользовались.

Смитсон стонал.

— Господи, — сказал доктор Дороти, — я был бы самым счастливым человеком на свете, если бы кто-нибудь изобрел средство, которое позволит человеку спать, пока мы его кромсаем.

Дороти не ответила. Что-то внутри нее сказало, что такое средство есть, хотя никто не говорил ей об этом. Но ее губы сами спросили:

— А опий, доктор? Вы пробовали опий?

— Это опасное средство...

Разговаривая, доктор обрезал ножницами кожу и мышцы вокруг раны. Смитсон, к счастью, лишился чувств. Когда Стренгл стал стягивать куски кожи на культе, Дороти отвернулась, не в силах выносить это зрелище.

— Дороти! — позвала ее госпожа. — Подойди ко мне.

Видно, она давно заметила служанку, но понимала, что та занята...

— Меня зовут, мистер Стренгл, — сказала Дороти.

— Иди, ты мне не нужна, мне поможет санитар.

Дороти с облегчением побежала к миссис Уиттли и по дороге поскользнулась на липкой крови и чуть было не упала, но сильная рука округлого пирата жестко и сильно подхватила ее и чуть было не подняла на воздух.

— Трэ шарман, — сказал он или что-то похожее. Но в этом не звучало оскорбления.

— Спасибо, — сказала ему Дороти и сделала несколько последних шагов к Регине.

— Ты где была?! — накинулась на нее Регина, но, когда Дороти хотела ответить, тут же знаком заставила ее замолчать, потому что капитан пиратов как раз заговорил:

— Будучи корсаром на службе республики Франция, — сказал он на правильном, но каком-то ненастоящем, попугайском английском языке, — я объявляю вас своей добычей, своим призом.

Капитан Фицпатрик обреченно склонил голову.

Предводитель корсаров сделал короткое, почти незаметное движение рукой, как бы выпуская на слушателей старого послушного пса, и человек с большими черными усами, в форме французского офицера и странном красном колпаке на голове, сделал полшага вперед и продолжил.

Дороти догадалась, что капитан корсаров специально выучил первую фразу и повторяет ее всем захваченным капитанам английских судов. А другой человек знает английский и должен все объяснить.

— Капитан Робер Сюркуф, корсар республики Франция, просил меня, господа, довести до вашего сведения, что ваше судно отныне считается призом нашего корабля «Кларисса».

Сюркуф слушал помощника, внимательно и быстро оглядывая всех, кто стоял перед ним. Затем взгляд его, остановившись на несколько секунд на двух молодых женщинах, скользнул вверх, и он принялся, как поняла Дороти, изучать состояние вант и прочего такелажа «Глории», искалеченного во время боя.

— Наш корабль, — говорил далее человек в колпаке, — проследует со всей возможной скоростью на остров Реюньон, чтобы сдать приз комиссару острова и представителям призовой комиссии. Нижние чины и прислуга будут оставлены на острове с кораблем или при желании могут перейти на службу к капитану Сюркуфу, чтобы заменить тех, кто пал в бою с вами. Офицеры, леди и джентльмены, находящиеся на борту, проследуют на «Клариссу», где получают возможность довершить в нашей компании свое путешествие. На острове Реюньон их судьба будет решена в зависимости от суммы выкупа, который готов выплатить за них губернатор Мадраса. Я говорю понятно?

Он говорил с акцентом, но понятно.

Капитан Сюркуф перевел взгляд на Регину и с наслаждением гурмана медленно оглядел знатную даму. Регина почувствовала этот взгляд и была возмущена.

— Милорд! — воскликнула она. — Милорд!

Сюркуф задал вопрос своему помощнику, но миссис Уиттли сама ответила на него по-французски. Все-таки она не зря провела столько лет в пансионе.

Тогда Сюркуф заговорил с ней, и Дороти не понимала, о чем они говорят, но видела, как Регина волнуется, как ходуном ходят ее тугие груди, но, к счастью, ее платье в тот день было лишено шнуровки, и, хоть ткань его потрескивала и груди старались выбраться наружу, пользуясь декольте, они мешали друг дружке, и корсар мог лишь догадываться о том, какое сокровище скрывает куртка дамы, одетой под персидского мальчика.

Миссис Уиттли подняла голос.

В ответ корсар Сюркуф тоже повысил голос. И когда Регина вознамерилась продолжить спор, корсар перешел на английский язык. Он изъяснялся с трудом, но, видно, хотел, чтобы английские слова прозвучали из его уст.

— Все люди тут! Бон? Офицеры и мадам — на «Клариссу». Раненые — здесь. Раненые офицеры — на «Клариссу». Я сказал.

— Но мне нужна служанка! Я не могу без служанки.

— Нет! — И вдруг Сюркуф засмеялся. Не переставая смеяться, он обвел рукой вокруг и ткнул пальцем в Дороти. — Мон матрос много! Одна девица не хватит.

Французы засмеялись. Англичане молчали.

Дороти поняла только, что остается на «Глории». А еще остается доктор Стренгл, потому что в лазарете лежало два с половиной десятка раненых матросов, а раненых офицеров, которых Сюркуф приказал взять к себе на «Клариссу», было только два — Фредро и Смитсон. На «Клариссе» был свой хирург. И хоть основной выкуп принесут офицеры и джентльмены, жизнью матросов тоже не следовало пренебрегать — белые матросы были ценным товаром, и всегда найдется способ нажиться на них... Сюркуф был прижимист, и богатство не сделало его щедрее. Он выгадывал на всем — на черном рабе и на пленном графе.

Он знал, что, в сущности, между ними нет разницы — обоим надо кормить и стеречь, тогда они принесут выгоду.

Затем Сюркуф спустился в шлюпку, более не глядя на Регину, которая не выносила, если ее не слушались, и поклялась себе, что обязательно отомстит этому наглому пирату — неужели не сможет? За Сюркуфом его помощники скорее погнали, чем пригласили, пленных офицеров и миссис Уиттли, которой самой пришлось нести с собой шкатулку, в ней лежали ее туалетные принадлежности. Шкатулка, как знала лишь Дороти, была всегда готова на случай кораблекрушения. Больше она ничего не смогла взять. У борта Регина обернулась, отыскивала взглядом свою горничную и уверенно произнесла:

— Только не волнуйся и не переживай. Держись поближе к доктору Стренглу, на ухаживания французов не поддавайся. Я советую тебе сразу взять у доктора какой-нибудь хирургический нож или пинцет, чтобы защищаться. Береги себя — я тебя выкуплю. На Реюньоне мы уже будем вместе. Подойди ко мне...

Дороти подбежала к ней.

Регина вдруг обняла ее крепкими полными руками и прижала к высокой груди.

— Прости, — сказала она, уткнув в плечо Дороти свой клювик. — Я тебя взяла с собой... Это я виновата.

Француз в мундире и красном колпаке оторвал Дороти от хозяйки.

— Поторопитесь, мадам, — сказал он холодно.

— Мерзавец, ты это запомнишь, — сказала миссис Уиттли.

— С удовольствием буду ждать этого момента, мадам, — осклабился тот.

С Дороти поравнялся полковник Блекберри. Даже в такой драматический момент он ненавидел девушку так, что камень в колечке почернел.

— Ну, если выяснится, что это твои фокусы, — прошипел он, — я сам тебя задушу! — И исчез за бортом.

Снизу донесся крик Сюркуфа, его помощник подтолкнул Регину к борту, там ее подхватил французский матрос. Голова миссис Уиттли скрылась за бортом, и на палубе вдруг стало пусто, хотя матросы и солдаты стояли там и покинули корабль вряд ли более дюжины офицеров да два торговца.

Затем пираты стали вытаскивать из кладовой бочки с ромом, видно, у них туго было с напитками или хотелось попробовать настоящий английский ром. Потом они тащили сыры и мешки с картошкой.

Тем временем санитары и доктор Стренгл спустились в лазарет, чтобы перенести в шлюпку штурмана Фредро, а Дороти поспешила следом, чтобы попрощаться с ним.

Доктор объявил штурману о разлуке. Французы торопили.

Санитары подняли носилки и понесли к трапу. Доктор на ходу проверял повязки, Дороти принесла кружку, и штурман напился. Доктор хотел сменить повязку, но француз сказал ему, что некогда прохлаждаться.

Дороти хотела подняться за штурманом на палубу, но француз остановил ее.

— Нечего бегать по кораблю, мадемуазель, мне не хотелось бы, чтобы с вами случилось что-то дурное. Ребята молодые, и они разгорячены боем.

Французский пират был не молод, в его черной бороде было много белых волос.

— Я с острова Джерси, — сказал он. — Не поднимайтесь, пока не останется только призовая команда.

Доктор Стренгл услышал и сказал:

— Он прав, Дороти. Ты еще увидишься со своим штурманом.

— Он совсем не мой, — сказала Дороти.

Доктор почему-то засмеялся, а потом сказал:

— А ну-ка подойди ко мне, мне трудно без помощника. Теперь мы с тобой отвечаем перед Богом за жизнь этих несчастных людей.

Матрос с Джерси уселся на трап под самым люком и закурил трубку.

Дороти стала помогать доктору, сначала ей было трудно, но вскоре она втянулась в работу и отупела от крови, стонов, мокрых бинтов и грязных салфеток.

* * *

К вечеру Дороти свалилась на пустую койку в лазарете и заснула без задних ног. Она так устала, что не видела снов.

Утро было сырым, туманным, в лазарете было темно, сыро, плохо пахло, воздух наполнен хрипом, стонами, ругательствами и тяжелым дыханием. Одна из ламп погасла, вторая светила еле-еле. Стренгл спал на соседней койке. Дороти поняла, что если она не вымоется и не сменит белье, то умрет от отвращения к самой себе.

Стараясь никого не разбудить, Дороти пошла к трапу. Привалившись к нему сбоку, спал французский стражник. Дороти оставила на полу грязные домашние туфли, в которых провела вчерашний день, и неслышно, босиком, поднялась по трапу на оружейную палубу.

На оружейной палубе было пусто, трупы, видно, выкинули за борт, больше ничего не было убрано. Люк в передний трюм был закрыт, возле него сидел, опершись на ружье, французский матрос. Значит, там, догадалась Дороти, заточены матросы и солдаты «Глории». К счастью, часовой глядел в другую сторону, и Дороти, прячась за сдвинутыми с мест пушками, стараясь не наступать в засохшие лужи крови, добежала до трапа на верхнюю палубу.

Там царил белый, почти непроницаемый туман, и Дороти показалось, что она попала в громадный светлый, заполненный молоком шатер, и стоит лишь оттолкнуться от него ногами, ты воспаришь в этом молоке, поднимешься в ту высь, откуда доносятся скрип рей, гул, хлопанье не полностью наполненных ветром парусов и крики чаек.

Спереди донесся удар колокола, еще удар... В ответ откликнулся колокол «Глории». Значит, кто-то стоял на мостике юта и обменивался сигналами с «Клариссой».

Дороти пробежала по палубе к своей каюте. У бизань-мачты она чуть было не наступила на спящего француза. Знакомо пробили склянки. Дороти сосчитала — шесть склянок, то есть семь часов утра. Наверное, склянки бьют одинаково во всем мире, даже в какой-нибудь дикой России.

Она с трудом могла различить силуэты людей у штурвала и надеялась, что и ее никто не видит.

Дороти бесшумно пробежала к своей каюте. Дверь в нее была лишь прикрыта. Внутри царил рассветный сумрак и было зябко — в разбитые окна тянуло влажной.

— О Боже! — вырвалось у Дороти.

Каюта была разгромлена, и, по всему судя, грабители повеселились всласть уже после того, как Сюркуф с пленниками возвратился к себе на «Клариссу». Видно, французы искали драгоценности, деньги, а может, и какие-то иные вещи, по крайней мере женские платья их не заинтересовали, и все добро как Регины, так и Дороти, было вывалено на пол, кровати сдвинуты с мест, искали под ними, даже стулья зачем-то опрокинуты, а подушки испорчены, и пух, осевший в каюте, поднимался от осторожных шагов Дороти.

И тут Дороти захотелось поскорее вернуться в задний кокпит, к доктору Стренглу, стать незаметной, может, даже грязной и неопрятной, только уйти поскорее из каюты. Какой наивной казалась теперь ее мечта вымыться и привести себя в порядок — если ее увидят французы, то сочтут таким же трофеем, как тряпки.

Но нужно было все-таки вытащить из куч тряпья и посуды нужные вещи — в первую очередь полосатую нижнюю юбку, в которой зашито важное послание. Ведь не исключено, что юбка кому-нибудь приглянется. У пиратов есть подруги на Реюньоне, и

когда они вычистят все более ценное, то возьмутся и за белье.

Но юбка нашлась не сразу, пришлось перекопать массу материи — только когда вещи Регины покинули свои сундуки, стало ясно, сколько нарядов она везет с собой в Ост-Индию. Зато в поисках юбки и своего серого платья Дороти отыскивала важную вещь — за кроватью Регины стоял кувшин, полный чистой воды, и пустой таз — видно, Регина так и не успела умыться до начала вчерашнего боя. И Дороти не удержалась — вид чистой воды вызывал в ней такое вожделение, что она забыла на некоторое время о поисках, тихонько прошла к двери, закрыла ее на засов и, сбросив грязное платье и белье, стала сама себе поливать на лицо, руки и плечи. Кусок душистого мыла, принадлежащий Регине и недоступный прежде служанке, тоже пошел в дело, и через несколько минут Дороти чувствовала себя куда свежее и чище, чем прежде. Обнаженная, Дороти снова принялась за поиски чистой одежды, и тут же нашлась полосатая юбка — словно все сбывалось по желанию Дороти.

Дороти натянула юбку, но тут замерла — над головой снова пробили склянки. Неужели она здесь уже полчаса? Она бросилась искать серое платье.

Пробил колокол, большой колокол над головой. Издалека откликнулся колокол на «Клариссе». Значит, туман еще не рассеялся. Надо быстрее возвращаться...

И тут кто-то поскребся в дверь. Именно поскребся, а не постучал, словно любовник, боящийся разбудить родителей.

Дороти кинулась было к двери, потом поняла, что обнажена выше пояса. Она схватила первое попавшееся платье и, натягивая его, сказала:

— Сейчас, иду!

Говоря, уже испугалась: ну что же она делает? Там же француз, который заметил, как она прошла в каюту. И теперь... А что теперь? Дороти натянула на

себя платье, к счастью, модное, парижское, без китового уса и фижм, схожее с греческой туникой.

Она шла к двери и уже решила, что, если француз начнет приставать к ней, она поднимет шум — по крайней мере могут вмешаться французские офицеры, которые стоят на вахте...

— Кто там? — спросила она тихо.

— Откройте!

Голос был английским — порой одного слова достаточно, чтобы понять, кто говорит. Дороти посетила дикая мысль: а вдруг это скрывающийся на корабле англичанин, которому нужна помощь?

Она открыла дверь. Задвижка заскрипела.

За дверью стоял очень сердитый, лохматый доктор Стренгл.

— Ты с ума сошла! — прошипел он, протискиваясь в комнату. — Тебя же могли... могли!

— Поэтому я и пошла, когда все спят. Мне нужно было умыться и переодеться.

— И это ты все натворила? — Добрый встрепанный доктор, сам измазанный и покрытый засохшей кровью, был испуган.

• — Нет, видно, они искали ценности.

— И нашли?

— Миссис Уиттли не возит много драгоценностей из Англии в Ост-Индию, — разумно ответила Дороти. Но, по правде говоря, она не знала, где Регина хранит то небольшое, что взяла в дорогу.

— Тогда быстро идем вниз. Ты могла бы попросить воды, и принесли бы санитары.

— Это скорее нужно вам.

Доктор не ответил.

— Все? Бежим!

Они быстро пошли к трапу.

Француз на нижней палубе, тот самый, что с острова Джерси, не спал. Он стоял возле трапа и не скрывал недовольства.

— Вы зачем ходили? Хотите, чтобы вас подстрелили?

— Я разрешил ей переодеться и умыться, — сказал доктор. — И сам сопровождал девушку. Разве во Франции девушки не моются?

— Французские девушки сидят дома и ждут своих женихов, — мрачно ответил сторож.

...В кокпите шевелились, стонали, требовали воды раненые.

Дороти пришлось сразу бежать к ним, и весь день с небольшими перерывами она помогала доктору. Да и не хотелось ей более наверх.

И следующей ночью ей не удалось поспать. Начал умирать один из раненых. Он так кричал, что прибежал французский офицер и хотел его пристрелить. Но не успел — матрос умер. После его смерти никто не спал, раненые были взвинчены и думали, что французы их всех утопят, чтобы не тратить на них продуктов и воды.

Дороти засыпала на полчаса, потом ее будил стон, и она спешила к койке очередного страдальца. И вовсе не думала о судьбе своей хозяйки. И не завидовала ей. Хотя, наверное, ей следовало бы позавидовать миссис Уиттли.

* * *

О событиях последующих дней на «Клариссе» Дороти узнала со слов Регины, когда они плыли с ней в шлюпке по Индийскому океану. Миссис Уиттли рассказала не все сразу, порой путала, что произошло раньше, а что потом, но так как времени было достаточно, а Регина любила повторяться, Дороти смогла составить себе более-менее полную картину тех событий.

Первый день прошел мирно, никто не обращал внимания на пленников, которых развели по каютам нижней палубы — выгородкам в трюме, устроенным с учетом работоргового прошлого корсара. У Регины была отдельная каютка, так же как у капитана Фицпатрика. Остальные жили в тесноте, по двое, а то и по четверо в камерке. Но офицеры Сюркуфа успокаивали пленников тем, что и они сами живут в тесно-

те, потому что «Кларисса» имела на борту вдвое больше матросов и солдат, чем могло разместиться по правилам. Каждый бой приводил к жертвам, а каждый захваченный корабль требовал призовой команды. Так что чем успешнее был поход Сюркуфа, тем больше требовалось людей. Но теперь осталось недели две — Сюркуф намеревался провести еще неделю на торговой дороге в надежде добыть еще один или два трофея, а затем спешил к Реюньону. Он не хотел рисковать такой богатой добычей, как «Глория», и не выпускал трофей из виду.

В первый день хоронили в море погибших, приводили в порядок саму «Клариссу», которая немало пострадала от огня пушек «Глории», два раза Сюркуф отправлялся на шлюпке на «Глорию» и проверял товары, хранящиеся в ее трюме. Наибольшее удивление и радость Сюркуфа вызвали сорокадвухфунтовые пушки, пригодные для морского боя линейных кораблей и штурма крепостей. Пушек было двенадцать, и они заменяли собой балласт. Груз этот был тайный и в списках не значился.

Ценность осадных орудий невозможно было переоценить — корсар видел такие только на линейных кораблях, да и то не на всех, — порой трудно было удержать их при откате.

Вечером того же дня, отославшись, посвежев и, главное, пребывая в отличном настроении, капитан Сюркуф пригласил к себе в каюту на обед капитана Фицпатрика и миссис Уиттли. Когда же капитан вежливо намекнул о желательности пригласить и полковника Блекберри, сообщив о его должности в Компании, Сюркуф смешно сморщил короткий нос и фыркнул:

— На что мне соглядатай за столом?

О чем дипломатичный Фицпатрик при всей не любви к полковнику сообщать ему не стал.

За столом Сюркуф много пил, становился все веселее и говорил все громче, а Регина в ужасе думала о том, что у нее здесь нет горничной и даже запасного платья и она обречена на то, чтобы зарости

грязью. Сюркуф не отрывал глаз от бюста Регины, словно ждал от него какого-то фокуса, как от дрессированного тигра. Регина сдерживала дыхание, старалась умерить страх перед разбойником и натянуто улыбалась.

В конце ужина, когда принесли кофе, Сюркуф сделал миссис Уиттли неприличное предложение, не стесняясь присутствия других свидетелей.

— Уважаемый месье Сюркуф, — как ей казалось вежливо, ответила женщина. — Вы забываете, что пытаетесь оскорбить жену и невестку высокопоставленных особ Ост-Индской компании. Я надеюсь, что у моей Компании есть средства, чтобы призвать к порядку такого ничтожного разбойника как ты... — Уничжительное «ты» завершило филиппику, после чего Регина покинула капитанскую каюту.

Капитан Фицпатрик, который не все понял, был тем не менее испуган, потому что понимал, что Компания далеко, а на «Клариссе» Сюркуф — повластный хозяин. И ему ничего не стоит утопить пленников — и без них добыча богатая. Ждали, насторожившись, и офицеры Сюркуфа, хотя большинство из них, в свою очередь, поняли лишь настроение Регины, но не оскорбительный смысл речи.

Сюркуф стоял, словно размышляя. Он глядел вслед миссис Уиттли, потом вдруг расхохотался и пустил ей вслед матросское ругательство, что страшно развеселило его помощников и успокоило Фицпатрика, который тут же откланялся. Его никто не удерживал.

Той же ночью пьяный Сюркуф пытался войти в каюту Регины. Так как переборки в трюме дощатые, то эту атаку слышали все пленники. Однако дверь оказалась крепкой, и засов не поддался капитану — он сам делал эти клетушки такими, чтобы из них не сбежать, но забыл, что дверь бывает крепкой с обеих сторон.

Утром капитан встал поздно, с похмелья он был мрачен, Регина отсиживалась в своей каюте. К полудню присланный от нее полковник Блекберри, прямой, как палка, и бесстрашный, как бультерьер, явил-

ся к Сюркуфу послом от миссис Уиттли и изложил ее требования: нормальную каюту, воду, мыло, горничную и сундук с чистым бельем.

Капитан обдумал требование и неожиданно для всех частично на них согласился. Конечно, он не стал посылать из-за легкого волнения за два кабельтовых шлюпку на «Глорию», чтобы привезти требуемое, но велел принести в каюту к Регине жбан с горячей водой, а затем собрать по команде части женского туалета, которые, как он и не сомневался, были кое-чем похищены из ее каюты. И в самом деле удалось таким образом кое-что добыть.

— Ты ее балуешь, капитан, — сказал с упреком Мишель де Труа, не снимавший фригийского красного колпака с девяносто третьего года, когда его чуть не гильотинировали за аристократическое происхождение. — Это плохо для дисциплины.

— Во-первых, — ответил Сюркуф, который, когда считал нужным, был откровенен со своим помощником, — этот каприз повысит сумму выкупа. Во-вторых, я люблю спать с умытыми женщинами.

— Ты противоречишь себе, капитан. После того, как ты переспишь с ней, сумма выкупа может уменьшиться, а что еще хуже — она может утонуть... Или пожаловаться комиссару острова. Зачем тебе лишние враги?

— Враги не бывают лишними, — сморщил нос Сюркуф, — мне их всегда хватает.

К вечеру капитан пригласил Регину к себе в каюту, но она отказалась идти к насильнику.

Каюту дамы заперли снаружи, и вечером, а также в последующий день ей не давали есть. Сюркуф либо почувствовал, либо узнал откуда-то, что у миссис Уиттли дьявольский аппетит.

К вечеру следующего дня голодная Регина получила вежливое приглашение на ужин к капитану.

Принес его де Труа. Он вел себя сдержанно и отстраненно.

Заплаканная, злобная, как Горгона, миссис Уиттли дала согласие.

Когда она вошла в каюту Сюркуфа, где ожидала увидеть Фицпатрика и офицеров, она не смогла скрыть свой испуг: Сюркуф был один.

Стол был накрыт на двоих.

Капитан Сюркуф был — сама предупредительность. Он похвалил собранный с миру по нитке туалет миссис Уиттли, принес ей извинения за позавчерашний инцидент, вызванный алкоголем, страшной усталостью и вспышками необузданных страстей, которые овладевают им, потому что ему не удалось получить в детстве соответствующего образования.

От запахов, исходивших от блюд на столе, Регина чуть не лишилась чувств. Она с трудом слышала извинения капитана, ей не страшны были его поползновения — она была так голодна, что готова была грызть деревянную койку.

Сюркуф уселся напротив Регины. Между ними горели свечи в канделябре, он просил Регину самой класть себе что и как угодно — у нас попросту, по-пиратски, пошутил капитан.

Регина накладывала себе ростбиф, цыпленка, свежего тунца, картошку — большинство продуктов происходило с ее собственного судна, а капитан Сюркуф наливал и подливал ей терпкое и совсем не хмельное вино. Он даже объяснил ей, что это не вино, а разновидность виноградного сока с особым запахом.

Когда Регина, слишком быстро и обильно наевшись, захмелела, Сюркуф проводил ее к снятой им с одной арабской прау турецкой оттоманке, покрытой мягкими шелковыми подушками, в которых миссис Уиттли утонула, как муха в киселе.

Над ней наклонилось не лишенное приятности лицо капитана.

— Я люблю вас, — сообщил он, осторожно касаясь верхней части ее платья.

— А я вас не люблю и не могу полюбить, потому что вы разбойник, — ответила Регина. Ее покачивало — и неизвестно, то ли вместе с «Клариссой», то ли независимо от нее.

От пирата исходили мужская сила, наглость и такая бездна желаний, что оно начало независимо от Регины переходить в нее, заставляя дышать все чаще и думать уже не о том, как бороться с корсаром, а что сделать, чтобы скрыть возможный позор, и как использовать новую, только что появившуюся в обиходе вещь в своих интересах.

Сюркуф, конечно, не подозревал, что в птичьей толстошекой и очаровательной головке Регины идет серьезная умственная работа, он думал, что перед ним спесивая, глупая, знатная, избалованная дамочка, которую он сломит и подчинит себе, как и многих других женщин до нее.

Более того, откровенничая с Дороти, Регина потом призналась ей, что сама руководила Сюркуфом все эти дни и сама устроила так, что, пригласив ее на ужин вдвоем, вынужденный изображать из себя джентльмена, он оказался в невыгодном положении просителя. Но тут уж Дороти не знала, верить Регине или нет. Потому что Регине было выгодно изобразить дальнейшие события как результат ее планирования и острого ума, а не как добрую мину при не совсем удачной игре. В любом случае у кого-то в той каюте не было выбора — то ли у Регины, то ли у Сюркуфа.

...В этот момент платье Регины совершило предательский поступок и лопнуло, обнажив ее пышные, розовые, нежные и упругие груди, которые заканчивались такими острыми розовыми сосками и были столь совершенно округлы, что Сюркуф почувствовал, что сходит с ума. О чем он и сообщил своей новой возлюбленной.

— О нет! — прошептала Регина, стараясь закрыть груди полными руками, но с ее возражениями корсар не смог и не счел нужным считаться.

Сдаваясь его сильным и наглым рукам, которые, не спрашивая согласия, раздевали ее, Регина почувствовала радость, которой не испытывала уже много лет, если не считать случайной интрижки в загородном имении, почти забытой и несущественной... Все

годы жизни с мистером Уиттли-младшим она чувствовала себя неоцененным и брошенным в пыль цветом, и ей приходилось искать удовлетворение не в случайных и жалких ласках мужа, а в откровенном восхищении слуг и служащих Компании. Но кто посмеет поднять наглый взгляд на жену фактора?

Сюркуф не только посмел, но и совершил насилие над Региной, которая старалась в минуты наслаждения не показать насильнику, насколько она счастлива. Ей хотелось просить его продолжать и продолжать насилие, но в то же время она не забывала сопротивляться, правда, не мешая этим Сюркуфу бесчинствовать.

В этом извечном сражении кобылицы и жеребца Регина как бы убегала от Сюркуфа по зеленому лугу, а тот снова и снова нападал на нее. Любовники — а мы посмеем употребить это слово по отношению к Регине и Сюркуфу — соединялись вновь и вновь, причем жеребец оставался в счастливом неведении о том, что его ведут в сладкое укрытие, дразня и заманивая все глубже.

В результате Сюркуф был опустошен, счастлив и, конечно же, несколько виноват, потому что Регина дала волю долгим, хоть и беззвучным слезам, потому что Сюркуф погубил ее и теперь ей придется броситься с борта в воду.

— Не стоит этого делать, — размягченно воспротивился Сюркуф, — у нас впереди еще столько минут счастья.

— Это для вас счастье — для меня же страшное мучение и позор!

Она говорила так убедительно и рыдала так натурально (ей и в самом деле было жалко себя, жалко, что ее муж — такое ничтожество по сравнению с капитаном Сюркуфом, но ей надо возвращаться к нему — не выходить же замуж за преступника и мужлана!), что Сюркуф и в самом деле почувствовал раскаяние и даже хотел проводить даму до ее каюты, чтобы никто не посмел выглядывать из-за мачты или шлюпки.

У трапа вниз она сказала негромко и трезво:

— Прикажите отвести меня вниз матросу. Ваше внимание там, внизу, покажется излишним.

— А впрочем... — И Сюркуф согласился с возлюбленной. Да и был опустошен ею настолько, что сил не осталось, чтобы идти вниз и возвращаться вверх по трапу. Сюркуф окликнул матроса, который только что спустился с галюна, прикрепленного к бушприту, и велел отвести пленницу в каюту. И, не попрощавшись, ушел к себе.

Когда миссис Уиттли возвратилась в каюту, из-за стенки послышался голос Фицпатрика:

— Вы живы?

— Я жива, — сухо ответила Регина.

— Он... он не посмел?

— Он не надругался над вами? — с надеждой на положительный ответ спросил через другую перегородку полковник Блекберри.

— Это было ужасно, — ответила Регина. — Но, к счастью, он корыстен и неумен. Я пригрозила, что покончу с собой, а его перед этим зарежу.

— Оу! — произнес капитан Фицпатрик.

• — У меня в подошве башмака, — прошептал через перегородку полковник, — спрятан небольшой нож. Завтра на прогулке я передам его вам, и вы тогда вонзите нож ему в спину, когда он над вами надругается.

— А нельзя ли, чтобы это сделали вы сами и раньше, чем он надо мной надругается? — спросила недовольным голосом Регина.

Полковник не ответил, кто-то из офицеров за двумя или тремя перегородками позволил себе хихикнуть, а Фицпатрик, меняя скользкую тему, спросил:

— Он хоть накормил вас?

— Да, — сухо ответила Регина. — И пытался напоить... но ему это тоже не удалось. Теперь же я хочу спать.

Регина долго не засыпала, она вновь и вновь переживала слишком быстро миновавшие моменты на-

сия. Никогда еще ей не было так приятно вспоминать прошлое!..

На следующий день насилие повторилось, и Регина сопротивлялась чуть меньше, чем в первый вечер, но достаточно, чтобы Сюркуф измучился, подавляя ее сопротивление. Но, смертельно устав, он не смог подавить в себе желания ласкать эти груди и прижимать это пышное, но непослушное тело.

Во второй вечер Регина не произнесла ни звука, пока схватка не завершилась. Когда же они лежали рядом на трофейной оттоманке, Регина негромко и как-то деловито произнесла:

— Ну что ж, теперь тебе, мой милый, придется меня отпустить.

— Что?

— То, что ты слышал. Любой иной выход тебе невыгоден.

— Но почему же? Мне кажется, что сегодня я тебе уже не был так неприятен.

— Давай не будем говорить о моих чувствах. Ты владеешь моим телом, но не моей душой, — возразила Регина. — Но завтра ты потеряешь и тело.

— Как?

— Я тебе уже говорила, что намерена покончить с собой. Потому что я не переживу позора.

— Ничего страшного, никто не видел... — Сюркуф уже вел себя неправильно и понимал, что ведет себя неправильно. Перед покоренной женщиной нельзя оправдываться...

— Если вчера вечером мне удалось убедить своих соплеменников, то сегодня они уже догадаются наверняка. Но дело не в этом...

— А в чем же? — Сюркуф был измучен, опустошен, но при том все в нем стремилось к продолжению ласк.

— В том, что, как только я покончу с собой, ты лишишься половины выкупа, — ответила Регина.

— Ничего страшного. — В Сюркуфе никогда не засыпал деловитый работоровец. — У меня останутся «Глория» и ее трюмы.

— И слава насильника благородной дамы. Если бы ты был пиратом или просто разбойником, тебе бы это сошло с рук, твои товарищи смеялись бы, гордые тобой. Но теперь времена изменились. Ты же служишь Франции?

— Это все условно, я — вольная птица.

— Ваша французская революция уже кончилась, — строго сказала Регина. — Сегодня у вас консул, завтра снова король. Можно грабить торговые корабли, но нельзя довести до самоубийства невестку пэра Англии.

— Ты еще жива, — пробормотал Сюркуф, протягивая губы к груди прекрасной птицы, и та, отчаянно сопротивляясь, затянула его в свои сети, позволив еще и еще насладиться своим телом.

На этот раз провожать возлюбленную Сюркуф не смог.

Он проспал шестнадцать часов. Он был счастлив, но лишен сил.

Когда Регина возвратилась от Сюркуфа, соседи за перегородкой молчали, и полковник более не предлагал своего ножа.

На третий день к вечеру Сюркуф с трудом поднялся с ложа, но желание вновь охватило его. Он приказал накрыть стол, и в положенное время, подчиняясь его приказу, покорная, заплаканная Регина поднялась к нему в каюту на заклатие.

Сначала она пыталась снова выторговать «Глорию» за любовь, но Сюркуф, даже умирая от истощения всех мужских сил, на такой обмен не соглашался. Так что Регина отложила самоубийство еще на один день, а Сюркуф не смог подняться, чтобы проводить ее, хотя бы до двери каюты.

На четвертый день к лежащему на оттоманке капитану пришли все три его помощника и сообщили ему о недовольстве команды и их, помощников, намерении избрать нового капитана. Их тревога могла быть подытожена классическим русским выражением: «Нас на бабу променял!»

Когда Сюркуф дрожащей, бессильной рукой вытащил из-под оттоманки пистолет, Мишель де Труа заявил:

— Всех не перестреляешь.

Что тоже, очевидно, было заимствованием из русского фольклора, которого офицеры Сюркуфа не изучали.

Сюркуф сдался и, роняя скупые мужские слезы, объяснил соратникам, что любит эту женщину, желает ее, но знает, что вскоре умрет, потому что насилие над ней отнимает у него слишком много сил.

— Отдай ее команде, — сказал второй помощник, из пиратов. Он имел в виду себя. Но Мишель де Труа напомнил собравшимся арабскую легенду о пленной арабской девице, которая, отдаваясь всем сыновьям мавританского султана, заставила их перерезать друг друга.

— Что же делать?

— За борт, — сказал третий помощник, тоже из пиратов.

— Не могу, — ответил Сюркуф. — Она грозит мне каждый день тем, что кинется туда сама. И наверняка она уже всем сообщила об этом. Если она утонет, то меня повесят.

— За что? — удивился пират. — Разве мы с тобой мало их утопили? Помнишь, как нам специально дарили по дюжине черных девочек в Мозамбике, чтобы хватило до Реюньона, а мы их кидали за борт по мере использования.

— Идиот! — закричал Сюркуф. — Ты забыл, что я — капитан французского флота! У меня невеста в Сен-Мало из лучшего семейства! Что я, пират паршивый, да?

Третий помощник замолчал. Потому что он понял, кого имеют в виду под этим названием.

— Она требует отдать ей «Глорию», — сокрушенно сказал Сюркуф.

— Нет, так не пойдет, — возразил Мишель де Труа. — Это наш приз.

— Тогда мне придется надругаться над ней сегодня ночью...

— Капитана хватит еще ночи на три, потом в парусину — и за борт, — сказал лишенный чувства юмора второй помощник.

Тогда Мишель де Труа по собственной воле пошел в трюм и привел оттуда госпожу Уиттли. И начались трудные переговоры. Капитан Сюркуф почти не принимал в них участия. И когда в конце концов после долгого, тягучего спора, длившегося до полуночи, командный совет «Клариссы» сошелся на том, что Регине дают убежать от корсаров, украв шлюпку и двух матросов с английского корабля, Сюркуф нарушил молчание и несвойственным ему, жалким голосом произнес:

— Но при условии... при условии, что вы... ты еще придешь ко мне этой ночью.

— Вы сошли с ума, молодой человек! — возмутилась Регина.

— Пожалели бы вы его, — сказал де Труа. — Он идет из-за вас на такое, на что никто из пиратов не пошел бы.

— Это ваше общее решение — возразила Регина.

— И тогда наше общее, чтобы ты еще ночь с ним провалялась, — сказал бывший пират,

— Я подчинюсь грубой силе, но при одном условии, — ответила Регина.

— Говори.

— Я беру с «Глории» мою горничную и сундук с одеждой.

— Ни в коем случае! — возмутился де Труа. — Мы и так теряем на вашем бегстве сказочный выкуп.

— Вам остаются пушки. Я же пошла вам навстречу. Еще день-два, и вы бы сами предложили мне «Глорию» и «Клариссу» в придачу.

В тот момент только циничный бывший пират догадался, что вся эта ситуация была придумана и сыграна, как в театре, этой наивной и глуповатой дамой. Потом, уже после того, как Регина уплыла, на этом сошлись и остальные помощники. Но не Сюр-

куф. Он до конца жизни считал себя хоть и благородным, но насильником.

Вечером Регина сказала так, чтобы слышали в соседних камерах:

— Сейчас за мной снова придут. И мне придется снова сопротивляться. И я вам скажу так: либо я украду шлюпку и уплыву в открытый океан на милость Божию и волн, либо я покончу с собой, больше сил моих нет противостоять его жестоким домогательствам!

Даже если спутники Регины по несчастью и не верили в ее стойкость, возразить они не могли. Как возразишь несчастной женщине? Они только принялись отговаривать ее от самоубийства. Регина обещала прибегнуть к самоубийству лишь в самом крайнем случае.

Вечером, когда за ней пришли, она срывающимся голосом попрощалась с Фицпатриком и полковником Блекберри, который, конечно же, не верил ни единому ее слову, как не верил ни единому слову ни единого человека в мире.

Затем она покорно ушла на заклатие.

Ровно в полночь она покинула беспомощно спящего насильника и спустилась в шлюпку, на которой Мишель де Труа перевез ее на «Глорию». Пока Мишель следил за тем, как матросы призовой команды снаряжают и спускают на воду бот «Глории», грузя в него сухари и анкерки с пресной водой, Регина приказала привести к ней Дороти и сообщила ей, что они вместе бегут из плена. Дороти была счастлива, Регина сказала, что подробности она объяснит потом, а Мишель де Труа выступает в роли благородного изменника пиратскому делу, который якобы романтически влюбился в Регину и теперь рискует жизнью, помогая беглянке.

Они вместе собрали сундучок с одеждой Регины. Затем из щели над потолком Регина вытащила плоскую шкатулку со своими украшениями и золотыми монетами, тем ничтожным минимумом, без которого не может обойтись светская дама, и велела Дороти

спрятать шкатулку себе под платье, потому что не была уверена, что ей удастся уплыть без обыска.

Когда они вышли на палубу с сундучками, как девицы, возвращающиеся в пансион после летних вакаций, там их уже ждали два матроса, которые согласились разделить с женщинами опасности путешествия по открытому морю на маленьком суденышке без каюты и палубы. Один из них был Дейвис, который помогал Стренглу как санитар. Он был хороший человек. Второй, молодой, был Дороти не знаком.

Мишель де Труа не стал обыскивать Регину. Он сделал иное.

Когда они подошли к борту и матросы уже спустились вниз, он вынул из кармана небольшой прибор с дрожащей стрелкой и сказал:

— Это компас. От него может зависеть ваша жизнь. Потому что его стрелка указывает на север, а вам туда и плыть. Иначе можно погибнуть, заблудившись в просторах океана.

— Спасибо, — сказала Регина, протягивая руку.

— Не бесплатно, — ответил благородный романтик Мишель де Труа. — Даже мое благородство знает пределы.

— Откуда у меня...

— Я знаю, что вы не зря так долго собирались. И раз ваших драгоценностей не отыскиали в первый день, они у вас.

Тогда Регина запустила изящные пальчики в пропасть между грудями и вытащила оттуда золотой перстень с изумрудом.

— Спасибо, — сказал Мишель, не отрывая взгляда от прелестей Регины.

— Только без этого! Придите в себя, офицер! — крикнула на него миссис Уиттли.

Мишель словно проснулся и ответил, надевая перстень на мизинец.

— Вы совершенно правы, мадам!

Матросы оттолкнулись веслами от «Глории».

Сверху на них смотрели менее удачливые, а может, и более робкие товарищи.

Отгребя от «Глории» на сто ярдов, Дейвис поднял на невысокой мачте парус, и ветер позволил матросам убрать весла.

Так началось путешествие двух молодых женщин по Бенгальскому заливу.

ГЛАВА 6

Спасти́сь, чтобы поги́бнуть

Как объявил Регине Мишель де Труа, а с его мнением был согласен и Дейвис, третий раз попавший в Индийский океан, Регина убежала от корсаров чуть ли не в центре Индийского океана, на экваторе. К востоку лежали Мальдивские острова — полоска атоллов, к северу почти на таком же расстоянии лежал остров Цейлон, а до Калькутты или Рангуна надо было плыть почти полторы тысячи миль к северо-востоку. Так что самым разумным было держать курс на север, тогда обязательно выплывешь к южной оконечности Цейлона, хотя на месте беглянок Мишель де Труа остался бы дрейфовать у входа в громадный Бенгальский залив в расчете на встречу с торговым кораблем, который доставит их в Индию. Правда, еще неизвестно, что за торговый или не торговый корабль им попадется.

Возможно, окажись на месте Регины Уиттли какая-нибудь обыкновенная женщина, она бы смирилась со своей горькой участью и прибыла бы, опозоренная, в порт Сен-Дени на Режуньоне, где коротала бы месяц за месяцем, пока придет выкуп. Не исключено, что к тому моменту ее репутация была бы погублена настолько, что мистер Уиттли-младший вынужден был бы отказаться от такой жены и отослать ее с позором в Англию, потребовав развода из-за развратного ее поведения и сэкономив выкуп. С него бы стало́сь.

Но Регина все же была женщиной необыкновенной и решила, что для нее остался лишь один почетный выход — рискуя всем, даже жизнью, пытаюсь пересечь в скорлупе просторы океана, первой добраться до Рангуна и обогнать любые неблагоприятные вести. А если потом, после возвращения Блекберри и других пленников, кто-то посмеет наушничать мистеру Уиттли, будет поздно — она-то уж сможет подготовить почву, вернее, яму для любого разносчика клеветы.

Дороти оказалась под стать своей хозяйке, потому что по молодости лет она не могла представить себе, что пускается в смертельно опасное путешествие. А матросы — Дейвис и молодой кокни Генри Боул — были лишены воображения, но не желали сидеть в грязном трюме пленниками, с которыми завтра могут сделать все что угодно, даже продать в рабство арабам — всем известно о таких случаях. Они были матросами, морскими людьми, и жизнь в шлюпке и даже смерть в океане их не так пугали, как неизвестность и бессилие.

Так что четверка, взявшая курс на север, была подобрана судьбой вполне удачно. Впрочем, сами путешественники об этом не догадывались.

С первых же минут лодка была поделена пополам. Задняя половина досталась матросам, так как там находился руль и оттуда управляли парусом. Парус и был стенкой.

Будущим историкам этого беспримерного плавания любопытно было бы узнать, с какими словами обратилась миссис Уиттли к своей служанке после того, как они оказались в шлюпке и отплыли на безопасное расстояние от «Глории». Читатель мог бы предположить, что Регина расплакалась от такого благополучного завершения ее бедствий или обняла свою страдающую горничную, а ныне — подругу по несчастью...

Ничего подобного. Придя в себя и почувствовав облегчение, миссис Уиттли с отвращением произнесла:

— Как ты посмела надеть мое лучшее платье!

Дороти даже не сразу сообразила, в чем состоит ее преступление, но потом, кинув взгляд на свое, не очень чистое, измятое платье, вспомнила, как в спешке одевалась в каюте госпожи, когда в дверь скребся доктор Стренгл, и даже не заметила, какое платье натянула. Да и потом, сообразив, что вместо своего, скромного, серого, надела господское, шелковое, сшитое по парижской моде из розового муслина, она не придавала этому значения. А с тех пор у Регины не было возможности снова попасть в каюту, чтобы еще раз переодеться.

Так как Дороти не смогла отыскать слов, чтобы оправдаться, Регина еще более рассердилась и сообщила, что прикажет запороть девушку, как только они приплывут на место.

— Тогда я, может быть, лучше прыгну в воду? — спросила Дороти. Она была задета несправедливыми упреками госпожи, но на самом деле топиться не собиралась.

— Ах, оставь! — воскликнула Регина. — Я почти неделю угрожала им, что утоплюсь. Главное, чтобы тебе поверили. А я тебе не верю. Так что делай, как считаешь нужным.

Дороти поднялась. Она посмотрела на «Глорию», которая еще была видна на горизонте. И зачем, подумала она, я согласилась покинуть этот корабль и доброго доктора Стренгла?

— Платье сними, — приказала Регина, вовсе не проникаясь жалостью к девушке, которую толкала к самоубийству. А ведь недавно она шла на любой скандал, чтобы отправиться в путь с горничной.

— Я такая молодая и красивая, — сказала Дороти, — меня грех топить. Потому что некому будет стирать для госпожи, некому будет взбивать ей постель и прикрывать ее своими юбками, когда она присядет на корме, чтобы справить свои надобности...

— Хамка! — завопила госпожа. — А ну, сейчас же за борт!

Дороти поставила ногу на борт. Шлюпка несколько накренилась, и Дейвис с кормы прикрикнул:

— Женщины, а ну, прекратить базар! Вы мне шлюпку опрокинете.

Не обращая внимания на его слова, Дороти сделала движение, чтобы снять платье, для чего руками крест-накрест подхватила юбку за подол и потянула вверх.

— И не вздумай! — воскликнула перепугавшаяся потерять свою главную собственность Регина. — Лучше постираешь платье! Я за него шестнадцать гиней заплатила. Тебе таких денег сроду не видать.

— Так топиться или не топиться?

— Знаешь что, — спокойнее, но злее ответила госпожа, — я сама умею устраивать спектакли. И я знаю, что ты не собиралась топиться, а только хотела меня позлить. Учти, я тебя еще накажу. Но пока ты мне нужна, и я тебя люблю. Может быть, я тебя люблю больше всех на свете, не считая одного мужчины... Я тебе расскажу о нем, как только стемнеет, а то здесь жарко и еще качает. И ты зря меня перестала бояться. Я интриганка и ненавижу нескромных девок.

Голос Регины звучал столь угрожающе, что Дороти на какое-то мгновение усомнилась в себе и кинула взгляд на камешек в колечке. Камень был безобидно розовым — ничто Дороти не угрожало. И, значит, миссис Уиттли пока не намеревалась мстить.

Регина позвала Дейвиса и сделала ему выговор за то, что он прикрикнул на госпожу. На что Дейвис ответил, что в общих интересах добраться живыми до английских владений. А надежды на то немного. Не надо обольщаться. Так что давайте помогать друг другу, а не вредить. Они, мужчины, будут управлять кораблем, а женщины уж пускай занимаются хозяйством, делят пищу и воду, но не вмешиваются в мужские дела.

И тут Дороти увидела, что, когда с Региной разговаривают без сомнения в том, что она подчинится,

миссис Уиттли превращается в робкого агнца. По крайней мере внешне.

Но разговор об отношениях на борту скорлупки на этом не кончился, а продолжился на следующий день во время обеда, когда Регина, как хозяйка, разливала пресную воду, а Дороти резала хлеб и положила каждому на ломоть по куску солонины.

К тому времени женщины, которые большую часть дня таились в тени паруса, разделись до нижних юбок и рубашек. Дейвис ничем не выказал возражений, тем более что матросы и сами были обнажены до пояса, но молодой Генри стал глядеть на груди Регины, которые были теперь почти обнажены и лежали вольно, свободно, как кокосы, свисающие с пальмы. Он глядел на госпожу Уиттли так, что Дороти испугалась: а вдруг кинется? Но тут выступила сама Регина. Она обратилась прямо к веснушчатому простоватому Генри:

— Послушай, голубчик, и вбей себе в голову вот что: если вы с Дейвисом сможете доставить нас в Калькутту или хотя бы к твердой земле в безопасности, я даю слово, что вы станете обеспеченными людьми до конца своих дней. Спасение меня, верность Компании немало стоят. Поняли?

Дейвис кивнул, Генри отвел взгляд от прелестей миссис Уиттли.

— Но как только вы посмеете хоть чем-то вызвать мое неудовольствие, вам лучше проклясть день, в который вы имели несчастье появиться на свет. Конечно, вы можете нас погубить, но тогда надежда обогатиться и кончить свои дни в покое и достатке улетит от вас, как вон та чайка.

— Чайка, — повторила за госпожой Дороти. — А разве чайки улетают далеко от земли?

— Даже если и не улетают, мы не знаем, в какой стороне земля, — мрачно ответил Дейвис, который не любил угроз, тем более что не давал оснований к упрекам.

На борту шлюпки наступило молчание, которое длилось до заката.

Когда наступило время ужина, Дейвис опустил парус, а миссис Уиттли передала на мужскую половину воду и галеты.

Спать было неудобно, женщины постелили на дно запасной парус и втиснулись в пространство между днищем и банками.

Вскоре вышла луна, шлюпку широко и редко раскачивало океанскими валами. Не хотелось думать, что это путешествие может плохо закончиться.

...Регина начала рассказывать Дороти о том, как ей удалось вырваться с пиратского корабля. Матросы тоже разговаривали на баке, и их голоса доносились невнятно, смешиваясь с шорохами воды, которая облизывала лодку. Ночью пошел дождь. Дороти сказала, что у нее есть нож, который ей тихонько дал на прощание доктор Стренгл. Регина отобрала его, заявив, что Дороти все равно не сможет никого резать, потому что она еще ребенок, зато, если нужно, Регина ее защитит.

Следующий день был жарким и почти безветренным. Матросы старались поймать рыбу, но, скорее, делали это из желания чем-то заняться, ведь все равно им не дали с собой ни жаровни, ни огнива. Даже когда на третий день в шлюпку попало несколько летучих рыб, только Дейвис, разделив рыбку своим ножом, сжевал ее. Остальные отказались есть сырую рыбу.

Хоть парус и давал некоторую тень, к середине дня она уменьшилась настолько, что солнце все же добралось до путников. Результаты этого сказались на третий день пути. Хуже всех досталось Регине — у нее была тонкая белая кожа, которая стала в открытых местах красной, и к вечеру Регина начала мучиться от ожогов. Она хотела охлаждать их забортной водой, но Дейвис строго приказал этого не делать, потому что начнутся язвы и от них можно умереть. Миссис Уиттли предпочла терпеть, и потихоньку смачивала кожу пресной водой. Дороти пришлось легче всех — кожа ее, более смуглая, чем у остальных, не так боялась солнца и лишь потемнела. Но Дороти

было неловко, что она переносит невзгоды пути легче хозяйки, и она вдвое ухаживала за ней.

На четвертый день солнце зашло, зато поднялся ветер, и матросам пришлось потрудиться у паруса и у руля, чтобы удержать шлюпку на волне. Но они не могли знать, приближаются ли к земле или их относит куда-нибудь в сторону океанским течением.

Океан был бесконечен, равнодушен и казался Дороти живым существом, которое с отстраненным любопытством глядит на то, как по его коже ползет лодка с человечками, и, может, океан даже рассуждает, кто первым помрет из пассажиров шлюпки.

Один из двух анкерков с водой кончился на пятый день. Дейвис сказал, что недурно бы ограничить воду, а то он заметил, как Дороти поливала на руки госпоже пресной водой. Регина оскорбилась и стала кричать на матросов. Они слушали ее мрачно, а когда она откричалась, Дейвис перенес полный бочонок на корму, взял кружку и с тех пор сам делил воду — по кружке утром, днем и вечером. Этого должно было хватить на неделю, и до того следовало встретить землю или корабль.

Один раз вечером, на седьмой день пути, корабль появился на горизонте, но с него лодки не заметили.

Страшное уныние все более охватывало людей. И более всех казнила себя Регина, которая вдруг поняла, что позор, от которого она бежала, куда лучше, чем смерть, к которой они приближаются.

В самой же шлюпке никаких особенных событий не происходило, если не считать припадка, случившегося как-то ночью с Генри — он переполз на женскую половину и принялся шепотом уговаривать Дороти полюбить его, раз уж все равно погибать. Проснулась Регина и чудом не зарезала Генри, которого оттащил Дейвис. Но Регина понимала и сама сказала о том Дороти, что ее власть на борту слабеет по мере того, как дела мореплавателей ухудшаются. Еще день-два, и мужчины выйдут из-под контроля. Ей кажется даже, что Дейвис уже сейчас дает им воды и галет меньше, чем берет себе. А потом и вовсе перестанет

давать воду. Дороти стало очень страшно, она так надеялась, что Дейвис не возьмет такого греха на душу.

Матросы ослабили и перестали грести, помогая парусу. Все отупели, перестали умываться и только ждали своей очереди напиться...

И все же самое страшное происходило лишь в воображении.

На самом деле, если говорить трезво, миссис Уитли и ее служанке сказочно повезло. Шансов на то, чтобы выпутаться из этой авантюры, у них не было никаких. И только слабым знанием океана и опасностей, подстерегающих путников, можно было оправдать решение Регины.

По всем законам морской жизни они должны были либо погибнуть от жажды и голода, либо опрокинуться в первый же шторм. Ничего подобного не случилось, и не потому, что им покровительствовал Милодар, который на самом деле находился в неведении о событиях и лишь исходил гневом в спорах с Земэнерго, а потому, что судьба порой позволяет себе ухмыльнуться и облегчить безысходную участь героев только для того, чтобы кинуть их в геенну огненную.

* * *

На десятый день, когда вода еще плескалась на дне анкерка, а галеты, хоть и подмокшие после вчерашнего шквала, перепугавшего дам, но не сумевшего опрокинуть шлюпку, представляли собой тяжелый ком солоноватого теста и даже солонина еще лежала в некотором количестве под банкой на баке, то есть задолго до того момента, когда несчастным героям в приключенческом романе приходит помощь, Дейвис приподнялся на банке, потом встал на ней и принялся махать руками. Генри поднял приспущенный парус и, отбежав на корму, положил руль направо. Как можно из этого догадаться, матросы увидели в отдалении светлый на фоне уходящих к горизонту темных облаков парус.

Дело происходило утром, но не рано, примерно в девять часов. К сожалению, золотые часики-брегет госпожи миссис Уиттли встали — в них как-то попала вода, и точное время можно было высчитывать лишь приблизительно, по высоте солнца над водой.

Трудно передать радость, с какой путники увидели, что неизвестный корабль также начал совершать эволюцию навстречу шлюпке — видимо, на нем не только увидели маленький парус, но и сообразили, что видят потерпевших кораблекрушение и нуждающихся в помощи мореходов.

— Из огня да в полымя, — услышала Дороти сказанные Дейвисом сквозь зубы слова.

— Что ты хочешь этим сказать? — вздрогнула Дороти.

— Это не наш корабль.

— Разумеется, не наш, — откликнулась Регина. — Это арабское джау. Я их насмотрелась, когда жила в Калькутте.

— Они могут забрать нас в неволю и продать, — произнес Дейвис. — Я слышал, как они поступают с людьми. Ведь мы для них неверные.

— Я могу и буду говорить с ними куда проще и спокойней, чем с французскими пиратами, будь те хоть тысячу раз католики. Здесь тебе, Дейвис, делать нечего. Ты греби, управляй парусом, я помню, что ты вел себя хорошо и не обидел нас с Дороти. Но, когда дело касается серьезных вещей, дай уж мне, голубчик, решать, как обставлять дела. Это торговая джау, я бы назвала ее баггалой, — продолжала Регина. — Что значит по-арабски «мул». Не удивляйся ее скромному издали виду и ее косым парусам, словно у рыбацкой фелюги. Я думаю, что эта фелюга не уступит размерами нашей «Глории».

Разумеется, Дороти не могла поверить хозяйке — и на самом деле одна большая мачта с косым парусом и вторая, совсем маленькая, тоже с одним косым парусом, не могли принадлежать большому судну.

По силуэту баггала более всего напоминала быст-роходную лодку, однако у нее была высокая корма,

как на «Глории», которая завершалась резным транцем с двумя рядами окон, словно она была перенесена на арабскую фелюгу с английского корабля.

Суда сближались довольно быстро, и уже через четверть часа Дороти поняла, что ошибается, потому что фигурки людей, глядевших на шлюпку, перегнувшись через фальшборт баггалы, были столь малы по сравнению с судном, что приходилось признать правоту миссис Уиттли.

Шлюпка подошла к борту баггалы, покрашенному в зеленый цвет, оттуда в шлюпку кинули трап с деревянными перекладинами, а по концам, опущенным сверху, в шлюпку шустро спустились три матроса в шальварах и куртках на голое тело. Все они были смуглыми, невысокими и верткими людьми, которые не переставали улыбаться, что-то быстро говорить и перекликаться с теми, кто наблюдал за этой сценой с верхней палубы. Так как ничего, кроме женских сундучков, пассажиркам не надо было брать с собой, то с помощью английских матросов они поднялись на борт, где их ждал окруженный толпой любопытных арабов молодой человек, одетый в желтый халат, с зеленым тюрбаном на голове. Он был тонок, узкоплеч, внимательные черные глаза смотрели из-под тяжелых век оливкового лица.

— Добро пожаловать, — произнес он на английском языке.

— Здравствуйте. — Регина уже приняла царственную осанку и была уверена в себе даже более, чем на совещании корсаров. — Я рада, что вы догадались о нашей принадлежности. Меня зовут леди Регина Уиттли, я супруга фактора Ост-Индской компании в Рангуне.

— Я рад приветствовать вас на борту моего корабля, — сказал узкоплечий человек. Дороти поняла, что ему не более двадцати лет. — Мое имя Камар аз-Заман, — сообщил молодой человек. — Я сын достойного Абд-Ар-Рахмана, которому принадлежат эта баггала и много других кораблей и домов. Я

прошу вас пройти к моему отцу, который ждет вас в своих покоях.

Узкоплечий молодой человек сделал широкий жест сухой рукой, которая высунулась по локоть, когда широкий рукав съехал к плечу.

— Я благодарю вас за помощь, — сказала Регина. — Но попрошу сначала выделить мне и моей служанке какую-нибудь каюту, чтобы мы могли привести себя в порядок, прежде чем предстанем пред взором твоего отца. И также дайте место моим матросам, ибо они смелые и преданные мне люди, которые многое сделали для нашего спасения.

Молодой человек наклонил голову в ладно завязанном зеленом тюрбане и быстро заговорил по-арабски, отдавая распоряжения окружающим его людям, которые внимали ему, но не сразу бросились исполнять его приказания, а сначала задавали ему вопросы, на которые молодой человек не мог ответить и потому рассердился и прикрикнул на моряков. Дороти было смешно наблюдать за этой сценой, тем более что молодой человек был ей приятен, и сам он, внимательно оглядывая спасенных большими черными глазами, несколько раз останавливал свой взгляд на Дороти, которой было приятно сознавать, что она произвела на него большее впечатление, чем пышная птица Регина. Ей уже надоело, что все мужчины мира сходят с ума по этой толстухе, тогда как Дороти — тоже не последняя девушка в мире, по крайней мере на своей улице она считалась лучшей из девушек и никто не оспаривал ее первенства, может, потому, что считали ее еще девочкой — хорошенькой, даже красивой, но всего-навсего девочкой. Это понятно, говорила мама, потому что Дороти росла на глазах у соседей, а время бежит так скоро, что ты только-только успел привыкнуть к тому, что по улице бегают черноволосая голубоглазая девчонка в коротком платье, как оказывается, что ей пора замуж... Дороти почувствовала, что Камар снова посмотрел на нее и встретила открыто его взгляд, заставив его, в свою очередь, потупиться.

Он смутился, обрадовалась Дороти. Ведь каждой женщине лестно встретить мужчину, который робел перед ней, тогда как другие мужчины перед ним почтительно склонялись.

— Вам покажут ваши каюты, — сказал молодой человек. — Надеюсь, что они вам понравятся.

— Нам не нужно двух кают, — резко ответила Регина, которая не могла вытерпеть, что ее намереваются уравнивать в правах с горничной. — Эта девушка, Дороти, моя служанка, и она будет находиться со мной в одной каюте, потому что она нужна мне для услуг.

Дороти показалось, что в глазах молодого человека мелькнуло разочарование, и ощутила такой приступ злобы к этой курице, что готова была ее задушить. А чуткая Регина почувствовала, что сильно задела горничную и порадовалась. Она любила унижать людей, все вокруг должны были знать свои невысокие места.

— Не обращайтесь внимания на то, что в вашей каюте еще пахнет табаком, — вдруг улыбнулся Камар, — это каюта кормчего, и он с наслаждением уступает ее вам до тех пор, пока она вам нужна.

— Ах, — произнесла Регина, — как жаль, что мы доставляем кому-то неудобства.

— Кормчий будет счастлив, — отрезал молодой человек. — Сейчас вас проведут в каюту. А через...

— Через час, — сказала Регина.

— Через час за вами придут. Мой отец будет ждать вас.

Молодой человек повернулся к ним спиной, но сделал это так неловко, словно и не хотел поворачиваться. И тут Дороти поняла, в чем дело — Камар был горбат.

Он не принадлежал к тем низкорослым, приземистым, уродливым горбунам с могучими, свисающими до земли руками. Горб его был относительно невелик и не смог согнуть тело, скорее, казалось, что какой-то злой шутник подложил между лопаток мяч. И вид горбуна не вызывал отвращения, а только жалость к несправедливой судьбе.

Чуть прихрамывая и не оглядываясь, молодой человек удалился, и за ним ушли несколько человек, тогда как один из оставшихся, бородатый толстяк с красными щеками и губами и будто нарисованными широкой кистью червяками бровей, сказал, указывая пальцем себе на грудь:

— Саид.

— Рахман, — ответила Регина. — Якши.

— Что вы сказали? — спросила Дороти.

— Это какие-то их вежливые слова, я легко подхватываю другие языки, но не всегда помню, что значит вся эта чепуха.

Регина увидела, как двое матросов уводят в сторону Дейвиса и Генри.

— Мы увидимся! — крикнула она спутникам по путешествию.

— Дай-то Бог, — ответил Дейвис.

— Вы нас не забывайте, госпожа, — вторил ему Генри. Матросы чувствовали себя неуверенно и робели. В море, в шлюпке, они были смелее.

— Я о вас помню, — отмахнулась полной ручкой Регина. — Ничего с вами не случится.

Саид что-то говорил госпоже по-арабски, видно, уверившись в ее обширных знаниях. Дороти огляделась.

Баггала вряд ли намного уступала «Глории», но корпус английского судна был куда более массивным и высоким, отчего в «Глорию» помещалось куда больше товаров. Мачт на ней было больше, и стояли они теснее, а многочисленные паруса, наверное, помогали быстрее передвигаться. Но стоило Дороти шагнуть к борту и поглядеть, как расступаются волны перед носом баггалы, как она поняла, что эта лодка не уступит в скорости даже «Клариссе». Да, на ней стояло лишь два паруса, но размеры их были за пределами воображения — косая рея главного паруса поднималась ярдов на пятьдесят над палубой, а его треугольник мог бы закрыть собой церковную колокольню в Лондоне...

— Закрой рот, — заметила Регина, — приди в себя и не изображай деревенскую дурочку перед лицом этих дикарей.

— Иду, — смутилась Дороти. — А что будет с нашей шлюпкой?

Вдруг Дороти стало жалко шлюпку — пустая, брошенная, она плывет сейчас, привязанная за веревку к корме баггалы.

— Мы должны будем заплатить за переезд, — ответила Регина. — А такая шлюпка стоит больших денег.

Дороти поняла, что Регина уже начала выгадывать, мысленно торговаться с господином Абд-ар-Рахманом, которому предстоит теперь завозить знатную даму в Рангун или Калькутту.

Саид провел дам в каюту на корме, по странному совпадению расположенную почти там же, где каюта Регины на «Глории», и лишь немного уступающую ей размером.

Каюта была устлана коврами, там стояли две низкие тахты и невысокий круглый стол. Зато не было ни стульев, ни обеденного стола. Дороти этому не удивилась, потому что она знала, что восточные люди сидят на коврах или низких диванах и берут пищу руками.

Видно, кормчий был вынужден спешно покинуть свою каюту, потому что на одной из оттоманок валялись какие-то халаты и шаровары, на ковре стояли рядышком расшитые золотом туфли с загнутыми носками, словно из сказок «Тысячи и одной ночи», которую Дороти читала еще девочкой.

Когда Саид, кланяясь, ушел из каюты, Регина, полная неожиданностей, сказала, как бы продолжая вслух мучавшую ее мысль:

— Я поняла, почему он так на тебя глазел. Ты же в моем драгоценном платье! Конечно же, он судил по платью и решил, что ты тоже дама! Вот чепуха!

Последнее относилось к очевидной слепоте горбатого араба.

— Видала, какой урод!

— Он мне не показался уродом.

— Разумеется. Тогда снимай мое платье. У тебя в сундуке есть твое. После тебя все вещи приходится выбрасывать!

Это было несправедливо, потому что больше недели Дороти в этом платье провела в шлюпке, а до того несколько дней в лазарете. Вряд ли можно было сейчас различить, каким оно было раньше. Нет, этот несчастный араб глядел на нее потому, что видел в ней красивую девушку. Именно так!

Убедить себя было нетрудно, с госпожой Дороти не стала делиться своими догадками.

— Сходи, спроси воды, — приказала Регина. — Конечно же, они забудут.

— А как вода по-арабски? — спросила Дороти.

— По-моему — су. А может быть, я ошибаюсь.

Но Дороти не пришлось объясняться с арабами, потому что как раз в этот момент, не постучавшись, вошли два молодца с тазами и кувшинами. Они попытались объяснить Регине, что готовы полить женщинам, но Регина выставила их и сказала, попробовав воду кончиком пальца:

— Я встану в таз, ты будешь поливать меня из кувшина. Вообще-то вода могла быть погорячее.

Регина мылась долго и почти не оставила воды служанке, может быть, даже сделала это нарочно. Это было наказание за внимание молодого горбуна. Дороти имела основание так думать, потому что Регина ни с того ни с сего вдруг заявила:

— Самое большое уродство — это горб. В этом есть что-то отвратительное. И не отвечай, я знаю, что ты мне ответишь. Кстати, ты заметила, какой у него изумрудный перстень?

— Нет, мэм.

— Глупо. Такие вещи женщина обязана замечать. Женщина призвана ценить дорогие и прекрасные вещи.

Наконец Регина была готова к визиту к хозяину судна. Они вышли из каюты.

У дверей сидел на корточках чернолицый мальчишка в коротких панталонах. Увидев выходящих

женщин, он с гортанным криком помчался прочь, и не успели они отойти и десяти шагов от каюты, как появился сладкий Саид и стал, разводя руками, приглашать их за собой.

И тут Дороти ждала неожиданность.

Каюта господина Ар-Рахмана оказалась невелика и крайне скромно обставлена. На диване, покрытом ковром, сидел сам ее хозяин, а для гостей были приготовлены обтянутые кожей пуфы, похожие на мягкие бочонки. Темно-красный ковер покрывал пол и диван. На нем, подложив под себя босые ноги, сидел повелитель нового и незнакомого мира, в который попала Дороти.

* * *

Нетрудно было догадаться, что господин Рахман и его сын Камар — близкие родственники. И сейчас, когда горбун стоял сбоку от дивана, на котором восседал отец, его лицо казалось слепком с лица отца. Лишь раскрашивая их, небесный художник использовал на лицо отца всю розовую краску, и для юноши остались лишь желтые и бурые тона. Но те же громадные черные глаза в густых ресницах, украденные у томной женщины, которая никак не может поднять тяжелые верхние веки, прикрывающие верхнюю половину зрачка, придают лицу выражение равнодушное и сонное. Что вовсе не соответствует действительности. Тело же господина Рахмана когда-то было таким же, не считая горба, как у сына, — узкоплечим и тонким. Но с годами оно приобрело тугой круглый живот, который был как бы приставлен к Рахману спереди. Смешно, подумала Дороти, сыну приклеили горб, а отцу живот.

— Садитесь, — сказал господин Рахман.

Дороти не поняла слова, но жест не вызывал сомнений.

Сел и Камар, выразительно взглянув на Дороти.

— Я рад, что судьба привела вас на мой корабль, — сказал Рахман. Вернее, он произнес это по-арабски, а его сын тут же перевел фразу на английский.

— Мы тоже счастливы, что спаслись, встретив вас, — ответила Регина.

После этого некоторое время они улыбались друг другу, потому что совершать добрые поступки и благодарить за них — удовольствие и для гостей, и для хозяев.

Вошли мальчики и принесли кувшины, высокие бокалы и поднос с орешками и изюмом. Они обносили гостей. Камар глядел на Дороти, а Дороти оглядела себя — критическим взором. Ее обыкновенное серое платье было мятым, но по крайней мере чистым и целым.

В бокалах из темного стекла покачивалась сладковатая жидкость, вроде разбавленного яблочного сока.

— В последние дни стоит хорошая погода, — сообщил господин Рахман.

— Погода не всегда хороша для путешествия в открытой шлюпке, — ответила Регина.

Камар переводил быстро и уверенно. «Где же он так научился языку?» — подумала Дороти.

— Угощайтесь, — сказал Рахман. — Я не могу предложить вам фруктов, потому что мы уже две недели в открытом море и некоторые яства кончились.

Пока Камар переводил, Рахман развел руками, выражая печаль, и веки опустились еще ниже, оставив лишь узкие щелки глаз.

Когда же они начнут говорить о деле?

— Надеюсь, ваш сын сообщил вам, — произнесла наконец Регина, словно подслушала нетерпеливые мысли Дороти, — что я — жена фактора Ост-Индской компании в Рангуне. Мое имя миссис Регина Уиттли.

Рахман ответил не сразу, он укоризненно покачал головой, будто был не очень доволен тем, что быстро завершилась светская часть встречи и теперь придется разговаривать о делах.

— Что же заставило вас покинуть ваш корабль, уважаемая госпожа? — спросил Рахман. — И отправиться в столь трудное и опасное плавание?

— На наш корабль напал французский корсар Сюркуф, — сказала Регина.

Это сообщение огорчило Рахмана.

— Ай! — сказал он. — Как плохо! Неужели это исчадие ада возвратилось в наше море?!

— Вы слышали о нем?

— Он ограбил один из моих кораблей и повесил на рее его капитана за то, что тот посмел перечить этому негодяю! Но продолжайте свой рассказ, госпожа. Неужели вы единственная спаслись от ужасной участи?

— Наш корабль «Глория», который следовал в Калькутту, а оттуда в Рангун, подвергся нападению Сюркуфа и после боя был захвачен им. Меня и офицеров корабля перевели на борт его «Клариссы». — Регина говорила осторожно, медленно, словно ожидала, пока переводчик передаст ее слова господину. На самом деле, как понимала Дороти, госпоже надо было уже сейчас точно выразить свою версию событий. — Однако с помощью человека, который сочувствовал мне, я смогла... — Регина искала правильное слово. — Я смогла получить шлюпку и убежать.

Все это звучало не очень убедительно, но ни господин Рахман, ни его сын ничем не выразили удивления. Господин Рахман сокрушенно качал головой и потом сказал:

— Я поражен отвагой слабой женщины, которая решилась на такое путешествие.

— У меня не было выбора, — ответила Регина. — Речь шла о моей чести.

Сын с отцом некоторое время спорили о переводе последней фразы, и Дороти поняла, что они никак не сойдутся в понимании женской чести. Не договорившись, они прекратили спор и предпочли слушать.

— Сколько же времени уважаемая госпожа была в открытом море?

— Больше недели. Точнее — восемь дней.

— Удивительная отвага и большое везение, — сказал господин Рахман. — Что же вы намерены делать дальше?

— Я хотела бы узнать, куда направляется ваш корабль, — произнесла миссис Уиттли.

— Мы идем с грузом муската и ванили с острова Тидоре, а также погрузили в Малакке несколько ящиков хорошей китайской посуды, — откровенно ответил Рахман. — И держим путь в порт Оман, где мы разгрузимся и, возможно, некоторое время будем отдыхать от трудов.

— О! — произнесла разочарованно Регина. Она знала географию. Дороти была не настолько образованна, но по тону госпожи поняла, что судно господина Рахмана плывет вовсе не туда, куда следует.

— А где мы сейчас находимся? — спросила Регина.

— Сейчас мы находимся в двух днях пути от южного берега Цейлона.

— А есть ли там английский порт?

— Еще два дня пути до Коломбо. Но мне говорили, что тамошняя фактория захвачена французами. Это слух не проверенный, но упорный.

— А сколько отсюда пути до Рангуна? — спросила миссис Уиттли.

— Пять дней. При хорошем ветре. Может, немного меньше или много больше.

— Вот туда мне и надо. Мой муж ждет меня, — сообщила Регина господину Рахману.

— Наверное, — сказал господин Рахман, — мы встретим в Омане суда, направляющиеся в Ост-Индию.

— В Омане?

— При благоприятном ветре уже в этом году вы счастливо воссоединитесь со своим мужем.

Регина медленно моргала большими светлыми прозрачными глазами, словно птица, залетевшая по неосторожности в собачью конуру. Потом смысл слов Рахмана дошел до нее и вызвал гневную реакцию.

— Вы издеваетесь надо мной? — спросила она тихо. — Или просто несете чепуху?

По мере того как она говорила, ее голос все поднимался, пока не превратился в визг. Грудь ее совер-

шили привычный фокус, разорвав спереди платье, но никто и бровью не повел при виде этого представления.

— Несете что? — вежливо спросил горбатый Камар.

— Че-пу-ху, — по складам ответила Регина.

Камар перевел. Его отец задумался, почесывая небольшую, аккуратно подстриженную бороду.

— Я не хочу обижать госпожу и не хочу обижаться на гостью, — ответил он. — Хотя мне глубоко прискорбно слушать оскорбления, которых я не заслужил. Но войдите в мое положение, госпожа Уиттли. Я плыву по морю, потому что этим я зарабатываю деньги. Я не последний человек в этом мире. В море я вижу ничтожную лодочку и в ней четырех человек, англичан. Одна из спасенных мною особ объявляет без всяких на то доказательств, что она — знатная дама и жена английского фактора в Рангуне. Правильно ли я понял?

— Как вы еще могли понять? — раздраженно ответила Регина, которая с трудом сдерживалась, выслушивая ответ господина ар-Рахмана. — И я не вижу основания ставить под сомнение мои слова. В крайнем случае вы можете допросить моих спутников.

— Но вы же сами утверждаете, что они лица низшего звания, ваши рабы.

— У нас в Англии нет рабов, и показания матросов и Дороти могут быть приняты во внимание любым судом.

— Мы не на суде, госпожа Уиттли. Я просто рассказываю вам, какими представляются со стороны ваши обстоятельства.

— Зачем я должна это слушать? — Щеки Регины покраснелись, как всегда бывало, когда она возбуждалась. Но здесь ее никто не боялся.

— Затем, что мне нет никакого смысла губить свое путешествие, отказываться от большой прибыли только ради того, чтобы отвезти неизвестную женщину неизвестно куда.

— Но я — миссис Уиттли!

— Может быть, это и правда, — кивнул достойный Рахман. — Я даже знаю, что с недавних пор именно господин Джулиан Уиттли и в самом деле стоит во главе фактории в Рангуне. Море — это большая дорога. Путники встречаются и обмениваются сведениями.

— Тогда вы должны были слышать о нападении Сюркуфа на «Глорию»!

— Я плыву с Востока и неделю никого не встречал.

— Так что вы хотите получить за то, что отвезете меня в Рангун?

— Ничего, — вежливо улыбнулся Рахман. — Ровным счетом ничего. Но я обещаю вам бесплатный кров и постель на борту моего корабля на все время путешествия до Омана.

— Я его готова убить, — прошептала Регина.

Дороти поглядела украдкой на свое колечко. Камешек был розовым, никакой угрозы Дороти от арабов или хозяйки не исходило.

Дороти понимала, что разум здесь на стороне арабского купца. Она будто была знакома с ним, потому что в детстве сосед сверху рассказывал ей сказки про Синдбада-морехода. Вот она и сидит сейчас перед Синдбадом, который постарел, растолстел, обзавелся несчастным сыном, но, в общем, не очень изменился. И если раньше она плыла по океану на английской шлюпке, и потому ей не могла встретиться птица Рок или кит размером с остров, то теперь любое чудо могло стать явью.

— Я полагаю, что моя гостя устала, — произнес Ар-Рахман. — Вам принесут пищу в каюту. Простите, что не могу разделить трапезу с вами, но нам не разрешает этого наш закон.

Регина была мрачнее тучи. Она не поднималась с места.

— Сколько будет стоить, — упрямо спросила она, — если ваше судно... — Последнее слово она произнесла, вложив в него все возможное презрение, но Камар или не понял, или не захотел понять ин-

тонацию миссис Уиттли. — Если ваше судно отвезет меня в Рангун?

— Это очень дорого стоит, — ответил Рахман и поднял руку, прекращая разговор. А так как Регина упорствовала, не поднимаясь, поднялся он и, кинув взгляд на Дороти, причем той показалось, что глаза его из-под нависших век улыбаются ей, последовал прочь из каюты, пройдя совсем близко от Регины, но не взглянув в ее сторону.

И тогда миссис Уиттли не оставалось ничего иного, как последовать за хозяином судна. Замыкал шествие Камар, и Дороти чувствовала всей спиной, как он ее рассматривает. Но, когда она обернулась и поймала его взгляд, Камар виновато отвел глаза. Может быть, он жалел женщин и хотел бы им помочь, да был бессилен...

В каюте Регина рухнула на диван и залилась слезами.

— Ты видишь, — повторяла она, — ты видишь, какое это злобное животное? Он готов нас выбросить за борт.

— А мне так не показалось, — ответила Дороти.

— Что ты понимаешь! Тебе ведь все равно, куда плыть. Ты готова провести здесь месяц, год, попасть в гарем к его недоноску, только чтобы не помогать хозяйке, которая ради тебя бежала от пиратов.

— Ради меня? — искренне удивилась Дороти.

И Регина не менее искренне — она в тот момент верила собственным словам — ответила:

— Разумеется, они бы надругались над тобой, а потом выбросили бы тебя за борт, чтобы замести следы.

Но тут два мальчика принесли подносы с пловом и отдельно тушеную курицу, сладости и крепкий чай.

Блюда были наперченными, острыми, но вкусными, и женщины, истосковавшиеся, оказывается, по горячей, настоящей пище, приготовленной на плите, в две минуты смолотили плов и курицу, опились чаю и объелись сладостями так, что потом обе заснули и проспали до следующего утра, причем ночью у обеих

стало неладно с животами, и они, перешептываясь, долго бродили по палубе, стараясь понять, где расположен галюн на баггале, и спас их Дейвис, кутивший на палубе, который объяснил, что в каюте должны быть ночные посудины для знатных пассажиров.

* * *

Утром Регина проснулась мрачной, больной, с красного лица лоскутами слезала обгоревшая в шлюпке кожа. Даже пират Сюркуф вряд ли полюбил бы ее в тот момент.

— Мы погибли, — сказала она. — Я всю ночь не спала и поняла — мы погибли. Мы закончим жизнь в арабском гареме — нас продадут на рынке в Омане. Теперь ты понимаешь, почему я не спала всю ночь?

Дороти знала, что хозяйка ночью спала, потому что у той заложило нос и она сопела и храпела. Но храпящий человек не знает, как он ужасен для окружающих.

— Тебе все равно, — сказала хозяйка. — Тебе и в гареме будет лучше, чем в твоём вонючем нищенском доме.

— Мой дом не вонючий и не нищенский, — обиделась Дороти, но хозяйка даже не слышала ее. Она была поглощена своим горем. — И вообще мне показалось, что господин Рахман согласен нас доставить в Рангун.

— Что ты говоришь! — возмутилась Регина, но тут же спросила: — А почему ты так думаешь? Что за глупость?

— Он не был сердитый, — ответила Дороти. — Он — торгаш. Он думал, как бы нас... использовать.

— Ты в самом деле так подумала? Нет, чепуха! Бред твоего жалкого мозга.

Но мысль Дороти, несмотря на отрицание ее Региной, запала той в сознание. Она подошла к окну каюты и, глядя на птиц, летящих за кормой баггалы, шептала рассуждая:

— Но что он хочет? Сколько ему обещать...

Принесли воду для омовения, потом чай и сладости. «Я растолстею, — подумала Дороти, — и стану такой же соблазнительной, как Регина. Правда, сладостей много не съешь».

Потом Дороти попросила разрешения у госпожи выйти на палубу. Сама Регина на палубу не пошла, потому что плохо выглядела, но Дороти отпустила и велела ей внимательно прислушиваться и приглядываться. Как будто Дороти была арабкой.

На палубе было прохладно. Моросил дождик, но ветер дул ровно, и судно несло быстро... К Оману? Где это — Оман?

— Доброе утро, — сказал горбун.

Он неслышно подошел к Дороти. Глаза его опухли и поблескивали где-то глубоко, обведенные почти черными кругами.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила Дороти.

— У меня внутри есть болезнь, — сказал Камар. — Но в Каире живет один доктор, знаменитый на весь мир. Он обещал вылечить меня травами.

Дороти чувствовала к молодому человеку жалость. Ей хотелось что-нибудь сделать для него.

— Вы хорошо говорите по-английски, — сказала она. — Просто замечательно.

— Я хочу поехать в Англию, — ответил молодой человек, — я буду учиться в университете в Оксфорде. Я несколько лет готовился. У меня был учитель, отец купил его у пиратов. Но потом он умер. Сейчас я хочу найти другого. Не хотите ли стать моим учителем?

Молодой человек робко улыбнулся, и вдруг Дороти увидела, что камешек в кольце немного потемнел. Осторожно!

Дороти было странно сознавать, что Камар может ей чем-нибудь угрожать. Слишком безобиден и робок был его черный взгляд. Но камешку она уже верила.

— Разве женщина может быть учителем по вашему закону? — спросила Дороти.

— В некоторых обстоятельствах может, — туманно ответил Камар.

Они замолчали.

— Ваш отец, — спросила тогда Дороти, чтобы переменить тему разговора, — ваш отец в самом деле не изменит курса вашего корабля? — спросила она.

— Это очень дорого стоит, — ответил Камар.

— Но с каждым часом мы уносимся прочь от Рангуна? — спросила Дороти, глядя, как легко судно разрезает волны.

— Может быть, — странно ответил Камар.

— Моя госпожа готова дорого заплатить.

— Каждый день стоит много золотых монет. Нас ждут в Омане перекупщики. Вы просто не представляете, сколько мешков с пряностями лежит у нас под ногами.

— Я думаю, что муж миссис Уиттли оплатит вам ваши расходы.

Камар вдруг улыбнулся.

— Мы привыкли, — сказал он искренне, — не доверять неверным. Вы, христиане, не держите своего слова. — Вы — обманщики.

— Далеко не все!

— Бывают, наверное, исключения.

— Среди ваших людей тоже много обманщиков.

— Разумеется. Но у нас другая хитрость и другая ложь.

— А сколько стоит изменить курс?

— Спросите у моего отца, — сказал горбун. — Я бы сделал это бесплатно.

Он слишком пристально смотрит на меня, от него исходят горячие волны... Мне становится сладко и страшно. Но и жалко его.

— Лучше за все платить, — сказала Дороти, отворачиваясь от Камара.

— Тогда платите вперед, — сказал Камар.

Дороти бросила взгляд на камешек. Он еще более потемнел.

Она уже понимала, какого рода опасность исходила от Камара и почему камешек как бы остановился,

темнея, на полдороге. Он не мог понять своим каменным компьютером, насколько была опасна для Дороти страсть, охватившая молодого горбуна.

— Я не знаю, как моя госпожа решит уговаривать вашего отца, — сказала Дороти. — Она умная, она сообразит. Например, она может написать расписку...

— А когда мы привезем вас, — печально ответил горбун, — то английский фактор скажет, что нас не знает, а его жена сумасшедшая, подпись которой недействительна. Так было с одним другом моего отца. Он был разорен и повесился.

— Значит, нас ждет дорога в Оман? Откуда, вернее всего, мы уже никогда не вернемся домой...

— Но в Омани бывают европейцы. Туда заходят португальцы, там бывают голландцы...

— Это все наши враги. Нам нечего ждать пощады...

— Зачем вы согласились пойти в услужение к такой неприятной женщине? — спросил Камар.

У него был смешной акцент. Будто ему было трудно выплевывать английские слова, поэтому он предварительно очищал их от мяса и выговаривал лишь кости слов.

— Чего еще я могла ждать? — ответила Дороти. Следует сказать, что слова молодого араба были ей приятны.

— Я вижу, что вы принадлежите к высокому роду, — продолжал Камар. — Я узнаю сиамскую княжну, когда я вижу одну из них.

— Сиамскую княжну? — Эти слова ничего ей не говорили. Она не была уверена, что слышала когда-нибудь это слово — Сиам. Наверное, это арабское государство. И вдруг ей стало неловко признаться в том, что ее мать — лигонка из Авского королевства. Она испугалась разочаровать молодого горбуна.

— Вы схожи с тростинкой, с гибким побегом розы, и губы ваши подобны розовым лепесткам.

— Не надо, — улыбнулась Дороти, — если вы будете продолжать сравнения, вы скоро наверняка меня смутите.

Камар замолчал. Дороти смотрела прямо перед собой, склонив голову за борт и глядя, как бежит волна, но чувствовала неотрывный взгляд Камара.

— А вы живете в Лондоне? — спросил он через некоторое время.

— Да, у нас там есть дом, он остался от моего отца.

— Вы не бедствуете?

— О нет! — возмутилась Дороти. Она искренне не считала, что семья Форестов бедствует.

— Так почему вы пошли в услужение?

— Мне трудно и долго объяснять вам причины, побудившие меня отправиться в плавание.

— Вы скрываете свое истинное лицо?

Дороти не ответила. Потому что не знала, скрывает ли она что-либо, ибо ее никто, даже Блекберри, об этом не спрашивал.

— Вы мне не доверяете? — спросил Камар.

— Я думаю, как нам добраться до Рангуна, — сказала Дороти.

— У меня есть одна мысль...

— Скажите!

— Рано. Сначала посмотрим, к какому решению придет мой отец.

— А он может изменить решение? — обрадовалась Дороти.

— Каждый человек может изменить свое решение. Даже вы, Дороти.

Он совсем иначе, чем англичане, произносил букву «р», и потому имя Дороти в его устах звучало почти незнакомо.

Из двери каюты выглянула Регина. Она быстро углядела, где и с кем стоит Дороти, и закричала:

— А ну, сейчас же домой! Я с утра не причесанная!

Регина кричала нарочно громко и грубо. Видно, ей хотелось напомнить Дороти, что та — ее вещь.

Дороти не стала обижаться, она понимала, что хозяйка сейчас расстроена и испугана. Она ее жалела.

Но Камар повел себя неожиданно.

— Если вы только прикажете мне, — сказал он решительно, — я скажу миссис Уиттли все, что я о ней думаю. И о том, на кого можно кричать, а на кого нельзя.

— Не обращайтесь внимания, госпожа расстроена.

— Она должна знать, что вы находитесь под моим покровительством.

— Вот этого она знать не должна. И я тоже...

Камар потупился. И Дороти вдруг поняла, насколько этот немощный человек упрям и упорен. Его уродство послужило ему на пользу, потому что у него не было основания любить здоровых, красивых и стройных людей, ведь не любит же жаба лебедей! Но она может не любить и прочих жаб, потому что в ее глазах они выглядят уродливыми.

Дороти быстро пошла к каюте.

Регина велела ей причесывать себя и особенно проверять, нет ли в волосах вшей или гнид — госпожа была чистоплотна и боялась этих насекомых, бывших самыми обыкновенными жителями большинства париков и причесок того времени. К счастью, на этот раз обошлось, но туалет Регины занял много времени, тем более что потом Дороти пришлось штопать и зашивать платья, наконец — стирать нижнее белье. Дел хватило до обеда.

— Зачем ты стоишь с этим уродцем! — выговаривала между тем Регина своей служанке. — У них, арабов, ничего случайно не бывает. Они страшно коварны.

Интересно, Камар считает коварными европейцев, а Регина — арабов. И обе стороны искренни в своих мыслях и подозрениях.

— Он собирается ехать в Оксфорд, — сказала Дороти. — Он выучил английский, чтобы его туда пустили.

— Надеюсь, этого никогда не случится! — фыркнула Регина.

— А может быть, именно в этом и есть наш шанс? — произнесла Дороти.

— Говори, что ты имеешь в виду. — Регина подняла голову, обернулась. Ее глаза настороженно округлились.

— Англия — наша страна. И как бы много денег ни было у арабского торговца, я думаю, его сыну очень трудно поступить в английский университет без протекции.

— Я иногда удивляюсь, — сказала Регина, — где ты научилась так говорить.

— Из книг, — честно ответила Дороти. — У меня хорошая память, и я помню мои любимые книги целыми страницами.

— Какие же у тебя любимые книги? — спросила Регина, не скрывая презрения перед любимым занятием Дороти, которым ей заниматься не положено.

— Разумеется, «Приключения Тома Джонса — найденыша»! — воскликнула Дороти. — И еще я люблю «Приключения Гулливера».

— Ах, да, — отмахнулась Регина. — Только голову зря забиваешь.

Но слова Дороти запали ей в голову.

— Вы говорили о его желании ехать в Англию?

— Он сказал мне, что господин Рахман не доверяет европейцам. Он говорит, что европейцы обещают заплатить за наше возвращение, а потом забудут о своих обещаниях, — ответила Дороти.

— А что ты сказала?

— Я сказала, что вы можете дать ему расписку.

— А он?

— Он считает, что этого недостаточно.

— Сегодня я снова буду разговаривать с Рахманом, — сказала Регина, — потому что больше терпеть нельзя. С каждым часом мы удаляемся. Я не могу ждать okazji в Омане, потому что должна попасть в Рангун, к Джулиану первой и не допустить, чтобы сплетни о моем поведении, о том, как я купила себе билет домой, оказались в Рангуне раньше меня. Ты это понимаешь?

— Разумеется, — ответила Дороти.

— Сегодня я буду предлагать ему все, что возможно, абсолютно все! Я должна купить, выпросить, вымолить...

После обеда Регина одна пошла на переговоры с Рахманом. Дороти осталась в каюте. Там ей не сиделось, и она вышла на палубу. Она хотела, чтобы вышел Камар, пускай он расскажет, как там идут дела. Как бы Регина в своем неумном желании в Рангун не наобещала лишнего.

Но Камар не выходил. Уже темнело.

Дороти увидела Дейвиса. Оказывается, англичане жили на нижней палубе, вместе с матросами. Дейвис жаловался, что кормят плохо, но, правда, не обижают.

И не заставляют работать.

Уже было совсем темно, на теплом небе высыпали яркие тропические звезды, над палубой босые матросы зажгли фонари, засветились и окошки в каютах. Дороти стало зябко и неуютно. Она вернулась в каюту.

Вскоре пришла Регина. Она была взбешена. Она прижимала к животу коробку со своими драгоценностями, на которые делала основную ставку. Но Рахман отказался от драгоценностей, правда, предварительно ощупав и обнюхав их. Они показались ему недостаточной платой. Регина предлагала выписать вексель, и это не помогло.

— А как вел себя Камар?

Дороти хотелось, чтобы он вел себя как друг.

— Он молчал, но я помню, что он на стороне отца. Он — подлец!

— Почему вы так думаете?

— Я знаю людей. И я сама не святая, мне легче разбираться в людях, чем тебе, потому что ты еще наивная дурочка!

Почему-то Регина сердилась на Дороти.

— А что будет дальше? — спросила служанка.

— Дальше? Он сказал... Я сказала, что согласна на любые его условия. Пускай он их мне предложит.

— А он?

— Он сказал, что они посоветуются с Камаром и сегодня же он скажет мне свои предложения.

В этот момент в каюту заглянул мальчик и сказал по-арабски, что было понято одинаково женщинами как приглашение Регине возвратиться к Рахману.

— Я буду молиться за вас, госпожа, — сказала Дороти.

— Ну что ж, твои молитвы мне могут пригодиться, — рассеянно ответила Регина, думая совсем о другом.

Дороти взглянула на камешек — просто так, почти нечаянно. Камешек был темен. Станный камень — он темнеет и рядом с деликатным Камаром, и рядом с испуганной Региной, которой и дела нет сейчас до своей служанки.

Пока хозяйки не было, Дороти пыталась шить, но руки плохо слушались — чувство тревоги не отпускало ее.

Окончательно миссис Уиттли возвратилась примерно через час.

Слабый свет двух фонарей все же позволил Дороти увидеть, что хозяйка возбуждена и скорее расстроена, чем рада, хотя от дверей она громко сказала:

— Все в порядке. Мы договорились.

— Но как? — Дороти вскочила и стояла у стола, прижав к груди рукоделие.

— Ужасно! Просто ужасно. Я отдала ему драгоценности. Затем я выписала на его имя вексель на десять тысяч рупий. Я не представляю, сможет ли мой муж собрать такую сумму. Просто не представляю...

— И это все?

Регина ответила не сразу. Она прошла к своему дивану и села на него, подогнув под себя ноги.

— Я ужасно устала, голова разламывается!

— И больше ничего не было? — повторила Дороти вопрос, потому что хозяйка чего-то недоговаривала.

— Практически все. Да... Практически...

— Что это значит — практически? — спросила Дороти.

— Не считая пустяков! — сердито ответила Регина. — Ты что, спать не собираешься?

— Нет, мы же не ужинали.

— Ах, да! Но меня покормили у Рахмана.

Как будто после этого вопрос об ужине отпадал. Дороти могла потерпеть.

— Госпожа!

— Не мешай мне спать! Я устала и плохо себя чувствую.

— Но вы не разделись... давайте я помогу вам...

— Отойди! Не смей ко мне прикасаться!

— Вы сердитесь?

— Разумеется, я сержусь! — Неожиданно миссис Уиттли вскочила с дивана и уткнула перст в грудь Дороти. — Я сержусь на тебя за предательство, за измену! Я тебе этого никогда не прощу!

— Я не понимаю вас, мэм.

— Еще бы! Тебе невыгодно меня понимать. А сама за моей спиной крутит амуры с горбатым наследником! Я все знаю, вы обо всем сговорились. И я не удивлюсь, если потеряю служанку, которая бросит меня в тяжелый момент и перебежит к грязным мусульманам.

— Что вы говорите?

Регина не ответила, потому что в дверь постучали, вошел мальчик и сказал что-то по-арабски, обращаясь к Дороти.

— Что он говорит? — спросила Дороти.

— Зовет тебя на свидание к твоему ублюдку! — прошипела Регина, но негромко, чтобы не было слышно вне каюты.

— Мне нужно идти? Так поздно? — удивилась Дороти. — Скажите им, что я приду завтра.

Мальчик потянул Дороти за рукав платья.

— Иди, иди, — куда мягче произнесла госпожа. — Только не задерживайся. Мне трудно без тебя раздеться.

Подчиняясь требованиям посланца, Дороти сделала шаг к двери.

Настроение у нее было отвратительное, она чувствовала, что происходит нечто страшное и угрожающее, но еще не понимала — что же именно.

* * *

Мальчик проводил Дороти в каюту, расположенную этажом выше, чем каюта женщин.

Он постучал три раза в дверь, изнутри донесся знакомый голос.

Мальчик открыл дверь, пропустил Дороти и ушел. За спиной туго хлопнула дверь.

— Добрый вечер, — сказал узкоплечий Камар. Вместо тюрбана на его голове была лишь зеленая повязка, струящийся шелковый халат доставал до пола и даже волочился сзади, шурша по коврам.

Он протянул к Дороти руки, и та только сейчас как следует рассмотрела, какие у него бледные и длинные пальцы.

— Добрый вечер, — настороженно произнесла Дороти. — Почему вы позвали меня? Ведь сейчас очень поздно.

— Потому что Аллах откликнулся на мои молитвы, — хрипло проговорил молодой человек. — Он даровал мне счастье.

— Какое? — решила уточнить Дороти.

— Тебя, — ответил Камар.

— Я вас не понимаю, — сказала Дороти.

— Ты отдана мне. Твоя хозяйка отдала тебя, и поэтому наша баггала уже изменила курс. Если ты выйдешь на палубу и посмотришь, ты увидишь, что звезды расположены на небе иначе, чем прошлой ночью. Мы держим теперь путь не на Южный крест, а на Полярную звезду в созвездии Малой Медведицы.

Сообщив эти навигационные сведения, Камар замолк, и так как Дороти все еще не могла найти слов и сил, чтобы ответить ему, он сам продолжил:

— Судя по выражению твоего лица, я могу предположить, что для тебя мои слова — новость.

— Да, — Дороти удивилась, услышав совершенно чужой низкий голос.

— Она тебе ничего не сказала? Ай-ай-ай! Я-то думал, что вы обо всем договорились. Я так надеялся, что ты добровольно решила соединить свою судьбу с моей.

— Судьбу... — Дороти ничего не могла понять.

— Ты станешь цветком моего гарема, — сообщил молодой горбун, — ты станешь моей любимой женой.

Он говорил, словно умолял, не смея поднять робкие глаза на свою избранницу.

— Как же госпожа мне ничего не сказала?

— Наверное, она думала, что для тебя это будет приятным сюрпризом. Отныне ты будешь жить в роскоши и довольствии. Сними это жалкое колечко...

Он снял с мизинца и протянул ей пышный золотой перстень с изумрудом.

Упоминание о колечке заставило ее посмотреть на камешек. Тот вел себя странно, он как бы подмигивал ей, часто меняя цвет — от розового до черного. И Дороти догадалась, что в том вина не камешка, а Камара, так как у того в голове тоже не было порядка.

— Но как она могла? — спросила Дороти.

— Могла?

— В нашей стране нельзя продавать людей. Я — свободная девушка. Мой отец был королевским служащим. Как такое могло прийти ей в мысли?!

— Дорогая моя голубка, цвет очей моих, — сказал горбун, приближаясь к ней и протягивая золотой перстень. — Мы же не в Англии, мы с тобой в Азии, посреди океана. Здесь мало кто знает об английском короле и тем более о ваших порядках.

— Но об этом узнают — ее же будут судить!

— Твоя хозяйка договорилась, что никто и никогда больше не увидит тебя. Ты утонула в пути. Утонула. А в моем гареме тебя будут звать Фатимой, моя

драгоценность. Возьми перстень, возьми, пусть он соединит нас...

Молодой человек уже приблизился настолько, что смог схватить холодными влажными пальцами Дороти за руку, и попытался надеть на ее руку перстень. Дороти вырвалась и отступила назад.

— Не смейте ко мне приближаться! Я вам голову оторву!

— Ах, какая страстная! — воскликнул в радости Камар. — Какие чувства! Как я мечтал о такой красавице, а не об этих коровах, которых мне подсовывали бедные родственники или корыстолюбивый папа!

— Она у меня попрыгает! — пригрозила Дороти. — Она еще пожалеет о дне, когда родилась на свет! Торговать живым товаром!.. Да даже неграми теперь запрещено торговать! Я до короля дойду.

— Вай, вай, — умиленно качал головой ее жених.

— Ее сразу разоблачат, — сказала Дороти. — У меня есть свидетели, матросы, которые были с нами в шлюпке.

— Матросов она тоже продала моему папе, и совсем дешево, — сообщил Камар.

— Матросов?

— Заход нашего корабля в Рангун дорого обойдется моему папе. Он показал госпоже Уиттли все расчеты, и она согласилась на них. Поэтому она отдала моему папе все свои драгоценности, которые ты унаследуешь, как только станешь моей женой, она выписала вексель на десять тысяч серебряных рупий. Она дала мне рекомендательное письмо в Оксфорд. И все равно бы мой отец не согласился, если бы не моя настойчивая просьба. Из любви ко мне он решил свернуть с пути!

— То есть я была последней гирей на этих весах? — спросила Дороти.

— Мне трудно ответить тебе отрицательно, — сказал Камар. — Возьми перстень.

— И не подумаю. Ни на что не рассчитывай. И если посмеешь дотронуться до меня пальцем, пеняй на себя!

— Я не так слаб, как тебе кажется, — рассердился жених. — Но дело не в этом. Ты должна понять, что отныне для тебя нет пути назад. Проведя ночь в моей спальне, ты опозорена для всего мира. Ты — моя наложница и, если будешь хорошо вести себя, станешь женой. Но если будешь непокорной, я тебя сломаю!

И тут Дороти поняла, что молодой узкоплечий горбун вовсе не такой человек, которым кажется с первого взгляда. И все его милые беседы у борта лишь призваны были скрыть расчетливую интригу. Теперь Дороти убедилась в том, что не только её горькая судьба, но и судьба самой миссис Уиттли решалась не столько старым Рахманом, как его стеснительным и вкрадчивым сыном.

— Ты должна простить мне мою слабость, — изменил тон Камар. — При виде тебя, гурия, я теряю рассудок. Я не знаю, что со мной творится... Такого не было никогда.

Он оттеснял ее к дивану, и маневр был очевиден для Дороти, но она отступала, будто не догадывалась. Она знала, что успеет нырнуть в сторону.

Когда она почувствовала, что до дивана остался один шаг, она спросила:

— Значит, вы все еще собираетесь поступать в Оксфорд?

От неожиданности горбун остановился.

— Почему ты спрашиваешь?

— А другие ваши жены не знают английского?

— Почему ты это спрашиваешь?

— А вам хочется получить учительницу? Ведь вы говорите с акцентом, господин Камар. Любой догадается в Оксфорде, что вы не настоящий джентльмен.

— Я поступлю, потому что миссис Уиттли написала рекомендательное письмо, — ответил Камар. — Это была самая важная статья нашего договора.

— А это значит, — постаралась улыбнуться Дороти, — что вам не видать Оксфорда как своих ушей! Она не пустит вас в Англию!

Камар разгадал смысл слов Дороти. Он даже не стал спрашивать, почему, а улыбнулся, показав коричневые зубы.

— Наоборот, моя драгоценная жемчужина, — сообщил он. — Пока ты у меня, пока ты поешь в моей золотой клетке, я в полной безопасности. Миссис Уиттли в порошок расшибется, только чтобы добыть мне место в Оксфорде. Меня объявят сыном магараджи Майсура, а может, и наследником престола Великих Моголов. Ты не знаешь, моя драгоценная, с какой легкостью и даже облегчением твоя госпожа продала тебя мне. И я думаю, что вся история с пиратами, вашим бегством в шлюпке — выдумка миссис Уиттли. Ты знаешь правду. И ты ей опасна.

Господи, насколько близко он подобрался к правде! Ведь он прав — наверное, Регина давно кается в том, что слишком много рассказала служанке о своем приключении на «Клариссе». Ведь все люди мерят окружающих по своим меркам.

— Дороти, пойми, — задумчиво и без волнения произнес Камар, — все люди — грешные и слабые создания. И нам кажется, что окружающие даже хуже нас. Так думает и твоя хозяйка. Если она ради своих интересов может продать половину твоей Англии, то она так же думает и о тебе. А ты готова продать свою госпожу?

— Кто ее купит! — вырвалось у Дороти. Так она была сердита.

Камар тихо засмеялся, и Дороти упустила тот момент, когда он схватил ее за плечи, цепко, словно тигр добычу, и повалил на диван, упав сверху на нее.

— Ах ты, мерзавец! — вскричала Дороти, в которой, несмотря на смешанное происхождение, вскипела гордая кровь английских девушек. Она вовсе не потеряла присутствия духа, не испугалась и не отбивалась бессмысленно и беспомощно, как лань в ког-

тях хищника, а схватила его за длинный костистый нос и что было сил повернула его, как ручку крана.

С отчаянным воплем магараджа Майсура и наследник Годванны возопил и отпрыгнул от нее, со всего размаха опустился на ковер костлявым задом, так что из-под ковра слышался хруст досок.

Он не сразу смог вернуть речь, и, так как из носа потекла кровь, он принялся вытирать кровь подолом халата. А свободную руку воздевал к потолку, будто призывая на помощь своего Бога.

А Дороти тем временем вскочила с дивана и вертела головой, стараясь отыскать какое-нибудь оружие, но, как назло, все предметы в каюте были мягкими, если не считать подсвечника и кувшина. Подсвечник и показался Дороти лучшим оружием. Она протянула к нему руку...

— Как ты посмела... — услышала она глухой голос Камара. — Ты хотела сделать мне больно!

— А ты? — спросила она резко.

— Я же хотел любить тебя! Я хотел сделать тебя богатой и счастливой! А теперь я истеку кровью.

— Не истечешь, — ответила Дороти.

Камар подполз к круглому гонгу, не замеченному Дороти, и, достав из-за него колотушку с мягким шаром на конце, ударил два раза.

— Так, — успела сказать Дороти, — один не справился, папу зовешь на помощь?

Но это был не папа, а два матроса в шароварах, куртках и красных фесках. Они остановились в дверях каюты.

В их глазах отразился ужас при виде безобразной сцены.

Посреди каюты стояла растрепанная, но невредимая английская девушка, а их господин сидел на полу, угрожая ей колотушкой от гонга и придерживая у лица полу белого халата, измазанного кровью.

— Привязать! — приказал молодой хозяин, показывая на столб, поддерживавший потолок каюты.

Дороти, понявшая смысл жеста и слова, ничего не успела сделать, как мамелюки схватили ее и привяза-

ли к столбу тонкими веревками, которые тут же впились в руки, и стало страшно больно...

Один из мамелюков помог Камару подняться. Тот пошел к выходу. Потом обернулся и произнес:

— Я скоро вернусь. Как только лекарь остановит кровь. И я накажу тебя, как наказывают непокорных сучек. Ты поняла, дрянь неверная?

— Я поняла, господин магараджа, слушатель университета в Оксфорде.

— И в Оксфорде я тоже буду! А вот будешь ли ты жива, зависит теперь только от твоего послушания. Иначе ты обрешь судьбу худшую, чем смерть. И будешь молить о смерти!

Неожиданно Камар всхлипнул. И совсем другим голосом произнес:

— А я так хотел, чтобы мы с тобой любили друг друга!

Он показал на пол — на ковре лежал золотой перстень с изумрудом. Мамелюк поднял его, и Камар надел его себе на мизинец.

Дверь закрылась.

Дороти осталась одна. Она могла бы кричать, но понимала, что те, кто услышат ее, включая птичку Уиттли, лишь заткнут уши, проклиная нарушительницу их безмятежного покоя.

* * *

В тот день комиссар Милодар был вне себя. Его беспокойство разделял профессор Гродно. Милодара мучило предчувствие страшной опасности, грозящей его агенту, а Гродно уловил тревожные изменения в пульсе и кровяном давлении Кору Орват, лежащей подвешенной в анабиозной ванне.

— Да, — согласился он с Милодаром, который третий раз уже звонил ему, — там, в прошлом, происходит что-то крайне опасное. Дороти Форест попала в беду.

И тогда комиссар Милодар совершил служебный проступок. Он направил в Галактический центр гравиграмму о космической опасности категории АБ, что

позволяет комиссару планеты распорядиться ее энергоресурсами для спасения жизней. Если же оказывается, что тревога была ложной, а комиссар планеты не имеет в Галактическом центре достойных покровителей, можете считать, что он остался без работы. Но Милодар сделал это. И пошел на страшный риск.

— Я же не могу! — кричал он по виду на профессора Гродно, будто тот был в чем-то виноват. — Я не могу потерять лучшего агента в трех метрах от цели. Это галактический скандал. И все из-за жалкого сквалыжничества энергетиков. У них, видите ли, парниковый эффект! У них, видите ли, не хватает холодильных установок, чтобы поддерживать жизнь на Земле... Все! Даю сигнал АБ!

Дав сигнал и потратив еще два часа на продолжение скандала, Милодар получил энергию ровно на три минуты пребывания голограммы комиссара в 1799 году.

Комиссар примчался к профессору Гродно, и первым делом они, подключившись к датчикам беспокойно спавшей Кору Орват, увидели Индийский океан сверху и, определив корабль, на котором находится Дороти, начали быстрый спуск к нему, чтобы сначала рассмотреть место действия, войти в курс дел, а, если нужно, появиться рядом с Дороти и приободрить ее. Или спасти...

Бескрайний темно-синий простор Индийского океана, освещенный звездами и луной треугольник, покрытый кое-где белыми завихрениями циклонов, быстро приближался. Уже потерялись из виду окружающие его земли. Через несколько минут снижения обнаружился и искомый корабль.

— Странно, — заявил Милодар, — я думал, что они уже добрались до Рангуна. Почему они еще в океане?

Профессор Гродно и его язвительная ассистентка Пегги ничего не ответили.

— Но это не тот корабль! — закричал комиссар. — Смотрите, это какая-то рыболовная шхуна с

косыми парусами. А ну, выключай аппаратуру. Ошибочное наведение!

— Подождите, комиссар, — сказал трезвый профессор. — Не исключено, что корабль «Глория», на котором должна плыть ваша девица, потерпел крушение, утонул, попал в руки пиратов.

— Это пираты?

— В древности людей подстерегали в океане различные опасности.

Тем временем аппаратура дала еще большее увеличение, и, подключив источники ночного видения, Милодар смог убедиться, что этот корабль не такая уж маленькая рыболовная шхуна — это значительный океанский корабль...

— Джау, — послышался голос Пегги, которая тем временем включила справочный дисплей. — Вернее всего, баггала, что означает по-арабски...

— При чем тут арабский! — закричал взволнованный Милодар. — Какие еще арабы! Мы находимся восточнее Индии.

— По данным наблюдения, эта баггала построена в Омане, — продолжала Пегги. — Две палубы, каюты команды на нижней палубе, каюты командиров и хозяев — на верхней занимают корму по примеру европейских судов. Две мачты с трапезиевидными парусами, высота грот-мачты — двадцать пять метров, верхний конец грот-реи — сорок метров. Длина судна — сорок шесть метров, ширина — одиннадцать. Баггала держит курс на Рангун и в настоящее время находится в Бенгальском заливе, в трех днях хода от цели.

— Даже так? — с сомнением в голосе произнес комиссар.

— Значит, «Глория» утонула, а наша героиня спаслась на арабском судне, — пояснил профессор Гродно, который, будучи самым образованным, считал своим долгом объяснять окружающим суть событий.

Все они, не отрываясь, смотрели на экран, где, вырастая и тем оправдывая предположения Пегги, белели паруса арабского судна. Милодар кинул взгляд

на Кору, будто боялся, что она подведет и направит исследователей по ложной дороге.

...Вот они приблизились к палубе и, невидимые для арабских моряков 1799 года, направились к каюте на корме.

Дверь в каюту была заперта. По обе стороны от нее стояли могучие воины с обнаженными саблями, видно, стерегли важную персону.

— Ничего не понимаю. — Милодар снова обратил взор к подвешенному в саркофаге телу Кору за подсказкой. Брови Кору были нахмурены. Ее генетическая память была глубоко встревожена, на что указывали, и уже не первый день, приборы профессора Гродно. Но за последний час приборы буквально взбеленились. Их зашкаливало.

Взор камеры временного видения проник сквозь двери.

— О нет! — воскликнул Милодар. — Я этого не потерплю!

Глазам наблюдателей из будущего предстала чудовищная картина: Дороти Форест — отдаленный предок Кору Орват, надежда не только Земли, но и всей Галактики, была примотана тонкими шелковыми шнурами к столбу, поддерживавшему потолок устланной коврами каюты. Одежда ее была кое-где разорвана, глаза зажмурены от боли и унижения.

— Что случилось? — воскликнул Милодар. — Нет, вы мне ответьте, что случилось? — Он схватил профессора Гродно за воротник и стал трясти его, возможно, намереваясь задушить, но Пегги бросилась на выручку к профессору, которого намеревалась женить на себе, и принялась отрывать от него когти комиссара. Еще минута, и женить было бы некого.

— Ну и что ты придумала, негодная? — услышали драчуны незнакомый голос, и под влиянием его Милодар отпустил профессора и даже помог ему подняться, чтобы лучше видеть происходящее на экране.

Они увидели, что в каюту вошел узкоплечий молодой человек с небольшим горбом, который почти

не искажал его фигуры, но как-то склонял ее в сторону. У молодого человека были длинные руки с голубоватыми пальцами, лицо его под зеленой повязкой, схватившей длинные черные волосы, было смуглым, оливковым, а спрятанные под тяжелыми веками глаза затенены длинными ресницами. В молодом человеке было нечто вкрадчивое, женское, что подчеркивалось изысканной одеждой — расшитым розами шелковым халатом, зелеными атласными шальварами, золотыми туфлями с высоко поднятыми носками.

Пальцы рук горбуна были усыпаны перстнями, особенно выдавался массивный золотой перстень с большим изумрудом на мизинце. Он держал в правой руке шелковый платок, который прижимал к носу, словно страдал насморком.

Молодой человек явно был здесь хозяином. За его спиной воины закрыли дверь.

— Готова ли ты стать моей возлюбленной, дорогая моя газель, отрада моих очей? — спросил молодой человек на старательном, ученическом английском языке с гортанным акцентом.

— Никогда! — ответила Дороти.

— Будь разумна, — сказал молодой человек, останавливаясь перед Дороти. — Тебя никто не спасет, никто не придет на помощь. Твоя госпожа и видеть тебя не хочет — ей лучше ты мертвая, чем свободная. Лучше покорись мне, награди меня своими ласками, полюби меня хоть на малую толику того, как я тебя обожаю! Ты будешь счастлива! Это говорю тебе я, Камар, величайший из величайших!

— У вас руки потные, — сказала Дороти, выждав паузу.

Камар закусил губы и ничего не ответил.

В этой тишине по другую сторону экрана комиссар Милодар произнес:

— Молодец, девчонка. Как жаль, что она давно жила, я бы ее завербовал!

— Она отняла у него инициативу, — сказала Пегги. — Это лучший ход для женщины в ее положении.

— Ты меня не оскорбила! — ответил наконец молодой человек.

— У вас плохо пахнет изо рта. И вообще я вас не люблю! У меня есть жених в Лондоне. Он штурман на большом корабле. От одного выстрела его пушек вы все пойдете ко дну.

— Ха-ха-ха! — картинно рассмеялся горбун. — Невесты штурманов не служат горничными при глупых английских миссис.

— Справедливо, — заметила про себя Пегги, которая ревность к Коре порой переносила на Дороти.

— Я сделал все, что от меня зависело, — сказал тогда Камар. — Я старался уговорить тебя, я пытался соблазнить тебя, я был добрым и отзывчивым. Я мечтал, как мы с тобой будем жить в Оксфорде и гулять рука об руку по дорожкам тамошнего королевского парка. И все прахом! Ты оказалась неблагодарной и грубой девкой, и мне придется изменить отношение к тебе.

Камар хлопнул в ладоши, и оба мамелюка вошли в каюту.

— Есть два способа, как учил меня мой папа, достопочтимый ар-Рахман, — сообщил он. — Можно выпороть тебя так, что с тебя слезет кожа и ты поймешь, что значит не слушаться своего повелителя.

— Ты мне не повелитель. Мой повелитель — его величество король Англии! — гордо заявила Дороти.

— Есть договор о продаже невольницы Фатимы, — ответил Камар, — и давай не будем более препираться. Я собираюсь в Оксфорде выучиться на адвоката, и тогда мы будем спорить. А сейчас мне надо тебя переломить. Как говорит мой дедушка Гусейн Ас-Саббах: если кобылицу не объездишь с первой ночи, считай, что ты лишился лошади. Ну, ты сдаешься добровольно?

— Не сдавайся, — прошептал Милодар.

— В те времена все было проще, и, в конце концов, каждая женщина хочет выйти замуж. Что и предлагают вашей подопечной, — возразила Пегги.

— Что вы говорите! — схватился за голову Милодар. — Она же выполняет задание!

— Не совсем она, — сказала Пегги, но ее никто не слушал.

Пощелкивая у себя под ногами бичами, два мамелюка приближались к девушке. Дороти закрыла глаза.

— Ну нет! — засмеялся Камар, уловив страх девушки. — Зачем мне избитая наложница. Это была шутка.

По его знаку мамелюки нехотя засунули бичи за пояса.

— Привяжите эту тигрицу к дивану, только покрепче. Покрепче привязывайте к ножкам, я не хочу, чтобы меня исцарапали. Пусть она, беспомощная, лежит на спине...

Мамелюки отвязали Дороти от столба, и она пыталась сопротивляться, но видно было, как онемели ее опухшие руки от веревок, как она ослабла...

Один из мамелюков спросил что-то у Камара, и тот ответил по-английски:

— Нет, одежды с нее пока не срывайте. Я сам это сделаю, у меня есть нож. Нет ничего приятнее насилия под взглядом ненавидящих глаз...

Он отступил назад, с наслаждением глядя на то, как мамелюки привязывают распластанную Дороти к дивану.

— Нет! — воскликнул Милодар. — Я такого больше не выдержу. Я ее должен спасти.

— Вы благородный человек, — согласился профессор.

— При чем тут благородство! Операция под угрозой срыва!

И тогда Милодар схватил с вешалки белое полотенце, включил галактическую связь, рванул экстренный рубильник Земэнерго и закричал:

— Чрезвычайная ситуация по группе А! Моей голограмме необходимо три минуты в прошлом! Срочно!

Он скрестил руки на груди и шагнул на площадку трансформации.

Наконец Дороти была надежно прикреплена к дивану. Ее руки, вытянутые вверх и в стороны, были привязаны к двум витым ножкам в изголовье, а ноги примотаны за щиколотки к двум другим ножкам дивана.

— Ты грязная свинья! — прошипела Дороти, и после некоторого колебания обиженный Камар заткнул ей рот свои шелковым платком, который он держал у все еще кровоточащего носа.

Затем он вытащил из-за пояса небольшой, с загнутым концом кинжальчик и, громко засопев от предвкушения, полоснул им по платью Дороти так, что ни капли крови не показалось на ее груди, но ткань разделилась пополам, обнажив бюст девушки.

Дороти глядела на Камара с ненавистью и ужасом. Казалось, что глаза ее стали вдвое больше.

Куда же делся будущий студент Оксфорда, адвокат, представитель цивилизованного поколения оманских судовладельцев?

Пегги и профессору Гродно было очевидно, что он скоро добьется своей грязной цели! Где же комиссар Милодар?

Но вдруг сзади послышался странный шум, будто кто-то, сидящий в медном кувшине, стучался, просился выйти.

От неожиданности Камар, который не отличался отвагой, выпрямился.

Оба мамелюка, которые лишь отступили к дверям, но не покинули каюты, чтобы не оставлять своего хозяина перед лицом возможной опасности, также обратили свои взгляды к большому медному кувшину, что стоял на низком столике в углу.

Вдруг из узкого высокого горла кувшина поднялся столб дыма, ударился о потолок и расплылся грибом.

Шум внутри кувшина все усиливался. Камар побледнел.

И вот, все вырастая и вырастая, из кувшина стал подниматься человек с резкими чертами лица, острым крупным носом и головой, обмотанной белой чалмой.

Он становился все больше и больше, впрочем, истинные его размеры никто из присутствующих не смог осознать, потому что мамелюки уже поняли, кто к ним пожаловал, и рухнули ничком на пол, уткнув носы в ковер, а Камару стало дурно, и он мелкими шажками отбежал в угол, не смея притом оторвать взгляда от джинна. Ударившись задом о кальян, он от неожиданности сел на пол...

— О, ничтожный горбун, исчадие породившей тебя грязной плоти! — возопил по-английски джинн. — Твое счастье, что я успел на помощь несчастной жертве твоего разврата до того, как ты сделал свое черное дело, и потому ты останешься жив... конечно, если будешь вести себя достойно.

— Кто ты? — прошептал Камар, которого удивило знание джинном английского языка настолько, что он смог преодолеть любопытством ужас.

— Я джинн Британских островов, — согласилась просветить его голограмма Милодара с повязанным на голове полотенцем из лаборатории. — И я куда более могуч, чем все джинны Аравии вместе взятые... Хотя, впрочем, мы не портим отношений. А ты обречен. Если будешь спорить со мной, то смерть твоя будет ужасна! Я тебя отправлю замерзать в Антарктиду!

— Ой! — взвыл Камар, который не знал, где находится страшная Антарктида, а Милодар, конечно же, забыл, что в то время она еще не была открыта.

— Сейчас же развяжи несчастную девушку.

— Сейчас... — Трясущимися руками Камар стал развязывать руки Дороти. Он не догадался позвать на помощь мамелюков и потому долго возился с узлами.

— Эй! — обратился к мамелюкам Милодар. — Помогли бы господину.

Но, во-первых, мамелюки не знали английского языка, а во-вторых, они уже давно выползли из каюты и умчались к господину Ар-Рахману, чтобы, трепеща от пережитого страха, поведать ему, в какую передрыгу угодил его сын.

Наконец Камару удалось распутать руки Дороти, и она сама, вытащив изо рта кляп, села на диван и непослушными отеками пальцами принялась отзывать ноги.

— Слушаешь ли ты меня, ничтожный Камар? — спросила голограмма Милодара по возможности грозным голосом.

— О да, английский джинн! — ответил Камар.

— Если ты только посмеешь когда-нибудь дотронуться пальцем до Дороти Форест, которая находится под моим особым покровительством, у тебя отсохнет твоя паршивая рука. Чтобы остаться живым, ты должен будешь покорно отправить девушку на берег в Рангуне так, словно она настоящая принцесса. Ты понял?

— Понял.

— Ну и хорошо, — с облегчением заявил Милодар, довольный тем, что ему удалось спасти Дороти, которая также была испугана, но в ее положении ей не из чего было выбирать, и она предпочла иметь дело с джином, чем со сладострастным Камаром.

Затем Милодар обернулся к Дороти и сказал:

— Мое время истекает. Тебе же предстоит найти Зеркало Зла в чаше Лигона. Зеркало Зла... Прощай, я не могу более с тобой находиться...

— Постойте! — закричала девушка вслед Милодару, который уже втягивался обратно в медный кувшин. — Не спешите! Я ничего не понимаю.

На самом деле Дороти звала джинна вернуться, потому что боялась остаться без его защиты. Она была человеком своего времени, верила, разумеется, в чудеса, в ведьм и чертей, вполне допускала существование джинов, только не дома, в Англии, а на Востоке. Слышала о них в сказках... Английский джинн — это была нелепица, и поверить в него даже ей было нелегко. Но, кем бы ни был этот волшебник, лучше иметь его под боком, потому что тот же Камар может и забыть об обещании, вытянутом из него под угрозой.

Но джинн исчез в кувшине, Камар несмело поднялся с ковра и остался стоять в нерешительности, со страхом поглядывая на Дороти.

И тут в дверь ворвался уважаемый Ар-Рахман.

Дело в том, что Ар-Рахман лишь производил впечатление человека пузатого, узкоплечего и немощного. На самом деле не исключено, что в предыдущем рождении этот человек был тигром или даже удавом, так он умел расправляться с конкурентами и врагами. В голове вместо мозгов у Рахмана находилась дьявольская счетная машинка, он мог превратить в золото все, чего касались его темные руки. И у Рахмана была лишь одна слабость в жизни — горбатый сын Камар, которому он должен был отдать все свои богатства и которого он мечтал видеть рядом с собой у штурвала. Пока что Камар оправдывал надежды отца. Он отличался упорством и усидчивостью, он выучил язык неверных, чтобы уехать в город Лондон. Ну, что ж, думал Рахман, мы его сделаем князем в Англии, раз у нас есть золото.

Когда же три минуты назад в каюту хозяина ворвались перепуганные мамелюки и, трясаясь от ужаса, стали рассказывать о том, что на Камара напал английский джинн, выползший из кувшина, уважаемый Ар-Рахман не затрясся сам, а схватил со столика два заряженных пистолета и кинулся прочь из каюты, крикнув мамелюкам:

— Трусливые ублюдки, да гореть вам в аду!

Еще через минуту он ворвался в каюту Камара и застал там странную и совсем неожиданную сцену.

Его сын стоял в одном конце каюты, прижав к груди трясущиеся руки, а на диване в другом конце каюты сидела подаренная Камару отцом английская невольница, из-за которой приходится плыть в этот проклятый Рангун. С ее ног и рук свисали веревки, которой она была недавно связана.

— Что? Что здесь было? — тонким голосом закричал хозяин баггалы.

Срывающимся голосом Камар рассказал ему, показывая на медный кувшин, как из него вылез анг-

лийский джинн и как он заставил Камара отказаться от невесты.

— Здесь? — спросил Ар-Рахман, подходя к кувшину. — Отсюда он вылез? А ну, вылезай снова, и мы с тобой померимся силой!

Не надо думать, что Ар-Рахман всегда был таким отважным. Наоборот, как и любой удачливый торговец, он был удачлив и отважен в замыслах, хитростях и планах, но, конечно же, он не любил драться на кулаках.

...Из кувшина никто не вылез.

Тогда обезумевший от пережитого страха за свое любимое чадо отец сунул дуло одного из пистолетов в горло кувшина и выстрелил. От выстрела кувшин упал на пол и покатился, а пистолет отдало так, что Рахман выронил его из руки.

— Ну, где твой джинн, ведьма? — закричал Рахман, тряся рукой.

— У него дела в Англии, господин, — вежливо ответила Дороти.

Следует упомянуть, что разговор этот происходил один на один. От страха и волнения обе стороны отлично понимали друг друга без переводчика, который все еще дрожал в углу.

— Так вот, — сказал Рахман, схватил с пола кувшин и подошел к окну в корме баггалы. — Уплывайка в свою Англию. Чтобы мы тебя здесь больше не видели!

Ар-Рахман широким жестом выкинул кувшин в океан. Только птица-мать, уводящая от гнезда страшного хищника, могла бы сравниться в отваге с купцом Ар-Рахманом, который, надо сказать, ни секунды не сомневался, что в этом кувшине скрывается или недавно скрывался иноземный джинн.

Блеснув под первыми лучами рассвета, кувшин ухнул в темное море.

Рахман опустил руки и сказал усталым голосом:

— Делай с ней, что хочешь, сынок.

— Нет! — закричал Камар. — Нет, отец! Я не дотронусь до нее никогда! Она ведьма! Джинн сказал,

что у меня отсохнут руки, если я дотронусь до нее. Мне она отвратительна.

— Да, — вздохнул Рахман, — ты не смел, мой сын. Но дело твое. Тогда мы продадим ее в Омане на невольничьем рынке. Такие кошки там высоко ценятся. Ты слышишь?

Осмелев, он подошел к Дороти и сунул ей под подбородок дуло пистолета так, что она была вынуждена поднять голову.

— Ты будешь проклинать тот час, когда посмела обидеть моего сына!

— Отец, отойди, она же ведьма! — закричал Камар.

— Не бойся, я ее руками не трогаю, — Он тоже не хотел рисковать более, чем было разумно.

— Ее никто не должен трогать, — повторил Камар.

Дороти же, ненавидя старого купца за то, что он тычет ей в лицо дулом пистолета, улучила момент и рванулась в сторону. Рахман от неожиданности спустил курок, раздался громкий выстрел, и круглая пуля вонзилась в стену.

Дороти отскочила от него. Она и в самом деле была похожа на пантеру.

— Ну, что, стреляйте! — закричала она.

— Зачем же я буду стрелять в собственные деньги, — засмеялся Рахман, который быстро пришел в себя.

Он призвал мамелюков, но других, посмелее, тех, кто покинул его сына, ждали плети.

Мамелюки взяли Дороти под стражу, а матросы за час соорудили клетку из бамбуковых стволов с решетчатым полом и потолком. Клетка была кубиком, в который втиснули Дороти. Она была так мала, что Дороти могла лишь сидеть в ней, прижав к себе коленки. Затем клетку привязали к канатам и подняли на рею.

Рассвело. Солнце показалось над горизонтом. Дороти качалась в клетке высоко над головами людей, которые стояли на палубе, задрав головы.

— До Рангуна она повисит так! — сказал Рахман. — Ахмат, ты будешь кидать ей лепешку и поливать водой. Пускай придет в себя. Но не касаться ее. Она — ведьма.

И он гордо ушел с палубы, оставшись в глазах подданных победителем джиннов.

За ним поспешил его сын, который не хотел больше смотреть на свою возлюбленную.

Остальные члены команды выходили глазеть на то, как в клетке высоко над головами качается английская ведьма. Все уже знали, что она — ведьма и ее защищает английский джинн, которого победил хозяин. Застрелил из пистолета и выкинул в море. Честное слово, многие видели!

Над Дороти смеялись, дразнили ее, но издали. И самое странное — Дороти легла, свернулась калачиком и мирно заснула.

Когда солнце поднялось высоко, из своей каюты вышла миссис Уиттли.

Она подошла к борту и стала вглядываться вперед, надеясь увидеть землю. Дороти еще спала и не видела ее. Но, подняв случайно взгляд, Регина не сразу сообразила, что же видит, ведь платье Дороти было располовинено, волосы спутаны, и издали она была похожа на обезьяну.

Регина прошла на корму, где, стоя у штурвала, разговаривали господин Рахман и его сын.

— Кто там висит? — спросила она. — В клетке. Я раньше этого не видела.

Рахман, когда Камар перевел ему вопрос, ответил без смущения:

— Дикая обезьяна. Я ее купил недавно. Будьте осторожны, она кусается.

Камар послушно перевел слова отца, но он смотрел на Регину так, что она вдруг догадалась, кто заточен в клетке. Она открыла было рот, чтобы потребовать отчета, возмутиться... и ничего не спросила. Потому что господин Рахман международно понятным жестом приложил палец к губам. И потрясенная Регина ушла к себе в каюту. Ей стало страшно, а

вдруг кто-то в Рангуне узнает, что она сделала с горничной... Камар зашел к ней в каюту через час и сказал от двери:

— Госпожа Уиттли может не беспокоиться. Никто не увидит недостойную ведьму. Она повисит там до Рангуна, а если останется жива, то ее спрячут в трюме до Омана. Спите спокойно, госпожа Уиттли. Мой отец никому ничего не скажет...

Регина против своей воли выдавила из себя:

— Спасибо. Но я надеюсь, что наш договор остался в силе?

Камар усмехнулся. Ему показалось забавным, что госпожа благодарит его за намерение дурно обращаться с соплеменницей. И прежде чем уйти, Камар спросил со всей присущей ему учтивостью:

— А в вашей стране есть джинны?

— Что за чепуха! — воскликнула Регина. Но Камара этим отрицанием она не разубедила...

А комиссар Милодар, вернувшийся из недолгого визита в 1799 год, сказал профессору Гродно:

— Надеюсь, что теперь они будут обращаться с ней, как с наследной принцессой. Вы бы видели, как они падали в ноги моей голограмме.

ГЛАВА 7

Лигонская принцесса

Баггала достопочтимого Ар-Рахмана вошла в устье реки Рангун во второй половине дня в воскресенье. Капитан баггалы хотел кинуть якорь до темноты, потому что в своем устье река Рангун — часть дельты великой реки Иравади — не только подвержена приливам и отливам, но течет по такой плоской местности и несет с собой столько ила, что фарватер ее постоянно меняется. Хоть баггала заходила сюда раньше, у Сириама пришлось подождать бирманского лоцмана — лодки местных лоцманов

дежурили там, чтобы проводить по предательскому фарватеру торговые суда.

Дороти наблюдала за всеми этими событиями с большой высоты. Ей страшно хотелось пить — начался третий день ее плена в бамбуковой клетке, подвешенной высоко к рее. Дороти не кричала, не жаловалась и не звала на помощь. Она терпела. Она надеялась, что ее не убьют, а когда накажут достаточно, то отпустят вниз. Но, видно, молодой купец был обижен ею и в самом деле считал ее ведьмой.

У Дороти было время подумать, что же за мужчина в белой чалме прятался в кувшине, который потом выкинул за борт Ар-Рахман. И правда ли, что старый купец убил этого джинна из пистолета? Наверное, убил — попробуй остаться живым внутри медного кувшина. Да тебя порохом сожжет! И все же джинн хотел помочь ей, и лицо его было знакомо. Не встречала ли она его в Лондоне?

Воду ей давали лишь два раза в сутки — матрос забирался на рею с кувшином, поливая сверху на Дороти, дразня ее, но потом показывал ей знаком, что она может запрокинуть голову и открыть рот. Дороти подчинялась, и матрос лил ей в рот столько воды, сколько считал нужным.

Потом просовывал сквозь бамбуковые палки лепешку. Так происходило два раза в сутки.

Рея медленно поворачивалась в зависимости от направления ветра, и когда Дороти повисала над морем, она могла облегчить себя — иначе приходилось терпеть. Когда до земли стало близко, появилось много чаек, они стаяй неслись за кораблем, подбирали объедки, которые падали в воду, и казалось, что за баггалой несется крикливое облако.

В ожидании земли все, кто мог, высыпали на палубу. Глядя сверху, Дороти обнаружила, что в недрах корабля таились сотни людей — наверно, не только матросов и пушкарей. Дороти подумала, что баггала везет и пассажиров, может, даже паломников к мусульманским святым местам. Хотя, честно говоря,

Дороти не была уверена, в каких странах на Востоке люди исповедуют эту дикую религию.

Люди на палубе то и дело задирали любопытные головы, чтобы поглядеть на дикую язычницу, которую пришлось подвесить к мачте, потому что она кинулась, одержимая бесами, на хозяйского сына Камара. Очень страшное сумасшедшее чудовище... Не дай Аллах, если вырвется из клетки! Среди этих людей она не видела своих товарищей по путешествию — английских матросов. И понимала, что их Рахман посадил в трюм — зачем им с миссис Уиттли лишние свидетели? Только бы их не убили. Впрочем, Дороти рассчитывала на жадность арабских купцов, которым выгоднее продать человека, чем убить.

В этом описании рассуждений и чувств Дороти таится неточность. Так разумно и спокойно размышлять в клетке, что качается над морем и палубой (того гляди, сорвется, и ты разобьешься), в которой все время мутит, как мутит любого человека, которого раскачивают, как мячик на веревочке, было невозможно.

Но все же человек привыкает почти ко всему, и кое-как Дороти думала. И трудилась.

А трудилась она над тем, что, изломав ногти, волокно за волокном распутывала узлы джутовых веревок, которыми были скреплены бамбуковые кольца, чтобы в случае возможности можно было раздвинуть их и выбраться из клетки. Ведь, в конце концов, ее должны же отпустить на палубу — вряд ли она будет долго болтаться тут на виду у всего бирманского города.

Но она ошибалась, потому что Ар-Рахман использовал дикое существо в клетке как способ давления на миссис Уиттли. Впрочем, он не спешил показывать свою козырную карту, понимая, что обстоятельства благоприятствуют его замыслу.

Когда показался берег — низкий, как бы полоска, проведенная свинцовым карандашом между желтым, илистым у дельты морем и серым от тонкого слоя облаков и в то же время раскаленным небом, миссис

Уиттли вышла на палубу и подошла к борту, с облегчением разглядывая цель путешествия. Конечно же, она была взволнована, и, хотя по всем законам моря никто не мог обогнать ее на пути в Рангун, опасения неблагоприятного чуда ее не оставляли.

Стоя у борта и репетируя первые слова встречи с мужем, Регина заметила, что отступившие на почти-тельное отдаление от нее арабские моряки время от времени кидают взоры вверх и потом переводят их на английскую леди. Проследив за направлением взглядов, Регина обнаружила, что почти над ней, на большой высоте, выше верхушки мачты, так как рея кособокого паруса поднималась к самым облакам, привязан какой-то ящик.

Так как сначала Регина увидела дно клетки, то она не поняла, что это такое. Но вокруг раздались перешептывания и смешки, из-за спин что-то крикнули, и многие засмеялись. Тогда миссис Уиттли сообразила, что нечто, висящее в небе, имеет к ней отношение.

Она пошла вдоль палубы к корме, ко входу в свою каюту, чтобы рассмотреть висящую вещь под углом, и наконец увидела, что это клетка, а в клетке сидит человек. То, что этим человеком может быть Дороти, ей в голову не пришло. Но смущение и темные подозрения она не смогла изгнать. Вновь и вновь она поднимала голову и наконец случайно даже встрети-лась взглядом с существом, заключенным в клетку. На таком расстоянии, конечно же, даже глаз существа было не разглядеть, но ведь мы чувствуем чужой взгляд! Помимо зрения у нас для этого имеются иные чувства.

Регина не только угадала, что существо в клетке, такое неразличимое, что даже непонятно было, животное это или человек, смотрит на нее, но и ощутила во взгляде враждебность.

Одержимая желанием разгадать тайну существа в клетке, Регина поднялась по трапу на корму, где находился штурвал. Возле рулевого стоял господин Ар-Рахман, державший у глаза подозрную трубу, на-

правив ее в сторону приближающегося берега. Между ним и штурвалом стоял бирманский лоцман, одежда которого состояла лишь из куска ткани, обернутого вокруг чресел, и конической плетеной шляпы. Конечно, Регина не знала, что видит лоцмана, и не понимала слов, которые тот изредка кидал двум рулевым, поворачивавшим большой штурвал. Ее больше интересовала подозрительная труба, которую держал в руке Ар-Рахман.

Поздоровавшись, Регина спросила:

— Скоро ли мы будем в Рангуне?

Стоявший рядом с отцом Камар перевел вопрос и ответ:

— Сейчас мы входим в дельту. Видите, какие низкие здесь берега?

Он указал в сторону, и Регина увидела, что справа от корабля показалась желтая глинистая коса, почти неотличимая от жидкой грязи, которую представляла собой вода.

— И сколько нам еще плыть?

— Часа два, не менее.

— А что такое там? — спросила Регина, показывая на далекую клетку.

— Где? В клетке? Разве вы не узнали свою служанку, которую продали нам? — прозвучал ответ.

— Что? Это Дороти? Да вы с ума сошли! Немедленно прекратите! — В этом гневном возгласе прозвучало все душевное смятение Регины, которая, не будучи монстром, конечно же, раскаивалась, что была принуждена обстоятельствами так жестоко обойтись с нужной и неплохой вещью, как будто разбить вдребезги самую удобную чашку. Правда, для утешения ей приходилось заставлять себя вспомнить, какой непослушной, неопрятной и нечистой на руку была ее служанка, посмевавшая в тяжелый момент жизни Регины украсть у нее любимое платье. Но подобные внутренние разоблачения, не оформившись, угасали и не приносили удовлетворения.

— Вы подсунили нам, — сообщил через переводчика Ар-Рахман, не скрывая издевки в черных мас-

ляных глазах, — ненормальную преступницу, которая чуть было не убила моего сына Камара. Любую иную мерзавку мы бы давно утопили, но лишь из уважения к вам мы решили оставить ее в живых.

— Ну и оставили бы ее в живых в трюме! — крикнула Регина.

Дороти услышала ее крик, даже разобрала слова, потому что на палубе, где десятки людей, напрягая слух, старались понять, что происходит у штурвала, наступила глубокая тишина.

— У нас нет обычая заточать людей в трюм, — сообщил хозяин баггалы. — Мы даем возможность наказанному дышать воздухом. О нет, мы не жестокие люди!

— Он пытался изнасиловать ее? — спросила Регина, совсем позабыв, что в качестве переводчика в беседе выступает именно насильник.

Камар послушно перевел вопрос, но затем добавил нечто от себя, причем его фраза была длинной, и голос все повышался, пока он ее произносил, и кончил Камар на вопле, схожем с женским стенанием. И потому перевести ответ невозмутимого Ар-Рахмана ему удалось не сразу. А Регина крутила головой, переводя взгляд с сына на отца, и не сразу догадалась, что имеет не одного, а двух оппонентов.

— Вы продали нам свою горничную, свою рабыню, вы получили за нее то, чего хотели. — Камар показал рукой на приближающийся берег. — Вы вскоре встретитесь со своим любимым супругом. Я же испытал горькое разочарование, потому что человек, — рука указала на клетку, — женщина, которую я хотел осчастливить, оказалась дикой кошкой, неблагоприятной собакой, которую я лично продам в публичный дом в Омане, чтобы она скорее подохла от дурной болезни, ублажая матросов и грузчиков!

Глаза Камара сверкали справедливым гневом, и миссис Уиттли вдруг испугалась. Пальцы ее непроизвольно сложились в кулачки и поднялись к груди. Ар-Рахман уловил жест и выражение испуганных глаз большой полногрудой птицы и сказал не без ко-

варства, а Камар, добавив к коварству сарказм, перевел:

— И не следует, уважаемая госпожа Регина, преувеличивать значение этого эпизода. Что прошло, то прошло. Учтите, что вы сами еще не воссоединились со своим супругом. И от нашей доброй воли зависит, насколько быстро это свершится. Вы тоже можете закончить свой путь в публичном доме Омана. Хотя, конечно же, вы понимаете, что это — лишь шутка.

— Шутка... — упавшим голосом повторила Регина.

— И это все останется шуткой, если ваш муж выполнит обязательства по векселю. Именно поэтому клетка с вашей рабыней, которую вы так легкомысленно продали мне, совсем забыв, что англичане, в отличие от нас, диких и отсталых арабов, не признают рабства, будет висеть на рее грот-мачты баггалы. И если выплата будет задержана, я, может быть, отвезу вашу служанку не в Оман, а в Калькутту, к губернатору.

Регина уже не понимала, что говорил Ар-Рахман, а какие угрозы принадлежали горбуну. Потому что Ар-Рахман продолжал улыбаться, а горбун говорил, охваченный гневом, он был бледен и даже покачивался, будто готовился упасть в обморок. Его голубые губы стали ниточкой, глаза исчезли под веками, голос звучал хрипло. Да, в общем, и не так важно было, чьи слова она слышит — эта семейка была заодно. Они выбьют из Джулиана деньги. Они своего не упустят... Если бы не этот проклятый Сюркуф! Ну она добьется, что и его посадят в такую же клетку! Ах, при чем тут Сюркуф!

Униженная и оскорбленная, миссис Уиттли, не прощаясь, побежала прочь и под взглядами наглых матросов спустилась по трапу к своей каюте. Нырнула в нее и хлопнула дверью. Вслед ей полетели смешки и даже оскорбления арабов. Ар-Рахман не стал их останавливать, а повернулся к лоцману и принялся задавать ему вопросы о том, какие корабли стоят в Рангуне, кто сейчас пребывает в должности мьозы —

то есть королевского губернатора, благоденствуют ли в порту арабские торговые дома, что делают англичане. Шел обычный разговор, который ведет владелец корабля, входя в чужой порт. Лоцман отвечал охотно, потому что знал, что от его ответов зависит и размер вознаграждения.

О Дороти и Регине арабы более не говорили, словно не считая их достойными того, чтобы тратить время.

* * *

Прошло еще три часа, прежде чем берега реки Рангун, в которую вошла баггала, поднялись настолько, что на них появилась трава, а потом и кустарники. Затем миновали прибрежную крепость — квадрат вытоптанного пыльного плаца с несколькими хижинами на высоких сваях, обнесенный земляным валом и тыном. В разрывах тына стояли пушки. Возле них толпились солдаты, всматриваясь вдаль, чтобы лучше разглядеть входящий корабль. Но так как корабль был хоть и большой, но мирной арабской баггалой, канониры успокоились, и один из них даже помахал вслед гостям.

Первой увидела Рангун Дороти. Солнце еще пекло, и ей страшно хотелось пить, но о ней забыли в суматохе подготовки корабля ко входу в порт. Жажда не мешала Дороти вглядываться вперед, и она увидела, как баггала оказалась на месте слияния двух потоков. На правом берегу большего потока находился город, окруженный пальмами, из которых поднимался золотой конус какого-то строения. Налево — а в ту сторону и повернуло судно — виднелся другой город, больше, чем увиденный первым. Он тянулся, сколько хватало глаз, по левому дальнему берегу, и, постепенно поднимаясь, дома терялись в зелени. Как бы не добежавший до реки пологий холм замыкал картину. Может, он был бы не столь заметен, если бы не гигантское сооружение, венчающее его, — золотой конус с небольшим зонтом сверху, высотой, наверное, не меньше, чем сам лондонский Тауэр.

Чем ближе баггала подходила к городу, который, очевидно, был Рангуном, тем самым городом, откуда когда-то уплыла в Англию мама Дороти, тем оживленнее становилась река. По всем направлениям ползли лодки и баржи с высокими загнутыми носами и кормой. Посреди реки стояли на якорях большие корабли, тогда как места у длинных деревянных причалов, за которыми, как и в каждом большом порту, тянулись низкие строения складов, были заняты баржами и речными судами, обладавшими небольшой осадкой. Чуть дальше Дороти разглядела возле реки перед высоким бревенчатым забором нескольких человек в европейской одежде — к счастью, воздух был чист, и Дороти с ее острым зрением могла различить их на расстоянии с полмили. Человечки у забора смотрели в сторону багалы.

Конечно, из своей клетки Дороти не могла разглядеть, что это были за люди. Да и если бы разглядела, все равно бы не узнала, но центром этой группы людей был мистер Джулиан Уиттли, нетерпеливый супруг Регины, который уже несколько дней как выходил на берег встречать приходящие из Бенгальского залива суда в ожидании «Глории» и «Дредноута», с прибытием которых он ожидал не только воссоединения своего семейства, но и воплощения в жизнь своей мечты — приобретения для Ост-Индской компании и для себя новой колонии.

На этот раз мистер Джулиан Уиттли разглядел, что в порт вошла большая арабская джау, вернее всего, из Омана, что не представляло для него интереса. И, опустив подзорную трубу, мистер Уиттли собирался было вернуться под защиту стен фактории и в тень веранды, опоясывающей ее главное здание, как его заместитель лейтенант Стюарт, принадлежавший к славному, но многочисленному шотландскому клану, попросил:

— Сэр, не позволите ли вы мне воспользоваться вашей подзорной трубой, свою я оставил, к сожалению, в фактории.

— Что вас заинтересовало, друг мой? — спросил фактор.

В отличие от широкоплечего зеленоглазого лейтенанта, покрытого рыжими волосами с ног до головы, Джулиан был обтекаем, сутул, мягок и потлив. Он пропускал сквозь себя по десять пинт жидкости в день, чтобы как-то возместить потери в ней, но тем не менее постоянно мучился жаждой.

— Я удивлен, — сказал лейтенант, поднося к глазу подозрную трубу и вглядываясь в темный предмет, прикрепленный к рее грот-мачты баггалы, — кажется, это клетка, и в ней какое-то животное. Я думаю, что они где-то поймали большую дикую обезьяну, которую опасно держать на палубе и губительно — в трюме. Вот ее и подвесили к мачте.

Заинтересовавшись зрелищем, англичане стали передавать друг другу подозрную трубу, и счетовод Бруклин даже заявил, что угадывает в обезьяне злобного орангутанга, который водится в Нидерландской Индии и рыж, словно лейтенант Стюарт.

Отсмеявшись, англичане отправились на веранду, где их ждали прохладительные напитки и ранний ужин. Здесь, на экваторе, темнота наступала в одно время весь год, и потому, чтобы не ужинать при свечах или лампах, привлекая множество насекомых, старшие служащие фактории старались откусать, пока не отгорел закат...

* * *

Баггала бросила якорь напротив складов, чуть в стороне от фактории.

День кончался. Солнце уже клонилось к земле, и тени стали длинными. Взбешенная подлостью Ар-Рахмана и его сына, миссис Уиттли потребовала, чтобы ее тут же отправили на берег. Ар-Рахман не возражал против этого. Тогда миссис Уиттли потребовала, чтобы купец тут же снял с мачты и спрятал в трюме клетку с Дороти. Но тут Ар-Рахман в эмоциональном переводе его сына ответил, что и не подумает снимать Дороти с мачты до тех пор, пока не

встретится с мистером Уиттли и не получит обговоренного вознаграждения. Дороти на мачте — его обеспечение, ибо он не может верить неверной английской женщине, тем более настолько подлой, что она продает своих соотечественников в рабство.

— Что же вы раньше не говорили, что вы — противник рабства? — искренне удивилась Регина, обиженная за такой поворот во взглядах купца. — Вы же сами предложили мне продать... моих людей.

— Почему бы и нет? — произнесли переводческие уста Камара. — Мы хотели проверить вас. И увидели лишь бездну подлости. Так можем ли мы и дальше вам верить?

— Можете! — искренне воскликнула Регина.

А купец Ар-Рахман отрицательно покачал головой, сложив руки на выдающемся вперед животе.

— Но это бесчеловечно и жестоко — держать на мачте живого человека, — обратилась Регина к последнему аргументу — к милосердию.

— Многое зависит теперь только от вас, госпожа Уиттли. Чем скорее ваш муж привезет деньги, тем скорее закончатся мучения вашей рабыни.

— Она не рабыня!

— Мы тоже так думали...

Даже Регина поняла, что разговор грозит пойти по кругу, и стала быстро собирать свой сундучок, облегченный на коробку с драгоценностями. Пока она собиралась, арабы спустили с багалы шлюпку и словно забыли о миссис Уиттли. Никто не вышел попрощаться с ней, никто не заметил ее отплытия. Купец и его сын были заняты, потому что к багале подвалила большая лодка с позолоченным носом, изображающим голову птицы, и резной деревянной надстройкой на палубе. Из этой лодки вылез толстый бирманец в переливающейся шелковой юбке и белой куртке с шариками золотых пуговиц. Регина догадалась, что это — портовый чиновник. И в самом деле, это был начальник рангунской таможни, который приехал проверить груз, получить деньги в казну и мзду себе, ничтожному.

Шлюпка, которую выделили для Регины, была маленькой и текла. Два гребца еле шевелили веслами, и Регина хотела, чтобы кто-то из них вычерпал поступающую воду, но, когда она, подобрав ноги, показала на деревянный черпак, плавающий в прибывающей воде, один из гребцов наклонился, вытащил черпак и кинул его так, что он плюхнулся на колени Регины. Намек был очевиден, и Регина хотела было объяснить этим обезьянам, что она сделает с черпаком, прежде чем выкинет его за борт, но потом почему-то передумала и принялась вычерпывать воду. Вследствие ее отчаянной работы лодка не успела затонуть, прежде чем добралась до берега.

Лодка ткнулась носом в глиняный скат берега неподалеку от английской фактории. Гребцы не стали вытаскивать Регину и даже ничем не помогли ей. Регине пришлось карабкаться на берег на четвереньках, толкая перед собой сундучок, и когда она вылезла на ровное место, то была вся измазана рыжей грязью. Она подобрала сундучок и сверху на добром английском языке объяснила ухмыляющимся матросам, что она с ними сделает, когда до них дойдут руки. И она была столь зла, что бедным матросам показалось вдруг, что эта белая женщина сейчас заключает их до смерти. Они оттолкнулись веслами от берега и быстро поплыли обратно к баггале.

Погрозив лодке вслед кулаком, несчастная миссис Уиттли побрела к тыну фактории, составленному из толстых тиковых бревен, заостренных на семифутовой высоте, — потребовались бы боевые слоны, чтобы справиться с таким забором.

К сожалению, ворота были закрыты, хотя было не только светло, но даже солнце еще не село.

Регина остановилась перед воротами.

Затем обернулась. Баггала, которая спустила паруса, казалась небольшой, зато на нее четко вырисовывалась клетка, и Регине показалось, что внутри нее она узнает Дороти.

Регина не знала, что Дороти с ее верхней позиции не только угадывала Регину, но и наблюдала за ней

неотрывно с того момента, как лодка отвалила от баггалы. И хоть Регина удалялась, уменьшалась, Дороти видела ее как на ладони и, даже несмотря на жажду и сосущий под ложечкой голод, не могла не смеяться, глядя, как ее бывшая хозяйка вычерпывает воду, взбирается на глинистый обрывчик и бредет к запертым воротам фактории.

Вот она стоит перед воротами и, поставив сундук в пыль, старается привести в порядок космы. Наконец, отчаявшись, заносит кулак, чтобы ударить в ворота, но замирает.

Затем оборачивается и долго смотрит на баггалу, прикрыв глаза от света козырьком ладони. Она смотрит на Дороти. Как жаль, что я не могу помахать ей в ответ, пожалела Дороти. Она бы еще больше испугалась.

Наконец Регина снова повернулась к воротам и принялась молотить в них кулачком. Через какое-то время в воротах открылось окошко. А еще через минуту распахнулась калитка и впустила Регину внутрь.

* * *

Вечером в большой лодке на берег отправились хозяева баггалы — наверное, в гости к своим единоверцам. К бортам судна присосались плоскодонки, которые привезли с берега свежие фрукты и мясо, — бойкая торговля шла до темноты. Дороти думала, что она до благословенной темноты не доживет. Она даже пыталась грызть бамбуковые колья, надеясь, что в них сохранилась какая-то влага. Но тщетно. Она считала до тысячи, до десяти тысяч, потом еще раз до десяти... а темнота не наступала.

На синем небе зажглись звезды, и, подражая им, загорелись цепочки огней вдоль реки, на берегу и на лодках, пришвартованных к причалам. Издалека доносилась странная, рваная, но знакомая музыка, порой мимо проплывали лодки, и слышно было, как шлепают по воде весла и льется с лопастей вода, мелодично перекликались бирманцы — у них был

певучий язык, словно они говорили не о делах, а пели о любви. Но небо на западе, где опустилось солнце, оставалось разноцветным, светлым, а от этого и река еще была освещена остатками дня.

К счастью Дороти, от долгого ожидания и от жажды она забылась, и когда открыла глаза, то звезды были куда ярче, небо чернее, огоньки на берегу многочисленнее, и внизу, на палубе баггалы, тоже перемигивались огоньки фонарей.

Конечно, можно было бы ждать ночи, когда все уснут, но Дороти поняла, что должна рискнуть: еще немного — и она умрет от жажды или так ослабнет, что у нее не останется сил доплыть до берега.

Дороти осторожно вытащила из нижних гнезд заранее отвязанные бамбуковые колья — трех кольев было достаточно, чтобы пролезть наружу. Один из таких кольев чуть было не вырвался из руки и не упал на палубу...

Дороти осторожно раздвинула колья и выглянула.

О ужас! Оказывается, пока она дремала, рея изменила положение, и теперь клетка свисала как раз над палубой, то есть прыгнуть вниз было нельзя, а она так рассчитывала нырнуть, выбравшись из клетки, — в реке ее трудно было бы найти и поймать.

На палубе, ближе к баку, разговаривали три матроса. Теперь придется ждать, пока они уйдут. Впрочем, задача спуститься на палубу была почти невыполнимой — следовало вылезти сквозь щель в стенке клетки, перебраться на ее крышу, оттуда вскарабкаться по веревке на рею, и лишь потом можно было бы сползти по рее к мачте... Для девушки, хоть сильной и ловкой, задача была почти непосильной.

Отчаяние все более окутывало Дороти по мере того, как опускалась ночь. Дороти уже поняла, что до мачты ей не добраться.

Но и оставаться также на месте было невыносимо. Завтра мистер Уиттли заплатит по векселю, и тогда Дороти кинут в трюм... А там, если она останется жива, ее ждет страшная смерть в Омане!

Рассуждая так, Дороти подползла к краю клетки и теперь сидела на корточках, держась за разведенные в сторону прутья.

И в отчаянии оттого, что ее жизнь погублена, Дороти обратилась с горячей молитвой к Богу, надеясь на его защиту и опору.

И как раз в тот момент, когда бессильные слезы заволокли глаза несчастной девушки, ее молитва дала плоды: баггала сильно качнулась, мачта с клеткой накренилась так неожиданно, что Дороти отпустила прутья и стремглав полетела вниз... Раздался громкий плеск, который, впрочем, не привлек внимания на баггале, потому что на палубе никого уже не было, а до вахтенного у штурвала было слишком далеко.

Если бы Дороти лучше знала обычаи природы в тех местах, то она бы не так удивилась своему чудесному спасению. Ведь дважды в сутки под влиянием лунного притяжения, как это определил уже давно великий Ньютон, воды океана поднимаются и обрушиваются на сушу, чтобы затем отступить и обнажить широкие полосы мелководья. Дельта же Иравади находится на одном уровне с океаном, и эта великая бирманская река в своем нижнем течении дважды в день меняет направление течения и под давлением массы океанской воды начинает течь обратно. Порой это превращение происходит так быстро и сильно, что покатая высокая волна поднимается в месте впадения реки в Бенгальский залив и несется вверх мимо Рангуна до самого города Пегу, раскачивая, а то и срывая с якорей речные суда.

Вот именно эта волна и явилась Дороти после ее горячей молитвы, сильно качнула стоявшее поперек реки судно, и, к счастью, выпавшая из клетки девушка рухнула в воду.

Оглушенная ударом, Дороти пошла было ко дну, но вода не захотела ее поглотить и, подержав тело с полминуты, выбросила его на поверхность. К счастью, Дороти не захлебнулась, но наглоталась илистой воды. Вынырнув, она не сразу сообразила, что

жива, здорова и сможет доплыть до берега. Но потом сообразила, обрадовалась и поблагодарила Бога.

Вода была блестящей, словно жирной, и отражала свет звезд, луны и фонарей баггалы, которая нависала над Дороти глухим черным бортом. Приливное течение тянуло Дороти вверх по реке, что, впрочем, ее вполне устраивало. Она примерно представляла себе, в каком направлении от корабля должны находиться левый берег реки и фактория. Она поплыла сначала к фактории и только потом сообразила, что ей там нечего делать — никто ее не ждет, а если и ждет, то с трепетом и желанием отравить, зарезать и уничтожить.

Так что Дороти, широко загребая, поплыла напрямик к берегу — в сущности, ей было все равно, где она выберется, правда, чем безлюдней это место, тем приятнее и лучше.

* * *

...Черная спина неведомого животного поднялась над водой ярдах в десяти от Дороти.

Дороти забила руками по воде, стараясь отпугнуть чудовище, но то не уплывало, а пошло вокруг Дороти, разрезая воду острым плавником.

Но что делать акуле в реке? Разве она может дышать пресной водой?

Дороти зажмурилась и со всей возможной скоростью принялась бить по воде руками. Но если ты спешишь и волнуешься, то быстрее от этого не плывешь — это известный всем закон.

Дороти ждала, всем телом ждала, когда острые зубы акулы сомкнутся на ее ноге... Но этого не случилось.

И каково же было удивление Дороти, когда она, снова открыв глаза, увидела, что под луной уже сверкают три или четыре черные спины — акулы ходили по кругу, одна за другой, словно совершали какой-то танец, но не проявляли желания приблизиться к своей жертве.

Вдруг одна из них выскочила из воды, как бы играя, и, подняв фонтан брызг, рухнула обратно.

Нет, это не акулы! Акулы так себя не ведут.

Так и не узнав, что за странные существа встретили ее, Дороти поплыла дальше к берегу. Она ведь не знала, что в Иравади водятся речные дельфины, существа безобидные и веселые.

Дельфины проводили Дороти до самого берега. Она выбралась из реки примерно в том же месте, где поднялась на берег миссис Уиттли, но ей, в отличие от Регины, не приходило в голову заботиться об одежде, от которой на ней осталась лишь полосатая нижняя юбка. Только сейчас Дороти вспомнила, что в подол юбки вшита тряпочка с запиской фокусника монаху. Вернее всего, записка погибла...

Жалко. Потому что, кроме этого монаха, Дороти не к кому идти в Рангуне. Не возвращаться же к миссис Уиттли, которую Дороти ненавидела и презирала. Та, если не умрет при виде служанки, тут же ее убьет или придумает какую-нибудь дикую историю, чтобы оклеветать ее и уничтожить, — им рядом более не жить! Но, к сожалению, слово Регины здесь значит куда больше, чем все слова Дороти, вместе взятые.

Справа от Дороти темнели склады, горели фонари над причалами и в надстройках речных судов, слева острым зигзагом на фоне неба виднелась стена фактории из заостренных бревен, а впереди начиналась пыльная улица, застроенная китайскими лавочками и харчевнями, разноцветная от многочисленных бумажных фонарей, по которой брели, сидели, питались, разговаривали, спали многочисленные обитатели порта — кули, матросы, проститутки, бродяги, солдаты, нищие...

Дороти остановилась за углом крайнего дома, стараясь оставаться в темноте, чтобы получше приглядеться к портовой толпе. И тут она обратила внимание на то, что ее более чем скромный наряд вряд ли будет сильно выделяться: многие женщины, особенно нищенки, попрошайки и проститутки, были облачены лишь в юбки и выше пояса обнажены. Никого

это не удивляло, вечер был таким теплым, что можно было бы ходить и без кожи — все равно не замерзнешь.

Правда, Дороти была не причесана — спутанные волосы падали на плечи, — но как приведешь себя в порядок в бамбуковой клетке?

Дороти не знала, сколько времени, но ночь еще не наступила, и улица была оживленна.

Первые шаги дались Дороти с трудом — надо было заставить себя казаться естественной.

Один шаг, второй, десятый... Улица жила своей жизнью, не придав значения появлению нового персонажа.

И тогда Дороти поняла, как она хочет есть!

Она напилась, пока плыла по реке, утолила жажду мутной илистой водой Иравади, но голод, возбужденный запахами харчевен и лепешек,пряного риса, завернутого в виноградные листья, сводил с ума. Но у Дороти не было ничего, ровным счетом ничего, что она могла бы отдать за кусок лепешки.

Так, повторила Дороти про себя: пагода Шведагон, монастырь Священного зуба Будды, достопочтимый У Дхаммапада. Где же пагода Шведагон? Наверное, это тот громадный золотой конус, который Дороти видела с реи. Он возвышается примерно в пяти милях от берега на покато, поросшем деревьями холме.

Дороти не спеша шла по улице, одурманенная запахами пищи, не смея остановиться, потому что тогда голод может заставить ее просить у туземцев. Но ведь она — свободная британская женщина. Она не может нищенствовать в дикой стране.

И тут Дороти поймала себя на том, что некоторые слова и даже выражения ей понятны — как будто они поднимаются из глубины ее памяти. Впрочем, ничего удивительного в том не было. Когда Дороти была маленькой, она сначала выучила со своей матерью слова лигонские и бирманские (бирманский язык немного похож на лигонский). Мэри-Энн была лигонкой, но жила при авском королевском дворце и потому говорила по-бирмански. Нередко ей станови-

лось так тоскливо в Лондоне, где не было ни одной близкой души, что она учила Дороти языку предков, чтобы самой было с кем поговорить и от кого услышать эти слова. Потом уже, когда отец погиб, в доме появился одноглазый фокусник. Мать говорила с ним по-бирмански, но никогда — при чужих. Она не хотела сплетен и соседской подозрительности. Когда мать разговаривала с дядей Фаном, Дороти понимала, о чем они говорят. Это был как бы секретный, специально для них язык, как секретный язык, изобретенный детьми в школе или на улице.

И вот сейчас — а это было маленьким чудом — люди, сидевшие на корточках и жующие бетель, спорящие над миской супа, договаривающиеся о каких-то делах, произносили слова этого секретного языка, и он был понятен Дороти!

Конечно, не все слова и не из всех уст, но она не была безгласной и глухой на портовой улице. А от понимания языка у нее возникало странное чувство: будто она уже бывала на этой улице, хотя на самом-то деле родилась Дороти в Англии вскоре после возвращения родителей из Бирмы.

Углядев добродушного вида толстую женщину, сидевшую на ступеньках харчевни и продающую с жаровни маленькие пончики, Дороти подошла к ней и спросила:

— Вы не скажете мне, уважаемая, как пройти к пагоде Шведагон?

Толстая женщина не сразу поняла ее, потому что Дороти, как оказалось, слово «пагода» произнесла по-английски. По-бирмански это слово произносится как «па я».

— Шве-да-гон, — повторила Дороти.

Женщина окинула Дороти критическим взглядом и ответила быстрой речью, из которой Дороти почти ничего не поняла и потому упрямо повторила:

— Шве-да-гон.

— Куда тебе в такое время в Шведагон, — сказал тогда старый китаец, вышедший из харчевни. По тому, как Дороти глядела на пончики, он сразу все

понял и, взяв горячий пончик с жаровни, кинул его, чтобы не обжечь пальцев, Дороти, и та подхватила пончик на лету.

Женщина начала было кричать на старого китайца, но тут же осеклась, узнав его, и подобострастно захихикала.

Старик выглядел солидно и знал себе цену. Он был облачен в черный атласный халат, расшитый золотыми драконами. На голове плотно сидела круглая черная шапочка.

Дороти чуть было не подавилась острым, горячим, вязким тестом и не смогла даже ответить толком на вопрос старика:

— Зачем тебе идти в Шведагон?

Дороти кивнула, показывая, что поняла вопрос.

Какой маленький пончик! Бывают же такие маленькие пончики!

Старый китаец никуда не спешил. У него были большие черные печальные глаза философа. Он все стоял на верхней ступеньке и разглядывал Дороти.

Потом сказал что-то по-китайски толстой торговке.

Та нагнулась вперед, дотронулась до юбки Дороти, взяла ее между мясистыми младенческими пальцами и помяла. Ответила китайцу, и тот сразу спросил:

— Откуда ты будешь, девушка?

Дороти увидела, что за спиной старика в темном проеме двери стоят два крепких молодых китайца в синих куртках и синих широких штанах.

Старик перекинул вперед седую косу и перебирал ее сухими желтыми пальцами. Порывом налетел горячий влажный ветер, и свет бумажных фонарей цветными бликами пробежал по лицу и седой бородке старика.

Дороти вдруг стало страшно. Она кинула взгляд на колечко. Но камень, насколько она могла судить, остался светлым, почти белым — от старика не исходило угрозы.

— Ты не из этого порта, — сказал старик. — Ты хочешь еще пончик?

Дороти не смогла удержаться от кивка — голова сама склонилась.

Старик чуть улыбнулся. Его телохранители — а Дороти была убеждена, что это так, ибо от старого китайца исходило ощущение власти — засмеялись. Торговка подняла свое тяжелое тело, чтобы поднести поднос поближе к Дороти, и сказала:

— Осторожнее, милая, они горячие.

Она не требовала денег ни с китайца, ни с Дороти.

Дороти взяла пончик, стала дуть на него, перекачивая в пальцах. В конце концов ей было всего семнадцать лет, она быстро ко всему привыкала и предпочитала ждать от жизни хорошее. Хотя и не всегда ее надежды оправдывались.

— Говори, — потребовал китаец.

Дороти колебалась. Потом поняла — не убежать же!

— Я с арабского корабля, — сказала она, с трудом подбирая и произнося певучие бирманские слова, но с каждым сказанным словом в ней просыпались все новые — язык как бы возвращался к ней. Она даже и не подозревала, насколько прочно пустили в ней корни слова, которые шептала ей мать еще в колыбельке. — Он пришел сегодня...

Дороти показала рукой назад.

— Ешь, — сказала торговка. — Ты голодная.

— Что ты там делала? — спросил китаец строго, словно Дороти была китаянкой или бирманкой и ей нечего было делать на арабском корабле.

Дороти пожала плечами. Рот ее был занят пончиком. Начинка пончиков была острой, перечной, овощной. Тесто вязкое и не соленое.

Старик выкрикнул китайскую фразу, и, подчиняясь приказу, один из его телохранителей кинулся стрелой через улицу, сшибая людей, и схватил араба, который на той стороне улицы договаривался с проституткой. Он так быстро рванул араба на себя, что тот не успел выхватить нож, с заломленной назад рукой перебежал улицу и, согнувшись, остановился рядом с Дороти.

Китаец заговорил по-арабски. Дороти уже угадывала мелодию арабской гортанной речи, но не понимала слов.

Араб удивился.

По знаку телохранитель отпустил араба. Тот не убежал и не напал на китайца. Видно, тоже почувствовал, что имеет дело с необыкновенным человеком.

Китаец спрашивал. Араб отвечал. Затем старик показал на Дороти. Араб только сейчас увидел ее, ибо раньше не отрывал глаз от старика. Он, конечно же, узнал обезьяну и отшатнулся от девушки.

Тут же из араба хлынул бурный поток слов. Он помогал себе руками, порой упирал осуждающий перст в грудь Дороти, которая чувствовала себя неловко под градом непонятных обвинений.

— Ты поняла? — спросил старый китаец, когда араб замолчал и отшатнулся от Дороти.

— Нет, — сказала Дороти. — Но я думаю, что он плохо обо мне говорил.

— Этот человек — матрос с судна, на котором ты приплыла, он говорит, что ты — рабыня английской госпожи, которая продала тебя сыну Ар-Рахмана, но ты чуть было не убила своего благодетеля. И потому тебя наказали. Так это ты висела в клетке на рее? Весь порт говорил сегодня об обезьяне, которую привез на своей баггале Ар-Рахман. А это была ты!

Китаец тонко засмеялся и погладил бороду ладонью.

Дороти сказала:

— Я свободная английская женщина. Никто не смеет меня продавать.

— Но продали?

— Я не знаю, — ответила Дороти. — Мне об этом не сказали.

— А как же сын Ар-Рахмана?

— Я не люблю, когда мужчины касаются меня, — гордо заявила Дороти. — У меня есть жених. Он — английский офицер.

— Чудесно, — произнес китаец. — Но плохо вести важный разговор на улице. Я прошу тебя, госпо-

жа, пройти в этот дом, там есть тихая комната, и ты мне все расскажешь.

— Зачем? — спросила Дороти.

Она увидела, что толстая торговка чуть заметно отрицательно качает головой. Она кинула взгляд на колечко — камешек потемнел, но, может быть, на него неудачно упал уличный свет.

— Я придумаю, как тебе помочь и как наказать твоих обидчиков, — сказал китаец. — Я хочу, чтобы восторжествовала справедливость. К тому же есть несколько вопросов, на которые мне интересно получить ответы. Так ты идешь?

Дороти понимала, что у нее и нет иного выбора.

Она послушно прошла в дом.

Оглянулась. Араб убежал по улице.

— Вы не боитесь, что он приведет своих людей? — спросила Дороти у старика, который шел рядом с ней.

Старик захихикал. Его длинный черный халат шуршал в темном коридоре, словно шла целая процессия облаченных в шелк вельмож.

— Его люди не посмеют здесь сделать ни одного шага без моего позволения, — произнес он.

В низкой длинной, тускло освещенной комнате были только нары, покрытые какими-то тряпками. Там сладко пахло и стоял дым. Телохранители криками и пинками выгнали из комнаты лежавших на нарах людей. Тут же низенький человек в синем халате с высоким воротником внес складной стул и поставил посреди комнаты. Старый китаец уселся на него, указав Дороти место на нарах напротив.

— Меня интересует, — сказал старик, — почему ты, женщина из Британии, понимаешь язык бирманцев.

— Моя мать была из этих мест, — ответила Дороти. — А отец был английским моряком. Он увез мою мать в Лондон. Она и сейчас жива.

Китаец кивнул.

— Ты плохо говоришь по-бирмански, — сказал он. — Значит, ты права. И что ты намерена делать дальше?

— Я еще не знаю, — сказала Дороти. Она немного лукавила. Ей не хотелось рассказывать старику о монастыре Священного зуба Будды. Она сама не могла бы объяснить, почему. — Может быть, я буду искать моих родственников.

— Ты знаешь имя твоей семьи?

— Моя мать жила в Амарапуре. Она служила при королевском дворе.

— Как звали ее?

— Ма Дин Лайинг.

— Как звали твоего деда?

— Сайя Хмаунг. Он из княжества Хмаунг. Больше я ничего не знаю.

— Ты мне уже рассказала достаточно, — ответил китаец. — Я думаю, что ты будешь благодарить тот час, когда подошла к этому дому и встретила меня.

— А это ваш дом?

— Это один из домов, принадлежащих мне, — сказал старик. — Здесь курят опиум. Ты слышала об этом?

— Конечно, я слышала об этом.

— У меня много таких домов. У меня есть люди в горах, которые выращивают мак, и есть другие люди, которые дают маковый сок, и третьи люди, которые возят его сюда и делают из него опиум. Люди курят его и получают наслаждение. Я — старый Лю, который дарит людям наслаждение.

Дороти знала, что это не так. Она понимала разговоры мамы и дяди Фана о том, как плохо станет тому человеку, который пристрастится к опиуму, ибо опиум отнимает у человека силы и разум, и ему хочется лишь мечтать в безделье.

Но Дороти не стала ничего говорить.

— Мой человек отведет тебя наверх, — сказал старик. — Ты будешь спать. Уже поздно, и, наверное, ты устала в той клетке. Скажи, а почему ты не утонула, когда упала из клетки в воду?

— Потому что я умею плавать.

— Это так странно! — изумился старик. С этими словами он покинул комнату, а телохранитель провел

Дороти наверх, в маленькую комнату над опиумокурительней, куда через минуту пришла пожилая китайка с тазом и кувшином, чтобы Дороти могла умыться. Потом она же принесла Дороти чайник и чашку, а также соленых сухариков. Это был самый сказочный пир в жизни Дороти.

Пожилая китайка сидела на корточках напротив Дороти и подливала ей в чашку чай.

— Ты с арабского корабля? — спросила она. Видно, слухи о Дороти уже распространились по рангунскому порту. — Это правда, что тебя целых пять дней держали в клетке на мачте?

— Правда.

— Тебя наказали?

— Я не хотела, чтобы меня продавали в рабство.

— Наш хозяин очень обрадовался, — сказала пожилая китайка. — Старый лис Лю хочет заработать на тебе большие деньги.

— Как это можно сделать? — удивилась Дороти.

— Если ты не врешь, может быть большой скандал. Британскую женщину продали в рабство. Господин начальник английской фактории Уиттли будет очень недоволен своей женой. Он не хочет позора. Но ты в самом деле не рабыня?

— Я свободная женщина.

— А это правда, что твоя мать — Ма Дин Лайинг?

— Так ее звали до крещения.

— Я знаю поэму ее матери. О любви. Ты из рода Хмаунг?

— Из рода Хмаунг.

— Значит, хитрый лис Лю дважды выиграет — продали английскую леди и внучку поэтессы Ма Джи Нурия. Все будут очень много платить старому Лю, чтобы он молчал.

— Скажи, — попросила Дороти, которой вся эта история не нравилась, потому что о самой Дороти все забыли. Что хорошо ей, а что плохо, никого не интересовало. — А что такое Хмаунг?

Но китаянка не успела ответить. В дверь заглянул один из телохранителей старика.

Он прикрикнул на женщину по-китайски.

— Спокойной ночи, — сказала китаянка. Поклонившись, она ушла из комнаты.

— Спи, — приказал телохранитель Дороти.

Он закрыл дверь. Слышно было, как звякнула щеколда.

С улицы доносились шум и запахи пищи.

Дороти улеглась на нары, покрытые мягкими тряпками.

Ей очень хотелось спать. Тем более что убежать отсюда было бы трудно.

Воздух едва проникал сквозь окошко, затянутое промасленной бумагой.

Дороти прилегла на нары и задремала.

* * *

Проснулась она, как от удара.

За дверью были слышны приглушенные голоса.

Звякнула щеколда, дверь приоткрылась. В дверях стояли оба телохранителя. Один из них держал в руке фонарь. Он посветил внутрь комнаты, как бы проверяя, не убежала ли Дороти. Дороти сразу закрыла глаза — она спит.

Видно, телохранитель сдавал пост сменщику. Он зашел в комнату, что-то положил на циновку.

Дороти продолжала лежать с закрытыми глазами.

Дверь закрылась.

Старик китаец ее бережет. Как противно — попасть из одного плена в другой! Если он хочет спекулировать ею, то это может плохо кончиться именно для Дороти.

За окном было тихо. В четырехугольнике окна синел ранний рассвет.

Дороти совсем не хотелось спать.

Она поняла, что надо делать — нужно бежать.

Она поглядела, что оставил на циновке телохранитель. Оказалось — бирманскую юбку, блузку и сандалии. Ну, что ж, спасибо старику Лю, по крайней

мере он не хочет, чтобы его добыча выглядела жалкой рабыней.

Правда, когда Дороти подняла с пола юбку, то обнаружила, что та представляет собой лишь сшитый рулон материи, который удобно надеть на бегемота, но неизвестно как — на женщину.

Поэтому Дороти оставила юбку в комнате, но воспользовалась блузкой и сандалиями, крепившимися двумя полосками кожи между большим и вторым пальцами ноги. Осторожно, стараясь не скрипеть, Дороти открыла затянутое бумагой окно. Выглянула наружу. Окно выходило на покатую черепичную крышу-козырек над первым этажом.

Улицу заполнил серый туман, и неизвестно было, насколько он глубок... Старик Дороти не верила — он мог продать ее обратно Регине. А почему бы и нет? Если ему хорошо заплатят, то можно угодить и в публичный дом где-нибудь в Китае, оттуда уже никогда не выйдешь живой. Так что лучше быть голодной, но свободной. Дороти улыбнулась собственным мыслям, осторожно подтянулась, переползла на подоконник и опустила ноги так, чтобы съехать с крыши ногами вперед. Она продолжала держаться руками за подоконник, потихоньку сползая на животе вниз, и готова уже была отпустить подоконник, чтобы попытаться удержаться на круто положенной черепице, как услышала стук двери над головой и удивленный возглас. Видно, шум встревожил охранника, и тот решил проверить, спит ли пленница.

Дороти поняла, что не может терять ни секунды. Она отпустила руки, съехала на животе вниз, секунду продержалась, цепляясь за водосток, и затем ухнула вниз, в туман, сжавшись, чтобы не разбиться.

Оказалось, что возле опиумокурильни стояла повозка, груженная арбузами, так что падение Дороти было недолгим. Ничего еще не поняв, она почувствовала, как ударилась о какие-то большие шары — воображение подсказало ей, что это человеческие головы, которые раздались и посыпались с повозки, а на них скатилась на землю и сама Дороти.

Проехав животом на арбузах, пока не врезалась в оставленный у стены лоток, Дороти скрылась в тумане, и лишь грохот, тянувшийся за ней, как хвост, указывал направление ее движения.

Однако телохранители старика не посмели последовать за Дороти ее же путем — то есть напрямик со второго этажа, а предпочли сбежать по лестнице, так что к тому времени, когда они оказались на улице, Дороти уже успела отбежать по улице дальше — в сиреновом тумане, как в мутной воде, она плохо видела препятствия и потому старалась держаться середины улицы. А чтобы преследователи не увидели ее, она бежала пригнувшись. Телохранители Лю, большие и неуклюжие, двигались медленнее.

Дороти увидела просвет между домами, заросший кустами, вершины которых поднимались над туманом. Она нырнула туда и уселась на землю, прижавшись спиной к стене углового дома.

Ей не было страшно — она была уверена, что сможет скрыться от преследователей.

Так и случилось. Телохранители пробежали мимо, а Дороти пошла узким проулком, потом перебралась через невысокий забор и оказалась среди складов — длинных мрачных зданий без окон и с большими воротами, перекрытыми мощными бревнами и засовами.

За складами, возле которых крепко спали сторожа, она снова попала в город, уже в иной его район, на широкую улицу, разбитую повозками. Видно, по ней вывозили товары из порта.

Чем дальше Дороти отходила от реки, тем жиже становился покров тумана, да и рассвет все ярче освещал улицу. Вскоре ей встретилось несколько высоких двуколок, груженных мешками с рисом. На мешках сидели погонщики и цокали, подгоняя мерно бредущих буйволов. Потом ей встретились молодые монахи, шагавшие цепочкой. Им было зябко поутру, и они были закутаны в оранжевые тоги так туго, что стали похожи на гусениц. Головы монахов были тщательно выбриты, к груди каждый прижимал пузатый

черный горшок. И хоть Дороти не помнила, чтобы ей когда-нибудь приходилось видеть буддийских монахов, она узнала их и догадалась сразу, что они идут просить утреннее подаяние — в ней проснулась память ее матери.

Дороти остановилась, видя, как монахи подошли к стоявшему на сваях деревянному дому, окруженному широкой верандой. По ступенькам веранды навстречу им спустилась пожилая стройная женщина в длинной, плотно облегающей ноги юбке и белой блузке. Ее волосы были собраны в пучок, украшенный гирляндой белых цветов, которые далеко распространяли сладкий и тяжелый аромат.

Женщина держала в руке большую кастрюлю и поварешку. Ею она зачерпывала рисовую кашу и ловко кидала каждому по очереди в горшок. Получив взятку, монахи вереницей побрели к следующему дому.

Проходя мимо женщины, одарившей рисом последнего, десятилетнего монашка, Дороти спросила:

— Доброе утро, вы не скажете, госпожа, как мне пройти к Шведагону?

Ей уже не доставляло никакого труда говорить по-бирмански. И женщина не удивилась ее виду и вопросу, заданному в семь утра.

— Иди прямо, девушка, — сказала она, — до озера. Вдоль озера направляйся направо, пока не выйдешь к мощеной дороге. И дорога приведет тебя к священной пагоде Шведагон.

Дороти поклонилась, благодаря женщину, а затем пошла, как ей сказали.

Утро постепенно расцветало. Все громче пели птицы в садах, тянувшихся вдоль дороги и скрывавших деревянные дома. У колодца, площадка вокруг которого была выстлана плоскими камнями, собрались женщины. Они были одеты лишь в длинные юбки и совершали утренний туалет — одни мыли длинные черные волосы, другие обливались водой, а третьи принялись за стирку. Мужчин среди них не было — то ли те еще спали, то ли ушли к другому колодцу.

На дороге все чаще встречались повозки, а один раз Дороти даже испугалась, потому что никак не ожидала такой встречи: посередине улицы вышагивал самый настоящий слон, который волочил за собой толстое бревно. Его погонщик сидел у слона на загривке и распевал песню, совершенно лишенную смысла и мелодии для европейского уха, но такую приятную и мелодичную для Дороти!

Вскоре впереди показалось небольшое озеро, окруженное пальмами и прекрасное в зелени берегов, по которым были разбросаны маленькие белые пагоды, то в рост человека, а то и меньше. На дальнем берегу озера прямо из воды вырастал холм, увенчанный гигантской пагодой. Она являла собой золотой конус, как бы сложенный из плоских блинов, которые постепенно уменьшались, словно на детской игрушке, называемой пирамидкой. Из этого конуса тянулась к небу жирафья шея — верхняя часть пирамиды. Сверху ее венчал полураскрытый золотой зонт, который сверкал, будто охваченный жидким пламенем. Дороти не сразу догадалась, что причиной тому солнце, встававшее на востоке и уже осветившее самую вершину пагоды, поднимавшуюся чуть ли не на четверть мили к редким пушистым облакам.

Дороти задержалась на берегу озера, любуясь пагодой и ощущая глубокий искренний покой, как ребенок, который после долгих поисков нашел свой тихий дом. Сейчас откроется дверь, и навстречу выйдет мама.

И тут справа над вершинами деревьев появился луч и ударил ей в глаза — и в следующий же момент солнце буквально вылетело на небо, вытолкнутое наступающим днем. И сразу же мир вокруг стал шумным, ярким и жарким.

Дороти пошла вокруг озера и вскоре вышла на мощенную камнем дорогу, по которой в том же направлении тянулись люди, одетые празднично и хранящие благоговейную тишину перед недавно возникшим перед ними во всей своей красоте Шведагоном, одним из самых удивительных чудес света. И чем

ближе Дороти подходила к пагоде, тем теснее становилось на дорожке от паломников.

Вот дорога уперлась в широкую крутую лестницу, навес над которой поддерживали позолоченные резные колонны, каждая в два обхвата. В тени на лестнице уже раскладывали свои товары торговцы священными реликвиями, а то и всякими пустяками — колокольчиками, статуэтками святых, лаковой посудой и праздничными юбками для мужчин и для женщин — мало ли что захочет купить паломник на память о своем путешествии?

Разувшись и неся сандалии в руке, Дороти поднялась со всеми по лестнице. Ближе к пагоде колонны были обклеены кусочками зеркал, и Дороти вгляделась в одно из зеркальцев и расстроилась, поняв, какой неряхой и оборвашкой она выглядит.

Но ей было некуда деваться и у нее не было денег, чтобы привести себя в порядок. Главное, что она от арабов ушла, и от Регины ушла, и даже от старого Лю ушла. И, чтобы ни ждало ее, она была убеждена, что в конце концов все хорошо кончится — может быть, это чувство возникло у нее именно от яркого солнечного дня, от бурной красоты Шведагона и умиротворенного состояния людей вокруг.

Сама пагода стояла на широкой мраморной платформе. На этой платформе оказалось достаточно места и для других небольших храмов и пагод, для навесов, чтобы паломники могли спрятаться от солнца и отдохнуть, для статуй львов и злодейского вида стражей Неба. Гигантский змей, сложенный из покрытых штукатуркой кирпичей, вился вокруг одного из храмов.

Дороти спросила о монастыре Священного зуба Будды у одного из многочисленных монахов, которые бродили по платформе, обмахиваясь круглыми плетеными опахалами или прикрываясь от поднявшегося солнца красными, на бамбуковых спицах зонтами.

Монах был сытый, томный, он долго размышлял, разглядывая странную девушку склонными к земным

соблазнам глазами, потом вздохнул и показал через плечо назад и вниз.

По дороге к монастырю, который, как оказалось, раскинулся на дальнем склоне холма, Дороти пришлось несколько раз останавливаться и спрашивать дорогу у прохожих, так что добралась она до монастыря лишь через час.

* * *

Монастырь Священного' зуба Будды был основан давным-давно. Каменные столбы, на которых когда-то крепились ворота, покосились, а памятью о воротах остались лишь ржавые петли. Ограда, тянувшаяся от ворот и поднимавшаяся по склону холма, во многих местах обвалилась, и через нее можно было перешагнуть, дорожки внутри монастыря заросли травой и даже кустами, которые взломали каменные плитки. Лишь центральная аллея, ведущая к главному зданию монастыря, поддерживалась в порядке. И по ней перед Дороти шествовала вереница монахов, которые возвращались в монастырь, собрав подаяние себе на завтрак.

Здание монастыря было грандиозно. Все три этажа его, все веранды и многоэтажная крыша, составленная из уменьшающихся шатров, колонны, перила, наличники больших, без стекол, окон — все было покрыто резьбой и некогда раскрашено. Теперь же краска осыпалась, но резьба, посеребренная от старости, осталась.

Сняв сандалии, Дороти поднялась на веранду, и тут навстречу ей из темноты выдвинулся монах, худой и мрачный.

— Нельзя, женщина, — сказал он. — Тебе не место в монашеской обители.

— Мне нужно видеть достопочтимого У Дхаммападу, — сказала Дороти.

Мальчишки-послушники, путаясь в длинных тогах, пробежали стайкой мимо, но под взглядом худого монаха стушевались и пошли дальше с нарочитым

смирением и неспешностью, хотя им, конечно же, хотелось бежать и прыгать.

— Настоятель размышляет, — сообщил худой монах. И это звучало окончательно, словно «он умер».

Дороти понимала, что встретилась с человеком, которому приятно запрещать и поучать. И на его помощь рассчитывать не приходится.

— У меня к У Дхаммападе важное дело, — все же произнесла Дороти. — Я приехала к нему изда-лека.

— Я вижу, что издалека, — согласился монах. — Но все равно тебе не нужно разговаривать с сая-до. Ты можешь все сказать мне, и я передам У Дхаммападе.

— Я могу передать послание только лично, — возразила Дороти, — я подожду.

— Подожди за пределами обители, — сказал худой монах.

Дороти сошла с веранды, чтобы не спорить с монахом, и отошла под тень гигантского мангового дерева, с ветвей которого свисали зеленые маленькие плоды. Она уселась на корточки, как бирманка, которая намерена ждать. В Англии ей не приходило в голову сидеть на корточках, когда есть стулья или кровать, но здесь это получилось так естественно...

Монах постоял у резных перил веранды, глядя на упрямую нищенку в рваной полосатой юбке, потом ушел.

Наступила тишина. Она была наполнена пением множества птиц, звуками насекомых, шуршанием ветра в листве, в нее вплетались далекие голоса и хоровой речитатив, доносившийся изнутри здания, видно, маленькие послушники зубрили наизусть мудрые сутры.

Потом на веранде появился другой монах, помоложе первого, с круглым туповатым лицом.

Он вынес плетенное из тростника низкое кресло. Поставил его на веранду.

Затем удалился и вскоре вернулся, поддерживая под руку очень старого монаха. Годы согнули его

настолько, что лицо смотрело на землю, и монаху приходилось далеко откидывать его назад, чтобы увидеть путь перед собой или собеседника.

Молодой монах помог старику опуститься в кресло.

Глубокий, зычный голос, которому, казалось, нигде было уместиться в немошном теле старого монаха, прозвучал над монастырем и запутался отдаленным громом в листе манговых деревьев:

— Девушка, которая хотела меня видеть и пришла издалека, пусть она поднимется ко мне.

Молодой монах подошел к перилам и поманил Дороти подняться на веранду, словно не был уверен, услышала ли она громоподобный голос старика.

Дороти, оробев, поднялась по скрипучим ступенькам на веранду. Она особенно чувствовала сейчас, что дурно выглядит и не вызывает у людей доверия.

Старик откинул голову назад. Темное лицо было изрезано тысячьо морщин и морщинок. Глаза были спрятаны в паутине складок и шрамиков. Старик был так похож на черепаху, выглядывающую из-под панциря.

— Мне сказали, — продолжал старик, — что ко мне пришла нищенка, для которой бирманский язык не родной. Она сказала, что пришла ко мне издалека. Откуда же ты пришла?

— Из Англии, — ответила Дороти. — Я приплыла на корабле, но попала в плен к пиратам, потом меня везли на арабской баггале и хотели продать в рабство. Но я убежала.

— Я не знаю о том, что происходит на море, потому что никогда не был там. Но знаю, что страна Англия находится во многих месяцах пути и англичане хотят завоевать нашу страну так же, как они завоевывают Индию. Я правильно говорю? — Последний вопрос относился не к Дороти, а к молодому монаху, который стоял рядом с низким креслом.

— Вы правы, сайя Дхаммапада, — ответил монах. — Ваша мудрость не знает пределов.

Дороти не знала, в чем заключается мудрость старика. Но по крайней мере она убедилась в том, что лицезреет именно того человека, который ей нужен.

— У меня есть письмо к вам, — сказала она. — Письмо было зашито мне в подол юбки. — Она показала, где было раньше письмо. — Но мне пришлось плыть по реке, и я боюсь, что надпись на тряпочке смыло водой.

— И тебе не повторили слова записки вслух? — спросил Дхаммапада.

— Нет.

— Значит, они боялись, что ты попадешь в руки врагов... — Старик опустил голову на грудь и как будто задремал. Дороти ждала. Молодой монах тоже ждал.

Через минуту или две старик снова запрокинул назад черепашью голову и спросил:

— А как ты попала в Англию?

— Туда приехала моя мать, — призналась Дороти. — Она вышла замуж за англичанина. А я родилась в Лондоне, в английском городе.

— Почему ты знаешь бирманский язык?

— Мать учила меня.

— Мать дала тебе письмо ко мне?

— Нет, одноглазый фокусник Фан, который тоже живет в Лондоне.

— Мы знаем такого? — спросил Дхаммапада у своего молодого спутника, но тот отрицательно покачал головой.

Подол был пришит крепко, Дороти с трудом разорвала нитку, дальше все пошло быстрее. Через минуту под внимательными взглядами монахов Дороти вытащила из шва еще влажную тряпочку. Она не ожидала увидеть на тряпочке буквы, но, видно, они были написаны чернилами, которые не смывались водой. Мелкие круглые бирманские буквы чернели на тряпочке, которая была настолько тонкой, что, когда из маленького червяка материи она превратилась в плоскую тряпку, оказалось, что она размером в две ладони и целиком исписана с одной стороны.

— Дай мне письмо, — приказал У Дхаммапада, — это послание для моих глаз.

Затем У Дхаммапада вытащил из-под оранжевой тоги старые очки в металлической оправе, точно такие же, какие были у трактирщика в Лондоне. Надел их и опустил нос к самой тряпочке, как бы обнюхивая ее.

Он долго водил носом над тряпочкой, разбирая, что там написано.

Несколько монахов, которым нечего было делать, подошли к веранде и стали рассматривать Дороти, но молодой монах прикрикнул на них, и они ретировались.

Наконец старик завершил чтение. Громко вздохнул, видно, устал от этого усилия, снял очки и спросил у Дороти:

— Ты сама-то читала письмо?

— Нет, — ответила Дороти. — Мне мама зашила его. Я не распарывала. Да к тому же я и не поняла бы, ведь я не умею читать по-бирмански.

Что-то было неладно... Это она поняла, перехватив удивленный взгляд молодого монаха.

Старый монах запрокинул голову так далеко, что казалось — кадык вот-вот прорвет кожу на морщинистой коричневой шее. И рассмеялся.

— Она и не заметила, — сказал он. — Все заметили, а она не заметила!

— Что я не заметила, сайя Дхаммапада? — спросила она робко.

— Ты не поняла, что мы разговариваем сейчас с тобой на другом языке. И мой друг У Визара не понимает нашего разговора.

— Я вас не понимаю, — произнес молодой монах, видно сообразив, что У Дхаммапада говорит о нем.

— Разумеется, — продолжал старик, — потому что мы с тобой, девушка, разговариваем на лигонском языке, ибо оба принадлежим к одному народу, хотя оба оторвались от него.

— Лигон? — Впрочем, Дороти уже и сама обо всем догадалась. Ведь мать никогда не делала секрета из того, что ее девочкой привезли в Амарапур, бирманскую столицу в среднем течении Иравади, потому что бирманские короли всегда, как было принято на Востоке, брали на воспитание к себе детей вассальных князей. Считалось, что дети горных властителей таким образом получают столичное образование и воспитание, на самом же деле эти дети были заложниками и гарантировали королю хоть какую-то меру спокойствия в королевстве. Правда, если центральная власть ослабевала, то и заложники приносили мало пользы. Как правило, у всех горных князей было по несколько жен и десятки детей. Так что княжной больше, княжной меньше — зачастую роли не играло.

Но тут, когда все выяснилось, открылись совершенно неожиданные обстоятельства. И об этих обстоятельствах настоятель монастыря Священного зуба У Дхаммапада рассказал английской девушке Дороти Форест уже после того, как велел принести гостье чаю со сладкими пирожками, после того, как ее отвели в дом к прислужницам, которые жили при мужском монастыре, раз уж женских монастырей в буддийских странах не бывает, добровольно неся обязательства монашеской жизни, притом обстирывая монахов, прибирая в монастыре и ухаживая за цветами и садом. Добрые женщины приняли искреннее участие в Дороти, так как о том их попросил сам У Дхаммапада — человек святой, который в будущем рождении обязательно станет святым, возможно, бессмертным.

Эти прислужницы, облаченные в розовые хламиды, тоже бритые, смиренные и суетливые в своем желании угодить святым людям, большей частью пожилые, помогли Дороти вымыться, награв для этого воды, они принесли ей одежду, пожертвованную одной знатной вдовой. Вдова была рада совершить доброе дело и выполнить просьбу, исходящую от ее духовного наставника и утешителя сайя У Дхаммапады.

Одежду принесли, когда Дороти проснулась после дневного сна, тягучего и неглубокого, напоенного жарой, жужжанием пчел и шуршанием травы. Она поняла, как славно отдохнула, что сбросила после омовения и сна в тени веранды домика усталость и напряжение в мышцах.

Одна из розовых послушниц положила перед ней стопку одежды, другая помогла подогнать ее, и через десять минут на веранду главного монастырского дома, где уже ждал ее в кресле мудрый сайя У Дхаммапада, поднялась самая настоящая знатная бирманка. Она могла быть и лигонской княжной, и бирманской или шанской принцессой.

— О! — воскликнул сайя У Дхаммапада. — Неужели мои старые глаза вновь видят бесподобную Ма Джи Нурия, твою родную бабу, божественную красавицу, пленившую старого короля Алаунпая, но убежавшую с лигонским принцем, ибо она была охвачена безумной любовью к нему.

— Не та ли это Ма Джи Нурия, которой принадлежат волшебные строки поэмы о любви? — спросила старенькая прислужница. Судя по ее стати и манерам, в мирской жизни она принадлежала к сливкам бирманского общества. Впрочем, так оно и было — прислужница, помогавшая Дороти одеваться, до недавнего времени была главой могущественного придворного клана, но, проснувшись однажды утром, поняла, насколько ей неинтересны козни и интриги вокруг трона, приемы и праздники, заговоры и тайные убийства. И в один день она оставила все: и дворец в Амарапуре, и богатства. Она ушла в монастырь, поближе к славному старцу У Дхаммападе, чтобы на склоне жизни внимать его проповедям и советам.

— Это она, знаменитая придворная поэтесса, — согласился У Дхаммапада, который в свое время тоже не был чужд поэзии.

— И она была родной бабушкой нашей гостьи?

— Да, родной бабушкой. У нее были двое детей — сын Маун Нурия и дочь Ма Ин. Новый король при-

казал отправить дочь ко двору, чтобы она воспитывалась там. Так мать этой девушки увидела англичан, когда они приехали посольством в Авское королевство. И тогда она, что свойственно девушкам из рода Хмаунг, тоже уехала — на этот раз с англичанами. И король Баджидо, сделав широкий жест, разрешил ей этот брак. Благо к тому времени власть в Лигонском королевстве захватил другой род. Поэтессе Ма Джи Нурия и ее сыну пришлось бежать в горы, в родное племя Хмаунг, а их муж и отец, король Лигона, был убит заговорщиками. В те дни король Баджидо думал о том, как удержать вассала, как не дать новому лигонскому королю переметнуться к тайцам. Поэтому он отпустил с англичанами уже не нужную заложницу.

— Значит, мне повезло, — сказала Дороти, — что в нашем Лигоне пришли к власти другие люди?

— Почему?

— Иначе моей маме не разрешили бы выйти замуж за моего папу, и тогда меня бы не было на свете.

— Это глубокая мысль, — улыбнулся У Дхаммапада улыбкой старой черепахи. — И наивная мысль. Потому что у истории не бывает слова «если». Что случилось, то предсказали звезды. И иначе случиться не могло.

— А что было дальше? — спросила Дороти.

— Многие лигонцы знатных семей покинули королевство. Потому что узурпатор был жесток и коварен. Он перебил почти всех соперников, что жили в Лигоне. Он даже посылал наемных убийц в горы...

— И так погибла бабушка этой девушки, — сказала старая прислужница. — Моя любимая Ма Джи Нурия. Не окончив своей последней поэмы.

— Да, ее зарезал наемный убийца, — сказал У Дхаммапада. — А она была моей родной сестрой.

— Ах, что вы сказали! — удивилась старая прислужница. — Как же вы молчали столько лет! Никто здесь не знал об этом.

— И не нужно знать, ибо, приходя в монастырь, человек как бы скидывает одежды и чины. Никто не

должен интересоваться, кем я был. Важно добиться милости нашего Учителя и кармы — и стать лучше в новом рождении.

Старуха и старик замолчали, погруженные в свои думы, а Дороти пыталась разобраться в том, что узнала. Оказывается, она — внучатая племянница этого старого монаха. Это еще куда ни шло... но она еще и родственница бывших правителей какого-то горного королевства. А может, у нее сохранились и другие родственники?

— А что сейчас происходит в Лигоне? — спросила Дороти.

Старик не сразу вернулся из мира своих медленных мыслей.

— Тебя это интересует?

— Разумеется. Как и интересует то, что было написано в письме вам, дедушка.

Как просто называть дедушкой этого древнего монаха! Как будто внутри, в сердце, она знала об этом с той минуты, как поднялась на резную веранду монастыря.

— В письме было написано лишь, кто ты такая, кто твоя мать и кто твой отец. И была там просьба помочь тебе вернуться к своим родным в Лигоне.

— Зачем? — спросила Дороти. И, не дожидаясь ответа, уже знала, что и в самом деле ей важно, ей нужно вернуться в свою страну, в свой Лигон. К родным, которые до того существовали лишь в скудных рассказах матери, которая не любила много говорить о Лигоне, но плакала во сне и бормотала на родном языке. Англичанка ли она, Дороти Форест, или в ней сильнее иная кровь? Почему ей так просто и привычно в длинной, до земли, узкой шелковой юбке, в шелковой блузке, к которой вместо пуговиц пришиты крупные жемчужины, а волосы, мягкие после купания в теплых водах, собраны и затянуты серебряной заколкой, которая сверкает, словно диадема. Дороти знала, что в ней всегда были два человека — бедная английская девочка и в то же время принцесса гордого народа, древнего, как сами горы.

И ей ужасно захотелось, чтобы в сад монастыря Священного зуба Будды сейчас вошел случайно, невзначай штурман Алекс и увидел Дороти в новом обличье. Тогда бы он, наверное, и внимания больше не обратил на эту голубку Регину.

— Ты спрашиваешь, что происходит в Лигоне? — повторил ее вопрос старый монах. — Там сейчас иная власть.

— Какая иная?

— Объединившись с племенем ва, родной брат твоей мамы, твой дядя, которого теперь именуют Бо Нурия, разгромил своих врагов и вновь воцарился на троне предков.

— Мой дядя?

— Он будет рад видеть тебя. Он добрый мальчик. Я знал его совсем маленьким.

— Он изменился, он стал воином, — сказала старая прислужница.

— Он стал воином.

— Я хочу видеть его, — сказала Дороти.

— Я не могу отправить тебя одну, и мои монахи тебе не защита. Но я сегодня же pošлю срочное письмо через рангунских лигонцев. Я думаю, что мы можем ждать ответа через неделю.

— А эту неделю...

— Ты проживешь здесь. Но не выходя из монастыря.

* * *

Прошло восемь дней.

Эти дни Дороти провела в монастыре. Порой в сопровождении старушек из монастыря она поднималась к Шведагону и подолгу сидела на мраморных плитах, мысленно беседуя с господином Буддой.

В городе и в порту она не была ни разу. И не хотела того.

Ей даже не интересно было, как там живет ее бывшая хозяйка. Как будто все это было в иной жизни, из которой она хотела бы взять к себе лишь маму с братом, а еще штурмана... И это ее смущало.

Два раза приходили знатные лигонцы, из тех, кто по своим делам жил в Рангуне. Они опускались на землю перед принцессой Ма Доро, касались пальцами ее руки.

Старушки поили их чаем, сайя У Дхаммапада беседовал с ними. Разговоры шли не только о возвышенном, но и о том, что бирманский король в Амарapura — деспот и тиран, что английские люди хотят воспользоваться его душевной болезнью и захватить Рангун. Но, может быть, это только слухи?

После этого все оборачивались к Дороти, словно она могла рассказать о замыслах англичан, словно она все эти годы была послом Лигона в Англии.

Да, говорила Дороти, когда я плыла сюда на корабле, то шли разговоры о тяжелых пушках и о том, что в Рангун должен прийти корабль «Дредноут» с солдатами-сипаями на борту.

Баггала Ар-Рахмана ушла из порта, так гости сказали Дороти. Получил ли купец свои деньги, неизвестно. Но вернее всего — получил. Дороти беспокоила судьба двоих матросов, оставшихся там, потому что в сердце птицы не бывает жалости. И, конечно же, она беспокоилась, не случилось ли плохого с Алексом. Уж лучше пускай Сюркуф доберется до Реюньона...

А на девятый день у ворот монастыря спешились с коней посланцы короля Лигона.

ГЛАВА 8

Поле битвы демонов

— У меня наступает решительный момент, — твердо сказал комиссар Милодар, — а вы мне талдычите о помидорах.

— Не талдычу, а стараюсь пробиться к вашему помутненному сознанию, — ответил командующий Теплицами и Оранжевыми Северного полушария. —

Если я вас послушаюсь, то мы оставим без витаминов треть населения планеты. Вы — варвар, комиссар!

— Бывает момент в истории, когда честь нации, честь планеты, честь Галактики перевешивает низменные соображения о помидорах. Знаете ли вы, что наша соотрудница находится сейчас в восемнадцатом веке и ее жизни грозит опасность? Читали ли вы о том, что все войны мира не стоят слезы одного ребенка. Кто это сказал?

— Пушкин!

— Нет!

— А кто?

— Не изображайте из себя первоклассника! Любой ребенок знает, кто это сказал. И не заговаривайте мне зубы, витаминный диктатор. Согласны ли вы помочь ИнтерГполу, или будем враждовать?

— Будем враждовать, — ответил командующий Теплицами.

Милодар в гневе выключил связь.

Он обернулся к профессору Гродно.

— Вы видите, с кем нам приходится иметь дело?

Профессор Гродно ничего не ответил. Он устало глядел на дисплей — сложные цветные пятна рассказывали ему, как функционирует мозг агента Коры Орват. Мозг функционировал непредсказуемо.

Милодар раздраженно отбросил стул и встал рядом с профессором у дисплея.

— Плохо, да? — спросил он.

— Я уже многое научился читать в ее спящем сознании, — ответил профессор, делая неопределенное движение головой в сторону спящего тела Коры Орват, которая покачивалась в туманном газе, наполнявшем саркофаг.

Ассистентка Пегги принесла профессору чашку чая и кофе для комиссара. За месяцы, проведенные рядом, участники операции привыкли друг к другу, и Пегги уже не так восторженно относилась к профессору и даже обнаружила в нем некоторые недостатки. И это не удивительно, если рядом с тобой находится страстный, подвижный, курчавый комиссар Милодар.

— И вас тревожит...

— И меня тревожат изменения в импульсах. Настолько, что, может быть, нам безопаснее прервать связь и пробудить агента.

— Все сговорились меня погубить! — закричал Милодар. — Вы не хотите войны с Эпидавром? Я тоже не хочу этой войны. Остался шаг до цели, и мы его сделаем. Неужели вы можете отступить?

— Еще несколько недель назад Кора Орват была лишь медиумом, передаточной инстанцией между нами и Дороти Форест. Но необычные условия, требующие постоянной связи мозга Кору с ее подопечной, заставляют Кору все более вторгаться в жизнь Дороти, сочувствовать ей и переживать за нее.

— Еще бы, — заметил Милодар. — Кора понимает, что Дороти ее прапрабабушка. И если она не выйдет замуж и не родит ребеночка, то и Коре нечего делать на этом свете.

— Может быть, — вздохнул профессор.

А Милодар подумал, что Пегги готовит такой жидкий кофе, что он даже при всей своей любви жениться не сможет связать с ней личную жизнь.

— Вот уже три недели, как Дороти разговаривает только по-лигонски, — продолжал Гродно. Чай у него тоже был жидкий. Но, может, именно он испортил Пегги своими требованиями? Ноги у нее хорошие, ровные, полные, тонкие в икрах, тонкие в коленках... А вот кофе статью не вышел. — Биотоки мозга агента Орват стали значительно активнее. И если мы могли лишь приблизительно догадываться, какого рода активность происходит в мозгу медиума, то теперь я ловлю каждое слово, сказанное Дороти, — их мозги фактически слились.

— Это идеализм!

— Разумеется, — сказал профессор.

— Вы говорите — третью неделю ни единого английского слова?

— И ни единого бирманского слова. Мы подключили лингвист-компьютер. Он не ошибается.

— Он еще может сказать нам, о чем она говорит по-лигонски?

— Но компьютер не знает лигонского языка!

— Почему?

— Его никто об этом не просил.

Милодар готов был произнести убийственный монолог, но понял, что этот монолог не поможет ни ему, ни его агенту.

— Значит, — сказал Милодар, — мы можем утверждать, что Дороти добралась до своих родственников. По крайней мере она находится в районе боев между мятежниками. Мне необходимо взглянуть на нее.

— Но мы исчерпали все лимиты...

— Не учите меня жить. Все равно они вынуждены будут дать нам наводку на Дороти, чтобы отыскать пропавшие предметы.

— Но не сегодня!

— А сегодня... — Милодар подошел к саркофагу. Лицо Кору потеряло безмятежность глубокого сна — по нему проносились легкие гримасы, словно девушку тревожили сновидения. — Где? — спросил Милодар сам себя. — Где ты находишься, дорогая Дороти? Где тебя черти носят? В Рангуне? В пути? Или в родовом гнезде Хмаунгов — городке Лиджи?

Пегги и профессор Гродно замерли, потому что голос Милодара от задумчивого полупшепота постепенно поднялся до трагических высот. Комиссар казался полководцем, который клянется в верности перед гробом великого предка.

— О, как нам узнать правду, где ты? — возопил Милодар.

Губы спящей Кору шевельнулись, чуть-чуть, но чуткие приборы уловили и многократно усилили слово.

— Лиджи!

— Что? — крикнул Милодар. — Что она сказала? Она что-то сказала, или я схожу с ума?

— Что ж, мы этого ждали, — ответил Гродно, бросаясь к приборам. — Трудно поверить собственным ушам, но она сказала слово «Лиджи».

Милодар нежно провел ладонью по холодной крышке саркофага.

— Она один из моих лучших агентов, — сообщил он медикам. Словно они не знали об этом раньше. Пароксизм ревности исказил миловидное лицо Пегги. Она дала себе слово зарезать Кору, как только та вернется из командировки.

Милодар вышел на середину комнаты и произнес:

— Теперь никто не посмеет остановить меня. Давайте включайте всю мощность. Проводим операцию «внушение»!

Гродно не возражал.

Он тут же начал подготовку к рискованной, ювелирной операции — мозг Кору должен был дать сигнал, направленный в мозг ее прародительницы. Теперь, когда осуществилась ожидаемая прямая связь между Корой и мозгом Дороти, можно было надеяться, что Дороти услышит приказ своей правнучки.

— Начинайте, — приказал Милодар. — Я отправляюсь к себе, чтобы вызвать Лицо из Эпидавра. Он должен успеть сюда к моменту завершения эксперимента.

Милодар, не попрощавшись, бросился вон из лаборатории. И не потому, конечно, что дела призывали его, просто он был суеверен; хотя не мог в том признаться.

Хлопнула дверь.

Пегги с жалостью посмотрела вслед Милодару. Профессор Гродно впервые позволил ревности овладеть собой.

— Не знаю, — сказал он, — достоин ли твоей любви человек, который бежит с поля боя.

— Мы не на поле боя, — отрезала Пегги. — Мы проводим рядовой медицинский эксперимент. А у комиссара Милодара есть дело государственной важности.

* * *

Дороти потянулась — ее ложе было одновременно бескрайним и ограниченным перильцами. Смешно

спать на кровати с перильцами и под шелковым балдахинном, в углах которого гнездятся летучие мыши.

Простыней в ее королевстве еще не изобрели, зато шкуры, которыми была покрыта постель, были мягкими и отлично выделанными.

Так что, несмотря на ночные холода, постель принцессы всегда была теплой.

Дороти лежала и прислушивалась к звукам утра.

Свежий ветер шумит в ветвях сосен, звенят колокольчики — стадо коз тянется на луг, закричала сойка... снаружи на веранде зазвенела посудой служанка — пошла доить буйволиц. Скоро придут монахи, надо будет выйти и вынести им разогретый слугами рис — принцесса Лигона должна показывать смирение перед небом и кармой.

Но еще есть несколько минут... Как далеко отсюда Лондон и даже Рангун, вся жизнь, проведенная вне Лиджи... Что могло заставить ее мать, хоть и опальную, но княжну, бросить все — дом предков, языческих богов, капища которых скрываются в сосновых лесах, чтобы их не увидели строгие буддийские монахи. Покинуть родных? Неужели так сильна любовь к язычнику, к иностранцу из презренного рода диких англичан, не знающих чести... Дороти (она уже привыкла к своему лигонскому имени, произведенному от английского, — Ма Доро) вдруг представила себе, как в узком домике у Темзы ее мать, казавшаяся ей всегда такой взрослой и даже старой, сидит сейчас, корпит над вышивкой очередной шляпы... А может быть, к ней пришел одноглазый фокусник Фан, и они гадают, где сейчас Дороти, что с ней, здорова ли она, счастлива? И наверное, думают, что она по-прежнему живет среди англичан и служит толстой птице Регине...

— Доброе утро! — Служанка у двери сделала поклон сикхо. — Госпожа будет одеваться?

— Поунджи уже пришли за подаванием?

— Поунджи скоро придут. Ваш царственный дядя собрался на охоту и хотел бы перед отъездом поговорить со своей племянницей.

— Скажи дяде, что вынесу подаяние, умоюсь и приду к нему вкушать утреннюю пищу.

Служанка поклонилась, коснувшись головой чистых сосновых досок пола.

Дороти вскочила с постели. Утро было прохладным, свежим и светлым, хотя наступал муссон и тяжелые облака уже курчавились, нависая над перевалом — не сегодня завтра хлынут дожди. Видно, сегодняшняя охота — последняя в этом сухом сезоне.

Одна из служанок принесла большой серебряный горшок с рисом и серебряную поварешку, Дороти спустилась по лестнице своего дворцового павильона на короткую мягкую траву. Монахи уже подошли к лестнице и, смиренно опустив головы, ждали милости от принцессы.

Дороти стала раздавать им рис, а служанка, стоявшая дальше, клала каждому по большой ложке рыбьего паштета — нгапи.

Затем Дороти принесли одежду для среды, дня белого слона. Одежда была белой с зелеными цветами, прическа в день белого слона носится высокой, с гроздью белого жасмина. Мастер Маун принес специально вырезанное им из сандалового дерева душистое опахало. Взяв его и поблагодарив слуг, Дороти в сопровождении двух молоденьких фрейлин направилась через широкий зеленый двор к главному зданию дворца — терему короля Бо Нурии, где тот уже восседал на низенькой каменной скамеечке за круглым столом высотой меньше локтя, на котором стояли блюдо с рисом, фрукты и чай. Он ждал к завтраку свою любимую, обретенную с помощью добрых богов племянницу Ма Доро.

Дядя Бо Нурия был совсем еще не старым, даже моложе мамы. И очень на нее похож. Старый Бо Пиньязотта рассказывал, что за худобой и тонкостью рук короля открывается выносливое, жилистое тело воина и во всей стране гор нет лучшего бойца на саблях, чем повелитель Лигона. И нет лучшего стрелка из мушкета на охоте — кто еще кроме Бо Нурии с пятидесяти шагов попадает пулей в глаз тигру?

Может быть, лишь глухонемой богатырь Нга Дин, сын Бо Пиньязотты.

Несмотря на прохладу, король Лигона сидел в одних штанах — в отличие от бирманцев, лигонцы носят широкие штаны, подобно жителям Чиенгмая и шанам. Вид у него был усталый и мрачный.

— Я рад тебя видеть, девочка, — сказал он при виде племянницы.

В этом не было лукавства — у короля не было детей, а самые мудрые доктора Китая заявили, что, к сожалению, боги и сам Будда не могут ему помочь. Поэтому король принял появление племянницы за благоприятный знак небес и через две недели после ее приезда назвал Дороти наследницей трона. Это не понравилось некоторым знатным вождям и придворным, но никто не посмел противоречить королю. В Лигоне женщина может наследовать трон, так что ничего особенного в том решении не было, благо, что по законам престолонаследования первой в очереди стояла не Дороти, а ее мать как сестра короля. Но Мэри-Энн еще не подозревала, какое высокое место она занимает в Лигонском королевстве, так как сообщить ей об этом было некому.

— Садись, — сказал король и передал племяннице чашку с кислым буйволовым молоком. Дороти приняла широкую чашку и хлебнула душистого густого напитка. — Сегодня выезд на охоту задерживается, — сообщил король. — Я хочу, чтобы мои вожди и советники слышали плохие новости.

Дороти знала, что было бы нарушением закона спрашивать о том, каковы эти новости, прежде чем король сочтет возможным сам о них сообщить. Дороти съела горячую лепешку. Конечно, в минуты плохих вестей дроявлять аппетит неприлично, но она была молода и полагала, что лучше съесть лепешку сейчас, чем после прихода советников — хранителей обычаев и правил хорошего тона.

Вельможи маленького королевства входили по одному. Первыми пришли три усатых князя из тех, чьи

владения примыкали к Лиджи и которые предпочитали проводить дождливый сезон в городке, затем стали собираться советники. Потрясая седыми бородами, они кланялись дяде и Дороти. Затем снимали широкие шляпы и накидки и рассаживались на подушках в установленных местах — чем знатнее, тем ближе к королю. Хотя подушки были одинаковыми.

Принесли горячий чай в медных чайниках, его разливали по китайским фарфоровым чашкам и доливали в чай молоко. Дороти выпила всю чашку, остальные отхлебнули по глотку и поставили чашки на низенькие столики, что стояли перед каждым.

— Я собрал вас, друзья, — сказал король, — как ближайших ко мне людей, для того, чтобы держать с вами совет.

Никто не проронил ни слова. Все понимали, что обстоятельства достаточны серьезны, если король отложил выезд на охоту и созвал всех к себе с утра, когда не принято устраивать аудиенции и тем более принимать государственные решения.

Все молчали, слышно было, как один из князей поднял чашку и громко отхлебнул от нее.

— Вы сейчас увидите человека и услышите его слова.

Король шелкнул пальцами.

Слуга, дежуривший в дверях, крикнул наружу, с веранды вошли два воина, за ними человек в тоге монаха, нижняя половина лица которого была повязана черным платком.

Человек поклонился от входа, король жестом приказал ему выйти на середину комнаты.

Монах сел на корточки.

— Этот человек, — сказал король, — мой верный слуга. Он — мои глаза и уши в Аве. Он дороже мне, чем вся слоновья кавалерия. Потому никто не увидит его лица.

И все присутствующие склонили головы, не споря, потому что знали, на что идет авский двор, чтобы вернуть себе господство над Лигоном. Ведь уже восьмой год, как Бо Нурия отказывается посылать дань в

Аву, презирая могущественного короля Бирмы за то, что тот предал его род и поддержал узурпаторов.

— Говори, наш друг, — произнес король, — мы внимаем тебе. Повтори то, что ты произнес лишь для моих ушей сегодня ночью.

— О, славный король Бо Нурия, — сказал монах, и голос его звучал глухо из-под черного платка. — Я спешил к тебе пять дней и пять ночей, чтобы сообщить, что королевский совет в Аве постановил: как только прекратятся дожди, отправить большую армию против Лиджи, чтобы вернуть под руку Авы королевство Лигон и все горные народы, признающие его покровительство.

По собравшимся прокатился удивленный шум. И не то удивило вельмож, что Ава собралась в поход — хватит королю Бодопай ухлопывать все доходы страны в сооружение пагоды в Мингане.

Многие в Бирме, не говоря уж о горцах, полагали, что авский король Бодопая сошел с ума, когда он, для того чтобы обеспечить себе в будущем рождении участь боддисатвы, приказал построить на берегу Иравати самое большое строение в мире. Вся жизнь в стране замерла, никто не имел права построить даже сарай до тех пор, пока затея короля не увенчается успехом. Половина мужчин государства, бросив поля и мастерские, копали глину, обжигали кирпичи, перевозили их к строительству и укладывали слой за слоем... И конца строительству не было видно.

Бо Нурия вспомнил, что французский миссионер, добравшийся когда-то до Лиджи, рассказывал, что в краях белых людей такое уже случилось много лет назад в городе под названием Ба-билон. Люди там строили башню до неба, чтобы возвыситься над богами, и боги посмеялись, лишив их способности понимать друг друга. Вот и пришлось им разойтись по домам. Смешная история... Но боги посмеются и над Бодопаем, в этом Бо Нурия был убежден.

Нет, не само решение наказать непокорный Лигон удивило князей и советников. Удивило решение готовить поход загодя. Ведь, если король Бирмы наме-

ревался наказать вассала, он приказывал это сделать западному мьозе или покорным шанским князьям. Те разоряли непокорные деревни и уводили пленных. Зато если планировалась большая война против Манипура или Сиама, тогда готовиться к ней начинали с весны, а в поход выступали с началом сухого сезона, в сентябре. Следовательно, решение Бодопаи означало, что он считает Лигон целью большой войны. Он не доверяет вассалам. Он пойдет в поход сам и не оставит в Лигоне камня на камне. У Лигона нет шансов устоять в такой войне.

Дороти не знала, конечно, о чем размышляют старики, но поняла, что королевству ее дяди угрожает большая беда от бирманцев.

Она не прислушивалась к дальнейшей речи шпиона, потому что ей ничего не говорили имена бирманских генералов и губернаторов, соображения о путях наступления и названия полков и местных отрядов, которые должны будут участвовать в походе.

— Что же будем делать? — спросил король Бо Нурия, когда шпион ушел и остались только доверенные персоны и принцесса Ма Доро. — Я прошу каждого сказать, что он думает.

Вожди и советники по очереди кланялись повелителю и говорили так:

— Мы будем воевать.

А потом каждый начинал рассуждать о том, как его славные воины или славные воины короля разгромят жалких трусливых бирманцев. И даже Дороти понимала, что это все пустая похвальба суеверных дикарей, как бы молитва своим богам, чтобы они не допустили в горы могущественных врагов.

Но после того, как каждый из вождей произнес свою речь, терпеливо слушавший их король сказал:

— Все, что говорилось здесь, — тайна. У нас есть достаточно времени, чтобы подготовиться к войне. Со мной останется Бо Пиньязотта. Остальные идите, собирайтесь на охоту.

Советники и вожди послушно вышли, негромко переговариваясь, и по их виду никак нельзя было

догадаться, что это те же отважные стратеги, кто только что на словах разгромил сильного соседа.

— Я встревожен, — произнес король, когда остался лишь седой Бо Пиньязотта, знаменитый полководец из племени ва, который в свое время помог королю вернуть Лиджи.

— Их нельзя пускать в долину Лиджи. Если они выйдут к реке Кангем, они уничтожат все рисовые посевы и заморят нас голодом в горах.

— Разве в наших силах не допустить их в долину? — Король осунулся и постарел за последние часы.

— Мы должны остановить их на перевале Трех пагод, — сказал Бо Пиньязотта. — Этот перевал должен быть превращен в неприступную крепость, как сделал в свое время твой дед, Бо Урия, когда в страну вторглись китайцы. Другие перевалы слишком круты, и по ним идут лишь тропы. Большому войску там не пройти.

— У меня не хватит войск, — сказал король. — Даже если все племена пришлют людей. И ты знаешь, что эти люди — охотники. Они хороши, чтобы подстеречь отдельного солдата, но они плохи в битве — легко превращаются из отряда в толпу.

— Ты прав, король, — согласился полководец. — Значит, мы должны укрепить перевал пушками. Настоящими большими пушками.

— Дядя... — начала было Дороти, но осеклась. Ее советов не просили. Она — просто женщина.

— Что?

— Прости, дядя, я не должна была вмешиваться в разговор мужчин.

— Где мы достанем пушки? — спросил король.

— Мы можем купить их, — ответил старый генерал, дергая себя за длинный седой ус.

— В Сиаме?

Полководец обрадованно кивнул. Словно до этого не был уверен в такой возможности.

— Сиам всегда рад помочь нам против Бирмы, но он предпочел бы получить нашу свободу, к тому же

Сиа́м сейчас и сам переживает тяжелые времена. Они боятся французского вторжения.

— Можно купить пушки в Индии? — спросил Бо Нурия.

Полководец отрицательно покачал головой.

— Я не люблю пушек. Это — не оружие для благородного воина. Но я видел во время похода на Манипур, что могут сделать пушки даже с боевыми слонами. Нам нужны пушки.

Король отпустил полководца.

Когда они остались одни, он резко повернулся к Дороти.

— Говори, что ты хотела сказать.

— Я ничего не понимаю в войне, — сказала Дороти.

— Но ты жила среди англичан. Ты можешь знать нечто, избегшее внимания моих советников.

— Я плыла сюда на большом корабле «Глория», — сказала принцесса. — И знаю, что в трюме «Глории» лежали большие морские пушки, которые англичане намеревались выгрузить, поставить на лафеты и совершить поход на Аву.

— Не может быть!

— При мне об этом говорила жена английского фактора Джулиана Уиттли.

— И что она еще говорила?

— Впрочем, — Дороти усмехнулась, — все это не важно, потому что пушки попали к французскому пирату Сюркуфу вместе с «Глорией».

— Да, ты говорила мне о пирате. Но никогда — о пушках.

— Не было смысла. Я даже забыла о них.

— Это жаль. Ты должна была рассказать мне об этом раньше. Потому что для меня важно знать о планах англичан против Авы. Я не подозревал, что у них созрело желание завоевать великое королевство.

Дороти стало жаль дядю, ведь для него Авское государство было вершиной земного могущества. А даже Дороти знала, что оно далеко уступало тем ко-

ролевствам в Индии, которые уже покорились английским пушкам.

— Второй корабль, который вышел вместе с нами из Лондона, — сказала тогда Дороти, — называется «Дредноут», то есть «Устрашающий». Это старый линейный корабль британского флота.

— Линейный корабль?

— Значит, самый большой на флоте.

Дороти поняла, что и в европейском флоте она, как дочка бывшего моряка, разбиралась куда лучше, чем ее августейший дядя. Но время ли сейчас объяснять, что во время морских сражений самые большие корабли строятся в линию и эти линии идут навстречу друг другу, стреляя из всех пушек...

— И он тоже везет пушки?

— Нет, у него много своих пушек, — сказала Дороти. — Но он должен был зайти в Калькутту и взять на борт полк индийских солдат, сипаев. Теперь же поход сорвется... Англичане не посмеют отправиться на север без поддержки артиллерии.

— Ты рассуждаешь, как генерал, — улыбнулся дядя. — После охоты ты мне подробнее расскажешь о намерениях англичан и о том, как они хотели завоевать Авское королевство. Это смешно.

Но Бо Нурия не смеялся.

Во дворе прозвучал рог — сигнал начала охоты.

— Иди, девочка, — приказал Бо Нурия, — оденься для охоты. Я тоже переоденусь. Из-за того, что завтра война, мы не желаем сегодня менять нашу жизнь.

* * *

Охотились на мунтачков — небольших оленей, изяшных и быстрых. Небольшое стадо их подняли на самом берегу Кангема, в редком прозрачном лесу. Охотники гнались за оленями около часа, кони вконец утомились, на запасном коне король ускакал вперед — он был упрям и никогда не возвращался с охоты без добычи. Остальные охотники устроили перевал, слуги стали готовить привезенную из Лиджи

пищу, Дороти спустилась к широкой быстрой реке, прозвище которой — Кангем — Отец Лигона. Когда-то фокусник Фан говорил ей, что на огонь и бегущую воду человек может смотреть всю жизнь.

Дороти чувствовала какую-то тревогу, неудобство, ей все время хотелось уединиться, не видеть людей, словно она ждала свидания, которое нельзя было открыть другим людям. Сначала она отнесла это состояние на счет рассказа шпиона из Авы. Ну зачем, зачем королю Бодопаи идти походом на Лигон? Ведь Лигон никому не мешает, он хочет лишь одного — чтобы его оставили в покое...

— Я должна найти корабль... Какой корабль? Летающий корабль. Летающих кораблей не бывает... Это был чужой летающий корабль...

Дороти вскочила. Она испугалась — она почувствовала, словно кто-то забрался в ее голову и разговаривает с ней. Колдовство? Ее околдовали!

— Это не колдовство. Это ты сама... это я сама. Какой корабль? Я должна спросить о нем у дяди и у Бо Пиньязотты. Местные люди знают, что случилось в горах пять лет назад. Я должна отыскать там три вещи — Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти. Они были на том корабле. Я не знаю никакого корабля. Разумеется, не знаю, но я должна его найти...

Два голоса в ее голове все время путались, невозможно разобраться, кто и когда говорит. То ли это сама Дороти, то ли некто чужой.

— Здесь кто-нибудь есть? — вслух произнесла Дороти.

Берег был пуст — далеко, на склоне, слуги готовили пищу, а охотники отдыхали, беседовали, ожидая возвращения короля.

Голос замолк. Но осталось желание.

Желание найти корабль, летающий корабль... Такого не бывает даже в книжках.

— Кто ты, кто говорит со мной? — спросила себя Дороти.

И ответа не последовало, потому что внутренний голос — это ты сама. И вопросы ты задавала сама себе.

Грузный, седой Бо Пиньязотта спустился к воде. По обычаю племени его волосы были выбриты спереди до половины головы, а сзади заплетены в длинную седую косицу. Такими же косицами казались усы, свисавшие от углов рта и делавшие полководца похожим на старого сома.

В мешке у пояса он носил с собой все, что может пригодиться в дороге охотнику. Сейчас он достал оттуда деревянную миску и зачерпнул воды из Кангема. Он пил, запрокинув голову, вода лилась ему на кожаный панцирь. Напившись, он спросил:

— Ма Доро хочет пить?

— Нет, спасибо, дядя, — сказала Дороти. Обращаясь так к старому воину, она подчеркивала свое уважение.

— Ты почему сидишь одна? Ты чураться нас, диких людей?

— Неправда, я так не думаю... Скажи, дядя Пиньязотта, правда ли, что несколько лет назад в наших краях спускался корабль с неба?

— Ты откуда знаешь?

— Мне говорили служанки.

— Об этом говорить нехорошо. Поунджи из монастыря тоже так думают. Это были дикие посланцы Ада. Зачем нам знаться с ними?

— А что случилось? Не отворачивайся, дядя, ведь я все равно узнаю.

— В этом нет тайны... Просто об этом не говорят. Пять лет назад в долине Люнге, вон за теми горами, спустился сосуд злобы. Так его называли старики. Некоторые пошли туда посмотреть, что за круглая миска спустилась с неба. Но те, кто пошел, не вернулись живыми. Демоны, которые были в миске, убили наших людей.

— А потом?

— Они недолго пробыли у нас.

— Они улетели?

— Некоторые улетели. Немногие. Другие остались...

— И что же?

— Потом они стали воевать между собой.

— Почему?

— Злые демоны не говорят людям, почему они воюют. Но на горы упала ночь, и те, кто был близок к их месту сражения, умерли.

— Люди умерли?

— Некоторые деревни до сих пор стоят пустыми. Ты увидишь там только дома. Люди умерли.

В Дороти существовало понимание того, о чем говорил Бо Пиньязотта. Она знала о воздушном корабле куда более всех обитателей Лигона, но она не могла понять, откуда происходит это знание. Ведь никто не объяснял ей, что далеко в небе есть другие Земли, на них живут другие люди, что не злые демоны прилетали в долину Кангема, а жители дальней звезды, которые перед тем украли из своего дома некие волшебные предметы. А потом, судя по всему, оставили их здесь. Потому что победители в бою, разгоревшемся в джунглях, не думали о трофеях — они спешили унести ноги от заразы, исходявшей от их оружия. И что самое удивительное, Дороти знала, что оружие тех пришельцев было заразным, несло в себе воздушный яд, который не только убил обитателей нескольких горных деревень, имевших несчастье жить поблизости от места боя, но следы этой заразы остались в лесу и сегодня, людям нельзя подолгу оставаться там. Недаром местные жители боятся тех мест и никогда не ходят туда на охоту. Да и в деревнях снова не селились. А тот, кто ночевал в пустом доме, обязательно заболел и умирал... Но почему ей надо идти в такое плохое место? Какое дело ей до Зеркала Зла и Венца Власти?

Этот вопрос Дороти задала себе не потому, что боялась или не хотела увидеть поле битвы пришельцев с другой звезды. Но она не видела разумной причины, почему бы ей туда захотелось. А внутренний голос, который все время присутствовал в размышлениях и разговорах, почему-то не шел на подмогу, словно удовлетворялся ее согласием отправиться в джунгли и найти три волшебных предмета... Могу

ли я сказать правду моему дяде? Нет, он не поймет, о чем ты говоришь, он решит, что ты — орудие злых демонов, которые порой овладевают душой человека и делают его безумным. Тогда тебе уже никогда не попасть в лес. Но, может, мне и не надо туда? Нет, Дороти, ты должна это сделать. Ради самой себя. Почему? Поверь мне! Но почему? Мы с тобой поможем другим людям...

Дороти сжала ладонями виски, спор с самой собой пугал ее — может, и в самом деле она сходит с ума?

К реке сбежал простодушный глухонемой сын генерала Нга Дин. Он считался самым сильным витязем королевства, гордился этим, любил подраться, а Бо Пиньязотта, хоть и любил его, расстраивался, что сын у него никогда не станет полководцем.

Бо Пиньязотта приказал жестами сыну принести принцессе миску холодной воды.

— Выпей, госпожа, — сказал он. — Ты побледнела. Ты устала. Тебе трудно на охоте с мужчинами.

— Нет! — сразу ответила Дороти.

Старый воин засмеялся.

— Бирманские девушки никогда не ездят на охоту с мужчинами, но знатные девушки Лигона и горных племен умеют охотиться, как мужчины. Не расстраивайся, ты еще научишься. Ведь ты не училась этому в стране англичан?

— Я не училась. Но разве я плохо езжу на лошади?

— И этому ты научишься, — ушел от ответа генерал.

И тут Дороти догадалась — конечно же, она знает, что сказать дяде!

— А вы сами были там, на месте сражения? — спросила она Бо Пиньязотту.

— Зачем мне быть в таком плохом месте? Уж лучше погибнуть в бою, как написано в моем гороскопе, чем мучиться болезнями.

— А кто-нибудь был?

— Были те, кто попал туда случайно.

- И все умерли?
- Обо всех не скажу.

Нга Дин стоял близко, всматривался в движение губ, но понимал не все и из-за этого сердился.

— Значит, кто-то остался живой? — спросила Дороти.

— Наверняка, — ответил генерал.

— И в Лиджи?

— Нет, в Лиджи такого человека я не знаю.

Но, может быть, радиация уже нивелировалась там, опустилась до пределов, выносимых человеком? О чем я думаю? Я не могу думать словами, которых я не знаю. Радиация — это слово, которым обозначают... заразу. Да, воздушный яд, которым отравлены те люди. Со временем зараза уменьшается и постепенно пропадает совсем. Но я хорошо подумала об оружии для моего дяди? Нет, это опасно, нельзя ему получить оружие, к которому он не готов. Значит, мы знаем другой способ попасть туда? Может быть, убежишь, Дороти? Зачем? Чтобы проникнуть в джунгли и найти то, что нам надо найти. Я не хочу умереть в джунглях от когтей тигра или стрел диких племен. Я — принцесса Лигона! Ах, какая ты, к черту, принцесса! Ты лондонская девчонка... Не смей так говорить. Мне не хочется идти в зараженное место ради тебя, которая меня не ставит и в пенни... Прости меня, Дороти, я же — сама ты! Неправда, ты — другой человек, который забрался ко мне в мозги. Уйди! Уйди, я тебе приказываю!

И наступила тишина. Нет, не наружная — снаружи все также шумели сосны, наклонившись, старый генерал спрашивал: «С тобой все в порядке, принцесса?» Тишина царила внутри — то, второе существо, исчезло...

* * *

Король Лигона возвратился к остальным охотникам через час. Спереди через круп коня был перекинут маленький олень. Бо Нурия был доволен собой и принялся издеваться над родственниками и друзьями,

которые не умеют охотиться и которым лучше сидеть дома. Те отшучивались, они уже напились рисовой водки и наелись. Никакой король им не был страшен. Да и король понимал, что сейчас он им не владыка — они сами себе господа.

Бо Нурия не стал пить водку, он уже возвратился к заботам и дурным мыслям, но ему не с кем было говорить, кроме племянницы, потому что остальные были пьяны либо, как Бо Пиньязотта, немолоды и заснули на привезенных из города шкурах.

Дороти тоже хотела поговорить с королем.

— Дядя, — сказала она, — на твоих землях, как мне сказали, была война между чужими людьми, которые прилетели со звезд.

— О чем ты говоришь? — Король отщипывал куски лепешки и запивал горным пивом.

— Мне рассказывали многие. Даже уважаемый Бо Пиньязотта.

— Старик выживает из ума.

— Я позову его, и он все повторит.

— Я знаю, о чем они все сплетничали. Пять лет назад здесь были злые духи. Потом они убрались восвояси.

— Ты веришь в злых демонов?

— Как можно в них не верить, если они живут везде? Если злые наты живут на каждом большом дереве, в каждом покинутом доме?

— Я не верю в злых натов, но я верю в злых людей.

— Откуда же они появились?

— Со своей звезды.

— Тогда это тем более наты. Под видом людей. Это бывает. Такие демоны особенно опасны.

— Но они воевали между собой.

— Нет. предела наглости и злобе натов.

— Мне говорили, что там осталось их оружие.

— Может быть.

— Оно может пригодиться нам?

— Не может пригодиться человеку оружие демонов.

— Мы не видели демонов, мы не видели их боя, мы не видели оружия! — возмутилась Дороти. — Даже в момент, когда нам нужна помощь с любой стороны, когда нам нужны пушки, в это время ты не хочешь посмотреть. Только посмотреть!

— Это слишком опасно.

— Опаснее, чем армия Бодопаи?

— Я не знаю, Ма Доро... я не знаю. И ты для меня чужая. Ты не боишься богов. Может, у тебя есть свои, английские боги?

— Я поеду туда. Я думаю, что после их войны остались нужные для нас вещи.

— Не смей! Там таится смерть! Там даже птицы не пролетают.

Черты лица Бо Нурии исказились гневом и страхом — он на самом деле испугался за свою наследницу. Ведь для него бирманская армия — это зло понятное: это слоны и кавалерия, это пушки и пехотинцы, это, в конце концов, сборщики налогов и оккупационные власти. Но иметь дело с натами, злыми демонами с неба, может, и погибшими, но опасными, он не собирался.

— Если ты не дашь мне людей, я поеду сама, одна, — ответила Дороти.

— Кто подучил тебя?

Вот именно — подучил. Кто подучил меня? Но внутренний голос молчал вместо того, чтобы подсказать, как убедить дядю.

— Если мы найдем там пушки или ружья, то мы сможем воевать с бирманцами.

— А ты знаешь, сколько нужно для этого пушек-рей?

Дороти понимала, что дядю не переспоришь. Он упрям... как она сама.

Более того, Дороти уже поняла, что, даже если она никогда не услышит внутреннего голоса, если никто не попросит ее отправиться к месту битвы пришельцев со звезд, она все равно туда попадет. Несмотря на препятствия, на заразный воздух, на всех демонов

мира — теперь уже решало упрямство Дороти Форест, из рода Хмаунгов.

Так она и сказала дяде, садясь на коня и направляясь обратно во дворец. Пир с мужчинами ее не интересовали.

Во дворце, пока не приехали охотники, Дороти разговаривала со служанками и слугами — она хотела узнать все что можно о сражении в джунглях и о том, где же оно происходило. К вечеру она уже знала, в каком направлении надо ехать от Лиджи, чтобы отыскать ту долину.

* * *

Дороти больше не беседовала о битве с дядей, но знала, что поедет в джунгли. Следовало лишь выбрать время, а это было нетрудно, потому что король Лигона спешил завершить важные поездки по соседним горным княжествам, прежде чем зарядят дожди и горные дороги станут непроезжими. Следовало лишь подождать очередной отлучки дяди.

Дороти подождала три дня. На четвертый Бо Нурия выехал к князю озера Инь, мелкого, прогретого солнцем водоема длиной в тридцать миль, на котором стояло на сваях несколько деревень, а жители передвигались между деревнями на лодках. Он предлагал Дороти поехать с ним, но она сослалась на недомогание.

Дороти знала, что дядя пробудет три дня. Поэтому она тут же приказала оседлать для нее к следующему утру белую лошадь и дать еще одну, вьючную. На конюшне быстро исполнили приказ принцессы. Дороти нарисовала для себя на пальмовом листе маршрут. По ее расчетам, если она переночует по дороге в небольшой деревне, то на второй день сможет перевалить через невысокую гряду в соседнюю безлюдную долину, где и произошло сражение.

На рассвете лошадей подвели к крыльцу принцессы. Она уже оделась удобно и просто — в широкие короткие штаны и куртку, какие носят горцы, поверх куртки Дороти натянула кольчугу, как будто собира-

лась охотиться на медведя или кабана. Еще она взяла два больших кинжала с волнистыми, как кудри, лезвиями и пистолет, который спрятала в седельную сумку. В другую ей положили на три дня припасов.

Во дворце Дороти сказала, что поедет по долине Кангема, чтобы помолиться в монастыре Трех пагод. Никто не задавал вопросов и не ставил под сомнение слов повелительницы. Старший слуга спросил только, почему принцесса не берет с собой охраны, но Дороти сказала, что едет по местам мирным, кто посмеет напасть на нее.

Сначала Дороти ехала вниз по берегу реки, но через час, когда она убедилась, что за ней никто не следит, за одной из деревень она взяла от реки вверх, перевалила в долину и по узкой дорожке, соединявшей деревни в соседних долинах, пробралась к неизвестной речке. И к вечеру оказалась в деревне горцев ва, последнем населенном месте по дороге к проклятой долине.

В деревне были только женщины, дети и старики — мужчины и подростки ушли на большую охоту. В этой деревне жили ловцы слонов, они устраивали облавы и подбирали детенышей слонят, которых потом воспитывали в больших бревенчатых загонах за деревней — большей частью для лесных работ, а некоторых, самых сильных и умных, для боя. Сейчас загоны пустовали, потому что подросших слонят охотники ва продали в Лиджи, а некоторых своим соседям — каренам.

Дороти не стала говорить женщинам, старикам, что она принцесса Лигона. Она переночевала в большом доме, в котором жили семейные горцы. Высокий узкий дом был разделен на отсеки невысокими перегородками, в каждой комнате помещалась малая семья.

Всю ночь принцессу кусали блохи, рядом плакал больной ребенок, летучие мыши носились всю ночь над головой, словно у них шли соревнования по умению летать. Дороти уже жалела, что не открылась, тогда бы ей выделили дом отсутствующего вождя.

Когда рассвет еще только занимался, она вылезла из-под своего одеяла и вышла наружу. Небо начало светлеть, наполовину оно было закрыто облаками, но и той части, которая оставалась чистой, было достаточно, чтобы осознать величие неба — такого просторного небосвода Дороти не видела даже в Лиджи, потому что все же столица располагалась в долине между пологими, заросшими лесом хребтами. Здесь же, на плоскогорье, между небосводом и человеком не оставалось никаких преград.

Дороти пошла к обрыву, что вел к реке. Ее шум глухо доносился снизу. Закричала ночная птица... Луна и звезды отражались в реке, и она казалась серебряной лентой, состоявшей из звезд. Недалеко от реки алой точкой тлел костер. И Дороти даже показалось, что она видит коней, стоящих на берегу. Наверное, пастухи стерегут там табун, подумала она.

Дороти возвратилась в деревню, но залезать в сдавленную духоту большого дома не хотелось. Да и сон убежал... Если бы только не было так холодно! Свежий воздух был ледяным, как бывает в декабрьском Лондоне. Дороти ступила в лужу, оставшуюся от дневного ливня, под ногой хрустнул тонкий лед. Недаром бирманцы так не любят забираться в горы и стараются, чтобы горцы враждовали между собой, были слабыми и покорными.

Старая женщина выбралась из большого дома и стала разводить огонь в большом, выстланном камнями очаге. Вскоре к ней присоединилась еще одна — она притащила котел с водой от близкого ручья. Деревня просыпалась с рассветом. Никто не обращал внимания на Дороти, которая была рада возможности выехать пораньше.

Когда она завтракала в большом доме вместе с женщинами; она спросила соседку:

— Это лошади вашего селения там, внизу, у реки?

— Нет, — сказала женщина, — это чужие люди.

— Из Лиджи, — добавила старуха, сидевшая дальше от Дороти.

— Они едут за тобой, — сказала третья женщина.

Дороти насторожилась — кому потребовалось выслеживать ее?

Она подняла к глазам колечко — в большом доме было сумрачно.

Камешек в колечке не потемнел. Но это еще ничего не значило. Ведь те люди были далеко от нее — колечко могло и не уловить опасности.

— Что им нужно? — Дороти хотела сказать это про себя, а вышло — вслух.

— Они давно едут за тобой, — сказала всеведущая старуха, — от самого Лиджи, но не приближаются. Они не хотят, чтобы ты их видела. Будь осторожна, принцесса.

Господи, им тут и это известно!

— В горах даже птицы разносят вести, — засмеялась молодая женщина, которая кормила грудью ребенка. Почувствовав смущение Дороти, все остальные присоединились к ее смеху. Они не хотели обидеть гостью, просто им было непонятно, как можно не заметить таких простых вещей.

Дороти поднялась.

— Я еду к тому месту, где был бой демонов пять или шесть лет назад, — сказала она. — Кто мне покажет туда тропу?

— Той тропой давно никто не ездит. Это плохая долина, мертвая долина, — сказала старуха. Она вытерла жирные от кунжутного масла пальцы о плоскую обнаженную грудь. Здесь люди совсем не боялись холода.

— Вы только покажите мне тропу.

Старуха велела женщине, кормившей младенца, выйти с Дороти. За ними выбежали мальчишки. У коновязи мальчишки отвязали лошадей принцессы, а женщина подержала Дороти стремя, когда та влезала в седло. Ребеночек плакал, он был недокормлен.

Мальчишки проводили Дороти до выезда из деревни, до ворот в изгороди, защищавшей посевы от кабанов и оленей. Дороти надеялась, что преследователи не заметили, что она уже отправилась в путь.

Тропинка, сначала утоптанная, видно, по ней ходили люди селения по разным делам в окрестностях, постепенно становилась все уже, вот уже и молодые стебли бамбука выросли посреди нее, дальше ее завалило небольшим оползнем.

Лошади шли осторожно, неуверенно.

Раза два Дороти останавливалась, проехав открытое пространство, чтобы убедиться, что за ней нет погони. Но ничего не услышала и не заметила.

Наконец тропа перевалила через хребет по пологой ложине между двумя покатыми вершинами, и перед ней в просвете между могучих, но согнутых ветрами деревьев открылась долина, где когда-то сражались демоны.

Долина была тихой и мирной — ни одного дымка не поднималось над ней, ни единой террасы не было засажено рисом или ячменем, ни одна тропа или дорога не нарушила девственность леса: природа в муссонных лесах за несколько лет заживает все раны, нанесенные ей человеком.

В Дороти вдруг возникло ощущение чужого присутствия, будто проснулся внутренний голос, проснулся тревожно, он ничего не говорил, но безмолвно торопил ее, чтобы она скорее спустилась, скорее нашла необходимое и скорее возвратилась обратно, под защиту хребта, замыкающего долину.

Однако лошади не могли спешить, спускаясь по крутому склону по едва различимой тропе. Так что Дороти, хоть и встревоженная внутренним предупреждением, спускалась медленно, чувствуя опасность, которая происходила не от чужого присутствия, а наоборот, от тишины, царившей в долине. Казалось, отсюда даже улетели все птицы, так молчалив был лес, зато растения, чем ниже опускалась Дороти, тем более удивляли ее своими необычными размерами и формой листьев. Казалось, злые духи состязались здесь в издевательствах над привычными формами растений. Неприятно было, когда ветки касались тебя, когда ты вдыхала тяжелый запах, исходящий от земли, покрытой разноцветными лишайниками.

Но тем не менее Дороти продолжала свой путь, хоть и испуганная увиденным, но не настолько, чтобы страх преодолел желание увидеть поле битвы звездных людей и найти Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти. Эти сокровища, о которых ей рассказал внутренний голос, должны быть прекрасны и сверкать так, что лес не сможет их скрыть, если они и на самом деле оставлены здесь теми, кто был побежден.

Спуск в долину занял около часа. Дороти устала, устали лошади, и ей пришлось остановиться на широкой прогалине, чтобы отдохнуть.

Постояв на месте несколько минут, Дороти, спешившись, повела своих лошадей дальше — в неподвижном влажном воздухе долины не хотелось оставаться.

Неожиданно спереди деревья расступились, и Дороти оказалась в мертвой деревне, о которой совсем забыла.

Посреди обширной и еще не заросшей бамбуком и кустами поляны стоял Большой Дом. Его крыша в середине провалилась, покосились, а то и рухнули дома вождя, жреца и дом для молодых охотников. Дальше начинались поросшие гигантскими лопухами и высокой травой поля.

Дороти прошла по площади, утопанной за много поколений настолько, что трава не смогла еще пробиться сквозь слой глины. Скорее, торопил Дороти внутренний голос или, может, не голос, а необъяснимый страх перед опасностью, у которой нет имени.

Копыта лошадей гулко застучали по площади.

— Давайте, давайте, скорее! — торопила лошадей Дороти.

Она старалась не глядеть на дома. Она боялась увидеть там скелеты жителей деревни. Хотя, вернее всего, их похоронили охотники, набредшие на мертвую деревню... если сами не умерли.

За деревней Дороти отыскивала забытую дорогу, которая привела ее к горной речке, скорее, ручью — долина была расположена довольно высоко в горах,

и потому потоки еще не успели выкопать себе глубоких ушей.

Дальше Дороти шла вдоль реки.

Уже скоро, поняла Дороти. Уже совсем скоро. Я знаю. Или это чужие мысли?

И тут она вышла к обширной пустоши, спускавшейся к реке. Посреди нее темнел, опаленный адским пламенем, запекшийся круг размером с городскую площадь, будто небесная сковородка богов упала здесь.

И не надо было подсказки — Дороти уже догадалась, что видит то место, на котором пять лет назад опустился корабль с чужой звезды, и был он так тяжел и горяч, что испепелил растительность и превратил землю в камень. Ничто земное не могло бы совершить такого насилия над почвой.

Не наступай, объезжай пятно, проговорил внутренний голос. Не приближайся...

Но Дороти не могла послушаться собственных страхов, потому что ей надо было решить, куда держать путь дальше.

Здесь, на запеченном, звонком глиняном круге не было никаких следов войны. Да и не могли звездные люди воевать под собственным кораблем. Значит, надо ехать дальше... Вниз по реке или наверх? Справа к реке близко подступали скалы и каменистый скат уходил наверх, не оставляя свободного места на берегу, налево же, вверх по течению, берег реки был плоским, заросшим кустарником и кущами бамбука — все это могло появиться здесь за считанные годы, а раньше по берегу тянулись поля.

Дороти повернула лошадей вверх по реке, и скоро тропинка прервалась, и пришлось пробиваться сквозь кусты, держась как можно ближе к берегу. Кусты и бамбук здесь были удивительными, даже более странными, чем перед перевалом, — листья бамбука потеряли форму, раздваивались, а то принимали форму кленовых листьев, а стволы изогнулись и ветвились, словно это был не бамбук, а ивы. Но зато вымахали

эти заросли ярдов на двадцать, и пробиться сквозь них было очень трудно.

Дороти готова была повернуть назад и поискать другую дорогу, выше по берегу, тем более что лошади волновались, ржали, старались повернуть обратно, но тут ее глазам предстала странная картина — она увидела нечто блестящее над головой. Приглядевшись, поняла, что видит металлическое кольцо в пядь диаметром, которое, видно, валялось на земле, и сквозь него пророс побег бамбука. За пять лет побег превратился в ствол, подобный пальмовому, и кольцо поднялось на два человеческих роста, так как такой толщины достиг ствол бамбука.

Более того, кольцо вросло в ствол, и еще год-другой — и его никто не отыщет, оно зарастет тканью бамбукового ствола, и лишь когда ствол обрушится, сгниет, кольцо снова покажется на поверхности, а может быть, и останется навечно погребенным под трухой и перегноем джунглей.

Дороти решила взять кольцо с собой — может, она ничего больше не найдет, но кольцо будет доказательством ее правоты: битва между звездными пришельцами все-таки была, и следы ее остались в лесу. Если бы это была битва между демонами, то ни одной настоящей вещи остаться после них не могло, ибо демоны бьются условными, несуществующими для людей копьями и мечами.

Дороти вытащила нож и постаралась срезать ствол бамбука, но он был настолько толст и крепок у основания, что, помучившись несколько минут, девушка была вынуждена отказаться от своего намерения.

Тогда она решила, что займется бамбуком на обратном пути, если не найдет ничего более интересного, а сейчас она пройдет немного дальше пешком, хотя бы потому, что из седла можно проглядеть вещи, которые таятся в траве.

Дороти привязала лошадей к стволу бамбука, охваченного кольцом, чтобы не потерять его в кустарнике, и пошла дальше пешком, раздвигая стволы ку-

стов и бамбука... И через двадцать шагов натолкнулась на скелет звездного человека.

Почему она решила, что это звездный человек?

Все объяснялось просто и обыденно — перед ней, почти скрытый в траве и кустах, лежал скелет, обремененный до белизны лесными тварями, но на скелете сохранились остатки странной, облегающей одежды, а главное, его череп был заключен в странный круглый шар, железный сзади и с боков, а спереди снабженный стеклянным прозрачным забралом. Шлем был похож на рыцарский, хотя ничего больше рыцарского на звездном воине не было надето. Зато рядом с ним у пальцев скелета лежало оружие из тонкого металла. Дороти была убеждена, что эта палочка с перекладинами и рукоятью — не что иное, как оружие. И ей было не страшно. И зря предупреждал ее, пугал, гнал прочь внутренний голос — Дороти подняла оружие и принялась нажимать на выступающие из него места. Ничего не случилось.

Отбросив оружие, Дороти пошла дальше, и почти на каждом шагу она натыкалась на скелеты людей, некоторые были в шлемах, другие несли на груди и спине панцири. Между скелетами валялись и другие вещи, значения и смысла которых нельзя было угадать, но Дороти поднимала их и пыталась сообразить, что к чему. Ведь она собиралась доказать дяде, что у звездных людей есть оружие, которое может пригодиться лигонцам в войне с Авским королевством.

А еще через двадцать шагов, выйдя неожиданно к излучине реки, Дороти увидела, как из-под какой-то тряпки, в которую был замотан очередной скелет, сверкнула искра.

Отодвинув ногой тряпку, Дороти увидела то, за чем она сюда пришла. Она нашла зеркало. Зеркало, оправленное в серебро, на серебряной овальной ручке.

Вот так... Все очень просто. Пришла, увидела, победила.

Дороти подняла зеркало. Зеркало было тяжелым ровно настолько, чтобы чувствовать его в руке, но не настолько, чтобы тяжесть была неприятной. За пять

лет зеркало покрылось грязью и пылью, Дороти пришлось соскребать грязь ножом, а потом она спустилась к реке и принялась отмывать зеркало. Вода была очень холодной, и потому присохшая грязь смывалась с трудом. Прошло немало времени, даже руки заоченели, но Дороти упрямо терла стекло и рамку, потому что ей не терпелось посмотреться в зеркало.

Внутри Дороти шелкало предупреждение: уходи, здесь оставаться опасно! Уходи отсюда, здесь царит тот самый невидимый газ, отрава звездных пришельцев. Но Дороти не прислушивалась к угрозам — она была счастлива находке. Серебро рукояти и рамки было вылеплено фигурно — среди орнамента и виноградных лоз угадывались маленькие обнаженные танцовщицы.

Ну, вот и готово! Зеркало засверкало. Дороти повернула его к себе и заглянула в него.

Это было... трудно объяснить. Это было, как в страшном сне!

Зеркало было глубоким — ты смотрел в него, как в колодец, но колодец не был темным, он отражал свет дня, который окружал Дороти, и в глубине его клубился дым, почти белый и ненастоящий, подобно тому дыму, который умели вызывать мальчишки, кидая в лужу на улице кусочек негашеной извести.

Но самой Дороти в зеркале не было!

Она даже перевернула зеркало и осмотрела его сзади, но тыльная сторона его была серебряной, на ней были вдавлены узоры...

Дороти снова посмотрела в блестящую поверхность... Нет, нельзя было сказать, что зеркало ничего не отражает, ведь и глубина была в нем, и ощущение колодца, и клубящийся белый дым... Скорее зеркало было живой движущейся картинкой.

— Зеркало Зла, — произнесла Дороти. Откуда-то она знает его название. Зеркало Зла... Но... зло в том дыме, или зло скрывается за белым дымом?

Держа зеркало в руке, Дороти поднялась с корточек и хотела было пойти дальше, как увидела, что в

белом дыме что-то темнеет. Темное пятно увеличивалось. Дороти, которая не могла оторвать взгляда от зеркала, показалось, что она может различить сквозь дым маленькие черные злобные глаза на лице, покрытом шерстью... Желтые клыки были видны из-под вздернутого носа... Что за чудовище угрожает ей?

Дороти почувствовала топот, треск ломающихся ветвей.

Она обернулась.

И увидела, как из чаши на нее несется, утробно рыча, громадный кабан с торчащими вверх ушами, впрочем, Дороти и не успела догадаться, что это кабан, потому что ей никогда не приходилось видеть диких кабанов, да еще таких длинноногих и мохнатых, какие выводятся в лесу, отравленном невидимым ядом звездных пришельцев.

Не поняв, что это кабан, Дороти все же сообразила, что ей угрожает смертельная опасность, и, прижав к груди зеркало, которое предупредило ее об опасности, она с разбегу кинулась в воду реки, которая здесь была холодна, быстра, но неглубока.

Вода повлекла Дороти по камням и протащила, наверно, шагов двадцать, пока оглушенная девушка не смогла, ударившись о торчащий из воды камень, уцепиться за него свободной рукой.

Ледяная вода била по телу, стараясь оторвать Дороти от камня и потащить ее дальше вниз, но тут Дороти постаралась, опираясь о камень животом, подняться на ноги. Это ей удалось.

И когда она встала, то оказалось, что вода не достает ей до пояса, иначе бы Дороти не удержаться в таком быстром потоке.

Но увидел это и бешеный кабан на длинных ногах. Оказывается, он бежал следом за Дороти по берегу и остановился, замер, рыча, как медведь, у кромки воды — всего в десятке шагов от Дороти.

Он вовсе не намеревался отпустить ее душу на покаяние. Переступая ногами, кабан топтался, с каждым шагом чуть-чуть глубже заходя в воду.

— Уходи! — крикнула ему Дороти. — Ты все равно до меня не доберешься. А если и доберешься, то я убегу на тот берег.

Дороти оглянулась — тот, дальний берег был недалеко, его отделял от девушки трехметровый пенистый, глубокий и страшно быстрый поток.

Кабан улыбнулся.

По крайней мере так показалось его жертве — она увидела, как дрогнули его губы, еще больше обнажились клычищи.

— Ну что тебе от меня надо? Ты же не ешь людей?

И тогда кабан, который, может быть, просто не выносил человеческого вида, сделал еще один шаг вперед — по мелководью. Он был намерен добраться до Дороти.

И как только он сделал второй шаг, то сзади раздался крик.

— Эй! Обернись!

Кабан услышал крик сквозь шум воды и резко обернулся.

Из кустов вышел Нга Дин — глухонемой сын Бо Пиньязотты с мушкетом в руке.

Он тут же выстрелил в кабана.

Тот пошатнулся от выстрела, но не упал, а стал разворачиваться, чтобы выйти на берег и броситься на стрелка.

Нга Дин отбросил мушкет, перезарядить который он все равно бы не успел, и выхватил из ножен кинжал.

И тут следом за молодым воином из кустов вышел старый Бо Пиньязотта. Его выстрел, видно, попавший кабану в глаз, уложил животное на месте. Кабан со всего роста упал на границе воды и травы.

Дороти как стояла, опираясь о камень, так и сползла по нему в воду — ноги вдруг перестали держать.

А Нга Дину это показалось очень забавным, и он принялся хохотать, указывая пальцем на Дороти.

Отец подошел к нему сзади и подтолкнул вперед.

— Иди, — приказал он жестом. — Помоги принцессе.

— Угу, — ответил Нга Дин.

Ни разу не пошатнувшись, здоровяк в несколько шагов дошел до Дороти, подхватил ее под коленки, поднял, прижал к себе и понес к берегу, не переставая смеяться. А когда они приблизились к кабану, то, перешагнув через чудовище, богатырь сделал вид, что хочет кинуть Дороти на зверя.

Но Дороти не смогла оценить шутки, тогда как Бо Пиньязотта дал любимому сыну подзатыльник. Тот поднялся повыше и поставил Дороти на ноги.

Дороти опиралась о протянутую руку старого генерала.

— Как вы успели... Спасибо.

— Я думаю, он бы до тебя не добрался, — успокоил ее Бо Пиньязотта. — Но он мог взять тебя измором. Видела, какое чудовище? Я такого еще не видел, хотя сорок лет считаюсь хорошим охотником. У тебя зеркало? Откуда? Здесь нашла? Странно. Я смотрел, скелеты мужские, демоны...

— У демонов не бывает скелетов.

— Может быть. Тогда люди. Но воины, а зеркало женское.

— Нам нельзя здесь долго оставаться, — сказала Дороти. — Это плохое место.

— Мы знаем, — ответил Бо Пиньязотта. — Все знают. Живьем отсюда мало кто возвращался.

Нга Дин улыбался широко и бессмысленно.

— Я думала, что здесь есть оружие для нас, — сказала Дороти.

— Твой дядя говорил нам об этом.

— Почему вы не испугались ехать сюда?

— Твой дядя и наш повелитель просил об этом.

— Значит, он знал, что я сюда поеду.

— Он сказал, что ты упрямая кошка.

— Я упрямая кошка, — согласилась Дороти. — Я из рода упрямых кошек. Но теперь надо уезжать. Я чувствую, что здесь нехорошо.

— Еще бы, — согласился Бо Пиньязотта. — Я всей шкурой это чую. Ты видела, какие листья здесь на деревьях?

Нга Дин руками начал подавать отцу знаки. Бо Пиньязотта отрицательно покачал головой, потом объяснил Дороти:

— Он думал, что мы возьмем с собой кабана. Но я думаю, что это дьявольский кабан.

— И если он жил тут, то, наверное, он тоже отравлен.

Они пошли обратно, к бамбуковым зарослям. Лигонцы оставили своих коней рядом с лошадьми Дороти.

— Как же вы за мной следовали, что я вас не заметила! — сказала Дороти.

— Мы — настоящие охотники, — ответил Бо Пиньязотта, польщенный словами принцессы.

— Только сегодня на рассвете я видела ваш костер у реки.

— И догадалась?

— Нет, не догадалась.

Лошади вели себя беспокойно, переступали с ноги на ногу.

— У вас есть хороший нож? — спросила Дороти.

— Зачем?

— Вон там, на бамбуке, высоко, железное кольцо. Я хочу его снять.

Бо Пиньязотта приказал сыну срезать ствол бамбука, и Нга Дин справился с этим за несколько минут. За то время Бо Пиньязотта с Дороти осмотрели скелеты звездных людей, которые лежали, скрытые травой. Бо Пиньязотта хотел было взять с собой рыцарский шлем одного из мертвецов, но потом сам раздумал. И Дороти решила, что на нем может быть зараза.

Бамбук рухнул с шумом и застрял на полдороге в тесном лесу собратьев. Освободив его, Нга Дин легко отрезал кусок, в который влезло кольцо. И снял его.

Кольцо оказалось и на самом деле железным, с дырками, в которых, видно, были раньше камни, потому что в одной из них сохранился рубин.

— Этот обруч носили на голове, — сказал Бо Пиньязотта. — Он придерживал волосы. Будешь брать с собой?

— Не знаю, — сказала Дороти.

Уж очень грязным, непривлекательным и дешевым казался этот проржавевший, тронутый ржавчиной обруч.

Но Бо Пиньязотта положил обруч в переметную суму.

— Надо было что-то взять на память, — сказал он. — А то у тебя есть зеркало, а у нас с мальчиком ничего нет.

— Это странное зеркало, — сказала Дороти. — В нем ничего не отражается.

Она протянула зеркало старому генералу. Тот погляделся в него.

— Там дым, — сказал он.

— А когда на меня нападал кабан, — сказала Дороти, — я увидела кабана в зеркале за несколько мгновений до того, как он появился.

— Плохо, — сказал Бо Пиньязотта. — Это зеркало демонов. Может, выбросишь?

— Пускай пока оно будет, — сказала Дороти. — Я покажу его дяде.

Так как они почти ничего не взяли, то вторая лошадь, которую Дороти брала специально, чтобы нагрузить ее оружием звездных людей, пошла домой налегке.

Переночевали они в деревне ва. К тому времени воины уже вернулись с охоты на слонов и пригнали двадцать слонят. Они поражались отваге принцессы и тем более лигонцев. Вождь деревни сказал:

— Храбрость принцессы невысока, потому что она молода, неопытна и не знает опасности. Храбрость Бо Пиньязотты и его сына велика, потому что они знали, что подвергаются смертельной опасности, но их верность господину и долгу была безгранична.

Они пили некрепкое мутное ячменное пиво, слонята топтались за массивной оградой загона и плакали без своих матерей. Рядом с ними стояли ручные слоники, которые были на охоте рядом с воинами и помогали им отнимать детей у диких слоних и убивать тех, кто злобился. Эти же слоники несли с собой до деревни кожаные тюки с мясом и шкурами своих товарок. Они служили людям и предали слоновье племя.

Вождь племени опьянел и долго рассуждал о верности и предательстве.

На следующий день они вернулись в Лиджи.

Зеркало ни разу никого не показало.

* * *

Еще через два дня возвратился в свою маленькую столицу Бо Нурия.

В своей поездке он встречался и разговаривал с горными вождями. Они обещали ему верность, но не могли обещать силы. Теперь король отправил верных людей, чтобы нанять в Малакке португальский отряд. Если их не будет в Малакке, где голландцы их не жалуют, то следовать в Сиам, чтобы набрать там за драгоценные камни, основное богатство Лигона, отряд японских мушкетеров.

Племянницей он был недоволен.

Она презрела его запрет и рисковала собой в горах. Дядя был рад своей предусмотрительности, ибо с самого начала не поверил в ее смирение и попросил Бо Пиньязотту присмотреть за племянницей.

Зеркалом он не заинтересовался и посоветовал его выкинуть. Потом долго расспрашивал Бо Пиньязотту: неужели в горах не осталось оружия демонов?

— Мне нужны пушки, — повторял он. — Мне очень нужны пушки.

А еще через день из Рангуна приехал армянский торговец, который выполнял там некие просьбы лигонского двора. Вечером король пригласил его к ужину. И Дороти увидела его. Армянский торговец был одет, как настоящий англичанин. Он даже умел гово-

рить по-английски и, когда разговаривал на обеде с Дороти, повторял:

— Будучи христианами, мы ищем поддержки у единоверцев и надеемся быть им полезными.

Армянин рассказал, что в Рангун пришел большой, даже громадный английский корабль. Называется он «Дредноут». Это линейный корабль флота, и на нем, наверное, тысяча или больше сипаев из Калькутты. В Рангуне есть мнение среди торговцев, что мистер Джулиан Уиттли вместе с полковниками, которые прибыли на борту линейного корабля, затевает какое-то дело. Одни считали, что они захватят Рангун и сделают его английским портом, как португальцы сделали с Гоа или Макао. Другие думали, что англичане готовят поход в Аракан, недавно перешедший к Бирме и граничащий с Британской Бенгалией, откуда навстречу им двинется английская армия. Бирманский мьоза — губернатор Рангуна даже вызывал к себе мистера Джулиана Уиттли, чтобы выяснить, есть ли правда в этих слухах. Мистер Уиттли с гневом отверг эти подозрения.

— А что вы сами думаете? — спросил Бо Нурия у армянина.

— Я думаю, что англичане всерьез планировали захват Рангуна, но в пути потеряли свое второе судно, на борту которого были еще моряки и солдаты, а также тяжелые пушки — без пушек англичане не рискнут напасть на бирманцев.

Когда все разошлись после обеда, король остался с племянницей.

— Ма Доро, — сказал он, — я оставил тебя потому, что ты разговаривала с этим хитрым торговцем и переводила для меня. Я хочу понять, что он думает на самом деле.

— Я думаю, что он ищет свою выгоду. Ему нужна торговля с тобой...

— Еще бы, за то, что он приехал, он заберет у меня рубины за полцены.

— А ты отдашь?

— Ну, не за полцены... — Дядя засмеялся.

— Ты тоже думаешь, что англичане отказались от мысли захватить Рангун? — спросила Дороти дядю.

— Не уверен, — ответил король. — Их корабль «Дредноут» привез много солдат. Что теперь с ними делать? Кормить их и везти обратно? Это так непохоже...

— И я думаю, — поддержала короля племянница, — что мистеру Уиттли невыгодно отказываться от войны. Ведь его могут сделать виноватым, что война не получилась. Значит, надо отыскать других виноватых, а еще лучше — положить в карман короля Англии новую провинцию. Я знаю его жену, она мне рассказывала, какой он тщеславный. Он боится, что время идет, а он упускает свою великую победу...

— Но у него нет пушек, — сказал Король.

— Я, конечно, не солдат, — сказала Дороти, — но разве нельзя стрелять из корабельных пушек?

— Нельзя. Они устроены так, — сказал дядя, — что не могут ездить по земле. У них слишком маленькие колеса, такие маленькие, что на них можно только подкатить пушку и откатить на гладкой палубе.

Дороти пошла спать, а ночью она проснулась от того, что решила задачку. Жалко, что нельзя бежать по дворцу в спальню к дяде, нельзя разбудить короля... Она без сна мучилась до рассвета, а с первым лучом солнца послала служанку к королю с просьбой о немедленной встрече.

Бо Нурия сам поднялся на веранду павильона принцессы.

— Что случилось? Что-нибудь серьезное, девочка?

— Скажи мне, а сами пушки, сами их стволы, они одинаковые у корабельных и у сухопутных пушек?

— Да, — согласился король. — И из-за этого ты меня вызвала?

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? А что, если сделать для пушек большие колеса, они станут сухопутными?

— Мне надо поговорить с моими пушкарями, но я думаю, что это можно сделать.

— А ты знаешь, сколько пушек на «Дредноуте»?

— Нет.

— Шестьдесят четыре большие пушки! И если мистер Уиттли сделает им колеса, то его война может быть удачной!

— Но это трудно сделать...

— Но если догадаться, то можно сделать?

— Можно.

— Тогда ты должен послать надежного человека, который увидит, снимают ли пушки с «Дредноута», переносят ли их на сушу, делают ли на фактории для них колеса.

— Как это увидишь! Ведь если англичане будут делать это, то в большом секрете. За высокими стенами фактории.

— Неужели тебе некого туда послать.

— Некого... и незачем.

Дворец короля, состоящий из нескольких деревянных строений, окружающих главное здание и множество домов и домиков для прислуги, охраны и всякой придворной челяди, просыпался. Отовсюду доносились голоса, над кухнями поднялись дымки...

— Неужели ты не понял, почему я проснулась ночью и не смогла снова заснуть? — удивилась Дороти.

— Почему же? — Дядя снисходительно улыбнулся, видя, как горячится девушка.

— Потому что еще несколько дней назад ты просто кричал, как тебе нужны пушки! А разве плохи для тебя английские пушки?

— Что?.. Нет, это немыслимо! С чего ты решила, что англичане сделают для них колеса?

— Если они сделают для них колеса, то это будет подарок тебе, мой повелитель. Тогда тебе надо будет приехать на факторию и попросить англичан одолжить пушки тебе, чтобы защищаться от бирманцев.

— Ты несешь чепуху!

— Разве?

— Как мне найти человека, который проникнет на факторию? Они же никого не пустят.

— И меня?

— Как так тебя? Что ты имеешь в виду?

— Я готова сыграть роль потерявшейся и найденной служанки миссис Уиттли.

— Но она тебя продала в рабство!

— Если я об этом не буду вспоминать, кто об этом станет вспоминать? Неужели ты думаешь, что Регина призналась кому-нибудь в своих делах?

— Нет, я не могу рисковать тобой! Они могут тебя убить!

— Лучше меня ты не найдешь шпиона!

— Я не могу рисковать жизнью принцессы Лигона! И я не могу, чтобы принцесса Лигона была служанкой у этой мерзкой предательницы.

— Я думаю, что мне лучше выехать завтра пораньше, — сказала Дороти. — Ты расскажешь мне, с кем я могу связаться в Рангуне. С У Дхаммападой? Или с армянским купцом?

— Нет, ты никуда не поедешь!

— Мой дядя и повелитель! Ты же сам говоришь, что речь идет о судьбе Лигона!

— Я боюсь за тебя! Я тебя так недавно обрел и только-только успел полюбить как дочь...

— Но о моей поездке в Рангун не должен знать ни один человек, — предупредила Дороти.

— Кроме Бо Пиньязотты, — отошел на запасные позиции Бо Нурия. — Он будет сопровождать тебя до Рангуна и останется там, чтобы в случае опасности прийти к тебе на помощь.

— Хорошо, — согласилась Дороти.

И внутренне улыбнулась: даже если старый генерал будет проводить дни и ночи под оградой фактории, он не успеет перепрыгнуть через нее, если что-нибудь случится...

В течение дня король трижды запрещал Дороти поездку в Рангун, но все же она его переломила. И ночью втайне был собран небольшой отряд под предводительством Бо Пиньязотты, который сопровождал принцессу до Рангуна.

Темница для принцессы

Милодар подошел к саркофагу и долго вглядывался в безмятежное лицо Кору Орват. Профессор Гродно, занятый своими делами, ничем не отвлекал комиссара; Пегги же, которая в последнее время стала ревновать Милодара к спящей красавице, ушла из лаборатории, хлопнув дверью.

— Потерпи, Кора — негромко произнес Милодар. — Скоро мы кончим этот чертов эксперимент.

Разумеется, Кора ничем не показала, что слышит Милодара, да и не могла услышать, потому что стенки саркофага были совершенно звуконепроницаемы.

Не дождавшись ответа, комиссар повернулся к профессору Гродно.

— Мне кажется, что ее состояние улучшилось? — В конце утверждения прозвучал вопросительный знак.

— Все относительно, коллега, — отозвался профессор. — Разумеется, когда недавно мы наблюдали пик активности, я боялся за состояние мозга Кору. Я уверен, что связи, создавшиеся между мозгом Кору и мозгом ее прапрабабушки, куда сложнее, чем мы допускали. Не исключено даже, что не только Коре известна каждая мысль Дороти, но и Дороти догадывается, что она не одна.

— Она не может нагадить Коре?

— Что мы с вами знаем! Я вычислил в пике мозговой активности вашего агента элемент страха.

— Коре не свойственно это чувство, — отрезал комиссар, словно профессор покусился на честь всего ИнтерГпола и комиссара в частности.

— К счастью, всем людям, даже вам, комиссар, это чувство свойственно.

— Вы забываетесь, профессор!

— Иначе никого бы не осталось в живых, потому что мы бы бросались под движущийся транспорт.

— Ага, вы шутите, — догадался Милодар. Нехватку чувства юмора комиссар заменял быстрой реак-

цией и предпочитал видеть смешное там, где обычные люди его не замечали. В некоторых руководящих кругах у него была репутация бесшабашного шутника, что, кстати, помешало ему завершить свою карьеру в главном штабе ИнтерГпола.

— Мой компьютер утверждает, — продолжал доктор, — что в эти часы Дороти находилась на месте сражения мятежников из Эпидавра. В те годы там существовала остаточная радиация. Возможно, опасная для организма. Дороти ничего не знает о радиации, не может ее бояться. Но Кора о радиации знает...

— Вы хотите сказать, что Дороти уже достигла цели?

— Вот именно.

— И вы мне не доложили?

— Я не ваш подчиненный, — ответил профессор, которому уже давно надоела Милодар. Поэтому профессор не мог дожидаться, когда завершится эксперимент.

— Я сегодня же перевожу лабораторию в распоряжение ИнтерГпола, — вскинулся Милодар. — Ввиду галактической важности нашей с вами работы.

— Ах, оставьте, комиссар, — отмахнулся маленький профессор. — Может быть, это было реально три месяца назад, когда эксперимент только начинался, но только не сейчас, когда у вас такие неприятности в связи с перерасходом энергии и вашими пиратскими вылазками в прошлое.

— Если бы не мои так называемые пиратские вылазки, — обиженно ответил комиссар, — мы бы до сих пор не знали, где находится наша девушка. И вообще потеряли бы ее след.

— Это не столь важно, — возразил профессор. — Ведь, в основном, связь поддерживает сама Кора с помощью наших приборов, а ваши пиратские наскоки мало чего дали!

— Кто нашел Дороти? Кто устроил Дороти служанкой к Уиттли? Кто вырвал девушку из рук горбатого сексуального маньяка?

— Не думаю, что вашей голограмме было уютно в кувшине, когда в него стрелял из пистолета торговец Рахман!

— Моей голограмме было на это плевать! Она готова пожертвовать собой ради дела.

— И все же, коллега, — вздохнул профессор. — Все же именно нам удалось наладить прямой контакт между Корой и Дороти. И именно нам удалось наставить Дороти на поле боя.

— А дальше? — ехидно спросил Милодар. — Вы даже не знаете, отыскала она там что-нибудь или вся операция провалилась?

— Отыскала, — ответил профессор. — Я знаю об этом по реакции Кору. Был момент, когда она испытывала чувство глубокого удовлетворения.

— Что отыскала? Где отыскала? Где это сейчас?

— Наверное, у Дороти.

— Что значит ваше «наверное»? Не исключено, что Дороти не понравилось Зеркало Зла и она выкинула его.

— Вы знаете, что это не так.

— Не так, потому что она запомнила мои указания... — Милодар кинулся было к двери, к генераторам, намереваясь, плюнув на все, снова нырнуть в прошлое и задать Дороти важный вопрос: где вещи?

Но на полдороге к двери Милодар остановился.

У центрального пульта стояли уверенные в себе, равнодушные ко всему биороботы Управления энергетики. Вторую неделю по решению Совета Земли они не оставляли комиссара ни на секунду, ибо он уже трижды нарушал строжайший запрет на растрату энергии и из-за него погибли все помидоры в северном полушарии.

Комиссар Милодар при всем уважении к нему руководящих лиц Земли был лишен права приближаться к энергетическим пультам и установкам...

Из своей комнаты вышла улыбающаяся Пегги в синем парике. Она вынесла на подносе две чашки кофе для биороботов. И ее можно было понять —

биороботы являли собой молодых загорелых красавцев, облаченных в форменные плавки и каскетки. Так как биороботы были равнодушны к переменам погоды, Земэнерго не считало необходимым тратить на их одежду.

— Но у вас остался один сеанс, — сочувственно произнес профессор, которому также не нравилось легкомыслие Пегги. — Один сеанс, на котором все решится.

— А мне нужно два сеанса! — В последние дни Милодар пристрастился кусать ногти и обкусал их до мяса. — Мне нужен один сейчас, чтобы узнать, какова добыча Дороти, и еще один сеанс, чтобы приказать ей положить вещи в условленное место.

Профессор пожал плечами. Он понимал, что больше снисхождения к Милодару ждать не приходится. Один сеанс, причем короткий.

— Когда? — спросил Милодар у профессора. — Мне же нужно вызывать эпидаврян на передачу ценностей!

— С этим вы никогда не опоздаете, — возразил профессор Гродно. — Они прискачут, как только запахнет жареным. Материализуются прямо здесь! Это такой народец...

Хоть встреча с начальником империи Эпидавр имела место несколько месяцев назад, память о ней запала в душу профессора.

Милодар подошел к саркофагу. Он умоляюще посмотрел на Кору. Потом осторожно постучал согнутым указательным пальцем по прозрачной крышке саркофага.

— Кора, — произнес он ласково. — Девочка моя. Ты меня слышишь?

Прекрасное обнаженное тело агента № 3 покоилось в туманном инертном газе, не касаясь стенок саркофага. Спящая красавица не слышала своего принца.

— Я готов поцеловать крышку гроба, — сообщил комиссар.

— Я вас понимаю, — сказал профессор.

— Из этого ничего не выйдет, — отозвалась от двери Пегги. Один из биороботов хихикнул. Видно, в него было введено чувство юмора.

Милодар отмахнулся от мелких раздражителей.

— Кора! — умолял он. — Корочка! Ну, когда?

И вдруг губы агента шевельнулись. Чуть-чуть.

— Что она сказала? — крикнул комиссар. Он в гневе кинулся к профессору. — Она же что-то сказала!

— Странно, — ответил профессор и включил компьютер, который должен был по движению губ угадать слово или слова, произнесенные спящей. Профессор долго подбирал частоту и высоту звука, он играл на клавиатуре, как Паганини. И наконец на дисплее появились зеленые буквы: «Потерпите. Я скажу...»

— Я скажу, — повторил комиссар.

Он ударил себя в грудь большим волосатым кулаком.

— Она слышала и постаралась! Для меня.

И, вытирая набежавшую слезу, комиссар покинул лабораторию.

• Биороботы чинно поставили на поднос пустые чашки и припустились за комиссаром.

* * *

Молодая бирманка, одетая бедно, но пристойно, скромно причесанная, в пыльных сандалиях и с шанской котомкой через плечо, подошла к воротам британской фактории в Рангуне часов в двенадцать, когда только закончился яростный, но недолгий ливень, превратил пыль под ногами в грязь и заставил разбежаться всех кули и сипаев, что трудились на обширном дворе фактории, и укрыться под навесами складов и мастерских. Когда же ливень перестал молотить по крышам и по двору, замешивая из пыли жидкую кашу, люди начали выползать наружу, поглядывая на небо — будет ли продолжение ливня или выйдет солнце?

Не случилось ни того, ни другого — облака остались на небе, но просветлели и не угрожали более потопом.

Солдаты, сторожившие факторию и не успевшие от неожиданного нападения дождя закрыть ворота, только-только выбрались из своей сторожки, как молодая женщина прошла мимо них, не привлекая к себе внимания.

Осторожно шагая по доскам, уложенным от ворот к конторе, бирманка внимательно оглядывалась, стараясь понять, что происходит вокруг.

Но человеку постороннему, хоть бы он был наблюдателен, трудно было разобраться в смысле действий десятков человек, спешащих по своим делам, бредущих с грузом по лужам или бегущих к пристани за товаром. Сам главный двор фактории занимал пространство большее, чем базарная площадь в среднем городе, он был окружен множеством складов, а также служебных и жилых помещений, которые образовывали в дальней от ворот стороне некоторого рода лабиринт, ибо теснились, оставив между собой лишь проходы или проезды, в которые не могла бы проникнуть повозка. Правее же к площади примыкал ухоженный и политый газон, на который выходил дом фактора.

Девушка остановилась и постаралась выбрать из бегающих или шагающих по двору людей нужную себе персону. Вот он, пожалуй, подходящий человек — явно местный слуга, китаец. Такой может знать английский и бирманский языки, потому что китайцы всегда учат языки народов, которым служат.

— Простите, господин, — произнесла девушка по-бирмански, сложив на груди ладошки, — Не скажете ли вы мне, где найти госпожу Уиттли?

— Не знаю, не знаю, — отмахнулся от нее китаец. — Если ты на кухню, то иди туда.

— Госпожа Уиттли, миссис Регина, — повторила Дороти. Потом еще раз произнесла эти слова уже по-английски.

Китаец безнадежно моргал, может, попал сюда недавно. Но тут молодой брюнет в расстегнутом красном мундире с лейтенантским эполетом на плече, услышав слова Дороти, с любопытством пригляделся к бирманке, которая показалась ему прехорошенькой.

— Вы говорите по-английски, мисс, — сказал он с легкой снисходительностью. — Первый раз встречаю бирманскую женщину, которая говорит по-английски.

— А разве здесь нет в услужении бирманок? — спросила Дороти, забыв, что она сама — простая бирманка.

Глаза смуглого чернокудрого лейтенанта округлились, и брови полезли вверх.

Но пока глаза и брови удивлялись, язык сам по себе ответил:

— Бирманцы не идут к нам в услужение, — сказал он. — Дьявольски гордый народец, мисс... Ах, простите.

— Ничего страшного, — сказала Дороти.

— Но почему, черт побери, вы говорите по-английски? — потребовал лейтенант.

— Потому что я — англичанка, сэр, — ответила Дороти.

— Этого быть не может! Я голову даю на отсечение...

— Не рискуйте, лейтенант, — сказала Дороти. — Вы можете лишиться головы, а я бы этого не хотела.

Из такого ответа следует, что за месяцы, проведенные в Лиджи в образе наследной принцессы, Дороти приобрела некоторые замашки, скажем, самоуверенной знатной дамы. Ведь знатные дамы являются таковыми независимо от национальности и места приложения их сил.

— Нет, это невероятно! — воскликнул лейтенант. Но тут же поклонился и добавил: — Лейтенант Стюарт, Артур Стюарт, к вашим услугам, мисс.

— Мисс Форест, — сказала Дороти. — Дороти Форест. Очень приятно с вами познакомиться.

И Дороти наклонила голову.

— Так пойдемте же на веранду, зачем нам стоять посреди двора, на нас весь этот зоопарк уставился.

Лейтенант повел Дороти к широкой веранде конторы, где стояли плетеные кресла.

По пути он придержал Дороти под локоток, обходя лужу.

Лейтенант был заинтригован и не скрывал своего любопытства.

— Как вы сюда попали? Почему я ничего об этом не знаю? Такая милая девушка... Простите, мисс, если я показался вам назойливым, но ведь и меня можно понять: я гнию на самом конце света, и вдруг моим очам предстает фея...

— Не надо, сэр, — остановила разговорчивого лейтенанта Дороти. — Но все куда проще, чем кажется, и вы сейчас будете разочарованы.

— Я? Никогда в жизни!

— Я — всего-навсего горничная миссис Уиттли, — призналась Дороти.

— Как? Разве вы не погибли?

— Почему вы так решили?

— Но ведь вас смыло с лодки, на которой бежала от пиратов миссис Регина! — воскликнул лейтенант Стюарт. — Все знают, как она осталась одна...

Дороти обрадовалась случаю, сведшему ее с разговорчивым лейтенантом. По крайней мере, она теперь знала, что ее смыло с лодки. И не надо противоречить госпоже.

— Меня подобрала рыбаки, — заявила Дороти, опутив глаза. — Я чудом спаслась...

— Это невероятно! Идемте, идемте же!

Лейтенант потащил Дороти за руку внутрь дома.

— Миссис Уиттли где-то здесь. Я ее недавно видел. О, как она будет рада!

— Я тоже жду не дождусь, — согласилась Дороти, стараясь вырвать руку у лейтенанта. Но тот держал ее крепко и тащил за собой, как конь тянет за собой плуг.

От быстроты движения Дороти не успевала толком разглядеть комнаты, которые они миновали. Но за-

метила, как оборачивались в их сторону лица клерков или служащих компании, сидевших за столами либо занятых важными беседами.

Дороти поняла, что большой дом фактории отдан официальным делам, но ей еще было непонятно, где живет фактор — здесь же или в особом доме?

Ее недоумение было рассеяно, когда лейтенант растремил, не постучавшись, большую дверь и они оказались в обширной гостиной, как сообразила Дороти, официальной, предназначенной для приемов. Уж очень она была огромна и скучна, и даже несколько плохих темных портретов джентльменов в военных мундирах прошлых лет этой комнаты не оживляло. Посреди гостиной широким полукругом стояли массивные кожаные кресла, от одного вида которых становилось немыслимо жарко. Они окружали низкий тиковый стол, украшенный пустой фаянсовой вазой.

Далее из гостиной приоткрытая дверь вела в кабинет фактора, и догадаться об этом было нетрудно, так как в кабинете размещались письменный стол без чернильницы и книжный шкаф, в котором стояло множество одинаковых томов. Дороти предположила, что видит тома законов Британской империи, ведь их должно быть много и они рассылались во все фактории и форты, хотя вряд ли их часто брали с полка.

В кабинете тоже было душно, но Дороти лишь успела отметить для себя этот факт и на время забыла о жаре, потому что посреди кабинета стояли прекрасная пышногрудая птица Регина и напротив нее сутулый и скучный джентльмен с мучнисто-белым лицом и породистым носом, как у сэра Уиттли. К сожалению, крепкого подбородка отца Джулиан не унаследовал, ему, видно, от матери достался маленький убегающий подбородок, который встречается в роду Габсбургов и у некоторых иных вырождающихся королевских домов.

Миссис Уиттли была взволнована, она покраснела более, чем требовалось в такую жаркую погоду. Миссис Уиттли была недовольна и давала понять мужу, насколько и кем она недовольна.

— Ты слюняй! — кричала она мистеру Джулиану Уиттли. — Ты не можешь принять простого решения! Если ты их не повесишь, тебя самого повесят!

Дороти не успела понять, кого имела в виду Регина, потому что та увидела свою служанку, которая резко вбежала в кабинет фактора, держась за руки с легкомысленным лейтенантом Стюартом.

На мгновение Регине показалось, что Стюарт сейчас попросит руки ее горничной — так решительно он выглядел.

Но тот имел в виду совсем иное.

— Простите, сэр! — крикнул он с порога фактору. — Но у меня для вас чудесные новости! Та, которую вы оплакивали...

— А именно? — спросил фактор, медленно переводя рыбы глаза на бирманку.

Стюарт уже обращался к жене фактора:

— Та, которую вы столь горько оплакивали, миссис, вернулась в ваши объятия!

И с этими словами Стюарт так дернул за руку Дороти, что та не смогла удержаться и налетела грудью на вытянутые вперед руки миссис Уиттли.

— И не бойтесь! — совсем уж развеселился лейтенант. — Это не привидение, а ваша любимая горничная и, как уверяли нас, наперсница, Дороти Форест!

Последние слова прозвучали, словно лейтенант объявлял певца с ярмарочной сцены на площади.

Тут наступила тишина, потому что следовало заговорить кому-то еще, не вечно же выступать со сцены оживленному лейтенанту. И так как мистер Уиттли что-то неразборчиво мямлил, а Регина открывала и закрывала пухлые губки, как сазан, выброшенный на берег, то пришлось заговорить Дороти.

— О, уважаемая миссис Уиттли! — сказала она, призывая на помощь слезы. — Как счастлива я, что смогла вернуться к вам! Я думаю, что в неисчислимых испытаниях, которые выпали на мою долю, ваши молитвы сохранили меня и мою честь.

— Но ведь ты... — произнесла Регина, кривя рот. — Ведь тебя...

— Да, — поспешила помочь Регине Дороти, — да, меня выкинуло волной за борт шлюпки, меня кидало по волнам, как щепку. Но меня спасло весло, которое вы успели кинуть мне вслед, миссис Уиттли.

Тут, к счастью, спасительные слезы достигли глаз, и Дороти искренне прослезилась.

Она смахнула слезы рукой и успела увидеть, как угрожающе потемнел камешек в колечке. Еще бы, подумала она, ведь Регина ненавидит меня звериной ненавистью, потому что боится правды... Но неужели эта мерзавка не сообразит, что я ей стараюсь помочь?

— О спасибо! — всхлипнула Дороти и попыталась поцеловать руку хозяйки, которую та было вырвала, но ее остановил голос супруга, который наконец сообразил, что происходит.

— Так это же твоя служанка! — заявил фактор, словно открыл, что земля вертится. — Та самая, которая утонула!

Оставив попытку поцеловать руку Регине, Дороти произнесла с чувством собственного достоинства:

— Я не утонула, сэр. Меня подобрала рыбаки, я прожила несколько недель в рыбацкой деревушке... далеко отсюда, среди дикарей. И как только мне представилась возможность, я бежала от них. Не с первой попытки, но мое бегство удалось.

— Почему же вас не отпускали? — удивился лейтенант Стюарт. — Вы бы сказали, что вы британская подданная и фактория внесет за вас любой выкуп.

— Нет, — возразила Дороти, на ходу изобретая романтическую историю. — В меня, к сожалению, влюбился сын местного туджи, то есть старосты. Меня хотели отдать за него. А он такой ревнивый!

— Все равно, — наконец-то Дороти услышала голос Регины. Значит, хозяйка уже взяла себя в руки и поняла, что независимо от поведения служанки, каким-то образом прознавшей о версии, предложенной миссис Уиттли, она должна радоваться возвращению

Дороти. Иначе она окажется лгуньей. Вот именно, лгуньей. — Все равно ты должна была настаивать на встрече с британским фактором и сказать им, что выкуп, который я готова заплатить, превышает все их воображение. Не так ли, Джулиан?

— Ну, разумеется, дорогая, — подтвердил Джулиан, который уже догадался, что ему не угрожает выплата выкупа и потому можно быть великодушным. — Я бы не остановился перед любыми расходами!

Последующие полтора часа были весьма занятыми для Дороти, потому что Стюарт успел позвать других офицеров гарнизона, затем пришел капитан «Дредноута», старшие служащие — все дивились на отважную горничную, которая так стремилась к своей госпоже! Англичане радовались счастьем двух молодых дам, которым удалось объединиться после столь опасных приключений.

Затем, перед обедом, Регина все же успокоилась настолько, что заявила мужчинам о своем намерении уединиться с Дороти, чтобы обо всем поговорить, а также показать ей комнату, которая все эти недели ждала свою обитательницу, настолько Регина, оказывается, была уверена, что Посейдон не заберет к себе прелестную горничную, не даст погибнуть невинной душе.

Дом фактора находился за главным строением фактории и был окружен газоном с кустами магнолии, затеняющими окна. Два садовника в белых дхоти и тюрбанах поливали клумбы.

Лейтенант Стюарт проводил женщин до их дома, затем церемонно раскланялся, сказав, что с нетерпением будет ждать обеда. Он не скрывал, что очарован Дороти. И именно об этом заявила Регина, как только они вошли во внутренний дворик:

— Только не думай, что на него можно рассчитывать. На тебе он никогда не женится. Жертвы его беспутства рыдают от Темзы до Ганга.

Дороти не сдержала улыбки.

— Я его увидела только сегодня и пока не собираюсь за него замуж.

— Вот именно! — Регина оставила за собой последнее слово.

Регина первой поднялась по лестнице на веранду — врассыпную кинулись слуги. Видно, госпожа держала их в строгости.

Она прошла в гостиную, налила воды из глиняного кувшина в один из бокалов, стоявших на столике. Видно, вода была прохладной, потому что Регина пила с наслаждением и, разумеется, не предложила Дороти. Видно, второй бокал на подносе предназначался самому Джулиану.

— Вообще-то, — сказала Регина, усаживаясь в прохладное кресло из плетеного тростника, — ты правильно сделала, что ко мне вернулась. Но откуда ты узнала, что ты утонула?

Регина уже опомнилась от неожиданной встречи, и ее житейская хватка и природный оптимизм взяли верх над сомнениями и страхами. Она высчитывала, что нужно горничной.

— Мне сказал лейтенант Стюарт, — призналась Дороти.

— Ты хочешь сказать, что шла ко мне, даже не зная, что с тобой случилось?

— Я отлично знаю, что со мной случилось, миссис, — ответила Дороти, — потому что это случилось со мной.

— Ах, да, — сообразила Регина. — Пожалуй, ты права.

Наступила тягостная пауза, Дороти решила не прерывать ее. А Регина лишь через минуту заговорила тоном, в котором можно было при желании уловить крошечки раскаяния.

— А что мне оставалось делать? — спросила она. — Если бы я не пожертвовала тобой, то и сама бы оказалась в борделе Омана. Вместо одной жертвы было бы две.

— И вы решили, что для публичного дома достаточно меня?

— Как только бы здесь все уладилось, я тут же послала бы в Оман выкуп за тебя! Немедленно. Ты бы даже не успела привыкнуть к своему счастью. Каждую ночь новый кавалер!

Она уже сама почти завидовала служанке.

— Зачем выкупать? Чтобы я заявила сюда и рассказала правду?

— Ах, оставь, кому ты нужна со своей правдой! Чье слово важнее? Кому поверят?

— Многие видели клетку на рее, — сказала Дороти. — Наверное, и ваши офицеры.

— Ну, что ты мелешь! Ты не представляешь, какое я испытала горе! У меня сердце перевернулось, когда я увидела эту клетку. А я так надеялась, что ты нашла свое счастье с хозяйским сыном.

— А меня никто не спросил.

Вот тут Регина рассердилась всерьез.

— Скажи, чего тебе надо! — закричала она. — Я тебя звала? Ты заявляешься сюда и лезешь сразу к моему мужу, пытаешься соблазнить глупого мальчишку Стюарта... Зачем, скажи, тебе все это нужно?

— А что мне оставалось делать! — воскликнула в ответ Дороти, которая тоже искренне рассердилась. — Что мне делать, если я убежала с арабского корабля и скиталась по трущобам Бирмы. Я боялась... К счастью, мама учила меня бирманскому языку...

— И где ты скрывалась? В публичном доме?

— Нет, при монастыре. Я была прислужницей при монастыре.

— И то слава Богу! Надеюсь, ты не отреклась от христианства?

— Меня об этом не спрашивали. Но в конце концов я не выдержала. Все-таки я не бирманка. Я англичанка. И я решила возвратиться к вам, госпожа, несмотря на то, что была вами обижена.

— Все это в прошлом, в прошлом, в прошлом! — остановила ее Регина. — Ты меня простила, и я тебя прощаю.

— За что? — не удержалась Дороти и чуть все не испортила. Регина насупилась и отвернулась к рас-

крытому окну. Потом, уловив движение за окном, она ястребом в голубиной шкуре кинулась туда и запустила вниз бокалом. Из-под окна раздался вой.

— Так тебе и надо! Не будешь подслушивать! — крикнула Регина любопытному, которому угораздила бокалом по голове.

От окна Регина возвратилась добродушной хозяйкой, которая после долгих терзаний наконец-то обрела одну из лучших своих вещей и потому сказочно выгадала.

— Сейчас мы будем мыть мне голову, — сообщила она. — Я так соскучилась по твоим рукам.

И Дороти внутренне вздохнула с облегчением, потому что ее план, рискованный, как казалось Бо Нурии, оказался правильным. Когда Регине ничего не угрожало, она была добра к своим вещам.

* * *

Уже за обедом, куда была, в виде исключения, приглашена горничная миссис Уиттли, с такими приключениями вырвавшаяся из рук местных дикарей, Дороти услышала удивительную новость.

• Когда расспросы ее закончились и разговор перекинулся к другим проблемам, оказалось, что наиважнейшая из них — предстоящий суд.

Дороти не сразу сообразила, о чем идет речь, и лишь после обеда, когда Регина решила поделиться с Дороти различными новостями, она узнала о том, что произошло без нее.

Оказывается, плен моряков с «Глории» продолжался не так долго, как можно было предположить. На широте острова Реюньон «Дредноуту» повстречался португальский бриг, с которым «Дредноут» поделился европейскими новостями. А от португальского капитана англичане узнали о судьбе «Глории» и ее команды. Тогда было решено изменить курс и приблизиться к французским владениям в расчете на то, что ни один, даже самый храбрый пират не осмелится напасть на английский линейный корабль.

Здесь, на людной дороге, «Дредноуту» оставалось лишь заняться корсарским ремеслом, что ему удалось — на третий день дрейфа к северу от порта Мале «Дредноут» остановил французское судно, арестовал его и послал бот с парламентарями на Реюньон. На судне оказалось немало важных пассажиров. Заключение их в трюм, коммодор Стоун отправил трофеей с призовой командой в Мале с посланием, в котором говорилось, что «Дредноут» намерен безобразничать до возвращения англичан. Расчеты капитана оправдались. Через шесть дней приз вернулся к месту randevu, привезя пленников. Верный своему слову, английский коммодор отдал французов и продолжил путь, понимая, что саму «Глорию» ему не вернуть — пришлось бы полгода охотиться на французов в тех местах, чтобы набрать призов для достойного обмена.

Поэтому, хоть и с опозданием, «Дредноут» прибыл в Рангун, везя на борту несчастных офицеров и матросов с «Глории», переживших бой и плен.

В их числе на фактории оказались доктор Стренгл, Алекс Федро и, конечно же, полковник Блекберри. Все они находились на борту «Дредноута», потому что их судьба еще не была решена.

— Как так не решена? — удивилась Дороти.

— Ах, — отмахнулась Регина. — Это мужское дело. Но я должна сказать тебе, что им грозят большие неприятности.

— Но почему же?

— Потому что есть мнение, что капитан Фицпатрик и его офицеры виноваты в том, что «Глория» попала в руки врага. Ведь «Глория» была лучше вооружена, чем корсар Сюркуф, у нее было больше пушек и матросов. Главное, что ее трюм был полон столь необходимыми для войны в Бирме мортирами. Все это пропало, и теперь завоевание Рангуна и Пегу становится проблематичным! — Так Регина и сказала: проблематичным! Это было новое модное слово.

— И вы в это верите, миссис Уиттли?

— Сколько раз я тебе говорила: когда мы одни, называй меня Региной. Я не хочу ощущать себя твоей бабушкой. При людях я для тебя — миссис.

— Вы в это верите, Регина?

— Разумеется. Почему они дали себя победить и поставили под угрозу мою и твою жизни?

Крупные глаза Регины горели, словно она увидела с высоты добычу. Она искренне ненавидела Фицпатрика и его офицеров. И это было чем-то новым.

Впрочем, лейтенант Артур Стюарт объяснил это Дороти в тот же вечер.

Он пригласил ее погулять по набережной. Правда, испросив на это разрешение миссис Уиттли.

— Еще чего не хватало! — деланно возмутилась Регина. — А если кто-нибудь увидит, что вы гуляете с прислугой! И напишет вашим родителям?

— Мои родители ответят, — откликнулся Стюарт, — что гордятся мною, потому что все люди равны перед Богом.

— Уж не папист ли вы, лейтенант?

— Да, я католик, миссис Уиттли, но эти проблемы, к счастью, давно улажены в моем отечестве.

— Гуляйте, гуляйте, я пошутила, — смиростивилась Регина.

Они пошли по берегу вверх по реке, подальше от складов и причалов. Там стоял монастырь, от него начиналась тихая деревенская улица — необразишь, что ты в двух шагах от шумного рангунского порта.

С утра Стюарт был на «Дредноуте», виделся там со штурманом Фредро. Он сказал тому, что Дороти нашла, и, видно, Алекс не смог скрыть своей радости, чем вызвал укол ревности в сердце Стюарта, который, впрочем, был настолько самоуверен, что уколы не мешали ему с добродушием относиться к неудачливым соперникам. А все его соперники обязательно попадали в число неудачников.

— Почему моя госпожа радуется тому, что решено судить капитана Фицпатрика и других офицеров? — спросила Дороти.

— Ты хочешь искреннего ответа или дипломатического? — спросил лейтенант.

Они уселись на низкой каменной ограде, окружавшей монастырь. Голый мальчишка подошел к ним и смотрел, разинув рот, на иноземцев. Потом подбежала его мать и, извинившись по-бирмански, унесла малыша. Стюарт рассмеялся.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне всю правду, — попросила Дороти.

— А ты не побежишь с ней к своей госпоже?

— Нет, — просто ответила Дороти.

— Таким глазам нельзя отказать, — вздохнул Стюарт. Впрочем, ему и самому хотелось поделиться с девушкой, которая ему нравилась, основной сплетней Рангуна.

Стюарт не отказал себе в удовольствии дотронуться до обнаженной по локоть руки Дороти и, зная, что она не станет сейчас возражать, рассказал:

— Все просто. Потому что все в жизни просто. Нами правят деньги и страсть к власти. Представь себе картину: фактор Ост-Индской компании, и притом сын самого мистера Уиттли, с помощью своего папы решает прирезать к территории нашей империи еще одно или два графства. Очень мило. Но эта операция тайная и внушительная. Я думаю, что на нее угрохали чуть ли не половину всех компанейских доходов за последние годы. И надо же: славное, отлично вооруженное судно «Глория», которое везло всю артиллерию и на борту которого находилась сама миссис Уиттли, попадает в плен к какому-то пирату! Операция летит ко всем чертям, никаких графств не получается. Завтра в Лондоне начнут разбираться, кто прав, а кто виноват. На совете директоров получит взбучку сам сэр Уиттли, а его сын, вернее всего, лишится поста фактора в Рангуне. Его карьера бесславно завершится, и ему останется лишь разводить цветочки в семейном имении. А какой это удар по его славной супруге! Она-то намеревалась стать губернаторшей и даже ехала специально за этим... И вот — ничего!

Стюарт потешно развел руками и надул щеки, изображая птицу. Помахал крылышками и продолжал:

— К тому же среди офицеров «Глории» ходят слухи, что госпожа Уиттли, столп морали, купила себе свободу, то есть убежала с пиратского корабля, не бесплатно... Было так?

— Не знаю, — быстро ответила Дороти.

— Значит, было. И вся история с твоим исчезновением и затем возвращением мне и другим людям кажется подозрительной. Значит, супругам Уиттли надо искать виноватого.

— И тогда им стал капитан Фицпатрик...

— Капитан Фицпатрик, его помощник, оба штурмана, а также начальник артиллерии — всего пять офицеров, которые вели себя трусливо, плохо организовали оборону и отдали лучший корабль Компании в руки презренного врага.

— Но ведь это неправда!

— Тебе ли, о служанка, судить об этой трагедии! — патетическим тоном воскликнул лейтенант. И тут же продолжил: — На руку Регине и ее мужу сыграло то, что на «Глории» угодил в плен полковник Блекберри, начальник службы безопасности Компании и старший по чину офицер на «Глории». Он тоже боится скандала и разжалования. Поэтому с самого начала он объединился с семейкой Уиттли. Понимаешь?

— Может даже, он все придумал?

— Не исключено. В любом случае завтра состоится военный суд над пятью офицерами, и я заранее могу тебе сказать, что вердикт суда будет суров. Возможно, с первым же кораблем они, разжалованные и приговоренные к тюремному заключению, будут отправлены в Англию... Если Уиттли и Блекберри не придумают способа, как расправиться с опасными свидетелями здесь.

— Но это же ужасно!

— И подло.

— Но пускай они спросят меня. Я расскажу всю правду.

— А вот этого никто от тебя не ждет. Как только ты откроешь свой красивый ротик, то его закроют палкой или пулей.

— Не говорите так, мистер Стюарт!

— Если тебе не сказать правды, ты и в самом деле решишься вылезти на суде, где все predetermined заранее.

— А кто будет их судить?

— Фактор Уиттли будет председателем суда, а членами его станут высшие офицеры: полковник Блекберри и коммодор Стоун, капитан «Дредноута».

— Но как же Блекберри...

— Он не боевой офицер, и никто не требовал от него, чтобы он организовывал оборону «Глории».

— Но что-то надо делать!

— К сожалению, я могу дать тебе только один совет: молчи и еще раз молчи! Лишь в этом твое спасение. Своему штурману ты не поможешь. Я знаю, о чем говорю.

— Но я не могу все так оставить!

— Тогда выходи за меня замуж, мы с тобой выкрадем твоего Алекса и купим ему проезд на какой-нибудь китайской джонке до Кейптауна.

— А без замужества его выкрасть нельзя?

— Почему же нельзя? — смиловился лейтенант. — Только потом ты все равно должна будешь выйти за меня замуж.

— Спасибо, — рассмеялась Дороти, — вы польстили бедной девушке. А теперь проводите меня обратно в факторию, а то уже темнеет и тут могут оказаться бандиты.

— Тем лучше, — заявил игривый лейтенант. — Вы сможете испытать, каков я на деле.

Они не спеша прошли берегом до фактории. Солнце уже село, и начало быстро темнеть, хотя западная половина неба еще пылала разноцветными облаками, лиловеющими ближе к горизонту, а река, сохранявшая цвет зенита, казалась огненной полосой между синей землей и лиловыми облаками. «Дредноут» был

нарисован черным пером на фоне реки, и каждая мачта, рея, сплетение вант выделялись четко и ясно.

Индийские сипаи у ворот разожгли костер — им было холодно, хотя вечер был парным, влажным от прошедшего и завтрашнего дождей.

Лейтенант остановился посреди двора.

— Вы к себе? — спросил он Дороти. И она поняла, что ему хочется в гостиную большого дома, где пьют и играют в карты. Юноша нагулялся.

— Идите, — сказала Дороти, — мой мальчик.

Лейтенант удивленно посмотрел на нее.

— Какую роль вы играете?

— Роль герцогини.

Стюарт церемонно поклонился. Его башмаки отстукали энергичную дробь по лестнице.

Двор был освещен несколькими лампами, висящими на столбах. Служители как раз кончили их зажигать, и лампы пока еще светили неуверенно, уступая небу в яркости света.

Дороти подошла к навесу. Под ним были сложены рядами большие крепкие колеса с железными ободами. В брусках и коротких бликах лишь осведомленный человек мог разглядеть заготовки для тяжелых лафетов.

Дороти была осведомленным человеком, потому что знала, что искать. Мистер Уиттли не смел отказать от похода на Пегу — отказавшись, он терял надежду стать великим человеком. Дороти и ее дядя угадали правильно — вон там, дальше, толстыми свиньями, укутанными в брезент, лежат тяжелые стволы корабельных орудий, которые свозят с «Дредноута». Главное — не упустить момента. Завтра надо будет сообщить сайя У Дхаммападе об увиденных пушках. Еще неделя, и число их перевалит за полсотню. Такая громовая мощь может сокрушить любую армию.

— Вы чем-то заинтересовались? — Дороти вздрогнула от ненавистного голоса полковника Блекберри. И надо же, он застал ее в тот момент, когда она,

задумавшись, приподняла угол брезента и смотрела на пушечный ствол.

— Добрый вечер, — сказала Дороти. — А я думала, что это здесь лежит.

— Конечно, моя маленькая девочка и не подозревает, какими бывают пушки.

— Ах, это пушки, — догадалась Дороти. — Вот спасибо, что вы мне это сказали.

— Была бы моя воля...

— Полковник, вы опять беретесь за старые песни, — огрызнулась Дороти. — Я вам не подчиняюсь...

— Я заставлю тебя подчиняться... Ты вернешься в Англию в клетке.

— Вы знаете о клетке? — проговорила Дороти.

— Что? Что я должен знать?

Конечно же, полковник приплыл сюда на «Дредноуте», но он мог иметь доверительные беседы с Региной или другими осведомителями.

— Спокойной ночи! — Дороти побежала к дому фактора.

Ей показалось, что полковник заскрипел зубами.

Наверное, лишь показалось.

* * *

Суд был назначен на четыре часа, когда начнет спадать жара.

Миссис Уиттли была весь день взволнована, то кидалась на Дороти с кулаками, то навязывала ей в подарок недорогое ожерелье. Но о суде не сказала ни слова. Тогда Дороти сама решила и спросила господа:

— А можно будет сидеть на суде посторонним?

— Когда?

— Сегодня после обеда.

— Ах, да, после обеда! Нет, это абсолютно исключено.

— А вы сами пойдете?

— Я вынуждена пойти. Меня просили. Я свидетель.

— Я тоже свидетель.

Тут Регина вспылила и запустила в Дороти кувшином. Кувшин ударился о стену и разбился.

— Какой ты свидетель! Ты распутная девка. Неизвестно, где ты шлялась три месяца, и посмела ко мне явиться! Уходи, чтобы я тебя не видела.

Дороти не стала спорить — в гневе Регина разве что не теряла рассудок.

За полчаса до начала суда Дороти вышла из фактории на берег и встала в тени высокой стены. Она смотрела на «Дредноут».

Рядом с ней стояли несколько солдат и слуг. Они переговаривались и тоже смотрели на реку, потому что знали, что сейчас повезут обвиняемых. Среди слуг и клерков компании ходили дикие слухи о предательстве офицеров «Глории».

Говорили, что они продали британский корабль пиратам, а те за это обещали перевести на Британский банк по сто тысяч фунтов каждому, говорили, что Фицпатрик — ирландец, а потому давнишний французский шпион, который сговорился с Бонапартом ещё в Европе.

...От «Дредноута» отвалила шлюпка. Мерно поднимались и падали в воду весла, в шлюпке умещалось немало людей, они сидели тесно, над ними поднимались дула ружей. Зрители подвинулись поближе к мосткам, что вели от фактории к реке, чтобы получше разглядеть предателей.

И когда пятерых обвиняемых, в мундирах, но без шпаг, в окружении вооруженных солдат повели на берег, толпа зашумела и на всякий случай отпрянула — в толпе всегда живет страх перед неведомой опасностью. Даже если эта опасность пока выглядит безобидно.

Дороти сразу увидела Алекса. Он совсем выздоровел, но исхудал и потемнел лицом, он выглядел куда старше, чем раньше. Шляпы на нем не было. Шляпу сохранил только Фицпатрик, которому было неловко шагать, как простому преступнику под конвоем, он смотрел в землю, и его пошатывало. На мостках он

оступился, и его помощник еле успел поддержать капитана. Толпа зашумела, недовольная тем, что падения не произошло и челядь не насладились унижением господина.

В этот момент Алекс увидел Дороти. Она не посмела его окликнуть, чтобы не привлечь к нему и к себе внимания, чтобы не сделать Алексу хуже. Но какая сладкая горечь налила пламенем ее грудь — как дорог и прекрасен был тот молодой изможденный поляк... Господи, поняла Дороти, я же его люблю!

— Дороти! — услышала она прорезавшийся сквозь туман и шум в ушах голос Алекса. — Дороти, ты жива! О, какое счастье! Какое счастье!

Штурман кинулся к девушке, и она, не сдержавшись, протянула руки к нему и прижалась головой к его груди.

Солдат, который шагал рядом со штурманом, не уловил вовремя этого движения и не успел остановить преступника. Поэтому он с опозданием кинулся расталкивать влюбленных, и даже самые жестокосердые из зрителей были возмущены его действиями. Но, несмотря на это, к солдату пришел на помощь сержант, ведущий арестованных, и они вдвоем отшвырнули Дороти в толпу.

— Я тебе покажу, мерзавец! — возопил штурман и кинулся на сержанта. — Ты поднял руку на офицера!

Сержант, угрожающе ругаясь, отступил, Фицпатрик остановил Алекса, и тот пошел рядом с капитаном, оглядываясь на Дороти, а сержант следовал за ним, раздосадованный, но не знающий, как напакостить арестанту.

Помимо сержанта еще один человек у ворот фактории не одобрил поступка штурмана. Этим человеком был полковник Блекберри.

— Вам это дорого обойдется, штурман! — крикнул он и широкими шагами направился к веранде большого дома, как бы возглавляя всю процессию, хотя никто его об этом не просил.

Суд проходил в большой гостиной, куда притащили широкий стол из столовой, за ним на стульях сидели судьи. Подсудимые расположились на скамейке напротив судей. За их спинами выстроились солдаты. Несмотря на то, что все окна в гостиной были распахнуты, там было жарко и все мучились оттого, что приходилось вести суд и быть его жертвами при полном параде. В конце концов джентльмены судили джентльменов.

Из посторонних лиц в зал были допущены лишь самые важные свидетели: миссис Уиттли, доктор Стренгл и корабельный плотник с «Глории», один из людей полковника Блекберри, который, разумеется, говорил то, что было приказано говорить.

Дороти пыталась подслушать, о чем говорят в комнате, но она была не одна такая умная — несколько десятков человек из челяди и мелких служащих фактории, те же, кто встречал арестованных у ворот, скопились под открытыми окнами, чтобы услышать, что происходит в гостиной. Но уже через несколько минут из дома прибежали два солдата, которые отогнали галерку, и солдаты, проклиная зевак, остались стоять на солнцепеке, чтобы зрители не кинулись к окнам вновь.

Дороти поняла, что ей здесь делать нечего, и пошла ко входу в большой дом. Там ее и увидел Стюарт.

— Маешься? — спросил он. — Я могу тебя провести за один поцелуй.

— Не сходите с ума, лейтенант, — строго сказала Дороти.

— О, какие чудесные молнии вылетают из твоих глаз, — ответил на это Стюарт. — Выстрели еще раз, и тогда я проведу тебя бесплатно.

С ним невозможно было быть серьезной.

— Хорошо, — согласилась Дороти, улыбаясь, несмотря на всю серьезность момента, — я отдам вам долг в течение года.

Стюарт провел Дороти внутрь дома, и они, миновав анфиладу служебных комнат, остановились в по-

следней комнате перед гостиной. Здесь собрались сливки общества — служащие, офицеры, их жены, которые дружно зашипели при виде Стюарта и Дороти. Ведь служанке, даже служанке миссис Уиттли, быть здесь не дозволено. Но всеобщий баловень Стюарт помахал всем ручкой и провел Дороти к открытому окну, откуда было лучше слышно, что же происходит в судебном зале.

В комнате вновь воцарилась тишина. Из гостиной доносились голоса, и партер им внимал, хотя почти ничего не было слышно. В наилучшем положении были два молодых офицера, которые обосновались под дверью и время от времени передавали остальным самые интересные новости.

— Полковник Блекберри начал! — сообщил один из них. — Он их винит в государственной измене и, может даже, в сговоре с французами... Сам он присутствовал во время боя, хотя не мог в него вмешаться иначе, как со своей шпагой в руках, которую он обагрил кровью пиратов...

Кто-то в комнате засмеялся. Блекберри был известен многим как полный профан в военном деле.

После полковника выступала Регина. Она говорила так, что ее не надо было переводить и усиливать. Ее голос проникал сквозь стены, как сквозь бумагу. Со слезами на глазах миссис Уиттли поведала высокому суду, как ее покинули на произвол судьбы, забыли, не защищали. Как ей удалось, отдав злодеям все свои драгоценности, усыпить их бдительность и бежать в скорлупке, когда ее жизнь висела на волоске... Голос птицы поднимался все выше, словно она была соловьем, который ведет свою ночную песню, не слыша и не видя ничего вокруг.

— О Господи! — в слезах воскликнула одна из пышных дам, что подслушивали в приемной.

— Все было не так уж страшно, — не сдержалась Дороти.

— Ах, что вы понимаете! — отмахнулась дама. Видно, она еще не знала, какую роль в роковых событиях пришлось играть этой девушке.

— Любопытно, — сказал Стюарт, — что такого ценного свидетеля, как мисс Форест, забыли вызвать на суд.

— Почему? — спросила дама.

— Потому что она была в той же лодке и ее смыло за борт волной.

Дамы удивленно закудахтали, не зная, верить ли лейтенанту. Дороти промолчала.

Из-за двери донесся голос доктора Стренгла. Словно подслушав голоса в приемной, он громко произнес:

— Когда мы входили в факторию, я видел Дороти Форест, горничную миссис Уиттли. Нельзя ли пригласить ее для дачи показаний?

— Я протестую! — закричал Блекберри. — Я заявляю, что сразу после окончания этого суда я буду требовать от местных британских властей ареста этой ведьмы и бирманской шпионки.

Незнакомый голос спросил:

— Именно поэтому вы возражаете против приглашения ее в суд?

— Это капитан «Дредноута» коммодор Стоун, — пояснил Стюарт.

— Я убежден, — повысив голос, твердо ответил Блекберри, — что для суда она бесполезна. Она не может дать никаких показаний по предмету, в котором не смыслит.

— Эх, Дороти, — негромко заметил Стюарт. — За твою голову я и трех пенсов не дам.

К сожалению, Дороти понимала, что Стюарт прав. Ненависть, которую испытывал к ней полковник, была безмерна. Она находилась за пределами разумного. Это была, как говорится, ненависть с первого взгляда. В свое время, еще на «Глории», Регина уверяла, похихатывая, что Блекберри тайно влюблен в Дороти, но не рассчитывает на взаимность и потому мстит... Теперь Дороти пожалела даже, что не удержалась и кинулась к Алексу — соглядатаи полковника донесли ему об этом, и он будет мстить и штурману.

— Эта девушка, — упрямылся хирург, — была свидетелем всего, что происходило. Несколько дней она провела в лазарете и вместе со мной ухаживала за ранеными. Когда рядовые моряки вернутся из плена, они смогут подтвердить, как беззаветно и по-христиански вела себя мисс Форест. Наверняка матросы рассказывали ей о ходе боя и поведении офицеров. Если в них, как и в моих действиях, было нечто предосудительное, она не преминет об этом рассказать.

— Замолчите, доктор Стренгл, — послышался голос мистера Уиттли. — Как председатель военного суда я лишаю вас слова. Вопрос о привлечении к делу служанки моей жены мисс Форест рассмотрен, и вызов свидетельницы высокому суду не представляется необходимым. Что касается вас, доктор Стренгл, то вас никто не намерен обвинять, и вы вызваны сюда в качестве свидетеля, однако теперь я сомневаюсь в вашей объективности и боюсь, что приятельские отношения с обвиняемыми дурно влияют на вашу точку зрения. О чем я ставлю суд в известность. А теперь я попрошу свидетеля, представленного полковником Блекберри, занять место на том стуле. Прошу вас поклясться на Библии, что вы будете говорить правду и только правду...

Дверь из гостиной резко открылась, и в ее проеме возник полковник Блекберри.

— Вот этого я от вас не ожидал, господа, — укоризненно произнес он.

Дороти попыталась спрятаться за спину Стюарта.

— Неблагодарно подслушивать, если было объявлено всем, что суд проходит конфиденциально. О его приговоре и решениях всем служащим компании будет объявлено официально...

Тут Блекберри увидел неудачно притаившуюся Дороти и от гнева потерял дар речи. Он только указывал пальцем на девушку и, к удовольствию зрителей, открывал и закрывал рот, подобно рыбе, выброшенной на берег. Дороти же взглянула на камешек в кольцо

и увидела, что он стал черным — такова была сила угрозы, исходившей от полковника. И тогда Дороти так испугалась, что кинулась бежать — она понимала, что от ярости полковника ее не спасет никакой Стюарт.

Как ей потом рассказывал Стюарт, взбешенный полковник вытащил из-за пояса пистолет, с которым ему, видно, не следовало находиться за судейским столом, и прицелился вслед Дороти. Однако девушка уже скрылась, и офицеры навалились на полковника, стараясь обезоружить. Пистолет все же выстрелил, но в пол, заседание суда прервалось, потому что Джулиан Уиттли решил, что начался бунт, направленный на освобождение преступника, а миссис Уиттли выпрыгнула в открытое окно и кинулась бежать. Так в свои покои она прибежала одновременно с Дороти. Они столкнулись в дверях, жарко дыша, стараясь прийти в себя.

— Они стреляли? — спросила Регина.

— Я думаю, что это стрелял мистер Блекберри, — ответила Дороти.

— Зачем ему бунтовать?

• — А разве он бунтовал?

— А что же он тогда делал? — взъерилась Регина.

— Он хотел меня убить. Потому что я была в приемной.

— Зачем ты была в приемной? Ты бунтовала?

— Меня позвал лейтенант Стюарт.

— Хватит! — закричала Регина. — Хватит тебе всюду появляться с этим Стюартом. Если ты думаешь, что он на тебе женится, ты жестоко ошибаешься! — И тут миссис Уиттли замерла с приоткрытым ртом... До нее дошло, что она убежала из зала суда, причем неприличным образом, в то время как один из мужчин — Блекберри хотел застрелить ее лучшую и уже почти прощенную вещь... А тут еще приходится судить предателей...

— Хватит! — приказала она своей служанке. — Чтобы ты сидела дома и не выходила никуда, пока я

не вернусь. Поняла? Если слушаешься, мне все равно донесут, тогда я велю Блекберри тебя на самом деле застрелить.

Последние слова были пустой угрозой, но Дороти почувствовала себя настолько опустошенной, что ноги у нее подкосились и сил хватило лишь на то, чтобы сказать хозяйке, что она покоряется ее воле, и уйти к себе.

Регина тут же подобрала юбки и побежала обратно к зданию суда. Вернулась она через дверь.

Вечером за туалетом Регина сама рассказала Дороти, что за неправильные действия в море, граничащие с предательством, что выразилось в потере лучшего компанейского корабля «Глория» и невозмездимого груза, покоившегося в его трюмах, капитан «Глории», его помощник, два штурмана и артиллерийский офицер приговариваются к лишению всех чинов, имущества и к казни посредством виселицы...

— Ой! — воскликнула Дороти. В глазах засверкали звездочки, и, несмотря на то, что она была здоровой девушкой и хорошо отдохнула в горах, она упала в обморок, потому что в конце XVIII века все девушки и дамы умели падать в обморок.

Регина подхватила Дороти и, положив ее в кресло, надавала пощечин. Поэтому Дороти ничего не оставалось, как прийти в себя.

— И Алекс? — спросила она.

— Так тебе мало Стюарта? — удивилась Регина. — Ты помнишь еще о том поляке?

— Да, помню, миссис. Неужели вы были к ним так жестоки?

— Факты остаются фактами, Дороти, корабль потерян, наша война почти проиграна, две сотни славных английских моряков все еще остаются в плену по вине Фицпатрика и его сообщников.

— Но вы же были там, вы же знаете, что все сражались...

— Помолчи, Дороти. Если не понимаешь в военном деле, то хоть помолчи.

— Слушаюсь, адмирал Уиттли, — мрачно ответила Дороти, за что получила затрещину, правда, не очень больно.

— Да ты пойми! — пыталась ее уговорить Регина. — Даже в личном отношении они привели всех нас к трагедии. Ты не представляешь, какие мучения я пережила в руках пиратов, сколько трудов мне стоило убежать от них! Как я оплакивала твою гибель и гибель славных матросов, которые гребли у меня в лодке!

Господи, подумала Дороти, она уже искренне верит, что ее мучили, а мы с матросами погибли.

— И этот душитель Стренгл еще смеет защищать своих сообщников! И я считаю правильно, что его также привлекли к суду за то, что он бросил в Мале наших раненых и приплыл в Рангун.

— Но ведь «Дредноут» брал только офицеров...

И тут Дороти поняла, что лишь те слова долетают до маленьких, прижатых в голове ушек птички, которые той приятны и нужны.

— Но почему их приговорили к смерти? — произнесла Дороти, когда Регина успокоилась и замолкла.

— Я бы на их месте сама выбрала себе такое наказание, — решительно заявила птичка. Ей было жарко, она сидела перед зеркалом в нижней юбке, обнаженная до пояса, и Дороти вдруг подумала, какая отличная получилась бы из Регины кормилица. — Лучше смерть, чем позор! Но ты не переживай. Никто не собирается их казнить, пока не придет подтверждение приговора из Калькутты. Мы во всем придерживаемся закона... Хотя, впрочем, я думаю, что в Калькутте наш приговор поддержат. Компания не любит людей, которые имеют глупость неправильно распорядиться ее имуществом и нанести ей такой колоссальный ущерб... колоссальный! И, если не будет какой-нибудь коронации и великой победы, висеть им на виселице... Хотя они имеют шанс скорее помереть в нашей тюрьме. Ты не видела, какая у нас тюрьма?

— В фактории?

— Да, я тебе завтра покажу. Сразу за навесом, где делают колеса для пушек.

— А разве приговоренных не будут держать на «Дредноуте»?

— Ах, не напоминай мне об этом неблагодарном мерзавце!

— О ком? — удивилась Дороти.

— О коммодоре Стоуне. Представляешь, он сказал моему Джулиану: «Мой корабль не плавучая тюрьма». И вообще он посмел голосовать против приговора, на него подействовали... да все они заодно! Хорошо еще, что мой супруг и полковник Блекберри оказались твердыми.

— И вам не жалко моряков? Капитан Фицпатрик был так к нам любезен!

— Дороти, иди спать, я тебя отпускаю. Я сегодня разделю ложе с моим супругом. Но подготовлю себя к этому сама. В таких вещах от тебя нет проку...

Дороти послушно ушла в свою комнату.

Они уберут свидетелей, они задушат невинных, чтобы покрыть свои грязные дела... твои грязные дела, птичка Регина.

У себя в комнате Дороти зажгла лампу, уселась за столик и достала из сумки, висевшей над кроватью, Зеркало Зла. Зеркало отражало свет лампы, дым клубился в его колодце. Из колодца поднималось, угрожая кривляясь, лицо полковника Блекберри.

Вдруг Дороти стало так страшно, что она задула лампу и потом на цыпочках подошла к окну. Она чуть отодвинула занавеску и стала вглядываться в темноту — окно ее комнаты выходило в чахлый садик, который тянулся здесь до самой стены фактории.

Тот, кто ее ненавидел, стоял в тени бананов у стены. Дороти почувствовала, как он поднимает пистолет — он должен был выплеснуть свою ненависть.

— Мистер Блекберри! — крикнула Дороти, отпрыгнув за раму.

Выстрел показался очень громким, пуля ударилась в дальнюю стену комнаты. Дороти, уверенная в том,

что у полковника нет второго пистолета, снова показала в окне и сказала, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно:

— Мистер Блекберри, вы сумасшедший. Не тратьте своего времени на попытки убить меня. Я вас не боюсь. И если хоть волос упадет с моей головы, вам не жить на этом свете. Я обещаю это вам, полковник!

Так не могла говорить Дороти Форест.

Но полковник не знал, что именно так должна была говорить принцесса Лигонского королевства.

Послышался шум ветвей. Пригибаясь, стараясь быть незаметным, долговязый полковник, подпрыгивая, убежал прочь. Одно дело убить ненавистную девушку. Другое — быть узанным и выслушать выговор от этой девицы. Именно выговор! Это было равно тому, чтобы услышать выговор от зайца. И тогда начинает казаться, что у зайца выросли волчьи зубы... Что-то было в голосе служанки, в том, как она подошла к окну, зная, что он выстрелит... Это заставило полковника убежать... Ведь он приходил не убивать ее, а внушить ей подлый, низкий страх, заставить ее дрожать в ожидании смерти. Этого полковнику было достаточно. И вот теперь он бежит... Черт побери! Полковник оглянулся. Он уже отбежал достаточно далеко от дома фактора. Странно, но никто не всполошился, не прибежал на выстрел — может, потому, что стрелял он из отдаленного места фактории, а может, потому, что небо вспыхивало зарницами и громыало отдаленным громом — с океана шла гроза.

А Дороти начал бить озноб.

Она поняла, что ей нельзя оставаться в своей комнате. Ведь убийца может прийти... или прислать помощника. И Дороти босиком побежала к хозяйке. Та хоть не хочет ее смерти. Дороти знала, что Регина сегодня добивается ласк Джулиана, рассчитывая, что ей все же удастся зачать ребенка от законного супруга и не придется обращаться к кому-то из лейтенантов. Так что в спальне госпожи было пусто. Дороти улег-

лась на циновку у кровати Регины, а на рассвете, когда страхи ушли, вернулась к себе в комнату.

* * *

Утром Дороти отправилась на базар, чтобы купить Регине хороших спелых мангустинов, которые привозили из шанских селений. Порой Дороти брала с собой сипая, чтобы шел за ней и оберегал от бродяг или воришек, а потом тащил домой корзинку с покупками. Но сегодня она обошлась без охраны. Потому что прежде, чем пойти на базар, она, подозревая двуколку, приказала извозчику везти ее к Шведагону.

Начался дождь. Капли громко били по плетеной крыше повозки, воздух был сырой и пахнул лесной гнилью и речной водой.

У Дхаммапада вышел на веранду, как только ему сообщили, что приехала Ма Доро.

Дороти рассказала старику о вчерашнем суде, и тот сокрушенно покачивал головой, дивясь несправедливости англичан.

— Есть ли среди осужденных кто-либо, к кому твое сердце равнодушно? — прозорливо спросил он, когда Дороти закончила краткий рассказ.

— Есть, — просто ответила Дороти. — Но не об этом сейчас речь, сайя-до. Я подсчитала: колеса готовы для тридцати пушек, лафеты заготовлены для сорока. Завтра или послезавтра они начнут ставить пушки на лафеты. Это делают на заднем дворе, за двойной стенкой, чтобы не увидел никто из бирманцев. Но я думаю, что бирманцы все равно узнают.

— Свезены ли все пушки с большого корабля? — спросил старый монах.

— Я думаю, что еще пушек двадцать осталось на корабле.

— Надо, чтобы они свезли с корабля все или почти все пушки, — произнес У Дхаммапада. — Потому что, если придут люди твоего дяди, нельзя, чтобы у корабля было много пушек. Он начнет стрелять...

Старик был прав.

— И все же я думаю, что моему дяде пора выходить в путь. Ведь ему надо собрать достаточную армию, чтобы удержать Рангун и бирманцев, которые там есть, и взять факторию. И это нелегко.

— Принцесса, — усмехнулся старый монах, — оставь это мужчинам.

— Хорошо, мне надо спешить, сайя, — сказала Дороти.

— А что говорит твое зеркало? — спросил У Дхаммапада.

Дороти показала зеркало настоятелю, и тот дивился силе демонов, которые смогли сделать такое зеркало. Он даже дал совет Дороти — выкинуть зеркало. Дороти не стала рассказывать ему о внутреннем голосе и о том, как она знала заранее, что и где ей надо искать. Она не могла сказать об этом старику, потому что он решил бы, что она попала под власть демонов.

Дороти купила на рынке, что требовалось, и на пути к дому, как всегда, прошла рядом с тюрьмой. Тюрьма была невысоким бревенчатым строением, маленькие окошки которого были устроены под самой крышей. У обитых железными полосами дверей всегда стояли солдаты, причем не сипаи, а настоящие, англичане.

Как-то Дороти крикнула:

— Алекс!

Но ответа не услышала — солдат накиннулся на нее с криком, чтобы бежала отсюда, пока он не доложил о ней полковнику Блекберри.

— Постыдился бы, Чарли, — сказала ему Дороти, — ты стережешь славных британских офицеров. На том свете тебя будут за это жарить на сковороде.

— На тот свет еще попасть надо, — отмахнулся солдат.

Дороти рассказала хозяйке о ночном выстреле. Та не поверила, что такое могло случиться, но Дороти провела ее в свою комнату и показала дырку в стене, в которой поблескивал бочок круглой пули. Тогда Регина заявила, что это какой-то бандит, но не пол-

ковник. И сказала, что все расследует. Но ничего не расследовала, и Дороти поняла, что госпожа знает и верит, что нападающим был именно полковник.

Еще через две недели, к радости полковника, но к разочарованию мистера Джулиана Уиттли, на небольшом бриге, который следовал из Калькутты в Малакку, прибыл мистер Пимпкин, заместитель губернатора. Он уже знал о происшествии с «Глорией» и даже о суде над ее офицерами. В конце концов, Индийский океан — достаточно оживленная лужа, как он сам говорил, потирая мягкие влажные ладошки, такие маленькие по сравнению с грузным телом и большой лопоухой головой, украшенной широкополой черной шляпой, которой заместитель губернатора никогда не снимал, из-за чего в британской Ост-Индии ходило немало сплетен.

Мистер Пимпкин заперся с мистером Уиттли и полковником и просидел с ними около трех часов. Затем они вызвали commodore Стоуна и продолжали совещание.

О результатах его Джулиан, конечно же, обязан был сообщить своей жене, а она, будучи в благодушном настроении, на следующий день, пока мистер Пимкин осматривал пушки, а потом отправился на «Дредноут», чтобы посмотреть, готовы ли к боям морские канониры, рассказала обо всем Дороти.

Во-первых, на совете было решено начать военную кампанию немедленно, пока от ливней не развезло все дороги. И в то же время завершить ее так, чтобы дороги все же развезло окончательно, что помешает бирманцам подтянуть подкрепления: в период дождей здесь воевать не принято. Помимо команды «Дредноута» и отряда сипаев, стороживших факторию, бриг, привезший мистера Пимпкина, доставил еще роту морских пехотинцев, и они временно поместились в страшной тесноте на линейном корабле, чтобы не вызвать у бирманцев подозрений.

Во-вторых, мистер Пимпкин, как и следовало ожидать, «после внимательной проверки» санкционировал решение суда и подписал его от имени губернатора.

То есть преступники, сдавшие французам «Глорию», будут казнены перед началом похода. Это поможет поднять дух солдат, которые должны видеть, что предателям не будет пощады, как высоко они ни окопались.

— Нет! — вырвалось у Дороти. Она так надеялась, что ее дядя успеет появиться здесь и освободить Алекса. Теперь же Алекс погиб!

— Не причитай, надоело, — ответила Регина. — Найдем мы тебе отличного мужа, а не этого дикого славянина.

Регина не скрывала своей радости по поводу близкой казни Фицпатрика и его офицеров. Видно, ей очень не хотелось, чтобы они заговорили о ней в неподходящих местах... А потом, уже ближе к отъезду, она разделяется со мной, понимала Дороти. Пока я ей нужна и, как она убедилась, не опасна. Она полагает, что причина того заключается в моем страхе остаться одной в чужой стране... О, как вы ошибаетесь, миссис Регина Уиттли!

Дороти кинулась в монастырь Священного зуба Будды. Но не добежала до него. Ее неожиданный побег в город вызвал подозрение у Блекберри — Дороти не успела выйти на китайскую улицу, как почувствовала опасность. Сначала шкурой, спиной. Потом, метнувшись за повозку, высоко нагруженную мешками с рисом, она поглядела на колечко. Камень был темно-красным, как капля густеющей крови. Ах, как жаль, что у нее нет с собой зеркала, — она узнала бы, кто ей угрожает.

Дороти присела за повозкой. Колеса у нее были высокими, так что Дороти без труда поместилась в убежище между стеной дома и улицей.

Ей были видны нижние половинки людей, мимо проплывали длинные бирманские юбки — шелковые у женщин, клетчатые хлопчатые у мужчин. Черные штаны шанов и лигонцев и синие широкие брюки китайцев... А вот показались серые чулки и синие панталоны англичанина. Дороти взглянула на камешек — он уже почернел. Англичанин держал ладонь

на эфесе матросского палаша, и рука была напряжена — ясно, что он готов вытащить шпагу из ножен... Но кто это?

Дороти не смела выглянуть из-под повозки, она ждала, пока человек минует ее.

Просчитав до двадцати, Дороти осторожно поднялась и, прижимаясь спиной к стене, посмотрела вслед человеку. Конечно же, это плотник, один из подручных Блекберри! Значит, полковник заметил, как она поспешила в город во второй половине дня, когда ей вроде бы и нечего там делать! А может быть, полковнику донесла о ее бегстве сама госпожа?

Дороти решила подождать, пока соглядатай уйдет подальше, а затем вернуться к реке и пробраться к Шведагону за складами.

И в этот момент плотник оглянулся.

Он тоже умел чутко взгляд спиной!

Холодные серые глаза ищейки встретились со взглядом Дороти.

Она тут же представила себе, как он кинется к ней, взмахнет палашом... Дороти, скрытая от улицы повозкой, упадет, не вскрикнув, а соглядатай спокойно уйдет обратно. И еще получит от полковника тридцать серебряных шиллингов за устранение шпионки.

Дороти все это понимала, но стояла, как прикованная к месту, потому что повозка мешала ей убежать, и воображение, рассказавшее ей о собственной смерти, устрало ее настолько, что ноги отказывались ей подчиняться.

И тут плотник вытащил из ножен палаш, словно угадал мысли Дороти и понял, насколько она беспомощна. Судя по сноровке, он умел обращаться с оружием, что, поверьте, необычно для второго плотника, мастерство которого должно ограничиваться плотницким ножом или топором.

Блеск стали разбудил Дороти. Она пискнула, как испуганный заяц, и, согнувшись, нырнула под повозку.

Ноги в серых чулках в два шага приблизились к повозке, и затем она увидела руку в синем камзоле,

в которой был зажат короткий морской палаш. Рука старалась достать Дороти концом палаша — Дороти ринулась назад и наткнулась спиной на ось повозки. Надо было согнуться еще ниже, чтобы проскользнуть под ней. Дороти пыталась это сделать и тут увидела, что ноги в серых чулках подогнулись, как бы от большой тяжести, и, дернувшись, поехали под повозку каблуками вперед. Вслед за ногами в поле зрения Дороти попал весь плотник. Он улегся на спину, выронив палаш.

Дороти испугалась этому чуду даже больше, чем нападению. Как гусеница, она выползла из-под повозки, прижимаясь к стене, и услышала, как на улице поднимается визг. Люди кидались — кто к лежащему англичанину, а кто прочь. Произошла давка, и это помогло Дороти сделать два шага в сторону, а третий она сделала уже с помощью крепкой смуглой мужской руки, которая подхватила ее под локоть и так потянула в сторону, что Дороти даже не смогла закричать. Она решила было, что это напарник соглядатая, но тут же услышала знакомое мычание: Господи, да это же глухонемой Нга Дин, сын Бо Пинья-зотты! Добрый туповатый бугай, боготворящий принцессу Лигона!

Нга Дин был одет портовым кули, длинные волосы собраны в пук на затылке, серая холщовая куртка измазана краской...

— Нга Дин, миленький...

Лигонец прижал к губам палец. И сделал страшные глаза.

— Отпусти руку, — сказала Дороти. — На нас обращают внимание.

Дороти говорила, глядя в глаза Нга Дину. В таком случае он все понимал.

Нга Дин кивнул и отпустил руку Дороти. Странно было бы этому портовому кули и дальше тащить за руку бирманку из приличного дома. Ведь именно бирманкой, с согласия Регины, обожавшей всякого рода маскарады, одевалась Дороти во время выходов в город.

Шум сзади становился все глуше и неразборчивей. Нга Дин дотронулся до плеча Дороти и показал ей знаком, что она должна повернуть за угол.

Путь пролегал мимо опиумокурильни старого китайского бандита. Но Дороти не решилась поднять голову, чтобы проверить, дома ли он, — а вдруг выглянет в окно?

За углом стоял старый грузовой рикша. Повозка его была пуста. Сильные мускулистые ноги рикши были обвиты венами от вечной натужной работы, широкая шляпа скрывала в тени лицо, руки тяжело лежали на перекладине, соединявшей оглобли повозки.

— Вас отвезти, Ма Доро? — спросил старый рикша.

— Нет, не надо, — ответила Дороти, не сразу сообразив, что ее окликнули по имени.

Нга Дин сзади засмеялся. Он-то обо всем знал. Дороти нагнула голову, заглядывая под шляпу. Бо Пиньязотта отодвинул шляпу на затылок, чтобы облегчить девушке задачу.

Он рассмеялся, показав тридцать два здоровых, желтых от жевания табака зуба.

— Нга Дин его убил! — Первое, что сообщила Дороти старому генералу.

Генерал сразу обратился к сыну. Нга Дин знаками подтвердил слова Дороти и добавил, что если бы он этого не сделал, то англичанин в синем костюме убил бы саблей принцессу. И ему, Нга Дину, ничего не оставалось, как унять таким образом убийцу.

— Мне теперь опасно возвращаться на факторию, — сказала Дороти.

— Осталось мало дней, — сказал Бо Пиньязотта. — Совсем мало дней. Нам лучше, если ты будешь внутри. Но если тебе страшно, то мы укроем тебя в монастыре У Дхаммапады.

— Они могут заподозрить меня в убийстве этого человека.

— А ты скажи правду, — ответил генерал. — Скажи, что ты никого не убивала.

Дороти подумала, что Бо Пиньязотта, хоть и хороший человек, но очень уж дикий. И если Дороти погибнет, он, конечно, будет жалеть, но ничем не покажет своего небольшого расстройствa, потому что умерла всего-навсего женщина. Ей стало грустно.

— Что же ты решила, принцесса? — спросил Бо Пиньязотта.

— Я поняла, — сказала Дороти. — Я поняла, что для вас есть очень важные вещи и не очень важные. Самое важное — спасти горы от бирманского вторжения. А не очень важная — спасти меня.

— Это неправда, принцесса, — ответил старик. — Только помни, что, когда придет бирманская армия, будут убиты сотни и тысячи мужчин, а тысячи женщин уйдут в неволю. Так бывает всегда.

— Я понимаю, — сказала Дороти. — Я возвращаюсь на факторию.

— И будешь нашими ушами и глазами.

* * *

Как Дороти и боялась, весть о смерти англичанина достигла фактории раньше, чем она возвратилась. Тут же из фактории была наряжена команда, чтобы принести тело соглядатая. Дороти встретила ее, подходя к воротам, но солдаты на нее не обратили внимания. Они же не знали, что плотник погиб, преследуя служанку.

Зато полковник Блекберри отлично об этом знал.

Он встретил Дороти на широком дворе перед главным зданием. Он закричал при виде ее:

— Явилась! У тебя хватило наглости явиться?

— Что случилось? — Дороти была удивлена. Она выглядела вполне обыкновенно, тем более что в руке у нее была небольшая корзинка, купленная на китайской улице, полная любимыми Региной спелыми мангустинами.

— Ты не знаешь, что случилось?

— Клянусь, что не знаю, сэр.

Стюарт со своим товарищем вышли на крик на веранду. Затем там же появилась Регина. Рабочие,

ковавшие ободы для пушек в кузнице, бросили работу — уж очень уморительной показалась им сцена ссоры между высоким сутулым английским начальником и хорошенькой служанкой госпожи.

Вернее, это трудно было назвать ссорой: высокий господин наскакивал на девушку, намереваясь ее растерзать, а девушка растерянно оправдывалась, указывая на корзинку с мангустинами.

— Как я могла кого-нибудь убить? — удивилась она. — Чем? Мангустином?

— У тебя есть сообщники. В этом твоя главная опасность! И хватит! Этот номер у тебя не пройдет! Сейчас же иди в подвал! Я тебя сам повешу завтра вместе с предателями, потому что ты хуже их!

— Что произошло, что произошло? — спросил мистер Пимпкин, вынося на веранду свою необъятную тушу, прикрытую сверху шляпой.

— Эта мерзавка только что подстроила убийство моего лучшего агента, — закричал, не владея собой, Блекберри. — Это заноза в нашем теле, ядовитая колючка! И, если мы не избавимся от нее тут же, она нас всех погубит.

— Вас бы я была рада погубить, — дерзко ответила Дороти, надеясь на вмешательство Пимпкина. — Потому что вам, мистер Блекберри, мало врагов — мужчин, и вы преследуете меня, угрожая моей жизни с момента, как увидели меня в Лондоне. Ваши помощники неоднократно пытались меня убить! И теперь вы еще смеете свалить на меня смерть одного из них. Конечно, со мной воевать легче, чем с королем Авы.

— Я убью тебя! — Блекберри постарался вытащить шпагу, но это ему не удалось, потому что за руку его схватил лейтенант Стюарт.

— Постыдитесь, полковник, — сказал он. — Иначе, как офицер, я буду вынужден вызвать вас на дуэль, защищая часть британской подданной.

— Она не британская подданная! Она наймитка бирманцев!

— Господи! — закричала тогда Дороти. — Миссис Уиттли, вы всегда были так добры ко мне! Неужели вы оставите меня на растерзание этому злодею?

— Ты сама виновата в своей судьбе, — неожиданно для Дороти хозяйка решила отдать ее на растерзание. Почему? Впрочем, видно, в душе Регины любовь к лучшей вещи потерпела поражение в борьбе с осторожностью. Сейчас представился случай расправиться с собственным прошлым. И сохранить мир с опасным полковником.

Регина резко повернулась, и платье треснуло спереди по шву.

— Ах, простите, — воскликнула смущенная миссис Уиттли и спешно покинула веранду.

— Прочь с дороги, лейтенант! — заявил Блекберри. — Если вы не хотите попасть под полевой суд, в котором я же буду председательствовать. Я вам обещаю навсегда загубить карьеру, если вы сейчас же не отойдете от этой... этой...

— Подождите, полковник, не волнуйтесь так, — произнес грузный мистер Пимпкин, его большие слюнявые губы кривились в сладострастной усмешке. Ему так понравилась эта девица. — Вы склонны к преувеличениям. Наверняка мисс...

— Мисс Дороти Форест! — доложил лейтенант Стюарт, уже отступивший было на шаг под напором полковника и теперь стремившийся вернуться на утраченные позиции.

— Наверняка мисс Дороти не виновата в серьезных преступлениях, в которых вы ее обвиняете. Я глубоко убежден, что вам нужен отдых...

Мистер Пимпкин перевел взгляд на стоявшие неподалеку на траве носилки с телом плотника. Тело было накрыто грубой холстиной, из-под которой торчали лишь ноги в серых чулках и пыльных башмаках.

— Это ваш агент? — спросил мистер Пимпкин.

— Вот именно! — с вызовом ответил Блекберри.

— Как же вы в такой опасный и, я бы сказал, критический момент, — наставительно загудел чело-

век-слон, — допускаете хождение по туземному городу своих подчиненных поодиночке, в европейском платье да еще, полагаю, вооруженных. У нас в Бенгалии я бы тотчас снял с должности любого офицера, который бы посмел так неразумно и легкомысленно распоряжаться жизнями своих подчиненных во враждебной стране. Когда остались считанные дни до выступления и любой конфликт с туземцами может вызвать врыв всего великого предприятия, некоторые, много возомнившие о себе полковники ведут себя, как неразумные сержанты. Я прошу вас, полковник, пройти со мной в кабинет к уважаемому фактору Уиттли, и там мы продолжим разговор.

— Слушаюсь. — Блекберри выглядел, как побитая собака.

— Он, как побитая собака, — проговорил негромко вслед ему лейтенант Стюарт. — Но, как побитая собака, он вдвойне опасен, потому что будет пробовать клыки не на слоне, а на зайчонке. Ты поняла, Дороти?

— А вы готовы были меня оставить на растерзание, — печально произнесла Дороти.

— А что подделаешь? — развел руками лейтенант. — У меня лишь одна жизнь и одна карьера. Ну, кто мог подумать, что Пимпкин такой юбочник, что при виде тебя разрушит весь замок полковника Блекберри.

...Когда Дороти вернулась в дом фактора, Регина встретила ее у своей двери неделикатным вопросом:

— А разве тебя не посадили в тюрьму?

— Меня оправдали, — ответила Дороти. — А теперь тюрьма угрожает вашему другу полковнику Блекберри.

— Не мели чепухи! — неуверенно произнесла Регина и, подобрав юбки, ринулась в главный дом узнать, что же произошло.

Дороти же поставила корзинку с мангустинами на столик в гостиной семьи Уиттли, прошла к себе и сидела взаперти до темноты. Воображение рисовало ей картины сладостной встречи с Алексом, но тут же

жестоко заставляло вспомнить о скорой казни молодого штурмана, и слезы накатывались на глаза Дороти.

Когда же стемнело, она рискнула, вышла во двор, чтобы посмотреть, нельзя ли подойти к солдатам и уговорить или подкупить их, чтобы они позволили перекинуться словом с Алексом. Для подкупа у нее было несколько рубинов, которые ей дал с собой дядя.

Но подойти к тюрьме оказалось невозможно. На плацу рядом с тюрьмой при свете фонарей и факелов кипела работа: возводили помост и к двум столбам сверху приколачивали могучий поперечный брус. Дороти поняла, что сооружают виселицу...

Она не смогла там оставаться и побежала к себе.

Она спряталась в комнате и, пока не заснула, строила планы: то мысленно мчалась по горам навстречу дяде, чтобы он прислал отважных воинов, которые в последний момент спасут приговоренных, то сама с пистолетом в руке всходила на помост, чтобы освободить возлюбленного. Но, конечно, ничего она не придумала.

* * *

Дороти заснула лишь под утро и неожиданно для себя проспала все на свете. Госпоже, поднявшейся раньше, пришлось идти к двери горничной, стучать и требовать, чтобы та встала наконец и помогла Регине совершить туалет — начинался большой день. День казни. День решений. День победы Регины над правдой. Правда не именовалась правдой в ее устах, для нее было другое слово: предательство.

— А когда... когда это будет? — спросила Дороти, причесывая госпожу.

— К закату полковник обещал со всем управиться, — радостно сказала птица. И Дороти поняла, что это такое — необратимое желание задушить человека.

Как? Что сделать, чтобы спасти Алекса? Ведь, даже если дядя прибудет сюда через неделю или через три дня, все равно будет поздно. Не исключено, что после

смерти офицеров с «Глории» полковник выполнит свою угрозу и Дороти последует за Алексом.

— Тебе его жалко? — спросила Регина. Теперь Дороти была убеждена, что госпожа нарочно дразнит ее, ибо ей доставляют радость страдания Дороти.

— Да, мне его очень жалко, — сказала Дороти. — Я отдала бы все мои драгоценности, чтобы спасти их...

— У тебя есть драгоценности? Откуда? Ты же нищенка! — Регина насторожилась. Зря ты, Дороти, так легкомысленно заговорила с хозяйкой. Она же настрожена, как птица.

— У меня их немного...

— Вранье! Ты была голой на корабле. А потом у тебя появилось серебряное зеркало, я видела его...

— Это не зеркало... оно не отражает.

— Знаю, — ответила Регина. — Иначе бы я его у тебя отобрала. Тебе не положено иметь такое зеркало. Но я тебе должна сказать, что, когда полковник отрубил тебе голову, мне все равно достанутся и твое зеркало, и твои рубины, которые ты так неосторожно зашила в дно своей шанской сумки.

И Регина счастливо засмеялась.

— Кстати, — сказала она, насладившись растерянностью Дороти. — Там уже нет никаких рубинов, потому что тебе не положено иметь рубины!

Регина поднялась, отобрала гребень у обомлевшей Дороти и сказала, отступая в угол комнаты:

— А теперь уходи отсюда. И предупреждаю, что у меня есть пистолет.

— Куда уходить?

— На улицу! Иди, полюбуйся, как будут вешать твоих дружков. — Хозяйка была нарочита груба, она хотела вывести Дороти из себя.

Не поддаваясь, она нарочно, уговаривала себя Дороти, она хочет, чтобы я сорвалась...

— Уходи, — визгливо повторила Регина.

Дороти покинула комнату и, не чуя под собой ног, выбежала на зеленый газон перед домом фактора.

Здесь стена близко подходила к строениям, дальше начинался плац, где уже была сооружена виселица. Дороти показалась страшной ее завершенность. Как накрытый стол, она была готова к приему гостей и сделана аккуратно, на совесть, видно, человек, отвечавший за ее изготовление, был аккуратистом и знатоком своего дела. Веревки с петлями на концах, которые свисали с перекладины, были одинаковы по длине и замерли, ожидая, кого бы стиснуть в своих объятиях. Под петлями на равном расстоянии один от другого стояло пять ящиков. Их вышибут из-под ног казненных. Ящики тоже были одинаковыми и стояли в ровную линию.

Дороти зачарованно смотрела на виселицу. В совершенстве этой виселицы ей виделся весь мир, окружающий ее с момента отплытия из Англии. Его жестокость была освящена аккуратностью, и сегодня эта власть, эта аккуратность будет расправляться с теми людьми, которые допустили сбой машины, нарушили далеко идущие планы лондонских стратегов и рангунского исполнителя, мистера Джулиана Уитли.

К виселице подходили зеваки, некоторые даже поднимались на помост и трогали ящики, один офицер забрался на ящик и хотел сунуть голову в петлю, сержант, который стерег виселицу, уговаривал его уйти.

— Уходите, уходите! — прокрипел полковник Блекберри, незаметно вышедший на плац. — Если не хотите повиснуть там за компанию.

Полковник Блекберри с каждым днем забирал все большую власть на фактории. Дороти даже подумала, что зря Регина и мистер Джулиан сделали его своим доверенным союзником. Не сегодня завтра полковник воспользуется своими познаниями, чтобы оттеснить и погубить сегодняшних друзей.

И тут полковник увидел Дороти.

Господи, опять начинается на меня охота...

— Так, подсматриваешь? — Блекберри при виде Дороти терял рассудок. — Нет твоего защитника!

Уехал мистер Пимпкин на «Дредноут». А ну, иди со мной!

Полковник схватил Дороти за плечо. Она попыталась сбросить его руку. Вокруг были враги! Кто-то в толпе окруживших виселицу зевак громко засмеялся — то ли над усердием полковника, то ли над страхом Дороти, которого она не в силах была скрыть.

— Ты пойдешь в тюрьму! — кричал полковник. — И я тебя вздерну вместе с ними! Или ты хочешь, чтобы тебя сожгли как ведьму?

— Но нельзя же так! За что вы меня преследуете?

Если Дороти надеялась вызвать жалость у зрителей, она ошиблась — клерки и прочая мелкая сошка фактории встретили эти слова взрывом веселья. Видно, виселица как-то изменила настроение законопослушных британцев и превратила их в древних римлян, поворачивающих большой палец вниз в знаменитом жесте времен гладиаторских боев: «Добей поверженного!»

Дороти отбивалась как могла, но победить этого жилистого озверевшего мужчину она была не в состоянии.

Полковник тянул свою жертву на газон, к дорожке, которая вела к подслеповатому зданию тюрьмы. Дороти рванулась из последних сил, и полковник отпустил ее — так неожиданно, что Дороти упала.

Но и полковник упал.

Он схватился за ту руку, которой тащил Дороти, и между пальцев его текла кровь.

— Укусила! — крикнул кто-то из зевак. — Она укусила полковника!

Дороти и в голову не пришло кусаться... Но что же случилось?

— Там! — закричал Блекберри, перекрывая шум голосов. — Оттуда стреляли... — Пальцем здоровой руки он показал на могучее дерево Пламя леса, ветви которого, красные от цветов, нависали над бревенчатой стеной фактории.

И Дороти тоже показалось, что она видит человека, который спускается вниз... Вот он исчез за стеной.

— Он стрелял! Это ее сообщник!

Дороти знала только одного охотника в мире, который мог попасть в комара на лету — Нга Дина. Неужели Бо Пиньязотта все же отрядил сына охранять Дороти?

Милый, милый простак! Он же только сделал хуже! Теперь все на фактории убедились в том, что Дороти связана с бирманцами или какими-то враждебными англичанам силами. И, хоть и раненый, полковник может торжествовать...

И когда Дороти потащили в тюрьму, полковник, радостный и даже веселый, прошел за ней несколько шагов и проговорил ей вслед, обращаясь к толпе:

— Я же предупреждал!

Но тут силы оставили его, и полковник Блекберри опустился на газон.

К нему, вызванный кем-то, уже бежал доктор Стренгл.

Дороти обернулась. На фоне виселицы под висящими толстыми петлями сидел на земле полковник Блекберри, а доктор Стренгл раскрывал свою сумку, чтобы достать корпию и бинт для перевязки его раны.

* * *

Хоть Дороти было больно — ее дергали, толкали, словно хотели убить до того, как она попадет в тюрьму, она вдруг подумала: а ведь ей повезло! Она же сейчас увидит Алекса! Конечно же, ей ведь хотелось попасть в тюрьму!

Дороти благополучно забыла, что ее сегодня собираются повесить, и беспокоилась, входя в тюрьму, хорошо ли она выглядит и понравится ли она Алексу.

Открылась дверь в тюрьму, вокруг были какие-то люди, что-то говорили, почему-то ее хотели обыскивать, и Дороти стала отбиваться от грязных рук, потом чьи-то опытные пальцы вытащили из ее головы булавку — не положено иметь в тюрьме булавки, волосы рассыпались по плечам — что подумает Алекс! — и Дороти оказалась в полутемном помеще-

нии с земляным полом, где было душно, жарко и дурно пахло...

Но Дороти сразу узнала Алекса — вон он поднимается с вороха соломы! Узнает ли он ее?

Со скрежетом закрылась дверь в каземат.

Капитан Фицпатрик тоже поднялся со скамьи. Скамья стояла у стола, на нем были кувшин и глиняная чашка.

В удивлении обернулись к Дороти второй штурман, помощник капитана и артиллерист — всех их Дороти отлично знала, несколько недель они встречались почти каждый день.

— Здравствуйте, — сказала Дороти бодрым голосом, и даже для нее самой голос прозвучал фальшиво. Ей пришлось откашляться и повторить приветствие.

— Дороти! — Капитан Фицпатрик не скрывал удивления. — Вас-то за что сюда бросили? Неужели вы обожгли хозяйку утюгом, когда гладили ее туалеты?

Дороти не поняла, шутит ли худой и тем более исхудавший в темнице капитан «Глории»?

Но смех его помощников развеял ее сомнения.

Алекс не смеялся. Он приблизился к Дороти.

— Я испуган, — произнес он, вглядываясь в ее лицо. — Что случилось? Почему ты наказана?

— Я не просто наказана, — сказала Дороти, — меня казнят вместе с вами.

— Полковник Блекберри? — спросил капитан. — Это его интриги? А почему вас не защитит Регина Уиттли?

— Когда она меня защищала?

— Вы правы, — вздохнул Фицпатрик.

И Дороти поняла, что офицеры в эти дни немало обсуждали события недавних месяцев — судьба была к ним жестока и намеревалась нанести им последний удар.

— Расскажите, как он до вас добрался, Дороти? — попросил капитан.

Дороти начала рассказывать. Перед тем как довести рассказ до последних минут, она прервала его и

попросила напиться. К счастью, в кувшине осталось немного воды. Ей не хотелось открывать свою тайну — говорить о том, что в Рангуне скрываются лазутчики из лигонского королевства. Ей не хотелось говорить, что она знает, кто стрелял в полковника.

Поэтому Дороти ограничилась тем, что поведала о выстреле «откуда-то».

— Да, это замечательный предлог расправиться с тобой, — сказал сокрушенно Алекс.

О, как он побледнел и исхудал за эти дни!

— Боюсь, что ваша судьба была предрешена раньше. И если бы не мистер Пимпкин, который вас вчера защитил, то вы разделили бы нашу судьбу еще раньше...

— Что об этом говорить! — вздохнула Дороти. — Он же не раз пытался меня убить... И даже посылал своих подручных...

Потом расскажу о смерти плотника, подумала она. Успею... И вдруг поняла, что не успеет. Что никогда уже ничего не расскажет милому капитану Фицпатрику или курносому рыжему шотландцу — артиллерийскому офицеру.

— А опасная ли у полковника рана? — с надеждой спросил артиллерийский офицер. — Выживет ли он?

— Боюсь, что рана не опасная, в руку.

— Как жаль, — произнес артиллерист.

— Откуда же стреляли? — спросил помощник капитана.

— Как я понимаю, снаружи, с большого дерева за стеной фактории.

— Жаль, что это был не я, — сказал Алекс. — Я бы не промахнулся.

— Молодые люди, — остановил своих товарищей по несчастью капитан Фицпатрик. — Вам представляется, что если со сцены уйдет один, самый очевидный злодей, то наступят славные времена и восторжествует справедливость. О, какое это заблуждение! Подумайте, главный ли человек в этой интриге полковник Блекберри? Я сам отвечу: отнюдь не главный.

Его используют супруги Уиттли. Я в этом убежден. Джулиану Уиттли надо доказать компании, что в возможном провале похода он не виновен. Его жене требуется доказать, что ее поведение во время плаванья было безупречным, а приключения ужасными! И конечно же, полковнику Блекберри важно доказать, что он вел себя безукоризненно, как настоящий лев, а не отсиделся во время боя где-то ниже лазарета.

Слушатели кивали, соглашаясь с Фицпатриком. И хоть его речь предназначалась скорее для Дороти, она поняла, что Фицпатрик повторял эту речь не единожды и что она выражает общее мнение всех узников.

— К сожалению, — продолжал Фицпатрик, — вы, Дороти, тоже плохой свидетель. И конечно же, Регина вас боится. Она понимает, что ваш рассказ о жизни в бирманской семье — неправда. Потому что вы согласились с ее лживыми утверждениями о буре в море и гибели всех остальных пассажиров шлюпки. Она лжет, а вы соглашаетесь с ложью! Зачем? Вы для нее смертельно опасны. И я почти уверен, хотя, может быть, вам горько это сознавать, что именно миссис Уиттли стоит за вашим арестом и решением полковника вас казнить. Теперь даже Пимпкин вряд ли вас спасет — налицо таинственный выстрел вашего сообщника...

— Сколько времени? — спросила Дороти, сделав вид, что не расслышала последнего слова капитана.

— Одиннадцатый час.

— Они хотят казнить нас перед обедом, чтобы потом с чистым сердцем усесться за стол.

— Два часа? Осталось два часа? — вдруг испугался артиллерийский офицер. Конечно же, его зовут Генри. Генри-артиллерист.

Капитан Фицпатрик опустил за стол. Он склонил поседевшую за последние недели голову и глядел на крышку стола, словно ждал от нее ответа...

— Нет, — сказал артиллерист, — что-то должно произойти...

Дороти взяла Алекса за руку. Рука его была прохладной и сухой. Это хорошо. Это так приятно... Его

пальцы сжались, обнимая пальцы девушки. Дороти легонько потянула Алекса в сторону. К счастью, камера была низкой, но обширной. Видно, ее не всегда использовали как тюрьму, порой — как склад для ценных товаров.

Дороти отвела Алекса в угол, где было свалено слежавшееся сено.

— Вы здесь спите? — спросила она.

— Вы угадали.

Дороти села на сено.

Страх, недавно охвативший ее при виде смертельно испуганного артиллериста, куда-то исчез. Спрятался. Он, конечно, вылезет, когда за ними придут, но давайте сейчас вообразим, что нас всего-навсего посадили в тюрьму.

— Давай просто думать, — прошептала она Алексу, — что нас посадили в тюрьму и забыли о нас. И нам даже повезло, что мы оказались в одной камере. Так что, если все отвернется, ты можешь меня поцеловать.

— Что ты говоришь...

— Тебе не нравятся мои слова?

— Подумай, Дороти, зачем мы будем притворяться... Мне уже не так страшно умереть самому, но мысль о том, что и ты попала в эту ловушку, совершенно невыносима!

— Алекс, — сказала тогда Дороти, — я давно собиралась тебя спросить: как ты ко мне относишься?

— Я люблю тебя, — сразу ответил Алекс. — Я любил тебя все эти недели, пока не знал, что с тобой, где ты, жива ли ты! Я молил Господа, чтобы он забрал мою жизнь и оставил тебя на Земле. И знаешь, когда меня приговорили к смерти, я счел это ответом судьбы на мои молитвы. Да, значит, Небо согласилось оставить тебя в живых...

— Милый! — Дороти погладила его руку. — Какой ты наивный! Неужели ты не знаешь, что Небо не вступает в договоры с людьми. Это — дело дьявола.

Алекс улыбнулся.

Дороти прижалась к нему, подняла голову и поцеловала его в щеку.

И поняла, что щека молодого штурмана горячая и соленая.

— Неужели все мужчины в Польше такие странные? Зачем же плакать, если мы вместе?

— Черт побери! — взревел Фицпатрик. — Я слышал ваши слова, дети мои! Я не могу этого выносить. Слушайте меня, офицеры! Нас пятеро. Пока среди нас не было этой невинной девушки, которая имела неосторожность полюбить нашего Алекса, я готов был пойти на смерть, потому что на самом деле чувствовал вину за то, что «Глория» попала в руки к врагу. Но сейчас я изменил свое решение.

— Говорите, капитан. — Помощник Фицпатрика поднялся с кучи соломы у двери. — Я чувствую, что вы что-то придумали.

— Говорите, капитан! — воскликнул артиллерист, который был готов к любому решению, только чтобы не идти на казнь, как баран.

— Я понял, что раз мы стали жертвой заговора, то наш долг, как офицеров Его Величества, сражаться до последней возможности против врагов трона.

— И что делать? Вы только прикажите, капитан! — потребовал артиллерист.

— Мы должны попытаться дорого отдать нашу жизнь, — сказал капитан. — Когда нас будут выводить, изображайте полное равнодушие и покорность. Я полагаю, что, если нам повезет, они не будут сразу связывать нам руки, как простым преступникам. Тогда у нас будет маленькая надежда разоружить солдат, которые придут за нами, и затем тех, кто стоит у входа. Может быть, если позволит Господь, мы сможем пробиться из фактории... Как только мы вырвемся наружу, у нас появятся шансы...

— Вы предлагаете поднять бунт против Ост-Индской компании и короля Британии? — спросил помощник капитана.

— Нет, мы поднимаем восстание против мерзавцев, которые прикрывают свои грязные делишки име-

нем короля. Среди нас есть мисс Дороти Форест, которая, я надеюсь, тоже сможет выступить королевским свидетелем...

— Я постараюсь...

— Нам нужно будет добраться до Калькутты, а еще лучше — до Лондона, чтобы мы могли дать показания на настоящем, справедливом суде. Я думаю, что мы добьемся справедливости, друзья!

Как много может сделать слово, сказанное в самый безнадежный, черный, момент жизни! Только что в каземате находились несколько человек, главным занятием которых было сведение счетов с собственной жизнью, как у обитателей чумного барака.

И тут — перемена! Пятеро офицеров, готовых сражаться, как спартанцы при Фермопилах, стояли в темном каземате, и рядом с ними была отважная юная амазонка, также не страшившаяся вражеских стрел и копий.

— Моряк, — произнес капитан Фицпатрик, уже помолодевший лет на двадцать, — должен всегда размышлять. Каждый бой для моряка — это задача со многими неизвестными. Сухопутный офицер может положиться на устав, нам же устав противопоказан. Мы потерпели с вами поражение, сражаясь с корсаром, как с французским регулярным кораблем. Мы должны победить сегодня, потому что от нас не ждут бунта и нас недооценивают, так же как мы недооценивали Сюркуфа. Поэтому внезапность на нашей стороне. А значит, нас не пятеро...

— Не шестеро! — воскликнула Дороти.

— Не шестеро, а шестьдесят. К тому же, нам будет противостоять не воинская часть и не моряки, а толпа зевак, пришедшая полюбоваться, как мы наложим в штаны в последнюю минуту нашей жизни. А это значит, что нас не шестьдесят, а шестьсот.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул артиллерист.

— А теперь за дело, господа офицеры!

— За какое дело? — спросила Дороти.

— Мы должны придумать, как мы вооружимся. Затем мы должны разработать всю операцию до секунды и дюйма. Кто где стоит, когда за нами входят, кто что делает. Если они будут настолько глупы, что заявятся к нам во главе с фактором, то у нас появится шанс захватить заложников.

— Слушайте!

— Пока из оружия у нас только кувшин, — продолжал Фицпатрик. — Это немного. Думайте, думайте, что еще можно использовать как оружие...

— Там в углу валялась палка под соломой, — сказал артиллерист.

— Так чего же вы молчите! Тащите ее сюда, Генри! И смерть отступила...

ГЛАВА 10

Возвращение сокровищ

В приключенческом романе существует закон: спасение должно прийти к героям ровно за секунду до того, как палач опустит топор или выбьет ящик из-под ног жертвы.

Однако наш роман никак нельзя назвать приключенческим, ибо цель его — неспешное изучение быта и нравов наших далеких предков, а также будней некоторых организаций конца ХХІ века.

Именно поэтому стремление к жизненной и исторической правде оказывается куда более важным, чем внешняя завлекательность. И приходится констатировать, что, несмотря на соблазн отправиться по проторенным путям, в нашем романе события разворачивались вовсе не так драматично, как нам того хотелось.

Более того, приходится признать, что Дороти так и не пришлось подниматься на эшафот и подставлять под грубые садовые ножницы палача свои длинные

черные волосы, чтобы они не помешали удушить невинную девушку.

До начала казни оставалось еще более часа, и палач из числа сержантов местного гарнизона как бы переставлял посуду на праздничном столе, передвигая куверты из-за того, что ждали дополнительного гостя. А попросту говоря, он менял расположение петель, чтобы уместить на виселице шестую петлю для Дороти.

Несколько зевак еще остались на плацу, глядя на старания палача, но большинство разошлись, потому что к одиннадцати часам солнце поднимается так высоко, что оставаться на открытом месте становится пыткой. Под навесами еще слышны были удары молотков и лязг пил — там изготавливали лафеты и колеса для пушек, а над кузницей чернел столб дыма — там выковывали железные части лафетов. Но работа шла далеко не так весело, как с утра, потому что жара доняла рабочих.

День был тяжелым. Солнце светило сквозь мглу, воздух был напоен влагой, и парило так, словно находишься под крышкой кипящего чайника.

Ворота фактории были приоткрыты, потому что недавно катер с «Дредноута» привез еще три пушки из числа шестидесяти, которые планировал использовать в походе мистер Джулиан Уиттли, а вернее, мистер Пимпкин, который намеревался возглавить поход, в подготовке которого не принимал участия, и украсить себя лаврами завоевателя Пегу. О чем он и совещался сейчас с коммодором Стоуном на борту «Дредноута». Сам мистер Уиттли сидел у себя в кабинете и писал обстоятельный донос на мистера Пимпкина, а также подробное оправдание собственных действий в ходе суда и казни офицеров «Глории». Он намеревался отправить это письмо своей почтой — через обязанных ему многим армянских купцов, которым, как христианам, он обещал особые блага после присоединения ближней Авы к Британской Ост-Индии.

Птица Регина мучилась от жары, щеки ее стали малиновыми, тело было покрыто потом, следовало бы облиться прохладной водой, но эта подлая Дороти умудрилась подстрелить полковника и угодить в тюрьму, поэтому оставила хозяйку без хорошей горничной, что по меньшей мере подло...

Полковник Блекберри сильно страдал, лежа на своей койке.

Он просил доктора Стренгла дать ему опия, к которому давно уже имел пристрастие, но доктор все тянул и не выполнял просьбы раненого. Правда, он уже трижды предлагал полковнику достать сколько угодно опия, если тот выпустит из тюрьмы Дороти и отменит свое распоряжение о ее казни. Но полковник предпочитал страдать, но от жертвы не отказывался.

Именно в эти томительные минуты на широкой дороге, что тянулась вдоль реки, по направлению к фактории двигался громадный клуб пыли. Если бы вам удалось заглянуть внутрь этого клуба, вы увидели бы, что пыль поднята копытами нескольких десятков могучих буйволов, которые брели к фактории. Все буйволы были в упряжи, но без повозок. За буйволами, укрываясь в облаке пыли, двигались несколько слонов, но никто не мог бы разобрать, рабочие это слоны или боевые, так плотна была пылевая завеса.

Несколько пастухов шли цепью вокруг буйволов, покрикивали на них, не давая кинуться к реке на водопой, чего буйволам хотелось более всего.

Шум от движения этого стада был значителен, но он не вызывал тревоги у солдат, что охраняли ворота, потому что это был мирный шум, подобный жужжанию мух, стрекоту рисорушки или мычанию стада коров.

Солдаты были убеждены, что стадо буйволов минует ворота фактории и пойдет дальше. Но не тут-то было. Буйволы сгрудились у ворот и, подгоняемые пастухами, повернули внутрь фактории.

Солдаты отступали перед буйволовой стеной и кричали, полагая, что это происходит по глупости пастухов.

Все больше и больше буйволов вторгалось внутрь фактории. К солдатам уже бежал начальник караула, возмущенный этим зрелищем.

— Да скажите кто-нибудь этим идиотам, — кричал он. — Если они не уберут свое стадо, я буду стрелять! Это же территория британской короны!

Но буйволы уже заполнили всю площадь перед навесами и складами, и первые начали пробиваться в следующий двор, к плацу с виселицами.

На помощь караулу, рассеянному буйволами, из казармы выскакивали сипаи, ошарашенные от неожиданности, размягченные тупой влажной жарой, они еле волочили ружья и все еще не решались стрелять, не понимая, кто же их враг.

Лейтенант Стюарт, выбежавший из своей комнаты в панталонах и белой сорочке, сжимая в руке шпагу, попытался собрать солдат, и тут прогремел первый выстрел.

Никто не догадался сначала, что стреляют с небольших площадок, укрепленных на спинах слонов.

Слоны оказались боевыми.

Славный, веселый лейтенант Стюарт упал бездыханным, потому что Нга Дин мог попасть на лету в комара.

Этот выстрел и шум буйволового стада донесся до заключенных в тюрьме и заставил их замереть прислушиваясь.

Между тем все новые сипаи выбегали на плац, но стадо буйволов — настолько необычный враг, что солдаты, тем более не ожидавшие вообще нападения, потому что день должен был быть посвящен великому развлечению — публичной казни, при виде направленных на них рогов и сплоченности колонн противника растерянно отступали.

Закричала, призывая к бою, труба — с запозданием английская фактория принимала меры к обороне. Старалась организовать оборону. За складами, на газоне, майор Спрингфильд останавливал солдат, выбегающих из казармы, чтобы построить их и только затем отправиться в бой, над центральным зданием

фактории на мачте поднялся флаг, призывающий на помощь «Дредноут» — флаг обозначал крайнюю опасность, в которой оказалась фактория. Впрочем, откуда пришла опасность и что она собой представляет, еще никто в фактории не знал.

Между тем пастухи, число которых все время увеличивалось и которые оказались вооружены пистолетами и кривыми мечами, носились по дворам, навесам, под навесами, по мастерским, складам и даже комнатам клерков, производя страшный шум, стреляя, круша мебель, убивая всех, кто посмел сопротивляться, и выполняя притом приказ их вождя — любой ценой отыскать и привести наследную принцессу Лигона ее светлость Ма Доро, безжалостно уничтожив любого, кто посмеет этому помешать.

Так как никто в фактории не знал лигонского языка, то крики, обращенные к принцессе, которыми был буквально наполнен воздух, как бывает он наполнен птичьим щебетом в утреннем ласковом лесу, никому ничего не сказали и были многими приняты за воинственный клич диких пастухов...

Дороти, стоявшая рядом с Алексом, держа его за руку, и слушавшая крики, топот и выстрелы за дверью, вдруг различила в криках свое имя. Может ли так быть?

— Я здесь! — закричала Дороти по-лигонски. — Я здесь.

И тут же она осеклась.

Ее товарищи по несчастью с удивлением посмотрели на нее.

Дороти поняла, что наступил момент раскрыть свою тайну, ибо хуже всего потерять доверие близких людей в такой тяжелый момент.

— Так чего же ты молчала! — воскликнул капитан Фицпатрик. — Ты говори, что там происходит? Ты хочешь сказать, что бирманцы ворвались в факторию?

— Этого еще не хватало! — расстроился его помощник. — Из огня да в полымя. Они же нас не пощадят.

— Наверное, они проникли, что Уиттли замыслил небольшой победоносный поход, — сказал артиллерист.

— Это не бирманцы, — сказала Дороти.

— Так кто же?

— Это лигонцы.

— А кто такие лигонцы?

За дверью в комнате охраны, где находился караул тюрьмы, раздавались взволнованные голоса. Начальник караула никак не мог решить, отсиживаться ли здесь и, рискуя попасть в ловушку, охранять осужденных или попытаться выбраться наружу и вступить в бой.

Шум, производимый караульными, заглушил крики снаружи.

Дороти ничего не могла объяснить офицерам.

— Лигонцы — враги бирманцев, — сказала Дороти.

— Так чего же им на нас нападать? — не понял Алекс.

— Им нужны пушки, — ответила Дороти.

— Им нужны наши пушки?

— Да, чтобы защищаться от бирманцев.

• — У меня голова идет кругом! — сообщил Фицпатрик. — Кто на кого нападает, кто кому враг, кому нужны пушки...

— Да не в этом дело! — закричал Алекс. — Неужели вы не понимаете, что для нас важен только один вопрос — вздернут нас на виселице сегодня к обеду или кто-то может этому помешать!

— Молодец, Алекс, — поддержал его артиллерист. — Мне плевать, кто на кого напал! Сожгите виселицу, и я поставлю свечу в первой же церкви, до которой доберусь.

— Так что они кричат? — спросил Фицпатрик.

— Я не слышу. Вы можете подсадить меня к окошку?

Низкое маленькое окошко находилось под самым потолком. Оно было забрано решеткой, с земли до него было футов восемь.

В мгновение ока узники подвинули к стене стол, на стол вскочили Алекс и артиллерист. Они помогли взобраться на стол Дороти и, схватившись руками, образовали ступеньку, на которую взобралась Дороти. Еще через несколько секунд она уже могла выглянуть наружу.

— Там пыль, — сообщила она ожидающим вестей пленникам. — Там бегают люди... почему-то там буйволы, много буйволов... Я вижу слона, ой, он топчет солдат! И падает... его застрелили! Идет другой слон...

Тут Дороти прервала свой рассказ, потому что из пыли и дыма выскочили несколько лигонцев в боевых доспехах.

Они бежали к тюрьме.

Лигонцы остановились в нескольких шагах от тюрьмы, и один из воинов закричал:

— Принцесса Ма Доро, отзовись! Принцесса Ма Доро, ты где?

Это же относится ко мне, поняла Дороти.

— Я здесь! — закричала девушка. Она просунула руку сквозь решетку и помахала ею, привлекая внимание воинов. — Я заперта здесь с моими друзьями. Освободите нас!

Воины услышали ее крик. Радостная улыбка появилась на лице их предводителя.

— Принцесса Ма Доро, ты жива!

Наверное, она видела этого воина раньше, зато он-то наверняка видел принцессу.

— Осторожнее! — крикнула принцесса воину. — Там в дверях есть охрана. У них ружья.

— Сколько их? — спросил воин.

— Я думаю, что человек пять или шесть...

Как бы в подтверждение слов Дороти из комнаты охраны раздалось несколько выстрелов. Один из воинов схватился за плечо, он был ранен. Остальные прыгнули в разные стороны.

— Ну что там? — спросил артиллерист. — Рассказывай же!

— Опустите меня, — сказала Дороти. — Меня видели и узнали.

— Как узнали? — спросил Фицпатрик с недоверием.

— Я потом расскажу, у нас нет времени! Сейчас начнется штурм нашей тюрьмы. И нас освободят.

— Почему вас узнали? — повторил капитан Фицпатрик.

— Да потому, что я из того же племени! Неужели вы не поняли?

— Поэтому ты знаешь их язык?

— Я знаю их язык. Моя мама научила меня! — повторила Дороти. Никак не могли англичане это уразуметь.

— Зачем вам знать их язык?

— Господи! — взмолилась Дороти. — Ну как можно быть таким занудным?

Капитан обиделся и осекся. Артиллерист засмеялся.

— И в самом деле! Дайте им нас освободить. Хотите, мы снова вас поднимем? А то ваши друзья медлят.

— Нет, — возразил Алекс. — Сейчас там будут стрелять. Я не хочу, чтобы Дороти подвергала себя риску.

Дороти увидела, как усмехнулся помощник капитана, но была благодарна Алексу за то, что в такой момент он думает о ней.

Снаружи раздался тяжелый тупой удар.

— Что это? — спросила Дороти.

— Я думаю, что они решили выбить наружную дверь, — сказал капитан. — Но лучше бы они выстрелили по ней из пушки. Тараном ее не возьмешь.

Дороти подумала, что капитан уже переживает за лигонцев, словно они пришли освобождать именно его.

— Они не будут стрелять из пушки, они побоятся повредить нам, — сказал артиллерист.

Удар повторился. В ответ на него послышались выстрелы.

— Стража отстреливается сквозь бойницы.

Вдруг все здание содрогнулось...

Снаружи послышался громкий треск, удары, крики, серия выстрелов...

Затем, после короткой паузы, нечто могучее ударило во внутреннюю дверь тюрьмы, и та послушно упала внутрь, в камеру.

Узники с удивлением увидели громадную голову боевого слона, на которую было надето защитное устройство, подобное шлему с толстым металлическим рогом, как у единорога, — именно лбом, уснащенным таким тараном, слон взломал дверь...

Слон не стал входить внутрь, а по команде погонщика отступил.

Тут же стало видно, что в комнате охраны лежат тела солдат. Солнце, сияющее снаружи, осветило поле битвы и ударило в спину невысокого стройного человека, облаченного в кольчугу и позолоченный шлем, украшенный шишаком и снабженный полями подобно шляпе. На груди этого человека сверкала позолоченная морда тигра, в руке он держал меч. За ним в каземат вбежали несколько воинов с пистолетами и ружьями.

— Ма Доро! — воскликнул от двери предводитель лигонцев. — Ты жива!

Воины, вбежавшие в каземат, пали ниц и, распростершись на полу, замерли. Это не значит, что в Лигоне столь развиты монархические чувства, просто иначе воины не могли выразить радость.

Английские офицеры были потрясены настолько, что потеряли дар речи.

Воин в золотом шлеме сделал несколько шагов вперед. Дороти добежала до него, обняла и заплакала смеясь...

— О дядя, мой дорогой дядя! Ты спас нас? Как ты успел!

— Мне донесли, что тебе угрожает смерть, — сказал Бо Нурия. — Мы поспешили... Ну, это было нелегко! Представляешь, мы гнали целое стадо буйволов, которых закупили вокруг Рангуна. — Король засмеялся, воины вторили ему, поднимаясь с пола и окружая принцессу.

— Зачем? — спросила Дороти.

— Во-первых, затем, чтобы вывезти отсюда пушки, а во-вторых, для того, чтобы англичане сдали нам факторию. Они ведь ждали нападения от людей, но совсем не ждали нападения от племени буйволов.

И король Лигона заразительно засмеялся. Смеялись воины, засмеялась принцесса Ма Доро, и, еще не понимая ничего толком, но уверенные в том, что виселица им более не грозит, засмеялись англичане.

— Пошли, — сказал король, кладя руку на плечо любимой племянницы.

— Пошли, — сказала Дороти англичанам. — Там теперь безопаснее.

Все еще настороженные, англичане медленно последовали за лигонцами. Обходя тела убитых солдат, они жмурились от бившего в глаза солнечного света, от которого давно отвыкли.

— Что они делали? — спросил артиллерист. — Дороти, почему они так бухнулись перед тобой? За кого они тебя приняли?

— И кто этот мужчина в позолоченной сковородке? — с ревностью в голосе спросил Алекс. — Почему ты его обнимала?

— Я вам все объясню, — сказала Дороти. — Сейчас я только могу сказать, чтобы вы не удивлялись... Ничего удивительного в этом нет...

— Не стесняйся, — мрачно произнес Алекс. — Не стесняйся, мы тебя не съедем.

— Ну, хорошо, только не смейтесь... Дело в том, что я принцесса королевства Лигона, а освободил нас мой дядя — король Лигона.

Потрясенные англичане смотрели на служанку миссис Уиттли, а Алекс только и смог вымолвить:

— Еще этого мне не хватало!

* * *

На плацу, стоя на помосте под виселицей, что придавало всей сцене жуткий, зловещий оттенок, король Лигона творил суд, ибо сопротивление фактории, вспыхнув, так и не разгорелось. Оказалось, что

по-настоящему организовать сопротивление хитро задуманному нападению лигонцев было некому. Тем более что половина солдат и матросов, составлявших тот отряд, который намерен был сокрушить бирманцев в Рангуне, оставались на «Дредноуте», лишенные, правда, артиллерии. Там же был и мистер Пимпкин, в критический момент оказавшийся отрезанным от фактории. Полчаса назад они с коммодором попытались организовать десант и вернуть факторию, но стрелки Бо Нурии находились в выгодном положении, будучи растянуты по высокому берегу. Так что ни одна из шлюпок до берега не добралась и все, кроме одной, перевернувшейся, возвратились на корабль.

Бо Нурия стоял на помосте, над ним покачивались петли, шесть петель — одна для его любимой племянницы Ма Доро. А на Востоке не прощают такого оскорбления царствующему дому. Кинув взгляд на петлю, король Лигона перевел его на толпу пленных. Даже в ней побежденные стояли по чинам, не смешиваясь. Впереди — офицеры, некоторые с женами, которые решили разделить участь своих кормильцев, среди них и полковник Блекберри, которого поддерживал доктор Стренгл, далее понуро стоял мистер Джулиан Уиттли, который лицезрел сегодня крушение всех своих жизненных планов и надежд, рядом с ним, настороженная, нахохленная, стояла Регина, вытирая локтем пот, катившийся по крутому лобику. К фактору жались служащие и клерки Компании, англичане и англо-индийцы, которым англичане всегда доверяли больше, чем туземцам. Наконец, далее, сгрудившись, но не смешиваясь, стояли английские моряки и солдаты и индийские сипаи. В отличие от командиров, ни те, ни другие, раз уж бой закончился, не испытывали страха за свою судьбу и ждали, чем кончится это стояние на жаре, после чего можно будет удалиться в казарму и ждать решения своей участи.

Король поднял руку, призывая всех замолчать. Низкий неразборчивый гул постепенно прервался. Король поманил к себе молодого индуса, который служил у

него переводчиком. Индус покинул группу лигонцев, стоявшую у помоста лицом к англичанам. В той группе были Бо Пиньязотта и его глухонемой сын, несколько придворных в латах и боевой одежде, с лицами, расписанными полосками — знаком войны. Раньше мужчины в Лигоне татуировали на щеках и на лбу знаки рода и знаки войны, но теперь их рисовали только во время похода, ведь татуируются лишь дикие люди гор!

Пока индус поднимался на помост, Бо Нурия отыскал глазами свою племянницу и улыбнулся ей.

Дороти и ее сотоварищи по тюрьме стояли отдельно ото всех в стороне, под навесом замолчавшей кузницы. Этим они как бы отделились от англичан, которые их хотели убить, и от лигонцев, которые все же, что ни говори, были туземцами, да и сами не звали англичан присоединиться к ним.

Бо Нурия заговорил, и индус начал переводить его речь на английский язык:

— Я, король Лигона и повелитель трех тысяч белых слонов, — произнес Бо Нурия, — пришел в Рангун взять у феринджи пушки, которые нужны мне, чтобы не пустить моего соседа короля Авы в мои земли. Я взял пушки.

Бо Нурия сделал рубящий жест правой рукой — с пушками было покончено. Хотя Дороти было ясно, что лигонцам предстоят нелегкие дни. На плац долетали шум и даже раскаты отдаленного грохота — лигонцы запрягали буйволов и слонов, чтобы тащить сорок готовых к пути пушек поперек равнины, далее в горы, за Пегу. В пути следовало отбиваться от рангунского и пегуанского гарнизонов, которые будут подняты бирманцами, чтобы остановить Бо Нурию, а также преодолевать размокшие от дождя дороги.

Но это — завтрашний день. Сегодня лигонский король — победитель. Его смелый план удался.

— Я хотел сказать, — продолжал король, — что в моем государстве хорошая жизнь. Мы много платим мушкетерам и артиллеристам, которые нам служат. Если английские артиллеристы и офицеры согласятся

поехать с нами, то я обещаю, что вы будете получать жалование вдвое больше, чем платит вам английский король. Когда же вы захотите уехать, мы не будем чинить вам препятствий...

— А может, это выход? — прошептал стоявший рядом с Дороти артиллерист.

— Вы же британский офицер! — возразил Фицпатрик.

— Мне так не нравится висеть вон так...

Король, как будто послушавшись артиллериста, тоже поднял голову, глядя на петли.

— Мы не хотели никому зла. Мы взяли пушки и уйдем, — продолжал он. — Мы даже просим прощения у тех, кому мы нанесли вред или кого убили. Но вы — плохие солдаты, раз вы пустили в крепость стадо буйволов. Так воевать нельзя.

Из цепи лигонцев, оцепивших помост, донесся смех.

— Когда вы будете воевать с Авой, запомните это.

Смех повторился.

Но среди англичан он не нашел отклика. Они хранили мрачное молчание. Даже среди сипаев и солдат, до того вполголоса обсуждавших предложение короля о поступлении к нему на службу, наступила тишина.

— Мне надо уходить, — сказал король. — Мы свое дело сделали. Нам предстоит большая дорога. Но все же мне придется еще задержаться...

Король ждал, пока индус переведет его слова, и глаза его непрестанно шарили по толпе, искали кого-то.

— Вы, оказывается, не очень дружно живете. Как скорпионы в банке, вы жалите друг друга. Вы сегодня так хотели посмотреть на смерть собственных офицеров, что забыли закрыть ворота и пустили меня к вам в гости. Если в одном войске офицеры казнят офицеров, это значит, что в нем нет согласия и оно будет побеждено даже слабейшим, но я не стал бы говорить об этом, если бы вы не решили казнить невинную девушку, почти девочку, потому что ее невзлюбил главный палач англичан. Тот самый, который устроил

казнь своих же офицеров. Я думаю, что человек, который устраивает суд над своими товарищами и получает удовольствие, стараясь убить девушку, — это зверь, ядовитая змея, которой нет места на этой земле. Где он, этот убийца?

— Туда ему и дорога, — прошептал помощник капитана.

— Я давно это предлагал, но не вслух, — поддержал его артиллерист.

— Вы забываете, господа, — возразил Фицпатрик, — дело идет о жизни высокопоставленного британского офицера. Мы должны вспомнить, что мы — патриоты.

— А он вдвое больший патриот, чем вы, капитан, — заметил Алекс.

Наконец король отыскал в толпе полковника.

— Пускай он придет сюда, — сказал король, — и сам выберет себе петлю. Он хотел погубить шестерых, нам достаточно его одного.

Полковник двигался с трудом. С одной стороны его поддерживал доктор Стренгл, с другой — один из клерков. Тонкие ноги в обтягивающих панталонах и белых измазанных чулках подкашивались и заплетались...

Король ждал, толпа на площади молчала — в каждом проснулся зевака, каждому было интересно, чем же кончится представление. Благо, теперь оно касалось только полковника Блекберри, и никого более. А тем временем взгляд короля встретился со взглядом Регины Уиттли.

Регина искала взгляда победителя. Самой природой она была предназначена для того, чтобы становиться добычей победителя, и, как уже известно, горе победителю, которому она решила отдать самое дорогое, что у нее было, — девичью честь.

Птичьи, прозрачные, словно наполненные голубой водой, глаза молодой женщины вцепились в зрачки короля и так потянули их к себе, что тот пошатнулся и чуть было не потерял равновесия... С громадным трудом Бо Нурия оторвал свой взгляд от Регины

и обратил его к полковнику, взобравшемуся на помост.

— Я могу представить этому господину, — сказал король, — право выбора. Он может выбрать для себя любую из петель, которые он подготовил для других людей. Я думаю, что это справедливо. Справедливо?

Обращение короля к толпе вызвало утвердительный гул, и Дороти показалось, что голоса доносились и от английской половины аудитории.

— Я не хочу, — прохрипел полковник. — Вы не имеете права... вы будете жестоко наказаны!

— Переведи, что он сказал, что там бормочет эта гусеница? — потребовал Бо Нурия.

— Он грозит вам, — ответил индус.

— Чем грозит он мне? Именем Бога или силой людей?

— Ты будешь сам болтаться на виселице, ты никуда не уйдешь...

— Он грозит всеми именами, — недослушав монолога полковника, сказал индус.

Индус очень плохо говорил по-английски, его трудно было понимать. Но слов он знал много.

— Я думаю, что ему лучше всего подойдет петля, которую он приготовил для принцессы, — сказал король.

И показал на крайнюю петлю. Но, когда по знаку короля на помост вскочили три воина во главе с Нга Дином и, оттолкнув доктора и клерка, потащили полковника к петле, тот начал биться и визжать, как перепуганный младенец. Рана на руке, перевязанная кое-как, открылась, и кровь полилась на помост.

— Нельзя! — закричала Дороти. — Не надо!

Никто не слушал ее.

— Нельзя! Пожалуйста, пожалейте его!

— Черт с ним, — сказал ей на ухо Алекс. — Он же столько сделал дурного. Он неисправим.

— Не надо! Он думал, что так надо!

— Я лучше знаю, Ма Доро, — услышал ее наконец король. — Но правосудие должно быть соверше-

но. Этот человек не раз пытался убить тебя. Ему нельзя оставаться в живых.

Но что-то смущало короля. Он не был до конца уверен в том, что поступил правильно, хотя королей отличает от простых смертных именно умение не сомневаться.

Взгляд короля, и не в первый раз, скользнул к несчастной миссис Уиттли. Миссис Уиттли глубоко вздохнула, и ее платье треснуло под напором изумительных по полноте и высокому сорту яблок. Видя, какое впечатление это зрелище произвело на короля, она чуть заметно кивнула, показав на полковника. Она одобрила решение короля!

Королю было невдомек, что, повесив полковника, по общему мнению, верного союзника и сторонника Регины, король исполнит ее страстное желание избавиться от всех свидетелей — от всех, и в первую очередь от самого опасного — мистера Блекберри.

А после ее жеста всякие сомнения у короля пропали. Недаром эта могучая тугая птица одобрила его решение...

Дороти зарыдала и спрятала лицо на груди у Алекса.

• Он прижал ее голову к груди.

Воины отошли от виселицы, полковник схватился за петлю, стараясь растянуть ее.

Нга Дин вышиб из-под его ног ящик, но полковник все еще держался за петлю и извивался, стараясь оттянуть свою смерть.

И тогда стоявший у помоста старый воин Бо Пинь-язотта поднял пистолет и выстрелил полковнику в сердце — генерал не любил, когда люди или животные мучились перед смертью.

* * *

Буйволы упряжки бесконечной чередой выползли из ворот фактории и тянулись вдоль берега на восток, мимо пакгаузов и навесов, мимо причалов, мимо китайской улицы к дороге, которая ведет к Джогону и дальше к горам.

Впереди были слышны частые выстрелы — авангард лигонского отряда пробивал дорогу сквозь бирманские заслоны, к счастью, недостаточно плотные и организованные. Бирманцы до сих пор не смогли сообразить, с какой целью лигонцы совершали такой необдуманный набег — не намеревались же они удерживать порт?

На территории фактории еще продолжалась суета — на подводы и в повозки грузили порох, ядра и иную военную добычу. Правда, народу во дворах фактории поубавилось, потому что те из солдат и служащих, кто не захотел присоединиться к отряду лигонцев, были заперты кто в тюрьме, кто в главном пороховом складе, там было тесно и душно, но король не хотел рисковать — благо, что сидеть-то им оставалось часа два, не больше.

Дороти в сопровождении Алекса пошла к себе в комнату.

Разговоры закончились. Результаты их можно было предугадать, хотя недавних узников они не радовали — их разводили жизненные дороги, и настолько резко, что, вернее всего, больше им не удастся увидеться.

Разлука навечно подобна смерти, и, как ни странно, победил полковник, чье тело мерно покачивалось на виселице под ударами налетевшего с океана ветра, а сюртук блестел, разбухнув от ливня.

Когда Дороти бежала через плац к своему дому, она увидела тело полковника, и у нее сжалось сердце от чувства вины перед этим пожилым и неласковым человеком. Она подумала, что он так и не вылечил руку — и эту рану он тоже получил из-за Дороти.

Из всех узников трое уходили с отрядом Бо Нурии, а трое избрали иную долю: Фицпатрик, его помощник и старший штурман предпочли разделить участь остальных обитателей фактории. Фицпатрик был убежден, что теперь, после смерти Блекберри, их приговор будет пересмотрен, благо, что Джулиана Уиттли вряд ли теперь можно рассматривать как достойного пред-

седателя суда и свидетеля обвинения, ведь Компания никому и никогда не прощала трусости и очевидной бездарности. А ведь в эйфории от ожидавшейся казни Уиттли и другие офицеры проморгали небольшой отряд дикарей, который смог обезоружить и ограбить факторию. Вся Ост-Индия теперь будет смеяться над рангунскими стратегами... В любом случае Фицпатрик предпочел риск повторного суда измене Империи и Компании, а именно так он рассматривал поступок артиллерийского офицера. Правда, как джентльмен, который не смог в свое время спасти своих подчиненных от плена и из-за которого они оказались в тюрьме и на краю гибели, он не считал себя вправе навязывать свою волю молодым офицерам. Он лишь опечалился, узнав, что артиллерист уходит в армию Бо Нурии, вступая на неверный путь белого наемника в туземной армии. Он был огорчен и тем, что Алекс согласился остаться здесь с Дороти.

— Но простите, капитан, — отвечал на его угрозы Алекс, — я допускаю, что вас, возможно, и оправдают, хотя вряд ли вам снова доверят командование компанейским судном. Но вы англичанин, из хорошей семьи, у вас есть в Англии свой дом и друзья. Я же — везде изгой. Меня из милости приняли на флот Его Величества, но, раз я эмигрант, ко мне всегда относились с недоверием. Что же будет дальше? Карьера моя погублена, мне не найти даже место сержанта... При первой же возможности меня как иностранца, уже приговоренного к смерти, будут считать преступником.

— Но Дороти...

— Ведь не Дороти остается со мной, — улыбнулся штурман, который даже в такой момент оставался разумным и рассудительным молодым человеком, начисто лишенным польской вспыльчивости и заносчивости. — А я остаюсь с Дороти. Вы забыли, что теперь для меня честь — считаться поклонником самой настоящей принцессы.

— Для меня важнее то, — откликнулась Дороти, — что ты обратил на меня внимание, когда я была всего-навсего горничной.

Алекс пожал плечами. Он не настолько знал английский язык, чтобы быть уверенным, шутит ли его возлюбленная.

— Вы останетесь... в горах? — спросил Фицпатрик, стараясь избегать выражений, которые могли бы обидеть принцессу. Капитан понимал, что никогда не сможет считать Дороти принцессой, и жалел гордого поляка, который вряд ли уживется в горном королевстве на роли принца-консорта.

— Вряд ли, — осторожно ответил штурман. И Фицпатрик понял, что ход мыслей штурмана схож с рассуждениями его капитана.

На этом разговор закончился. Но в любом случае Дороти и Алекс решили уйти из Рангуна вместе с отрядом Бо Нурии. Неизвестно, где будут искать виноватых мистер Джулиан Уиттли и его коварная супруга. Но казнь полковника Блекберри, без сомнения, припишут вредному влиянию Дороти и возвратят их с Алексом в тюрьму. Два чужестранца — чем не компания для заговора?

...Дороти первой поднялась на веранду дома фактора. Его самого Дороти встретить не боялась — она видела, как фактора провели в тюрьму, и он ничем не показал своего недовольства. Похоже было, что он даже испытывает удовлетворение от такого исхода его стояния перед эшафотом. Ему было достаточно уже того, что не пришлось составить компанию полковнику.

Уборщик, который стоял на веранде, при виде Дороти спрятался, потому что сама горничная и офицер, сопровождавший ее, бежали так быстро и были так взволнованы, что бедному китайцу лучше было к ним не соваться.

Дороти пробежала по коридору в свою комнату.

— Здесь я жила, — сказала она. — Но недолго.

Дороти открыла свой истертый сундучок и принялась кидать в него платья, юбки и иной незамысло-

ватый скарб, которым большей частью поделилась с ней миссис Уиттли.

Зеркало должно было лежать в шанской сумке, как и мешочек с рубинами, которые ей дал дядя на дорогу до Рангуна. Конечно же, Регина не солгала — ни рубинов, ни зеркала на месте не оказалось. И понятно почему, ведь Регина и не скрывала своего убеждения в том, что паршивой служанке не положено владеть такими богатствами.

Дороти объяснила все Алексу.

— Отлично, — сказал он. — Войдем к ней, пока миссис Уиттли сидит в тюрьме, и возьмем то, что тебе принадлежит.

— Разумно, — согласилась Дороти, делая вид, что небо, а не она сама, подтолкнуло Алекса на такое смелое решение.

Дороти отдала Алексу свой сундучок, а сама первой вышла из комнаты, намереваясь посетить спальню госпожи. Она знала, где хранится шкатулка, в которую Регина складывала любимые штучки, — ее любимая птичья ухоронка.

Но, выйдя в коридор, Дороти услышала в спальне Регины шум и замерла, призывая Алекса жестом к молчанию.

— Там кто-то есть, — прошептала она.

— Еще чего не хватало! — Алекс испугался, что грабитель опередит их.

Отстранив Дороти, он первым поспешил к двери в спальню и смело раскрыл ее, потому что не сомневался, что увидит либо горца, либо кого-то из слуг.

Но взвизгнула, оборачиваясь, сама госпожа Уиттли.

Это она кидала в сундук свои платья и прочие ценности.

А у стены в ожидании, когда кончится эта процедура, возвышался скучный с виду Нга Дин.

— Ах! Я так испугалась, что это Джулиан! — вырвалось у Регины.

— Нет, это всего-навсего я, — ответила Дороти, входя в комнату вслед за Алексом.

— Ах, это ты!

Наступила неловкая пауза. Регина первой нарушила ее.

— Со мной случилась беда, — произнесла она плачущим голосом. — Я опять попала в плен...

Несмотря на удрученный тон, глазки птицы сверкали от предвкушения славного приключения. И у Дороти не было никаких сомнений в том, что ее милый наивный дядя, которому в жизни не приходилось видеть такого пышного бюста, как у Регины, покорно согласился на роль обольстителя и похитителя.

— Мне так будет не хватать твоих рук, я бы хотела, чтобы ты возвратилась ко мне... Хотя, наверное, это невозможно?

— Невозможно, — ответил за Дороти Алекс.

— Ах, да, — рассеянно произнесла Регина. — Вы, наверно, ее кавалер?

Регина не выносила чужих мужчин, она или отби-рала, или уничтожала их.

— Миссис Уиттли, — официально заявила Дороти, — вы взяли у меня старое серебряное зеркало, которое ничего не отражает, и мешочек с рубинами. Возвратите их.

— У меня ничего нет! — быстро воскликнула Регина.

— Я даже знаю, где они у вас спрятаны, — сказала Дороти и сделала шаг к шкафу.

— Это грабеж! — завопила Регина, совершенно забыв, что Дороти более не ее служанка. — Немедленно уйди отсюда, а то я засажу тебя в тюрьму, паршивка! Солдат, — последнее относилось к обалдевшему от этой сцены Нга Дину, — немедленно схвати эту воровку!

Указующий перст миссис Уиттли уперся в грудь Дороти. От такого напора Алекс замер и даже отступил. Нга Дин, ничего не понимая, обернулся к Дороти. Губы глухонемого двигались в попытке произнести слова. Дороти заговорила медленно и отчетливо, чтобы Нга Дин мог разобрать слова по движениям губ:

— Не волнуйся, друг, — говорила Дороти полигонски. — Эта глупая женщина — моя должница. Я возьму у нее мои вещи и уйду.

Нга Дин радостно замычал — теперь ему все было понятно, и он успокоился.

— Давайте, — обернулась Дороти к миссис Уиттли. — Быстро! Доставайте шкатулку! Нга Дин не будет долго терпеть.

— Еще чего не хватало!

— Миссис Уиттли, я говорю с вами как принцесса Лигона и повелительница этого солдата и других солдат. Если вы хотите остаться в живых, то подчиняйтесь мне.

— Да не надо звать солдат, я сам ее выпорю, — сказал Алекс.

Регина только поморщилась. Она напряженно шевелила птичьими мозгами.

— Господи! — радостно закричала она. — Как же я забыла! Дороти, милая, принцессочка моя, тут у меня остались твои вещицы, я взяла их на сохранение и думала — скорее бы вернулась моя милая подружка...

Регина по пояс залезла в шкаф и с трудом вытащила шкатулку. Шкатулка была тяжелой, наполненной доверху. В ней лежали вещи ценные вперемешку с барахлом — алмазные серьги и золотые цепочки, сапфиры и рубины, стеклярусные бусы и бисер для обмена с туземцами. Регина никогда не могла отказать от того, что блестит. Нга Дин с восхищением истинного дикаря глазел на шкатулку, поражаясь богатством этой белой госпожи.

Со вздохом Регина достала зеркало, но мешочек никак не могла отыскать.

— Скажи, пожалуйста, — спросила она, — а в государстве твоего дяди много рубинов?

— Найди мой мешочек, — сказала Дороти, — и я тебе отвечу.

— Честно?

— Между нами всегда и все было честно, правда?

Тут же Регина отыскала заветный мешочек и, пересилив себя, протянула его Дороти. Дороти передала мешочек Алексу.

— Никогда бы не доверялась мужчинам, которых только что выпустили из тюрьмы, — мстительно заметила миссис Уиттли.

— Я сама только что вышла из тюрьмы, — напомнила бывшей хозяйке Дороти.

— Ну, в отношении тебя была допущена ошибка. Я так и сказала мистеру Блекберри... — Тут Регина осеклась и замолкла.

— А что касается драгоценных камней, — сказала Дороти, — то в Лигоне есть богатейшие копи, более богатые, чем копи царя Соломона.

Дороти взяла зеркало и посмотрела в него. В зеркале клубился туман, сквозь который можно было угадать смутные черты миссис Уиттли. Как поняла Дороти подсказку зеркала, Регина рада была бы перегрызть глотку своей горничной, но никогда не посмеет этого сделать.

* * *

Пока арьергард отряда под командованием Бо Пиньязотты отбивал опоздавшие и бессильные атаки бирманцев, король Бо Нурия сделал привал у подножия первого из холмов горной гряды Пегу-Йома. Он стоял на постаменте старинной полуразрушенной статуи возлежащего в нирване Будды и с чувством землепашца, который славно вскопал свое поле, смотрел, как мимо тянутся буйволы с упряжи, везущие драгоценные пушки.

Прекрасная птица — его невольница и жертва миссис Уиттли сидела на невысокой скамеечке у его ног. Когда король отрывал взгляд от артиллерии, он обращал его к невольнице. Невольница поглаживала короля по затянutoму в кожаные латы колену.

— Мне так трудно, — сказала Регина, и индус устало перевел ее слова, — мне хочется, чтобы между мной и моим повелителем было полное понимание. Но не могу же я все время говорить через этого идиота!

Пускай мистер Нурия сделает моей переводчицей милую Дороти. Тем более что она привыкла быть моей горничной и с радостью мне поможет.

Услышав перевод, король крайне удивился, но спросил у стоящей на том же постаменте Дороти.

— Это так, моя девочка?

— Мой царственный дядя, — ответила Дороти. — Я не могу вмешиваться в твою жизнь и в твои всегда мудрые решения. Но умоляю тебя, как самый близкий к тебе человек...

Индус начал переводить, но Дороти остановила его взмахом руки, и индус с облегчением подчинился ей.

— Я умоляю тебя быть осторожным с этой хищной женщиной. Насладись ею, сколько желаешь, но дай ей убежать, не обобрав и не предав тебя!

— Что ты говоришь! — обиделся король, гордый своей проницательностью. — Это же моя добыча, в любой момент, говоря поэтически, я волен кинуть ее за борт моей ладьи.

— К сожалению, я не смогу оставаться более с тобой, у меня тоже есть свои планы и своя жизнь... Рядом со мной, как ты знаешь, находится человек, которому я отдала свое сердце.

— Только не это! — воскликнул король. — Ты останешься со мной, и не будет никаких больше авантур! Если тебе нужен этот феринджи — пускай поживет у нас. Я найду ему место!

Регина крутила головой, стараясь понять, не о ней ли речь, — она боялась мести Дороти и не могла поверить, что Дороти мстить не намерена.

Алекс, подъехавший к помосту верхом на сильной, но невысокой лошади, тоже прислушивался. Его польская гордость не позволяла ему оставаться при горном дворе в качестве принца-консорта. Тем более что он даже языка местного не знал и знать его не собирался.

— Мы договаривались с тобой, дядя, — напомнила Дороти, — что, когда все это кончится, ты отпустишь меня домой...

— Твой дом здесь!

— Ты отпустишь меня домой, к маме. И мы сделаем так, чтобы мама приехала к тебе. Она мечтает об этом. И ты мечтаешь увидеть свою сестру.

— Ты ревнуешь меня к этой белой женщине? — догадался король.

— А ты ревнуешь меня к этому белому мужчине, — в тон ему произнесла Дороти.

И тут обоим стало смешно. Они заливались хохотом, и окружающие, кто заразившись их весельем, а кто желая угодить, тоже стали смеяться. Лишь Алекс и Регина оставались серьезными — вернее, натянуто улыбались. Обоим было страшно, оба боялись потерять своих избранников.

Когда правящие особы отсмеялись, король произнес уже иным, спокойным, миролюбивым тоном:

— А я надеялся, что Алекс останется в моей армии. Он хороший парень и офицер. Спроси его, может, останется?

— В следующий раз, — ответила Дороти. — А пока мы тебе оставляем почти сорок человек. Разве мало?

— Мне всегда мало, — сказал король. — Я подумываю о походе на Аву.

— А потом на Сиам? А потом на Китай? Опомнись, дядя.

— Если ты поедешь к своей матери, — переменил тему король, — то я не могу тебя задерживать.

— Скоро вы перейдете на человеческий язык? — закапризничала Регина, — нельзя так долго мучить несчастную женщину, разлученную с мужем.

— Мы уезжаем, дядя, — сказала Дороти, — и береги свою казну.

— Я — жадный человек, — сухо усмехнулся Бо Нурия, и тут Дороти поняла, что несмотря на все старания Регины, птица не получит ничего более сверх того, что подарит ей повелитель.

— Женщина, помолчи, когда разговаривают благородные люди! — приказал он. — Индус, переведи!

Индус перевел. Регина смолчала.

— Ты уверена, что хочешь уехать? — не сдавался король.

— Да.

— Ты вернешься?

— Не знаю.

— Мне будет горько.

— Я скажу моей матери и брату, чтобы они спешили к тебе.

— Это правильно, — сказал король, — Я вам дам отряд, который проводит вас в порт Моулмейн. Туда приходят корабли из Голландии и Португалии. Вы сможете купить себе место. Но потом вы... ты... вы приедете в Лигон.

— Я обещаю.

На следующее утро Дороти и Алекс попрощались с королем Лигона. Король чуть пошатывался после ночи любви, которою его одарила птица Регина. Сама птица еще спала — из шатра доносилось похрапывание. Король выделил для охраны Дороти небольшой отряд под командованием Бо Пиньязотты. Король хотел всем показать, что в Моулмейн едет его племянница, знатная дама королевства. Последующие три дня Дороти и Алекс путешествовали на слоне, сидя на небольшой боевой платформе. Второй слон нес старого генерала. Затем следовали полсотни всадников.

В Моулмейне Бо Пиньязотта передал принцессе тяжелую шкатулку, полную рубинов и сапфиров.

— Если бы ты знала, внучка, — сказал Бо Пиньязотта, — какой скандал ему закатила белая женщина, похожая на белую корову, когда увидела эту шкатулку. Я боюсь, что она околдует его.

— Не бойся, дедушка, — ответила Дороти. — Еще три дня, и он сам отвезет ее обратно в Рангун и сдаст на руки мужу.

Старик засмеялся. Он очень надеялся на такой исход королевского увлечения.

Затем генерал передал Дороти свернутые в свиток грамоты. Одна из них признавала наследницей престола сестру короля Ма Ин и приглашала ее вернуть-

ся в Лиджи. Дороти была убеждена, что мать согласится. Во втором документе говорилось о том, что Дороти — принцесса Лигона. Она имеет право лишь на дань с трех горных трактов и шести деревень, а так же является хозяйкой рубиновых копей в Магваи. Доходы с него ей будут пересылаться.

Они сняли небольшой дом на окраине Моулмейна. За большую мзду мьоза Моулмейна сделал вид, что никаких подозрительных лигонцев в городе не водится.

Через десять дней в Моулмейне бросил якорь голландский корабль, который держал курс на Кейптаун. Алекс договорился с капитаном о каютах.

Когда он возвратился сказать, что все улажено, Бо Пиньязотта сказал, что только что прибыл гонец из Лиджи с сообщением, что после недели праздников король отослал обратно в Рангун с большими дарами ошибочно похищенную госпожу Уиттли.

— Мой дядя так никогда и не догадается, что он никого не похищал. Это была попытка его похитить, которая, к счастью, не удалась, — сказала Дороти.

Бо Пиньязотта согласился с принцессой. Он покинул Моулмейн только тогда, когда паруса голландского корабля скрылись в море.

* * *

Профессор Гродно вызвал комиссара Милодара. Срочно. Ввиду завершения эксперимента.

— Какого завершения? По моим расчетам...

— Ваши расчеты никуда не годятся, комиссар, — ответил профессор, — мы имеем дело с живыми людьми.

— Но Лицо империи Эпидавр, которое прибыло для получения ритуальных сокровищ, отправилось в Монте-Карло. Я целые сутки его уламывал, чтобы чем-то занять.

— И отлично. Зачем Лицу присутствовать при наших земных тревогах.

— Что-нибудь случилось? — быстро спросил комиссар. Любой малый провал в конце операции за-

поминается начальством куда болезненнее, чем катастрофа в ее начале.

— Ничего особенного, если не считать, что необходимо сегодня вывести Кору из сна. Иначе будет поздно.

— Не порите панику, профессор. Кора — наш сотрудник. Она понимает меру своей ответственности.

— Она сейчас ничего не понимает, — возразил профессор. — Она скоро полгода как спит.

— Значит, мне ехать без гостя? — уточнил Милодар.

— Вот именно!

Когда через час с небольшим Милодар прибыл в Институт Номер Шесть, профессор показал ему на пульт управления и контроля. Судя по его данным, мозг Кору отказывался более спать. Он полагал, что дело сделано, он спешил проснуться.

Милодар остановился у саркофага, словно Наполеон перед открытой гробницей фараона. Он скрестил руки на груди и внимательно всматривался в спокойное лицо своей сотрудницы. Он не мог отделаться от ощущения, что его дурачат.

Он подумал, что, когда он уходит, Кора вылезает из саркофага, пьет чай с профессором Ахметом Гродно, может, не отказывается и от рюмочки, и они вместе посмеиваются над руководством Галактической полиции.

— Где она сейчас? — спросил Милодар.

— Вот это вам и предстоит узнать, — ответил профессор, — ведь вам разрешено совершить последнее погружение вашей голограммы в прошлое, чтобы узнать, раздобыла ли Дороти нужные вам предметы, и если это так, то где вам их искать...

— Разрешение у меня есть... А разве кто-нибудь догадывается о разнице?

— Тогда готовьтесь!

— Догадываемся, будьте покойны, — сказала лаборантка Пегги, разочарованная в комиссаре, потому что рассчитывала выйти за него замуж, но ничего из этого не вышло. А когда ей месяца два назад удалось

увлечь комиссара в комнату отдыха, обнаружилось, что она пытается лобызать голограмму. — Я различаю вас и вашу голограмму с первого взгляда.

— Говори, Пегги, говори! Ты будешь первой женщиной, которая смогла разгадать мой секрет. А это, милая, невозможно!

— Фу! — воскликнула Пегги. — Разница настолько очевидна, что заметна невооруженным глазом.

— Какая?

— Ваша голограмма никогда не просит кофе, а вы наяву первым делом просите меня сварить кофе покрепче.

Комиссар задумался.

— В этом что-то есть, — произнес он наконец. Ему хотелось кофе, но кофе он просить не стал — пускай обманываются. — А что говорит наблюдение за Корой? — спросил Милодар у профессора.

— Пик беспокойства миновал, — ответил Гродно, — я думаю, что Дороти удалось вырваться из фактории.

— Откуда вы знаете?

— У нас свои каналы, — ответил Гродно, а Пегги коварно усмехнулась.

— Говорите! — потребовал комиссар.

— Нам дали сеанс визуальной связи по каналам Академии наук.

— Та-ак... — угрожающе пропел комиссар. — И вы забыли поставить меня в известность?

— Мы не могли этого сделать. Мы пытались, — ответил Гродно. — Но ваша секретарша сказала, что вы ликвидируете наркобанду на поясе Астероидов и с вами нет связи.

— Предательница, — прошептал Милодар. — Я отказался жениться на ней, и вот результат!

Но тут же комиссар взял себя в руки и потребовал:

— Что вы узнали?

— Мы узнали, что Дороти находилась на фактории в то время, когда на нее напали буйволы.

— Без тайн и загадок, попрошу! Какие буйволы напали на Дороти?

— Дядя Дороти, король Лигона, решил взять себе пушки англичан, чтобы оборонять перевалы от авской армии. Для этого он пригнал в Рангун двести буйволов.

— Вы говорите, словно на чужом языке. А ну, признавайтесь, сколько сеансов связи вы провели без меня, чтобы ни с кем не делиться славой от эксперимента?

— Всего три сеанса, — ответил Гродно. — По полчаса. К тому же мы поддерживаем эмоциональную связь с Корой, а Кора осознает свою связь с Дороти. Все в порядке, комиссар, все в порядке.

— Все в полном беспорядке, когда за спиной у органов некоторые безответственные лица совершают мелкие жульничества.

— Вы меня пытаетесь оскорбить, комиссар? — вежливо спросил профессор.

Комиссар Милодар пробыл столько лет на руководящих постах, потому что умел чувствовать опасность задолго до того, как она материализовывалась. И тут он очел за лучшее отступить.

— Не обращайтесь внимания, профессор, — сказал он миролюбиво. — Вы занимаетесь наукой, а я выполняю директивы Галактического центра. А оба стремимся к одной цели — счастью человечества.

— Замечательно, — согласился профессор. — Тогда я могу добавить к тому, что известно: Алекс с Дороти расстались с королем и три дня назад в Моулмейне взошли на борт голландского брига «Гарлем», следующего на ремонт в Кейптаун. Они, насколько нам известно, записались в судовую роль в качестве мистера Фредро и мисс Форест, подданных Польского королевства.

— Еще чего не хватало! — возмутился комиссар, недавно изучавший соответствующий том истории. — В 1799 году Польского королевства не существовало! Его завоевали!

— Капитан голландского брига этого не знал. Видно, Алекс решил, что так путешествовать безопаснее.

— Но почему же?

— Потому что Голландия завоевана французами.

— Это еще когда случилось?.. Впрочем, это не важно! Но что там делает Алекс?

— Алекс — наш жених, — сказала Пегги. — Вам сделать кофе?

— Чашечку, и покрепче, — ответил комиссар, не задумываясь. Пегги подмигнула профессору, тот кивнул. Комиссар продолжал: — Мне не нравится этот поляк. Что он там делает? Ведь он в плену у Сюркуфа!

— Это информация вчерашнего дня, — ответил профессор, — что же касается Алекса Фредро, то он, возможно, и станет основателем польской линии в пределах вашей сотрудницы.

Черт побери! Комиссару показалось, что Кора поджогондовски ухмыляется. Но, конечно же, это от нервов...

— Может, вы мне скажете, что нашла, если нашла, эта самая Дороти? — спросило от двери Лицо империи Эпидавр, той самой, что лишилась коронных сокровищ во время мятежа триста лет назад. Правда, лица этого вельможи никогда не видела даже его жена, так Лицо было засекречено. На земле Лицо не снимало черного гермошлема, не прозрачного снаряжи.

Инопланетный вельможа опустил в свободное кресло и явно вознамерился присутствовать на заключительном этапе эксперимента. Комиссар хотел было рассказать Лицу все, что он думает о нахалах и о лицах, приходящих без приглашения, но ему удалось взять себя в руки, и он криво улыбнулся Лицу, выразив радость по поводу того, что Лицо соблаговолило прервать развлечения и заняться делом.

— Когда ж начинаете? — спросило Лицо. — А то у меня заказан обед с некоторыми местными министрами. Мне не хотелось бы его срывать по вине полицейского офицера.

И Лицо показало длинным тонким голубоватым пальцем на Милодара.

Тот с трудом проглотил обращение к себе как к полицейскому офицеру.

Он мысленно просчитал до ста, а потом сказал профессору:

— А почему бы нам и на самом деле не заглянуть в восемнадцатый век?

* * *

Дороти возвратилась с прогулки в свою каюту. На море было светло, и бриг неся впереди так, что казалось, будто паруса могут в любой момент оторваться и улететь в небо.

Алекс постучал и вошел к ней в каюту.

Он был одет к обеду.

Дороти он понравился. Она подумала о том, как многое могут сделать деньги. За несколько дней, проведенных в море, она потратила всего три рубина, но на корабле нашлась одежда для Алекса, который наконец-то выглядел настоящим джентльменом. Хотя цивилизованных женщин на борту не было, но деньги позволили ей еще в Моулмейне купить приличной материи, ниток, иглол, и за первые дни путешествия Дороти смогла сшить себе два платья и другие детали туалета, так что она могла, не стыдясь, обедать за столом с капитаном «Гарлема».

— Ты чудесная портниха, — сообщил Алекс, разглядывая новое платье невесты.

— Я ничто по сравнению с мамой. Ты посмотришь, какие она шьет платья. А за ее шляпами охотятся лучшие мастерские в Лондоне.

Это было, конечно, некоторым преувеличением, но не таким уж и большим.

Алекс смотрел на Дороти, готовый поверить любой чепухе, которую та вздумала бы нести. Сам звук ее голоса лишал его способности здраво рассуждать.

Дороти достала свое зеркало. В последние дни оно перестало показывать угрожающие рожи врагов, а научилось вести себя подобно обыкновенному зеркалу.

Очевидно, это происходило оттого, что врагов не во-
дилось на расстоянии тысячу миль.

И вот когда Дороти протянула зеркало в серебря-
ной оправе жениху, чтобы тот держал его, пока она
будет перед ним вертеться, в углу материализовался
комиссар Милодар в скромном сером костюме.

— Простите, — сказал он. — Мне нужно задать
вам несколько вопросов.

— Господи! — удивилась Дороти. — Сейчас-то
вам что здесь надо, уважаемый джинн?

— Узнала! — обрадовался комиссар. — А я боял-
ся, что забудешь.

— Нет, что вы, — ответила трезвая англичанка
мисс Форест, — я вам очень благодарна. Без вас моя
честь, вернее всего, была бы погублена.

— А это Алекс? — спросил Милодар.

Разумеется, таким тоном нельзя задавать вопросы
о польском шляхтиче.

Алекс возненавидел это привидение горячей нена-
вистью.

— Вам чего-нибудь нужно? — спросила Дороти. —
А то нам пора идти на обед. Здесь опаздывать не
принято. Голландцы — такие пунктуальные люди, вы
не представляете!

— Мне надо только задать вам несколько вопро-
сов.

— Только коротко, мистер джинн.

— Мы тебя посылали в Бирму для того, чтобы ты
нашла некоторые вещи, — сказал комиссар.

— Вот уж не подозревала! — вдруг обиделась До-
роти. — Меня вообще-то никто никуда не посылал.
Все решения в моей жизни я принимаю сама.

— Когда близко нет хозяйки.

— Какой такой хозяйки?

— Миссис Уиттли, к которой я тебя устроил, —
самоуверенно заявил комиссар.

— Слушайте, какой вы джинн, если даже не зна-
ете, что я отдала хозяйку в любовницы моему дяде
королю Лигона.

— Вот именно! — буркнул Алекс.

— Простите, не знал, мы давно не виделись, — спохватился джинн. — У меня столько дел, что я не могу следить за деталями вашей биографии!

— Тогда спрашивайте, спрашивайте, — поторопила комиссара Дороти. — Нам пора уходить.

Комиссар не выносил, когда его не боялись. Но в этой ситуации следовало проявить терпение.

— Скажите мне, уважаемая мисс Форест, — сказал Милодар, — где находятся ценности, в которых мы заинтересованы: Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти.

— Повторите, пожалуйста?

— Три сокровища, которые вам не принадлежат и которые вы должны были отыскать в лесу, где сражались мятежники с Эпидавра.

— Все слишком сложно, — призналась Дороти.

— Чего уж там! Мне надо узнать, где вы прячете Зеркало Зла...

— А я не скажу! Я не собираюсь его прятать. Это мое зеркало. Мне оно тоже нужно.

— Это несерьезно! — воскликнул джинн Милодар. — Через каких-нибудь полсотни лет вы благополучно помрете, а где мне тогда искать ваше зеркало?

— Ну как я могу заглянуть на пятьдесят лет вперед? — удивилась Дороти. — Как Господь решит, так и будет.

— Попрошу не отвлекаться, — настаивал Милодар. — В вашем распоряжении оказалась чужая вещь.

— Почему чужая? Разве не я ее нашла?

— Вы нашли ее, потому что я сказал вам, где искать.

— Вас там не было, мистер джинн.

По ходу этой перепалки Алекс Фредро обрел дар речи и начал сердиться.

— Послушайте, мистер, — сказал он. — Вы врываетесь, пся крев, в каюту моей невесты и начинаете требовать какие-то вещи. Так вот, учтите, лучше вам иметь дело со мной. Где ваша шпага?

— Ах, оставьте, при чем тут шпага!

Комиссар был настолько рассержен, что забыл о том, в каком виде явился молодым людям. Он протянул руку и ринулся отнимать зеркало у Алекса, который все еще держал его.

Алекс опешил от броска комиссара Милодара и не успел принять мер, он лишь смотрел, как рука комиссара обхватила зеркало и рванула на себя, но ничего из этого не вышло, потому что пальцы Милодара пронзили рамку зеркала и сомкнулись, а зеркало осталось в руке штурмана.

Оба — и штурман, и комиссар — смотрели в растерянности на зеркало, потом Алекс с сочувствием, но без всякого злорадства спросил:

— Не получилось?

— Не получилось, — согласился комиссар.

— Потому что вы злой дух и не можете дотронуться до людей, — объяснила ситуацию Дороти. — Я это еще в прошлый раз заметила, когда вы из кувшина вылезали.

— Когда он вылезал?

— Я же тебе рассказывала, мой дорогой, — ответила Дороти, — это случилось на арабском судне, когда меня отдали в гарем к горбатому Камару.

— Не отвлекайтесь, — сказал Милодар, — мне надо знать...

И тут комиссар ИнтерГпола начал растворяться в воздухе, и его голос превратился в жалкий писк. Дороти подхватила со стола кувшин для воды, полагая, что джинну удобнее исчезать в кувшин, но Милодар не заметил этого жеста доброй воли. Он злобно ругался и махал полупрозрачными руками... так и исчез.

Вскоре Дороти и Алекс пришли в себя настолько, что смогли поцеловаться, потом еще раз поцеловаться, потом поцеловаться в третий раз... Затем Дороти сердито сказала:

— До свадьбы и не надейся, джентльмен ты или нет?

— Джентльмен, но очень тебя люблю.

— Но посмотри на меня, — возразила Дороти. — Я тебя тоже люблю, но до свадьбы спокойно довольствуюсь невинными поцелуями.

— Мы теряем недели и месяцы счастья! — воскликнул штурман.

— А потом ты скажешь, что не намерен жениться на обесчещенной девице! Так уже было в нашем квартале. Джони Раннер при всех клялся, что Реббека — его нареченная. А чем это кончилось?

— Не знаю, принцесса, и знать не хочу.

— Ага, вспомнил! — воскликнула Дороти. — А не может так быть, что ты хочешь жениться на мне, потому что я знатная дама и богата, как фрейлина королевы?! Я — принцесса!

— То же мне, принцесса из пещеры, — фыркнул Алекс. — Моему роду тысяча лет, из него вышли три епископа, воевода и два маршала.

— Немного за тысячу лет, — ответила Дороти. — За это время мы подарили миру больше ста королей.

* * *

Когда Милодар возвратился в лабораторию, там цпо возвращение к жизни Кору Орват. Это была сложная процедура, опасная для жизни молодой женщины, которая потребует не один час.

Но Милодар был лишен возможности наблюдать за тем, как газ покидает саркофаг и манипуляторы с резиновыми накладками на пальцах вынимают Кору, чтобы отнести в палату.

Вместо этого Милодару, и без того взбешенному провалом переговоров с Дороти и наглым женихом, пришлось беседовать с не менее взбешенным Лицом Эпидавра, который был убежден, что комиссар провалил такую сложную и длительную операцию по возвращению коронных ценностей империи именно в силу своей спеси, отсутствия гибкости и малого ума.

Комиссар не мог сказать руководителю дружественной планеты, что он думает о нем плохо, так что

он оправдывался и клялся, что зеркало находится в безопасности и, как только будет прослежена биография Дороти Форест, оно найдется.

Гродно и Пегги при разговоре не присутствовали, и к счастью — довольно было и того, что они наблюдали на экране неудачный визит комиссара в прошлое.

В конце концов Милодар дал слово, что в течение недели ценности будут переданы владельцам, и сам увез Лицо в Монте-Карло, чтобы вельможа мог продолжить транжирить государственные деньги за столом рулетки, которую и держат-то в Монте-Карло, занятом под океанографический институт, для инопланетных лиц подозрительного происхождения, представляющих потенциальную опасность для Земли.

Надо сказать, что последующие сутки комиссар провел как во сне.

Через каждые полчаса он звонил в лабораторию, где ему издевательски вежливо сообщали, что пациент Орват еще не пришла в себя и общение с ней невозможно. Затем комиссар отвечал на запросы из Галактического центра и на звонки из Монте-Карло пьяного, но настырного Лица. Так что когда Лицо заявило, что продулось в пух и возвращается к Милодару, тот в ужасе перевел ему факсом половину своей утренней заработной платы за июнь.

Наконец к вечеру следующего дня Гродно разбудил комиссара, прикорнувшего, положив руки на стол, а голову на руки.

— Ваш агент, — сообщил профессор, не скрывая усмешки, ведь он понимал, в каком душевном состоянии находится шеф ИнтерГпола, — пришла в себя. Она может и хочет разговаривать с вами и все вам рассказать.

Милодар прилетел в лабораторию через двадцать минут, для чего ему пришлось нарушить правила движения в стратосфере — на штрафы пришлось отдать вторую половину заработной платы. Плохо, подумал он, сни-

жаясь над строениями института, дома остались только консервы «печень трески» и ванильные сухари.

Милодар ворвался в небольшую палату, где Кора возлежала на массажном столе спиной кверху, а массажистка из Японии стремительными движениями разминала ее опавшие мышцы.

— Привет, — оказал комиссар, словно случайно проходил мимо и заглянул на огонек. — С возвращением тебя.

— Здравствуйте, комиссар, — обрадовалась Кора. — У меня и на самом деле такое ощущение, будто я провела эти месяцы не в ванночке, а в далеком путешествии.

— Значит, ты была в контакте со своей прапрабабушкой? — спросил Милодар. — Это самое важное.

— Да, я была в контакте и не всегда хотела быть в контакте. Но внутренним взором я все время видела, что происходит вокруг Дороти. А это немало.

— Это немало, — согласился Милодар. — Но операцию ты провалила.

— Вы так думаете? — равнодушно спросила девушка. — Тогда я ничем не могу вам помочь.

— Нет, ты скажи, где предметы? Лицо из Эпидавра инкогнито в Монте-Карло мою зарплату проигрывает, а я не могу сказать, где вещи. Полгода ухлопали зря! Придется тебя гнать. Гнать в шею!

— За что? — спросила Кора, нежась под умелыми руками массивной массажистки. — За то, что я спала в гробу? За то, что я пожертвовала Организации полгода моей драгоценной жизни. За что, комиссар?

— Хорошо! — сказал профессор Гродно, который контролировал состояние Кору по приборам. — Реакции адекватные, возбудимость отличная. Физическое состояние мы восстановим через несколько дней.

— А где вещи? — упорствовал комиссар.

— Если я не ошибаюсь, комиссар Милодар, — сказала по-английски Кора, — то вы последний наш современник, который только вчера держал в руках Зеркало Зла. Где же оно?

— Но ты же знаешь, что это была моя голограмма! Не может же голограмма носить предметы за триста лет.

— С вами, комиссар, никогда нельзя быть уверенной, — возразила Кора. — Я не удивилась бы, если бы вы сейчас достали зеркало из-за пазухи.

Она сказала это так уверенно, что все присутствующие в комнате поглядели на комиссара в ожидании, что он вытащит зеркало и покажет.

— Простите, — мрачно произнес комиссар, — я не фокусник и голубей за пазухой не таскаю.

— А жаль, — сказала Пегги, давно уже разочарованная в комиссаре. Она назло ему напялила зеленый парик.

Массажистка быстро избила ребрами ладоней спину Кору, и ее руки спустились ниже талии девушки. Комиссар зачарованно следил за руками японки.

— Что же будем делать, комиссар? — спросила тогда Пегги, которой, по сути дела, не стоило бы вмешиваться в дела полицейские, но за полгода она настолько сжилась с приключениями в восемнадцатом веке, словно сама там жила.

— Да, что будем делать? — повторил вопрос комиссар, поворачиваясь к Коре.

— Будем искать, — ответила Кора. — Вы узнали дальнейшую судьбу моих предков?

— А ты? — спросил Милодар.

— Тогда вы начинайте, — сказала Кора, — а я буду вас поправлять. Ведь я могу лишь чувствовать, правы вы или нет, так как за эти полгода я как бы побывала внутри всех моих предков. Но зачастую я не понимала, с кем имею дело.

— Хорошо, — сказал Милодар. — Пегги, принеси мне кофе, только покрепче.

— Слава Богу, настоящий, — сказала Пегги и пошла в соседнюю комнату, где стояла кофеварка.

— По данным земных архивов, которые не всегда полноценны, за исключением Англии, давшей нам наибольшую долю информации, — произнес Милодар, поглядывая на дисплей карманного справочни-

ка, — некая Мэри-Энн Форест зарегистрирована в книгах города Лондона как вдова лесника Фореста. У нее было двое детей.

— Какое великое открытие, — заметила Пегги, ставя перед комиссаром чашку кофе. — Этого мы не знали!

— Пегги, я тебя умоляю! — остановил ассистентку профессор Гродно. — Держи себя в руках.

— Молчу, милый, молчу, — ответила та. — Тебе тоже кофе налить?

Из чего можно заключить, что, разочаровавшись в Милодаре, Пегги возвратилась к профессору.

— Двое детей, Майкл и Дороти. Но после 1804 года следы этого семейства исчезают. Мы даже не узнали, вернулась ли Дороти домой.

— Все правильно, — согласилась Кора. — Моя Дороти и Алекс не решились вернуться в Англию под своими именами. И правильно сделали. Они посетили Лондон, они видели Мэри-Энн и Майкла, они рассказали матери о переменах в их судьбе и о том, что теперь она — наследница лигонского престола. Конечно, это нелегко понять лондонской шляпнице, но старый мамин друг Фан подтвердил слова Дороти. Дороти поделилась с матерью своими богатствами, и та, взяв о собой Майкла, уплыла в Бирму. Сама же Дороти, пожив некоторое время в Лондоне под чужим именем, все же поддалась настойчивым уговорам жениха и уехала с ним в Италию, где они и прожили до тех пор, пока Наполеон не завоевал Польшу. Тогда путь на север был открыт. Когда они приехали в Польшу, то были женаты уже семь лет и у Дороти было двое детей — Тадеуш и Зося. Но здесь в моих чувствах наступает темная полоса... я не все вижу, не все понимаю... Наступает полоса горя, тоски, я чувствую это, но не все понимаю... Мне нужно понять, куда делся Александр Фредро, польский дворянин, владелец имения под Люблином.

Кора замолчала, ей было трудно говорить... все же отвыкла в саркофаге от речей, где слушала более шепот мыслей и шарканье веков.

— Ты говоришь — Александр Фредро? Какой год?

— Примерно 1810 год.

Милодар включил главный информаторий Земли. Польский отдел. Конечно, далеко не все поляки за последние тысячу лет попали в память информатория, но все хоть чем-то выдающиеся персоны в него были занесены.

Ответ на запрос последовал через минуту после того, как Милодар выпил чашку кофе и рассказал Коре о новостях шахмат и теннисе за последние полгода.

— Александр Фредро, майор легиона Домбровского, погиб в Италии в сентябре 1813 года. И все...

— Тогда мне ясно, почему в моем... в ее сознании нет нескольких лет. Для Дороги гибель мужа была столь ужасна, что... Не может быть, что он погиб!

И вдруг Кора разрыдалась, прибежал Гродно, велел Пегги принести капли Кошица, появилась медсестра, они все закружились, замелькали вокруг Кору, которую никак не могли вывести из истерики. Затем Милодара выгнали. Испытание памятью оказалось слишком сильным для Кору, она не выдержала его. Гродно потом объяснял комиссару, что срыв случился из-за того, что полгода Кора была связана с Дороти такими тесными мысленными эмоциональными узами, что разрыв их оказался опасным для психики агента. А известие о ранней гибели отважного штурмана доконало Кору.

В течение двух следующих дней Милодара не допускали до Кору. Лицо из Эпидавра проигрывало в Монте-Карло, а Милодар подключил большой компьютер, который производил поиски Дороти не только в Польше, но и в других странах. Ему удалось узнать, что через год после смерти Алекса Дороти оставила детей своей свекрови, оставила ей свое богатое имение, разоренное, правда, во время наступления русских войск, и исчезла. Дальнейшая линия наследственности, которая и привела к появлению на свет Кору Орват от Тадеуша и Зоси Фредро, обрывается. Что же стало с Дороти, так никто и не узнал.

Но на третий день, когда Кора окончательно пришла в себя, она сама позвонила Милодару и сообщила, что улетает на родину предков. Она постарается отыскать следы Дороти далеко от Польши... И если Милодар хочет, он может сопровождать свою сотрудницу.

— Куда? — спросил Милодар.

— Мною движут сентиментальные соображения, — ответила Кора. — Я видела Лиджи глазами Дороти, но далеко не всегда мне это удавалось. Я хотела бы посмотреть на место сражения мятежников с Эпидавра...

— Ты никуда не полетишь без меня! — заявил комиссар. — А я как раз туда собирался.

— Зачем?

— Искать Дороти.

— Значит, вы тоже подумали, что она может оказаться в Лигоне?

— Не полагай себя умнее прочих, — рассердился комиссар. — Я тоже умею рассуждать. Мы знаем, что Дороти исчезла. Исчезнуть ей некуда. Хотя одно такое место есть. Место, где находятся ее мать, ее дядя и брат. Это Лигон. Представь себе, Дороти находится в жуткой депрессии. Она потеряла мужа. Она хочет вернуться на родину, потому что в Польше ей больше делать нечего. Она говорит своей свекрови, что уезжает к маме. А что ей отвечает свекровь? Правильно, свекровь говорит: «Но не вздумай взять детей! Я тебе их не отдам!» Что может сделать Дороти? Она говорит тогда своей нелюбимой свекрови или своим знатным польским родственникам, что съездит к маме и вернется... И уезжает.

— И почему она не вернулась? — спросила Кора.

— Это мы узнаем с тобой через час, — сказал комиссар. — Я назначаю тебе встречу через час в центре города Рангун, у пагоды Суле.

— У пагоды Шведагон, — поправила его Кора.

— Шведагон не в центре, — не сдался комиссар, и на этот раз он оказался прав.

Из Рангуна, жаркого, душного, влажного, где комиссар и Кора съели мороженого в кафе у памятника маленькой бирманской женщине Аун Сан Су Чжи, отважно боровшейся сто лет назад за свободу и демократию в Бирме, они вылетели на такси в Лигонскую республику. Вскоре долина, разделенная на квадраты рисовых полей, начала подниматься, холмиться, дальше пошли леса, и за несколькими перевалами они опустились к широкой горной долине у городка Лиджи, милого курорта с целебными источниками.

— Узнаешь? — спросил комиссар.

— Нет, — честно призналась Кора, — я слишком давно здесь была. Даже горы стали другими.

Конечно, горы другими не стали, но город был современным и похожим на подобные курорты в Южной Европе, на Гавайях и в Грузии.

Поднятый по тревоге еще из Москвы сотрудник краеведческого музея в Лиджи Маун Нурия, далекий отпрыск правящей династии лигонских королей, встречал их на центральной площади, куда опустилось такси. Он был молод, робок, но преисполнен гордыни, как все лигонские княжата.

— Я заказал вам обед, сэр, — сообщил он комиссару.

— Некогда, некогда, некогда! — отвечал Милодар. — Нам нужна информация, и чем скорее мы ее получим, тем скорее улетим.

— Я не спешу, сэр, — ответил молодой человек, сохраняя чувство собственного достоинства.

— Зато я спешу. Где у вас музей?

— Вы стоите у входа в него.

— Тогда пошли внутрь. Здесь дует.

Считать, что на центральной площади Лиджи дует, было несправедливо. Там не дуло, а пел постоянный сильный ветер, который скатывался с гор и стремился к океану.

В надежной тишине музея, построенного в духе средневековых лигонских построек, правда, не из ти-

кового дерева, а из современного строительного пластика, комиссар потребовал, чтобы его вели в архивы.

— Зачем? — настороженно спросил Маун Нурия из лигонских князей. Ему комиссар совсем не нравился — в тихих горных городах не любят людей, примчавшихся из равнины на диком коне и с громкой боевой песней. А именно таким человеком и был комиссар.

— Мне нужно узнать, нет ли чего-нибудь у вас о Дороти. Дороти Форест, она же Дороти Фредро. Она же принцесса Лигона.

— В Лигоне не было принцессы с таким именем, — уверенно возразил молодой человек.

Они шли впереди с Милодаром. Милодар все время мысленно подгонял музейного сотрудника, а тот внутренне сопротивлялся и тормозил, из-за чего продвижение вперед получалось неровным, с толчками и пробежками.

Вдруг их остановил раздавшийся сзади крик Кору.

— Да стойте же! Вам не надо идти в архив.

— Что? — обернулся к ней Милодар. — Что еще?

— Подойдите сюда.

• Милодар подчинился настойчивому звучанию голоса.

— Вы узнаете эту женщину? — спросила Кору.

— Оу! — произнес Милодар. — Это она.

Он попытался прочесть написанное под портретом имя средних лет женщины, в которой нетрудно угадать Дороти. Но имя было написано по-лигонски.

— Кто это? — опросил Милодар.

Молодой человек ответил:

— Это королева Лигона Ма Доро. Или, как она более известна: До Доро. Это великая женщина и наша героиня.

— Доро... — Конечно же, Доро! — сказала Кору. — Как же я забыла, что здесь ее знают под этим именем.

Дороти почти не изменилась и в то же время изменилась сильно. Она была все так же хороша, и

так же густы были ее волосы, схваченные серебряным обручем, но глаза смотрели холодно и скулы были туго обтянуты кожей. Это была несчастная и гордая женщина.

— Расскажите о ней! — взмолилась Кора. И она произнесла эту просьбу так искренне, что молодой человек многое ей простил.

— Это наша героиня, — сказал он. — Она родилась и воспитывалась в другой стране...

— В Англии, — вмешался Милодар.

— Допустим, в Англии, — скрепя сердце согласился Маун Нурия, — куда ее мать, королева Ма Ин, попала в молодости...

— Знаем, дальше! — торопил Милодар.

— В начале девятнадцатого века ее мать возвратилась сюда и после гибели на охоте ее брата короля Бо Нурия, великого Чакравартина, Завоевателя Вселенной, разгромившего бирманские армии и пошедшего походом на Сиам...

— Неудачным походом, конечно, — заметил Милодар.

— После его гибели, — молодой человек игнорировал нахального мужчину и обращался только к Коре, — она взяла бразды управления Лигоном и, пока не умерла от лихорадки, отражала набеги сиамцев и бирманцев. Но во время ее последней болезни бирманцы уже вторгались сюда, взяли Лиджи, и остатки лигонских отрядов под командованием старого генерала Бо Пиньязотты укрылись в горах. И вот тогда к нам приехала До Доро! Великая дочь лигонского народа... — Молодой человек смахнул набежавшую слезу. — Она собрала лигонцев и племена, она напала на бирманский лагерь, и бирманцы бежали от нее... За десять лет она сделала так много... Так вы лучше прочитайте о ней в книге «Королева Доро — гордая дочь гордого народа», классическом труде о королеве...

— Обязательно прочтем, — согласилась Кора. — А что случилось потом?

— Потом в наши горы пришли англичане. Но они боялись нашу королеву. Они пригласили ее к себе на переговоры и там отравили.

— Неужели?

Молодой человек пожал плечами.

— Это версия не официальная. Официально считается, что на обратном пути королева попала в засаду, устроенную бирманцами, и была убита. Но вы ведь знаете, что королева обладала тайнами волшебства. Ни один враг не мог к ней приблизиться незамеченным.

— У нее было Зеркало? — воскликнул Милодар.

— Я не знаю о зеркале, — ответил экскурсовод, — но у нее был перстень, который предупреждал об опасности, и у нее был Венец Власти... Когда королева надевала его, ни один враг не мог приблизиться к ней ближе, чем на два шага. Но в ту поездку она его с собой не взяла... Вы, конечно, мне не верите, мне никто из иностранцев не верит, но лигонцы верят в это. Ведь не зря художник нарисовал королеву в венце... Этот венец она принесла из леса, говорят, она знала там место, где боролись гиганты. Вы не верите?

— Верим, верим! — завопил комиссар. — Где этот венец? Что вы с ним сделали, куда вы его выкинули? Как вы его погубили?

— Зачем так говорить? Это сокровище нашего народа. Вон тот венец. Вон он лежит, под бронированным стеклом.

Милодар кинулся к витрине.

Венец Власти, сокровище империи Эпидавр, мирно покоился на витрине.

А Кора, глядя на него, вдруг вспомнила увиденную глазами Дороти сцену в горном лесу — блеск странного металлического кольца на стволе бамбука... Как же Дороти потом догадалась, что этот обруч обладает особенными свойствами? Наверное, первым о том узнал Бо Пиньязотта. Впрочем, Дороти была не глупее меня, и если у нее уже было зеркало, обладавшее особыми свойствами, почему бы ей не искать не-

обычные качества и в других реликвиях битвы звездных людей?

— Мне нужен этот предмет! — заявил Милодар. — Немедленно вызовите директора музея!

— Если вы намереваетесь отобрать у лигонского народа его святыню, то берегитесь, — заявил Маун Нурия, который отлично помнил, что он принадлежит к королевскому роду своей страны. — И сначала вам придется перешагнуть через мой труп.

— Это пустяки, — сказал Милодар, окинув взглядом будущий труп.

— Затем вам, комиссар, — сказала Кора, — придется перешагнуть и через мой труп. Не забудьте, что я тоже наследница трона Лигона.

— Вот именно! — сразу согласился молодой человек. — В вас есть что-то благородное.

— Еще этого не хватало. — Милодар схватился за голову. И он понял, что ко всем прочим осложнениям добавились осложнения историко-патриотические.

* * *

Первое слушание дела «Империя Эпидавр против Краеведческого музея королевства Лигона» началось на следующий же день, потому что Лицо Империи, узнав о находке в музее от Милодара, тут же разорвало дипломатические отношения с Землей, пригрозило войной на истребление и обещало взорвать, к чертовой бабушке, все Лигонское королевство.

Лигонские власти в ответ сообщили, что готовы начать мобилизацию ополчения и не боятся происков империи Эпидавр. Так что судебные действия начались мгновенно, пока еще молчали пушки. А Кора, проснувшись пораньше, полетела в Россию, на Вологодчину, в деревню Пьяный Бор, к бабушке Насте, хранительнице преданий и легенд рода Орватов и породненных семейств.

Милодар сказал, что присоединится к Коре попозже, завершив дела в суде, так как на него теперь выпало и предотвращение галактической войны.

Так что Кора после долгого перерыва попала в родную бабушкину деревню совершенно одна и была тому рада.

Причудливо извивалась речка, расходясь прудом у запруды, некогда там стояла мельница. Дома единственной улицы были обращены к речке огородами, у некоторых возле реки стояли бани. Кора посадила флаер между сливами, куры разбежались в стороны, гусь Мартин пошел в атаку, вытянув вперед длинную шею и шипя, как небольшой дракон. Бабушка Настя развешивала белье, она помахала внучке свободной рукой, не прерывая своего занятия, а потом сказала:

— Попьешь на кухне парного молочка, потом почишишь картошки.

— Бабушка! — Кора поцеловала старушку и хотела было объяснить ей, что ее привели в деревню сообщения высокой галактической важности, но бабушка лишь нахмурила брови, и Кора покорилась, причем покоряться было приятно, потому что вокруг царила тишина, гудели пчелы, чирикали птички, и никто не думал о заговорах, войнах и уничтожении инопланетников.

Кот Колокольчик сладко спал в горнице под столом. При звуке шагов Кору он проснулся и, потрясенный, широко растворил глазищи, от избытка чувств упал на спину — лапы кверху и заурчал, как генератор.

Приласкав котика, Кора вынесла кастрюлю с картошкой на боковое крылечко и, пока бабушка Настя кормила домашнюю птицу, задала такой вопрос:

— Бабушка, у тебя осталось что-нибудь из семейных реликвий?

— Ты потоньше кожуру-то отрезай, — ответила бабушка Настя. — И что вообще за дела? Полгода ни слова, ни звонка, ни-строчки, потом заявляется и с места в карьер — допрос! Где тебя такому учили?

— В полицейском училище, — честно ответила Кора. — Допрос надо начинать тогда, когда ваша жертва к нему не готова, брать надо сразу за рога и гнуть к земле.

— Поняла, моя внученька, — улыбнулась бабушка. — Так где ты пропадала?

— Я вечером расскажу, за традиционным чаем, — сказала Кора. — А сейчас скажи, пожалуйста, нет ли у тебя в сундучке каких-нибудь предметов семейной старины, на тебя вся надежда. Мы нашли одну мою прапрабабушку, которая умерла в Юго-Восточной Азии, но в музее в ее честь ничего не нашли, а найти надо, иначе Эпидавр уничтожит Лигонское королевство.

— Ну, спасибо, объяснила. — Бабушка позволила иронии прозвучать в ее словах. — А что твоя прапраделала в этой Юго-Восточной Азии?

— Разумеется, боролась за национальную независимость.

— Ах, да, разумеется! У нас в роду все такие. И что она чужого взяла?

— Где-то у нас в семействе должно сохраниться серебряное зеркало на ручке, ну точно такое, какие изображают в сказках о спящей царевне: «Свет мой, зеркальце, скажи!»

— А, — сказала бабушка равнодушно. — Ты, наверное, имеешь в виду Зеркало Зла? Оно лежит на самом дне сундука, чтобы дети не добрались. С ним надо осторожнее, а лучше и вообще не трогать.

— Почему? — спросила, вскакивая, Кора.

— Это зловещая вещь. В ней не отражается человек, который смотрит в зеркало, а отражается его враг. Порой для дипломатических интриг это, может, и полезно, а для нашей тихой, деревенской жизни от такого зеркала один вред. Ну, посмотрю я в него и увижу в нем Гаврилу, Гаврилу Тихоновича, который на меня скалится. А он потому на меня скалится, что мой теленок его мичуринские помидоры сжевал. Если я поверю зеркалу, то придется мне брать бластер и проделывать в Гавриле три пробоины, но разве это по-соседски?

— Ой, бабушка, хитрая ты у нас! — воскликнула Кора и исчезла в доме. А бабушка Настя, покормив птиц, пошла в дом, чтобы ставить обед в печку.

Кора стояла на коленях перед сундуком. На кровати и стульях лежали старинные юбки, буденовка, парасоль, мундир кавалергарда, гимнастерка с тремя шпалами и маленькими танками в петлицах, тельняшка, матроска и много различных одежд, которые накопились за сто, а то и больше лет... Не нужно, а выбросить жалко. Кора так засмотрелась на одежды, что забыла, зачем она залезла в сундук. Так что, когда в избе возникла голограмма комиссара Милодара и спросила громко: «Ну нашла ты что-нибудь или опять пустой номер?» — Кора испуганно вскочила, вспомнив, зачем она здесь, и начала рыться в сундуке, как собака в куче листьев в поисках убежавшей полевки. Зеркало Зла было обернуто в старые кружева, и Кора чуть было не выкинула трофей в общую кучу. Но Милодар уловил блеск потемневшего серебра и коршуном двинулся к зеркалу.

Тогда и Кора увидела Зеркало.

Она взяла его и заглянула внутрь. Там клубился белый дым и виднелось неясное лицо...

— Кто там? — спросил Милодар, заглядывая через плечо.

— Ах, так... один человек, — сообщила Кора. — Только я не думала, что он такой злопамятный.

— Говори, кто!

— Гавриков из Управления транспорта. Я ему еще семь месяцев назад твердо сказала, чтобы он ни на что не рассчитывал.

— Значит, плохо сказала, — ответил Милодар и попытался, опять же безрезультатно, отобрать зеркало.

— Я завтра вернусь домой, — сказала Кора. — И не спорьте, комиссар. Ничего с Зеркалом не случится.

— Ни в коем случае!

— Могу же я получить один выходной за полгода!

— Ты полгода валялась и ничего не делала!

— Повалайтесь с мое, комиссар! — твердо ответила Кора, положила зеркало на видном месте и пошла переодеваться. Она полгода мечтала погулять по лугам в белом сарафане.

Конечно же, Милодар тем же вечером прислал фельдъегеря с охраной для изъятия Зеркала Зла. Бабушка взбунтовалась и, хотя была она человеком ангельского характера, встала на защиту рубежей, подобно былинным богатырям, потому что считала, что Зеркало — фамильная ценность семейства Орватов и не дело Коре разбазаривать то, что нажито предками.

Ночью Милодару пришлось явиться в истинном виде. Он долго стучался в дом, перебудил всю деревню. Полкан, тот самый, который принадлежал Гавриле, чуть не разорвал его.

Уже забрезжил рассвет, когда комиссар покинул деревню с Зеркалом в цепкой руке. Бабушка Настя плакала в курятнике, Кора ушла в поле.

Пели соловьи. Им тоже не спалось.

Кора уже не в первый раз в жизни разрывалась между долгом и чувством справедливости, между любовью к справедливости и любовью к родным пенатам.

— Обойдемся, — сказала Кора бабушке, возвратившись с полей.

Вставало мокрое от росы солнце. Соловьи пошли спать, уступив сцену малиновкам.

— Не Зеркало важно, а принцип, — сказала бабушка. — Если можно у гражданина отобрать вещь, мотивируя изъятие интересами отечества, то куда мы завтра придем?

— Трудно ответить, — сказала Кора.

— Тогда я пойду Маруську доить, — сказала баба Настя, — а ты приберись, вымой пол, поставь самовар.

Когда утренние заботы были позади, бабушка и внучка сели за стол завтракать. Было тепло, котик Колокольчик улегся у ног Кору. За окном пастух вел стадо к лесу, Маруська сама открыла рогами калитку, чтобы присоединиться к товаркам.

— Меня беспокоит твоя незащищенность, — сказала баба Настя. — Хотя я и забыла, честно говоря, об этом зеркале, но я бы о нем обязательно вспомнила,

не сегодня завтра, как только прошел бы приступ маразма. Теперь поздно. Кто-то другой воспользуется сокровищами нашего семейства.

— Честно говоря, наши сокровища родом из Эпидавра. Только их мятежники украли лет триста назад, а потом передрались и все бросили на Земле.

— Вот я и говорю, — согласилась бабушка. — Не надо было бросать. Что с возу упало, то пропало...

Бабушка не допила чай и пошла в угол, к своей заветной шкатулке, где хранились любимые мелочи — незаменимый наперсток, бусы, купленные к совершеннолетию, запонки дяди Матфея, жемчужные пуговицы, украшения, некоторые из них поломанные.

— Должна быть еще одна штучка, — сказала баба Настя, вываливая барахло на стол.

Кора включила телевизор. Колокольчик подошел к телевизору и уселся возле него. Он любил смотреть новости.

Показывали забастовку шахтеров, аварию корабля у Паталинутры, речь президента по поводу повышения минимальных пенсий ветеранам.

— Во! — воскликнула бабушка. — Лет двадцать как забыла! И не нужно нам с тобой зеркало, если есть колечко... Это колечко мне досталось от моей бабушки, и надеюсь, никакие пришельцы не будут на него претендовать. Кому нужно такое незаметное колечко...

Баба Настя протянула Коре скромное серебряное колечко с розовым камешком, почти сравнявшимся с кольцом от долгого ношения.

— Стой! — Кора вспомнила колечко. Оно же было на пальце Дороти! Дороти глядела на камешек, не потемнел ли он... Почему? Потому что камень темнел, когда приближалась опасность. А что означает Перстень Угрозы? Впрочем, а не лучше ли забыть о том, где ты видела и что ты видела...

В новостях начался следующий сюжет:

Отлет с Земли Лица империи Эпидавр. Лицо, возможно, опухшее после бурных ночей в Монте-Карло (физиономии все равно не разглядишь), выражает ис-

кренную признательность сотрудникам Лаборатории Генетической памяти Института Номер Шесть — крупный план профессора Гродно и лукаво улыбающейся желтоглазой Пегги, — а также руководству ИнтерГпола, в частности, комиссару Милодару (улыбка Милодара, шевелюра Милодара, но глаза прикрыты черной планкой, чтобы кто-нибудь не узнал). Теперь исторические реликвии (крупным планом Зеркало Зла и Венец Власти) обретут своих законных хозяев. Подробности в вечернем выпуске новостей...

— О тебе ни слова, — сказала баба Настя. — И ты после того отдашь им колечко?

— Оставлю себе на память, — согласилась Кора. — Мало ли какие мне встретятся в жизни угрозы...

Колокольчик широко зевнул. Потом напрягся, вытянулся в воздухе, сиганул стрелой в открытое окно и умчался в лес охотиться на лис и зайцев.

— Хоть недельку побудешь? — спросила баба Настя.

— К сожалению, — ответила Кора, — отпуск за этот год я уже отгуляла.

— Где?

— Я проспала его в саркофаге.

— Понимаю, — сказала баба Настя. Она и не пыталась разгадать шуток внучки. — Тогда пойди и прополи клубнику. Перед соседями стыдно.

Оглавление

ГЛАВА 1	Талисманы империи	5
ГЛАВА 2	Происшествие на Пикадилли	42
ГЛАВА 3	Как опасно быть горничной	69
ГЛАВА 4	Пираты Индийского океана	113
ГЛАВА 5	В плену у Сюркуфа	160
ГЛАВА 6	Спасти, чтобы погибнуть	199
ГЛАВА 7	Лигонская принцесса	251
ГЛАВА 8	Поле битвы демонов	293
ГЛАВА 9	Темница для принцессы	334
ГЛАВА 10	Возвращение сокровищ	389

серия ЭНЦИКЛОПЕДИИ «AD MARGINEM»

В составе серии энциклопедии:

- Колдовства и демонологии
- Суеверий
- Мистики XX века
- Мистических терминов
- Третьего рейха
- Знаков, символов и эмблем
- Супергероев

Энциклопедии издательства "Миф", входящие в эту серию, предлагают читателю окунуться в мир загадочных маргиналий, которые всегда волновали воображение человека. Полнота охва-

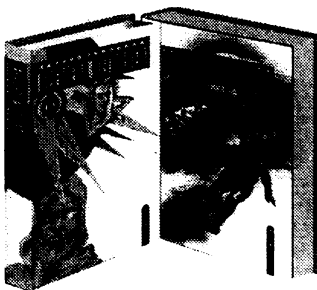
та тем, наличие современного материала, строгость наряду с ясностью и простотой изложения, обилие уникальных иллюстра-

ций, высокое качество полиграфического исполнения – подобных энциклопедий в России еще не издавалось!

Все книги формата 70x100 1/16 (24x17 см), в твердом целлофанированном переплете, отпечатаны на плотной бумаге, содержат сотни иллюстраций. Средний объем тома - 560 с.

В квартал выходит 1 книга.

серия СОВР. РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

Издательство "Локид" приступило к выпуску серии остросюжетной современной российской фантастики. Вниманию читателей будут предложены книги только отечественных авторов. Фэнам фантастики предоставляется уникальная возможность прочесть новые романы и повести уже известных и, несомненно, полюбившихся писателей, а также узнать новые, безусловно, яркие имена молодых фантастов. Серию отличает оригинальное красочное оформление.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия СОВР. РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наиболее популярная у читателей серия представлена лучшей прозой отечественных мастеров детектива, чьи имена не требуют особого представления, — Э.Хруцкий, Д.Корецкий, Н.Леонов, Л.Словин, Ф.Незнанский, Э.Тополь, С.Высоцкий, Н.Александров, Б.Бабкин и др. Они пишут об ужасах сегодняшнего дня — заказные убийства, похищения людей, разборки между преступными кланами, погони...

Книги нашей серии удовлетворят вкус не только любителей модных ныне триллеров, но и поклонников криминальных романов, психологических драм.

Серию отличает добротное красочное оформление, хорошая печать.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 3-4 книги.

серия УРАГАН ЛЮБИ

Серия романов о любви, написанных как в прошлом веке, так и в наши дни. В числе их авторов — не только те, чьи имена давно и хорошо известны, но и те, кого только сегодня открывает издательство своим читателям.

В этой серии есть все: роковая страсть и слепая ревность, случайные встречи и вероломные предательства, коварные соперницы и подлые завистники, наивные героини и многоопытные герои.

Серия адресована не только почитателям сентиментального чтения, но и любителям крутых сюжетов, ярких характеров и нетрадиционной развязки привычных ситуаций.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с. В месяц выходят 1-2 книги.

серия БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Для любителей крутых сюжетов издательство задумало новую серию – "Белый лебедь". Она составлена из супердетективов суперавторов! Начинают серию бестселлеры – триллеры уже известного многим Бориса Бабкина. Любители жанра откроют для себя новые, молодые, яркие, талантливые имена; среди них – Платон Обухов. Проза молодых писателей отличается тем, что многое из того, о чем они пишут, авторы испытали на себе. Поэтому их сюжеты исключительно правдоподобны и безумно интересны.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$ (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия СОВР. РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ (обложка)

Библиотека в вашем кармане!

Издательство "Локид", заботясь о своих читателях, печатает малым форматом лучшие произведения лучших авторов серии "Современный российский детектив".

Красочное оформление, формат 72x108 $\frac{1}{32}$ (17x11 см), мягкая обложка, рельефное тиснение золотом, в книгах в среднем по 360 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

Дорогой читатель!

Если Вас заинтересовали предложенные серии книг, то для их получения необходимо заполнить отрезной купон и отправить его по адресу:

101000 Москва а/я 559, «ЛОКИД», Л 17

Все книги, по мере их выхода в свет, будут рассылаться по почте наложенным платежом без предварительной оплаты.

Вы оплачиваете только отпускную стоимость книги и услуги по доставке

Да, я подписываюсь на книги следующих серий:

серия	кол-во экз.
«Угалан любви»	_____
Энциклопедии «AD MARGINE»	_____
«Совр. российский детектив»	_____
«Совр. рос. детектив» (обложка)	_____
«Белый лебедь»	_____
«Совр. российская фантастика»	_____

подпись заказчика _____

Ф.И.О. _____

Адрес: _____

индекс _____

Убедительная просьба:

- купон заполнять печатными буквами;
- в колонке «Кол-во экз.» указать, сколько книг серии Вы хотели бы получать в месяц;
- если же Вам удобнее отправить заказ на почтовой открытке, то не забудьте указать на ней название серии и количество экземпляров, которые Вы хотите получать ежемесячно.

**По вопросам
оптовых закупок
книг издательства «ЛОКИД»
обращаться по телефонам:**

(095) 265-36-71 (Москва)

(095) 267-21-22 (Москва)

(0172) 24-31-15 (Минск)

(3432) 53-16-82 (Екатеринбург)

**Крупным оптовикам предоставляется
эксклюзивное право
на распространение книг издательства
в своем регионе**

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

ЗЕРКАЛО ЗЛА

*Книга четвертая
эпопеи «Галактическая полиция»*

Редактор *Н. Беркова*
Художники *А. Гусев, А. Яцкевич, А. Таранин*
Художественный редактор *Е. Афанасьева*
Технический редактор *В. Котова*
Верстка *А. Галимов*
Компьютерное цветовоеделение *В. Снежко*
Корректор *С. Цыганова*

Издательская лицензия
ЛР № 063957 от 15.03.95 г.

Подписано в печать 04.01.97. Формат 84х108 ¹/32.
Гарнитура «Таймс». Бумага газетная. Печать офсетная.
Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 20,1.
Тираж 16 000 экз. Заказ № 2312

Издательство «Локид»
129110, Москва, ул. Трифоновская, д.56

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Злодеи прошлого,
настоящего и
будущего —
трепещите!

Сотрудник ИнтерГпола
Кора Орват снова в
строю. Четвертая
книга эпопеи

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ»

популяр-
нейшего
русского
фантаста —
продолже-
ние при-
ключений
отважной
Коры. Интере-
сы некой
звездной им-
перии пересе-
каются с династийны-
ми тайнами неболь-
шого королевства, та-
инственная реликвия
оказывается в центре
хитро закрученной
интриги. Коре предсто-
ит ее распутать...

КИР БУЛЫЧЕВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

